

Великая Отечественная: цена Победы
Валерий Абатуров

1941

На Западном направлении

Великая Отечественная: цена Победы

Валерий Абатуров

1941

На Западном направлении

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2007

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622
А 13

Оформление *П. Волкова*

Абатуров В. В.

А 13 1941. На Западном направлении / Валерий Аба-
туров. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 448 с. — (Великая Оте-
чественная: Цена победы).

ISBN 978-5-699-24350-1

Западный фронт. 1941—1942 гг. Самое важное направление, са-
мые страшные годы. Арена ожесточенных сражений и боев, когда не
только Красная Армия, но и государство в целом не раз находилось
на грани катастрофы. Ужасные поражения первых месяцев войны
ничему не научили высшее государственное и военное руководство
страны. Стремление как можно быстрее изменить ситуацию, перене-
сти боевые действия на территорию противника без учета объектив-
ных условий вместе с ошибками в оценке обстановки, выборе вида
боевых действий и способов применения сил и средств лишь услож-
няло положение советских войск и привело к огромным потерям в
людях и боевой технике.

Автор рассматривает войну не как простое движение стрел на кар-
тах стратегических и оперативных штабов, а как сложный многосто-
ронний процесс, которому присущи победы и поражения, достиже-
ния и ошибки, героизм и трусость, готовность к самопожертвованию
и предательство. Центральное место в этом процессе занимает чело-
век, советские солдаты и офицеры, которые в невероятно трудных
условиях честно выполняли воинский долг, расплачиваясь своей
кровью и жизнью за промахи и упущения руководства страны и армии.

Насколько успешными были действия Красной Армии, какова
цена побед и поражений, какие проблемы и критические моменты
возникали в ходе сражений, какими методами осуществлялось руко-
водство боевыми действиями, в каких условиях сражались войска —
воот те вопросы, на которые отвечает автор в этой книге.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-24350-1

© Абатуров В. В., 2007
© ООО «Издательство «Яуза», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Глава 1

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

Как известно, войска одного из наиболее сильных в СССР военных округов — Западного Особого, преобразованного 22 июня 1941 г. в Западный фронт, в течение первых недель военных действий потерпели катастрофическое поражение, понесли огромные потери в людях, вооружении, военной технике и запасах материально-технических средств. Они были вынуждены оставить врагу западные и центральные районы Белоруссии, включая столицу республики — Минск. На протяжении послевоенных десятилетий политическое и государственное руководство Советского Союза пыталось оправдать причины поражения советских войск в начальном периоде войны «внезапностью нападения противника» и его «значительным превосходством в силах и средствах». Однако исследования последних лет показали не только то, что данные доводы являются безосновательными, но и то, что истоки поражения следует искать в довоенной политике Сталина и его окружения, в устаревших взглядах на характер и содержание возможной войны и ее начального периода, в недооценке противника, в перекосах в строительстве советских Вооруженных Сил в предвоенные годы, в ошибочных подходах к их стратегическому развертыванию и применению.

Если обратиться к официальным взглядам на начальный период войны в конце 1930-х гг., то они сводились к

следующим положениям. Во-первых, современные войны не объявляются, а начинаются внезапно, вероломно. Поэтому уже в мирное время должны быть созданы могучие армия и флот, находящиеся в постоянной боевой готовности. Во-вторых, война начнется крупными силами, но не основными. В это время главные силы будут завершать мобилизацию, продолжат стратегическое развертывание и сосредоточение под прикрытием первого эшелона. В-третьих, в ходе начального периода войны армии приграничных округов, широко применяя авиацию, бронетанковые и механизированные войска, отразят нападение противника и перенесут боевые действия на его территорию; одновременно завершатся мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил¹.

Однако эти установки во многом уже не отвечали изменившимся условиям развязывания войны. Это со всей очевидностью выявилось при нападении Германии на Польшу, а затем при разгроме Франции. И в том и в другом случае Германия нанесла удар скрытно отмобилизованными и развернутыми главными силами. Нельзя сказать, что это обстоятельство осталось в СССР незамеченным. «Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе, — писал преподаватель Академии Генерального штаба Г.С. Иссерсон. — Она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов»².

Новые явления в содержании начального периода отмечал и С.Н. Красильников в труде «Наступательная армейская операция», изданном в Академии Генерального штаба в 1940 г. Он писал: «Начальный период войны

¹ История военной стратегии России. — М., 2000. — С. 225.

² Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн. — М., 1940. — С.29.

не является ныне подготовительным этапом войны, так как подготовительным этапом становится предвоенный более или менее длительный период, в который могут быть проведены полностью или частично все мероприятия, ранее составлявшие содержание начального периода войны... Начальный период непосредственно и постепенно перерастает в период главных операций, а грань между этими периодами стирается»¹.

К сожалению, эти и другие выводы и обобщения передовой военно-теоретической мысли не стали в полной мере официальными взглядами, не были учтены в практике военного строительства и подготовке Вооруженных Сил. Главным Командованием Красной Армии были проигнорированы верные и научно обоснованные рекомендации военной науки. Об этом свидетельствуют и материалы декабрьского (1940 г.) совещания руководящего состава РККА, на котором наряду с другими важными вопросами обсуждалось и нападение Германии на Польшу. При этом были отмечены внезапность нападения, решающая роль авиации и танковых войск в ведении маневренной войны и нанесении мощных ударов по противнику в самом ее начале. В то же время считалось, что внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне с небольшим государством. Для нападения же на Советский Союз противнику потребуется определенное время, чтобы отмобилизовать, сосредоточить и развернуть основные силы.

Принципиальные изменения в характере и содержании первых операций начального периода войны не учитывались и в практике оперативной подготовки штабов объединений Красной Армии. Так, основным вопросом сборов армейских управлений Западного Особого военного округа в октябре — ноябре 1940 г. являлись опера-

¹ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). — М., 1974. — С. 487.

ГРУППА АРМИЙ
"СЕВЕР"

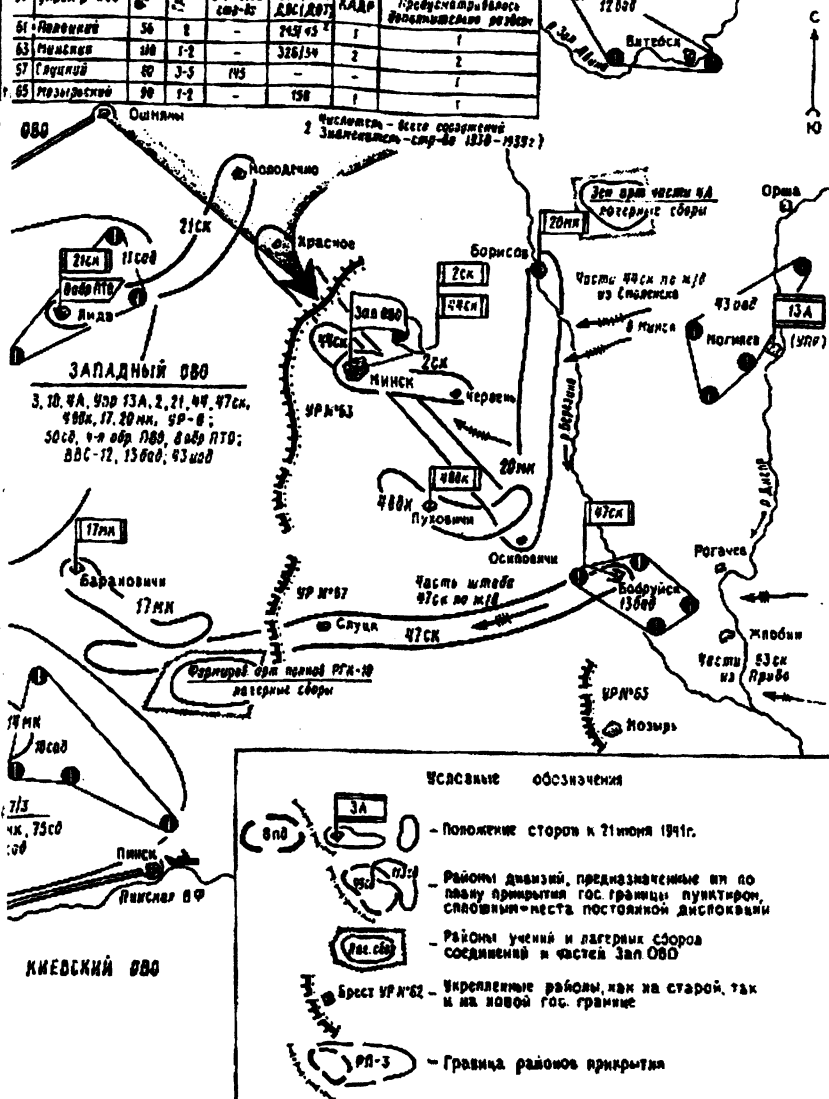
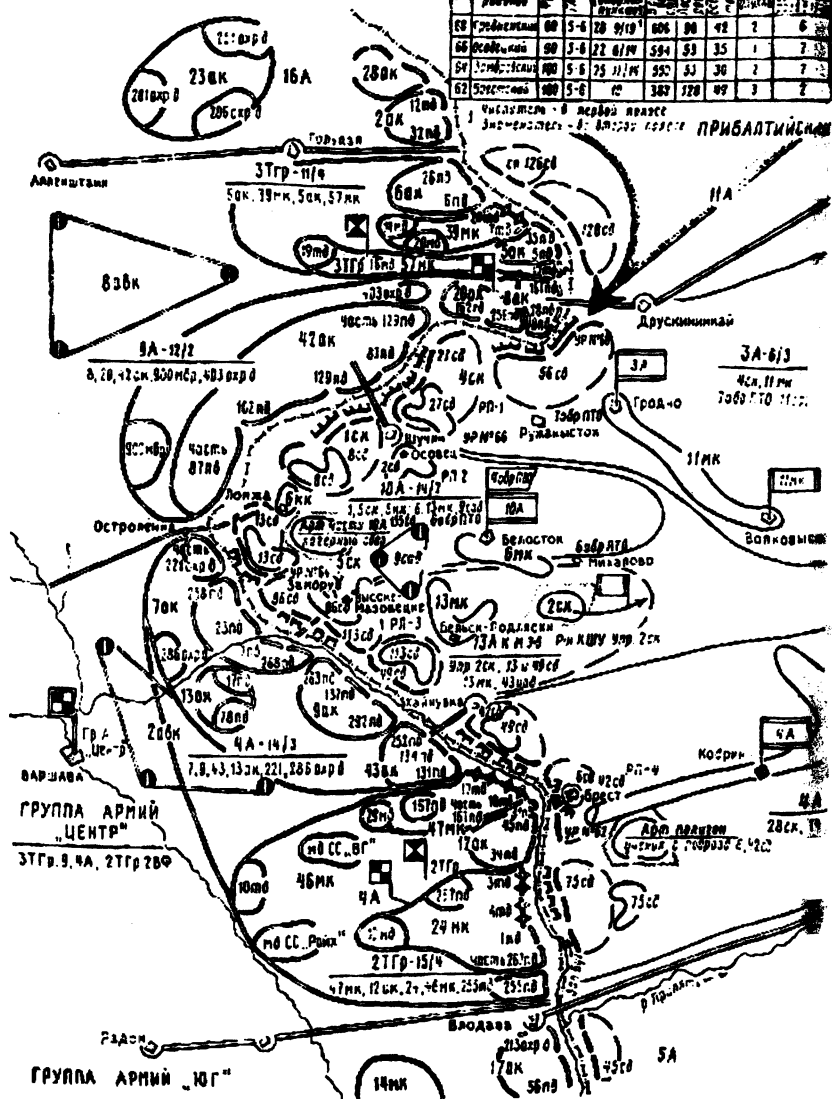
Составные соединения войск по состоянию на 15.01.1941 г.

№	Наименование	Силы	Средства	Снабжение	Связь	Средства связи	Средства связи
60	Резервный	80	15-6	20	910	806	90
66	Особый	90	15-6	22	810	594	53
67	Специальный	100	15-6	25	1100	952	30
62	Специальный	100	15-6	25	1100	389	120

Учитываются в первом классе
Зимний состав - 2. Зимний состав

Составные соединения войск по состоянию на старую границу (1920-1939) по плану прикрытия

№	Наименование	Формы	Силы	Или-до ДС		Положение от границы	
				В строю	Гос. граница	КАДР	Предусмотрены
61	Полковой	56	2	-	242	43	2
63	Роты	180	1-2	-	326	134	2
67	Специальный	60	3-5	195	-	-	1
65	Резервный	90	1-2	-	150	-	1

- Символические обозначения
- 8000 (символ) - Положение сторон к 21 июня 1941 г.
 - 8000 (символ) - Районы дивизий, предназначенные по плану прикрытия гос. границ: пунктиром, сплошными - места постоянной дислокации
 - 8000 (символ) - Районы учений и лагерей сборов соседних и частей Зап ОВО
 - 8000 (символ) - Брест УР №62 - Укрепленные районы, как на старой, так и на новой гос. границе
 - 8000 (символ) - Граница районов прикрытия

Оперативное развертывание Западного Особого военного округа по плану прикрытия

ции начального периода Первой мировой войны(!), по которым читались лекции, заслушивались доклады, решались оперативные задачи. И это в то время, когда в Европе уже более года шла Вторая мировая войны, наглядно показавшая принципиально иной подход к началу военных действий. Несмотря на это, в одной из директив начальника Генерального штаба РККА указывалось: «В основе оперативных заданий при отработке темы начального периода войны исходить из основного предназначения этого периода — проведение мобилизации, сосредоточения и развертывания главных сил при успешных действиях войск армии прикрытия»¹. При этом предполагалось, что с момента начала войны между Германией и СССР как той, так и другой стороне потребуется не менее двух недель для сосредоточения и развертывания главных сил.

Исходя из основных концептуальных установок на начальный период войны считалось, что боевые действия в нем будут вести армии прикрытия, которые в ходе оборонительных операций обеспечат сосредоточение и развертывание главных сил, предназначенных для нанесения ответного удара. Не исключалась возможность, что при определенных благоприятных условиях армии прикрытия совместно с резервами приграничных военных округов еще до завершения развертывания главных сил смогут задержать наступление врага, нанести контрудары и перенести боевые действия на его территорию.

Таким образом, в то время, когда для СССР назревал самый тяжелый вариант начального периода надвигавшейся войны, когда Германия готовилась осуществить нападение заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми главными силами, советское

¹ Абатуров В.В. и др. На земле Беларуси: канун и начало войны. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны. — М., 2006. — С. 123.

военное руководство собиралось проводить необходимые мероприятия или в начальный период войны, или в так называемый «особо угрожаемый военный период», который мог наступить непосредственно перед началом войны. К тому же считалось безусловным, что с первых дней войны центр тяжести военных действий перенесется со своей территории на территорию противника, и, самое главное, перестала учитываться возможность того, что он может упредить Вооруженные Силы СССР в сосредоточении и развертывании своих группировок и начать войну заранее отобилизованными главными силами.

Данные концептуальные установки, в которых преобладала идея быстрого переноса боевых действий на территорию противника, Главное Командование Красной Армии пыталось воплотить в конкретных документах по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил на случай войны. Так, в соответствии с докладом «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. планировалось на первом этапе активной обороной прочно прикрыть западную границу в период сосредоточения советских войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР; на втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести ему поражение и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление в направлении Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер¹.

В соответствии с оценкой группировок немецких войск и общим замыслом отражения их нападения намечались два варианта стратегического развертывания главных сил Красной Армии на западе. В одном случае они могли быть развернуты к югу от Брест-Литовска, а в

¹ Абатуров В.В. и др. На земле Беларуси... С. 131.

другом — к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны.

В первом варианте («южный»), с развертыванием главных сил к югу от Брест-Литовска, была выражена идея создания наступательно-оборонительной группировки. Главная роль отводилась Юго-Западному фронту. Его задача состояла в том, чтобы во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести поражение люблинско-сандомирской группировке немецких войск и выйти в дальнейшем на р. Пилица и верхнее течение р. Одер. Следовательно, наиболее сильная в то время по своему составу армия Западного фронта — 4-я — предназначалась с началом военных действий для решения не оборонительных, а наступательных задач совместно с войсками Юго-Западного фронта.

Задача остальных сил Западного фронта заключалась в прикрытии минского направления и одновременно в нанесении совместно с Северо-Западным фронтом удара в общем направлении на Аленштейн с тем, чтобы сковать немецкую группировку, сосредоточенную в Восточной Пруссии. Из всего этого следует, что главную группировку войск Генеральный штаб планировал развернуть к югу от Брест-Литовска, т. е. против неосновных сил противника, чтобы мощным ударом на люблинско-бреславском направлении на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, вывести их из войны, лишив тем самым нацистский рейх важнейших экономических баз.

Во втором варианте («северный»), с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска, замысел сводился к тому, чтобы в течение 20 суток, перегруппировав и сосредоточивая войска, используя укрепленные районы, активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого клини-

вания противника на советскую территорию. В последующем (на 25-е сутки мобилизации) войсками Западного и Северо-Западного фронтов перейти в наступление, нанести поражение главным силам вермахта и овладеть Восточной Пруссией. Одновременно войсками Юго-Западного фронта, прикрывая частью сил Западную Украину и Бессарабию, нанести поражение ивангородско-люблинской группировке немецких войск и выйти на среднее течение Вислы.

5 октября 1940 г. доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940—1941 гг.» обсуждался руководителями партии и правительства. В ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. 14 октября доработанный вариант плана («южный») был представлен правительству на утверждение. В нем Юго-Западному фронту ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау. По другому варианту («северный») основная группировка войск развертывалась в полосе Западного и Северо-Западного фронтов. Разработку «южного» и «северного» вариантов плана на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г.

Разработанные в оперативных планах варианты действий проверялись на учениях, в частности на двух оперативно-стратегических играх, первая из которых состоялась 2—6 января 1941 г. и проводилась на северо-западном, а вторая — 8—11 января на юго-западном направлении. Эти игры были необычными по уровню и масштабу. К ним привлекалось все высшее военное руководство: нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко (он руководил играми) и начальник Генерального штаба РККА генерал армии К.А. Ме-

рецов, их заместители, генерал-инспектора родов войск, командующие войсками и начальники штабов военных округов, командующие армиями и другие командиры и начальники высшего звена¹. Игры охватывали территорию СССР от Балтийского до Черного моря, а также территории сопредельных стран от Германии до Румынии. Со стороны «восточных» (под которыми подразумевался СССР), как и со стороны «западных» (Германия) и их союзников, действовали фронтовые и армейские объединения, крупные формирования танковых войск и кавалерии, выполнявшие свои задачи в соответствии с рекомендациями декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА и с учетом опыта операций Второй мировой войны.

В первой игре Северо-Западный фронт «восточных» возглавлял командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов, а противостоявший ему Северо-Восточный фронт «западных» — командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков. Во второй игре их поменяли сторонами: Юго-Западным фронтом «восточных» командовал Г.К. Жуков, с противоположной стороны — Юго-Восточным фронтом — Д.Г. Павлов, а Южным — командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант Ф.И. Кузнецов.

В играх были четко обозначены намерения сторон: вермахт собирался нападать, Красная Армия планировала отразить нападение и затем перейти в наступление. Однако если германское командование рассматривало действия своих войск после нападения шаг за шагом, то в играх, проведенных Генеральным штабом РККА, никаких задач, связанных с действиями «восточных» по отражению агрессии, не решалось, поскольку

¹ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // *Отечественная история.* — 1995. — № 5.

именно начальный период войны полностью исключался из розыгрыша. О нем мельком было сказано в заданиях на игры как об этапе, предшествовавшем им. Так, по заданию на первую игру «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23—25 июля вклинились на территории Белоруссии и Литвы на 70—120 км на восток от границы, достигнув рубежа Осовец, Скидель, Лида, Каунас, Шяуляй. Однако в результате ответных ударов «восточных» «западные» к 1 августа были отброшены в исходное положение, к границе. С этого положения и начиналась, собственно, первая игра¹.

В том, что именно так, согласно исходной обстановке для игр, сложился начальный период войны, нет никакой заслуги ни Г.К. Жукова, ни Д.Г. Павлова. За них эту задачу решили работники Оперативного управления Генерального штаба, составлявшие задания на игры. А вот каким образом «восточным» удалось так быстро и результативно отразить нападение — об этом в заданиях не говорилось ничего. В играх не было даже попытки рассмотреть действия «восточных» (т. е. Красной Армии) в случае нападения реального противника, хотя возможность разыграть эту ситуацию представлялась.

Следовательно, каким бы ни был на то время план прикрытия государственных границ — хорошим или плохим, для игр это не имело ровно никакого значения: план этот в соответствии с исходной обстановкой для игр был успешно выполнен, причем в считанные дни. Очевидно, такой исход начального периода войны считался разработчиками игр, т. е. Генеральным штабом, само собой разумеющимся, тем более в условиях, когда общее превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, было на стороне «восточных». Так, по условиям первой игры Северо-Западный фронт «восточных» (Д.Г. Павлов)

¹ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?

имел превосходство над Северо-Восточным фронтом «западных» (Г.К. Жуков) по всем показателям (кроме противотанковых орудий), причем по танкам это превосходство выражалось соотношением 2,5:1, а по самолетам — 1,7:1¹.

Еще одной немаловажной особенностью игр стало то, что «восточные» отрабатывали в основном только наступательные задачи. В первой игре по теме «Наступательная операция фронта с прорывом УР» «восточные» (Д.Г. Павлов) выполняли задачу разгромить «западных» в Восточной Пруссии и выйти на р. Вислу. Игра началась с того, что возглавляемый Д.Г. Павловым Северо-Западный фронт «восточных» 1 августа 1941 г. перешел в наступление и в ходе первых операций до 7 августа правым крылом форсировал р. Неман, выйдя на подступы к Инстербургу (ныне Черняховск), в центре окружил в Сувалкском выступе группировку 9-й армии Северо-Восточного фронта «западных» (Г.К. Жуков), а на левом крыле — направлении главного удара — войска фронта достигли р. Нарев южнее г. Остроленка. На этом же направлении 11 августа Д.Г. Павлов ввел в сражение конно-механизированную армию, которая 13 августа вышла на рубеж в 110—120 км западнее границы СССР².

Однако к этому времени Г.К. Жуков, сосредоточив за счет резервов сильную (в основном танковую) группировку в районе Мазурских озер, нанес внезапный фланговый удар под основание выступа, образованного выдвинувшейся далеко на запад группировкой «восточных». Посредники «подыграли» Г.К. Жукову, обозначив еще один — встречный — удар Восточного фронта «западных» с противоположной стороны выступа. Тем са-

¹ *Бобылев Н.П.* Репетиция катастрофы. // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 7, 8.

² *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?

мым была создана угроза окружения до 20 стрелковых дивизий «восточных». Д.Г. Павлову пришлось приостановить успешное наступление на левом крыле фронта и срочно перебрасывать отсюда к местам прорыва противника несколько стрелковых дивизий, большую часть артиллерии и все танковые бригады. Ход событий по этой обстановке и принятым решениям не разыгрывался, однако шансов на успех стало заметно больше у «западных», чем у «восточных». Но все это происходило не в районе Барановичей или Лиды (как утверждалось в некоторых публикациях и даже в художественных фильмах), а у самой границы и за ее пределами. Следовательно, тиражируемое долгие годы утверждение, что Г.К. Жуков «разгромил» Д.Г. Павлова там же и так же, как это через полгода сделали немецкие войска, лишено всяких оснований.

По итогам игр к 11 марта 1941 г. был разработан «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке». Этот план заслуживает особого внимания, в том числе и в связи с заложенными в нем ошибками. Он привел к тяжелым последствиям в деле подготовки к войне, до которой, как потом выяснилось, оставалось всего три месяца.

Во-первых, в «Уточненном плане...» уже почти без сомнений считалось, что «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину». То есть направление главного удара вермахта было определено в корне неверно. Во-вторых, отмечалось, что «наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших эконо-

мических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас...»¹. Исходя из этого самая сильная группировка Красной Армии создавалась в составе Киевского Особого военного округа, на территории Украины.

В этой разработке стратегическая наступательная операция советских войск на Западном театре получила четкое оформление. Замысел ее предусматривал: в ходе ведения обороны сковать немецкие группировки на флангах — на участках Мемель, Остроленка и вдоль границы с Венгрией и Румынией, главными силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта (4-я армия) нанести удар с целью разгрома люблинско-радомско-сандомирской группировки противника, овладеть Краковом и Варшавой и выйти на рубеж Варшава — Лодзь — Оппельн. В дальнейшем в зависимости от обстановки предполагалось развивать наступление в направлениях Познань, Берлин или Прага, Вена².

Задачи фронтов были сформулированы максимально конкретно. Так, Западному фронту в рамках этой операции предстояло ударом войск левого крыла (4-я армия) в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту в разгроме врага в районе Люблина, а для обеспечения действий на главном направлении нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, овладеть ею и «вынести» оборону на р. Нарев. Ближайшей задачей фронта являлось овладение районом Седлец, Луков и захват переправ через р. Вислу. В дальнейшем имелись в виду действия в направлении Радомы с целью окружения во взаимодействии с Юго-Западным фронтом люблинской группировки немецких войск.

¹ Абатуров В. В. и др. — На земле Беларуси... — С. 136.

² Михалев С. Н. Стратегические решения. — Красноярск, 1998. Кн. 1. — С. 170.

Следовательно, в «Уточненном плане...» окончательно закреплялся приоритет направления к югу от Полесья и для вермахта, и для Красной Армии. Какими бы доводами данное положение плана ни обосновывалось, последующие события показали, что это была серьезная ошибка Генерального штаба Красной Армии. Как известно, 22 июня Германия нанесла главный удар севернее Полесья. Таким образом, в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыграло на картах такой вариант начала военных действий, который реальными «западными» (Германией) не намечался, а в марте этот же ошибочный вариант остался без изменений и в «Уточненном плане...». Помимо этого, в этом плане, как и в оперативно-стратегических играх, во главу угла ставилась не оборона, а наступление, но опять-таки после успешного отражения агрессии. Во всяком случае, Генеральный штаб рассматривал следующую схему начала войны: активной обороной части прикрытия обеспечиваются от мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии, которые затем переходят в наступление с переносом военных действий на территорию врага. Срок развертывания германских армий предполагался прежний — 10—15 суток от начала сосредоточения; этот же срок отводился и для советских войск¹.

К весне 1941 г. приготовления вермахта к вторжению в пределы СССР были настолько очевидными, что не заметить их уже было просто невозможно. В ходе нарастания угрозы войны с Германией в Генеральном штабе шел сложный процесс корректировки планов прикрытия государственной границы. Эти планы должны были стать тем недостающим звеном в «Уточненном плане...» и в оперативно-стратегических играх, в котором должен был быть найден ответ, каким образом отразить вторжение противника и создать условия для перехода в контр-

¹ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?

наступление. То есть они представляли собой лишь первую часть общего стратегического замысла и так или иначе были подчинены общей идее наступления. Наиболее существенным изменениям подверглись планы прикрытия в Западном и Киевском Особых военных округах. Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Срок представления этих планов на утверждение в Генеральный штаб был определен 25 мая 1941 г. Понятно, что до начала войны детально спланировать первые оборонительные операции было невозможно.

В соответствии с директивой наркома обороны Западному Особому военному округу определялись следующие задачи:

«1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа.

3. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточения войск.

4. Всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

5. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, переправам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

6. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантников и диверсионных групп противника»¹.

Устойчивость обороны должна была достигаться за

¹ На земле Беларуси... — С. 139.

счет использования укрепленных районов и полевых укреплений, построенных по линии государственной границы. При этом оборона войск должна была носить активный характер, чтобы «всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов». Особое внимание обращалось на организацию противотанковой обороны. В случае прорыва обороны соединениями врага для его уничтожения предусматривалось применение механизированных корпусов во взаимодействии с авиацией и артиллерийскими противотанковыми бригадами.

Не раскрывая в подробностях план прикрытия Западного Особого военного округа и его армий, отмечу лишь, что всего в полосе округа шириной 470 км планировалось развернуть четыре армии. С учетом же того, что 13-я армия еще только формировалась и должна была занять свою полосу на М-5 (на пятый день с начала мобилизации), реально на границе действовали три армии — 3, 10 и 4-я. При этом полоса прикрытия 3-й армии достигала 120 км, 10-й — 200 км и 4-й — 150 км, в результате чего каждая из стрелковых дивизий получила весьма широкую полосу обороны. В 3-й армии в среднем на дивизию приходилось — 40, 10-й — более 33, в 4-й — 37,5 км¹.

Основным недостатком окружного и армейских планов прикрытия являлась их нереальность. Анализ задач и общего замысла на прикрытии показывает, что расчеты военного руководства построить устойчивую оборону на базе укрепрайонов не подкреплялись реальными возможностями. Огромное по своему объему строительство укрепрайонов находилось в начальной стадии, велось крайне медленно и в 1941 г. не могло быть завершено.

¹ Хорьков А. Г. Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. — М., 1991. — С. 95.

В свою очередь, серьезные ошибки были допущены при планировании построения обороны объединений и соединений. Передний край обороны большинства дивизий проходил по государственной границе, и полоса обеспечения здесь отсутствовала. К тому же создаваемая система оборонительных полос и рубежей не была рассчитана на отражение удара главных сил противника. Из-за недооценки боевых действий по прикрытию госграницы наиболее сильная группировка ЗапОВО создавалась в Белостокском выступе, в то время как командование немецкой группы армий «Центр» планировало свой главный удар под основания этого выступа. Здесь проходили стыки между районами прикрытия, с одной стороны — 3-й и 10-й армий, а с другой — 10-й и 4-й армий, которые не были обеспечены необходимыми силами и средствами.

При определении состава группировок войск слабо учитывалась реальная дислокация входивших в них соединений. Большинство дивизий Западного Особого военного округа, прежде чем занять оборону, должны были совершить перегруппировку на расстояние до 60 км, зачастую вдоль фронта в непосредственной близости от госграницы. Какого-либо альтернативного варианта занятия обороны, например в глубине полосы или в районах постоянной дислокации, не предусматривалось. В ряде случаев исходные районы частей и соединений для занятия обороны находились в зоне видимости немецких войск и могли поражаться огнем их артиллерии. Значительное количество соединений, планируемых в состав войск прикрытия, находилось в стадии формирования и имело низкую боевую готовность. В то же время подсчет соотношения сил и средств проводился без учета реальной боеспособности войск. И еще один немало важный момент. Все основные склады с запасами материальных средств накануне войны размещались на уда-

лени в 30—80 км от государственной границы, как правило, в крупных городах. Это является еще одним подтверждением того, что приоритетным видом боевых действий являлось наступление, а не оборона. В последнем случае армейские и особенно фронтовые тыловые объекты располагаются на значительно большей глубине. Таким образом, уже в самом планировании закладывались предпосылки для будущих неудач советских войск.

В целом при оценке разработанных планов необходимо отметить их раздвоенность. С одной стороны, признавалась возможность внезапного начала войны и ведения сторонами высокоманевренных боевых действий. В связи с этим необходимо было иметь сильный первый оперативный эшелон. С другой стороны, все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия в угрожаемый период будет предоставлено время на отмотилизование. Игнорировалась реально сложившаяся обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью стратегических и оперативных группировок вермахта к наступлению и незавершенностью развертывания советских войск. К тому же недооценивалась мощь вооруженных сил Германии. Все это привело к серьезнейшим просчетам в подготовке армии и страны к надвигавшейся войне.

Что касается внезапности нападения, то следует сказать, что весной 1941 г. советское военно-политическое руководство обладало исчерпывающей разведывательной информацией о подготовке Германии к нападению на СССР. И не случайно в разработанном, но неутвержденном варианте действий Красной Армии от 15 мая 1941 г. указывалось, что Германия «в настоящее время держит свою армию отмотилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный

удар»¹. Исходя из этого, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков предлагали нанести упреждающий удар по противнику. Хотя и поздно, всего за пять недель до войны, Генеральный штаб вынужден был признать свою ошибку в игнорировании опыта Второй мировой войны, свидетелем которого он стал. Генеральный штаб признал возможность внезапного перехода немецких войск в наступление «всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратегических направлениях»². Предложением же нанести упреждающий удар по развернутым у границ СССР немецким группировкам Тимошенко и Жуков пытались убедить Сталина в неизбежности в ближайшее время германской агрессии, подтолкнуть его к принятию безотлагательных мер. С другой стороны, рискуя навлечь на себя гнев «вождя» своими предложениями, они в то же время, понимая, чем чревато им обвинение в «бездеятельности» в условиях реальной угрозы войны, так или иначе страховали себя от непредвиденных обстоятельств в ее начале. Возможно, что после катастрофы начала войны именно это и спасло им жизнь.

Уже в ходе войны, 6 августа 1942 г., во время пребывания У. Черчилля в Москве И.В. Сталин сказал ему: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»³. Возьму на себя смелость утверждать, что в устах Сталина эта фраза должна была звучать несколько по-иному, а именно: «Я знал точную дату начала войны...» Если внимательно проанализировать рассекреченные на сегодня и издан-

¹ На земле Беларуси... — С. 137.

² Там же.

³ Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. — М., 1989. — С. 96.

ные во многих трудах документы, то сомнений в этом остаться не должно¹.

Несмотря на противоречивость разведывательных донесений в отношении даты начала войны, все они уже не оставляли сомнения в том, что нападение Германии — это вопрос ближайших недель. Именно это послужило поводом для принятия важного решения на выдвижение войск второго стратегического эшелона из резерва Главного Командования. Это еще один довод в пользу того, что последующее нападение Германии не было для военно-политического руководства СССР внезапным. 26 апреля Генштаб отдал предварительное распоряжение Военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов быть готовыми к отправке на запад одного механизированного, двух стрелковых корпусов и двух воздушно-десантных бригад.

В период с 13 по 22 мая поступили распоряжения Генерального штаба о начале выдвижения к западной границе трех армий из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов. Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, в период с 1 июня по 10 июля 1941 г.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкасс, Белой Церкви 19-й армии со сроками сосредоточения к 10 июня. В Одесский округ для усиления сосредоточенной в Крыму группировки советских войск в период с 19 по 23 мая передислоцировалась одна стрелковая дивизия из Киевского Особого военного округа².

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март—июнь 1941 г. — М., 1995; Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1 и 2. — М., 1998.

² 1941 год — уроки и выводы. — М., 1992. — С. 83.

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений. В это же время соединения еще трех армий готовились к передислокации.

16 мая 1941 г. приграничные военные округа получили указания ускорить строительство укрепленных районов на новой государственной границе. В это же время Генеральный штаб разрешил в войсках прикрытия держать боеприпасы непосредственно в находящихся на хранении танках. 27 мая в целях повышения боевой готовности штабов командующие войсками западных приграничных округов получили приказ наркома обороны немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и огневых позиций.

Одновременно директивами наркома обороны и начальника Генерального штаба западным приграничным округам предписывалось скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе. Так, в директиве командующему войсками ЗапОВО указывалось: «В целях повышения боевой готовности войск округа все глубинные дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия...»¹ К сожалению, подобные действия не предусматривались для дивизий первого эшелона армий прикрытия. В отношении их в директиве отмечалось: «Приграничные дивизии оставить на месте, имея (в виду, что. — В.А.) выход их на границу в назначенные им районы в случае необходимости будет произведен

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16А. Оп. 2951. Д. 242. Л. 132—133.

по особому моему приказу»¹. К тому же вывод указанных войск в районы предназначения приказывалось закончить к 1 июля 1941 г., а ведь временной период с 10 по 15 июня, по сути, являлся тем последним критическим рубежом, когда войска приграничных округов в случае принятия решения успевали перейти в состояние полной готовности с от мобилизованием и развертыванием соединений на театре военных действий.

12 июня командование приграничных военных округов под видом учений и изменения дислокации летних лагерей приступило к скрытному развертыванию войск вторых эшелонов округов в соответствии с планами обороны государственной границы. К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, были приведены в движение. Всего к началу войны осуществляли выдвижение из резерва приграничных округов около 32 дивизий. Из них успели сосредоточиться в новых районах только 4—5 дивизий. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие войсками приграничных военных округов были предупреждены И.В. Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий их войск.

Соблюдая меры предосторожности в условиях нарастающей угрозы непосредственного нападения противника, военное руководство продолжало с запозданием проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указания к 22—23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты. Только 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановле-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16А. Оп.2591. Д. 242. Л. 132—133.

ние «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов»¹.

Приказом наркома обороны СССР от 19 июня предписывалось провести маскировку аэродромов, воинских частей и важных военных объектов западных округов. В приказе требовалось к 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травой, покрасить все аэродромные сооружения, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать бензохранилища, категорически запретить линейное, скученное расположение самолетов и обеспечить их рассредоточение, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 1 июля произвести маскировку складов, мастерских, парков.

Война застала войска Западного Особого военного округа в следующем положении и состоянии.

В округе (командующий — генерал армии Д.Г. Павлов, член Военного совета — корпусной комиссар А.Ф. Фоминых, начальник штаба — генерал-майор В.Е. Климовских) соединения и части первого и второго эшелонов армий прикрытия дислоцировались в пунктах постоянной дислокации. Наиболее боеспособные соединения 10-й армии находились в Белостокском выступе вблизи границы в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150—400 км от госграницы) к государственной границе выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100, 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49, 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. В 4-й ар-

¹ 1941 год — уроки и выводы. — С. 86.

мии 30-я танковая дивизия проводила тактические учения. 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии готовились также к учению, которое было отложено в последние часы перед началом войны, но выделенные для его проведения войска остались на полигоне¹. Зенитные артиллерийские части 4-й армии и артиллерийские части 10-й армии находились в окружном лагере под Минском.

Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые подразделения из дивизий первого эшелона.

Подавляющая часть авиационных полков 9, 10 и 11-й смешанных авиационных дивизий, находившихся в оперативном подчинении армий, размещалась не на полевых, а на стационарных аэродромах, как впоследствии оказалось, известных разведке противника.

Всего в округе имелось 8 стрелковых, 6 механизированных и один кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии)². Но к началу войны его командование не успело создать ни наступательной, ни оборонительной группировки. Не было сделано главного — не проведено отмобилизование и приведение в полную боевую готовность армий прикрытия, не созданы боееспособные группировки войск. Предпринять подобные шаги без санкции руководства Вооруженными Силами и страны ни командующий войсками округа, ни командующие армиями, несмотря на всю очевидность угрозы войны, не могли. Руководство СССР совершенно необоснованно полагало, что их можно будет осуществить в течение короткого

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. — М., 1989. — С. 57.

² 1941 год — уроки и выводы. — С. 91.

времени, в период, когда война фактически станет неизбежной.

К этому следует добавить, что советское военно-политическое руководство планировало отразить удар противника на западных границах в том построении войск, которое командование вермахта считало наиболее выгодным для себя, т.е. для наступающей стороны. Так, в «Стратегической разработке оперативного отдела верховного командования вермахта по подготовке и ведению кампании против СССР» от 15 сентября 1940 г. прогнозировались три возможных варианта действий Красной Армии в начале войны.

Первый — нанесение упреждающего удара по разветвляющимся немецким войскам. По мнению разработчиков плана, этот вариант отпадал из-за неспособности командования и войск Красной Армии нанести мощный удар по Восточной Пруссии и Северной Польше. Самым неблагоприятным считался вариант, когда советские войска перейдут к обороне в приграничной полосе только частью сил, в то время как главные силы будут занимать подготовленные оборонительные рубежи по крупным водным преградам — Западной Двине и Днепру¹. Наиболее вероятным рассматривался вариант отражения наступления немецких войск главными силами в приграничных районах. Такой вариант действий приграничной группировки Красной Армии считался наиболее благоприятным, и немецкое верховное главнокомандование надеялось, что до начала войны группировка и построение советских приграничных округов не изменятся. За несколько дней до начала войны имперский министр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс отмечал в своем дневнике: «14 июня... Русские, кажется, все еще ничего не подозрева-

¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Deutsche Verlags-Anstalt. Stuttgart, 1983. S. 230.

ют. Во всяком случае, они сосредоточивают свои войска именно так, как мы только и можем того пожелать: концентрированно, а это — легкая добыча в виде военнопленных... 16 июня... Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность... 18 июня... Только бы русские сохранили концентрацию своих войск на границе!»¹ Значит, противник, как наступающая сторона, понимает всю невыгодность и ущербность положения советских войск для обороны?!

Между тем самый нежелательный для немецкого командования вариант действий советской стороны еще в 1940 г. планировал взять за основу тогдашний начальник Генерального штаба Красной Армии Б.М. Шапошников, который предлагал развернуть главные силы по старой государственной границе. Однако это его аргументированное с точки зрения военного искусства предложение не было принято Сталиным и руководством Наркомата обороны. В результате укрепленные районы на старой границе были демонтированы, а главные силы приграничных округов введены на необорудованный и не подготовленный во всех отношениях будущий театр военных действий. В связи с этим возникает вопрос: почему несколько ранее, в сентябре 1939 г., советские войска не дошли до установленной пактом Молотова — Риббентропа линии разграничения сфер влияния на территории Польши? По свидетельству советника посольства Германии в СССР Г. Хильтера, 25 сентября Сталин вызвал к себе посла Германии и предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее измене-

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. / Пер. с нем. — М., 1996. — С. 276, 278, 281.

ние предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. Как пишет Хильтер: «Мы были свидетелями того, как Сталин толстым цветным карандашом собственноручно провел на географической карте линию, которая начиналась там, где южная граница Литвы упиралась в восточную границу Германии и оттуда шла на юг до чехословацкой границы»¹.

Для Сталина быстрый разгром Германией Польши и невыполнение Англией и Францией союзнических договоренностей в ее отношении стали неожиданностью. Ведь он рассчитывал, что союзники Польши после начала войны начнут активные военные действия против Германии, в результате чего ведущие капиталистические государства Европы ослабят сами себя в длительной кровопролитной борьбе. После того как этого не случилось, у Сталина уже не возникало сомнений в предстоящем вооруженном столкновении с Гитлером. Но начинать его следовало в выгодном оперативном положении войск. Переход в сферу интересов СССР Литвы, наряду с Латвией и Эстонией, во-первых, позволял ему полностью контролировать восточное побережье Балтийского моря и лишал немецкий флот бывшего стратегического преимущества. Во-вторых, с одной стороны Литва, а с другой — Белостокский выступ окаймляли территорию Восточной Пруссии. И, в-третьих, выдвижение немецких войск на новую границу от Вислы к Западному Бугу втягивало их в оперативный мешок, расположенный между Белостокским и Львовским выступами, и нанесение ударов советскими войсками с этих выступов приводило бы

¹ Откровения и признания... — С. 71.

к окружению значительной группировки противника и тем самым к решению ближайшей оперативной задачи. Но такая конфигурация была выгодной лишь в том случае, если бы Советский Союз являлся наступающей стороной. Именно поэтому, т.е. исходя из выполнения задач наступления, главные силы Западного Особого военного округа располагались в Белостокском выступе. С другой стороны, обороняться в нем было сродни самоубийству: нанесение ударов немецкими войсками под основания выступа и ведение наступления по сходящимся направлениям обрекали главные силы округа на окружение. Понимало ли эту очевидную истину советское командование? Разве последовательно занимавшие в течение 1939—1941 гг. должность начальника Генерального штаба Шапошников, Мерецков и Жуков были настолько некомпетентны и непрозорливы, что не видели в построении приграничных группировок таящуюся для них угрозу? Не стоит сомневаться в компетентности советских военачальников. Несомненно, что все они видели и понимали, но и они, и в первую очередь Сталин были уверены в том, что события в начале войны будут развиваться по их сценарию — через несколько недель Красная Армия нанесет мощные удары по врагу на его территории. Да, для этого потребуются пожертвовать частью главным образом приграничных войск, но без потерь войн не бывает. О катастрофе начала войны никто не мог и подумать. Как писал в своих мемуарах в то время начальник штаба 1-го стрелкового корпуса, впоследствии генерал армии С.П. Иванов: «Здесь я не могу не сказать, что, находясь в Белостокском выступе, мы стали свидетелями все учащавшихся нарушений немецкими самолетами наших границ, заброски к нам диверсионных и разведывательных групп. Однажды к нам в штаб пришел поляк, бывший во время Первой мировой войны фельдфебелем в русской армии. Он рассказал,

что гитлеровское командование начало массовое выселение поляков из приграничных районов. Особенно тревожным было его сообщение о выгрузке боеприпасов на грунт. Обо всем этом мы докладывали в штаб округа, но оттуда шли стереотипные ответы: «Не поддаваться на провокации»¹.

С другой стороны, в соответствии с директивой № 21 (план «Барбаросса») ближайшей стратегической целью первой военной кампании против СССР военное руководство Германии поставило разгром и уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине. Предполагалось, что в ходе этих операций вермахт достигнет Киева с укреплениями восточнее Днепра, Смоленска и района южнее и западнее озера Ильмень. О роли и месте западного направления в директиве говорилось: «Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии»².

Следовательно, противник рассматривал территорию Белоруссии (западное направление) как район, в котором будет разгромлена значительная часть основных сил Красной Армии. Вместе с тем пути, проходившие через Белоруссию, являлись наикратчайшими для движения на Москву.

¹ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — М., 1990. — С. 39.

² Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. — ВНУ ГШ. Вып. 18. — М., 1960. — С. 12.

Для наступления на центральном — западном стратегическом направлении предназначалась группа армий «Центр» в составе 4-й и 9-й армий, 2-й и 3-й танковых групп, насчитывавших 50 дивизий и две бригады (51 расчетная дивизия). Ее поддерживал 2-й воздушный флот. Всего в составе группы армий «Центр» насчитывалось: 595 620 человек (непосредственно в боевых дивизиях), 823 танка, 11 027 орудий и минометов, 1677 боевых самолетов¹. Для сравнения: в составе Западного Особого военного округа (с учетом Пинской военной флотилии и личного состава, призванного для прохождения сборов) к началу войны имелось: 673 472 человека, 2900 танков, 14 264 орудия и миномета, 1832 самолета². Следовательно, говорить о превосходстве противника не приходится. В целом из цифровых показателей следует, что группировка советских войск на территории Белоруссии обладала значительным боевым потенциалом. Однако то обстоятельство, что войска находились в стадии реорганизации и перевооружения, а также ошибки в планировании их применения не позволили реализовать этот потенциал с началом боевых действий и привели к тяжелым последствиям в начальном периоде войны.

Разгром советских войск в Белоруссии командование немецкой группы армий «Центр» планировало осуществить следующим образом. Танковыми группами во взаимодействии с первыми эшелонами полевых армий прорвать пограничные укрепления на флангах войск Западного Особого военного округа, на брестском направлении и в Сувалкском выступе и быстрым продвижением по сходящимся на Минск направлениям создать предпосылки полевым армиям для уничтожения советских войск между Белостоком и Минском. В дальнейшем,

¹ На земле Беларуси... — С. 156.

² Там же. С. 56.

взаимодействуя друг с другом, танковые группы должны были как можно быстрее выйти в район Смоленска и Витебска и воспрепятствовать сосредоточению советских войск на рубеже верхнего течения Днепра и Западной Двины.

К исходу 21 июня 1941 г. войска группы армий «Центр» были развернуты в двух наступательных группировках: первая — 3-я танковая группа и основные силы 9-й армии — в Сувалкском выступе против стыка двух военных округов: левого фланга 11-й армии Прибалтийского Особого военного округа и правого фланга и центра 3-й армии Западного Особого военного округа; вторая — 2-я танковая группа и большая часть войск 4-й армии — в районе западнее и северо-западнее Бреста¹. Таким образом, используя начертание государственной границы на западном направлении, ударные группировки немецких войск заняли охватывающее положение по отношению основных сил Западного Особого военного округа.

На рассвете 22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на Советский Союз. В 3 часа 30 минут одновременно на всем протяжении границы немецкие войска начали артиллерийскую и авиационную подготовку. После их окончания в полосе Западного Особого военного округа вражеские пехота и танки перешли в наступление. В целях воспреещения подхода войск прикрытия округа к границе путем захвата и удержания узлов дорог, переправ, дефилов и других военных объектов, а также с диверсионно-разведывательными целями в период артиллерийской и авиационной подготовки противник в приграничной полосе выбросил значительное количество авиадесантов. Его диверсионно-разведывательные силы, которые, несмотря на противодействие

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 21.

советских пограничников, проникли в приграничные районы БССР в последние предвоенные месяцы, активизировали свои действия уже с 15 июня 1941 г. Всего накануне войны, по имеющимся данным, на территории западных областей Белорусской ССР находилось от 3 до 4 тыс. немецких диверсантов.

С началом войны немецким диверсионным силам удалось выполнить большинство поставленных перед ними задач: наведение своей авиации на цели; передача и доведение до советских частей ложных приказов и распоряжений от имени старших начальников, как это, в частности, произошло в отношении 86-й стрелковой дивизии; удары по коммуникациям и пунктам управления советских войск и др. Диверсионные группы врага парализовали деятельность штаба ЗапОВО, вырезав значительное количество проводов и лишив командование округа связи с войсками. Диверсанты противника действовали и на большом (до 350 км) удалении от государственной границы (десанты в районе Слонима, Острошицкого Городка, Дзержинска, Смолевича, Могилева и др.).

Боевые действия частей и соединений немецких войск характеризовались тем, что впереди боевых порядков пехотных и танковых дивизий первого эшелона наступали ударные группы, состоявшие из стрелков и саперов. В их задачу входило уничтожение сторожевых и наблюдательных постов вблизи границы, создание проходов в проволочных заграждениях, овладение мостами и важными дефиле у границы.

Вслед за ударными группами двигались группы разведчиков, которые собирали необходимые данные для организации наступления главных сил¹. За ними наступали пехотные подразделения, разведывательные взво-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 258. Оп. 10169. Д. 4. Л. 31.

ды танковых полков и разведывательные отряды танковых дивизий.

На речных участках границы разведывательные подразделения противника имели задачу захватить прежде всего мосты через пограничные реки. Немецкие войска в целом успешно выполнили эту задачу, что во многом обеспечило стремительное наступление танковых дивизий в глубь территории БССР в первый день войны. В дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф. Гальдера за 22 июня 1941 г. записано: «Пограничные мосты через р. Буг и другие реки всюду захвачены в полной сохранности». Только в районе Бреста противнику удалось захватить исправными шесть мостов через Западный Буг — два железнодорожных и четыре автомобильно-гужевых¹. Ответ на вопрос, почему эти мосты не были своевременно подготовлены к взрыву, следует искать опять же в предвоенном планировании — по этим мостам должны были вскоре двигаться наступающие группировки Красной Армии.

В полосах, где наступали ударные группировки немецких войск, пограничные заставы смогли сдержать противника на линии границы всего лишь на 1—2 ч, а на ряде участков и того меньше. Пограничники огнем из станковых и ручных пулеметов, автоматов и винтовок отражали атаки его разведгрупп, но в борьбе против танков и бронемашин они оказались бессильными. Немецкие танки врвались в опорные пункты застав, огнем из пушек и гусеницами уничтожали огневые точки, а огнем из пулеметов расстреливали уцелевших пограничников. Так были уничтожены пограничные заставы 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда, почти полностью погиб личный состав пограничных застав 1-й

¹ Тимохович И.В. Битва за Белоруссию, 1941—1944. — Мн., 1994. — С. 26.

и 2-й комендатур 86-го Августовского, 1, 2 и 3-й комендатур 88-го Шепетовского пограничных отрядов¹.

По-иному сложились боевые действия пограничников на второстепенных направлениях, где немецкие войска наносили вспомогательные удары. На этих направлениях пограничные части вели боевые действия непосредственно на границе в течение четырех-пяти и более часов. Так, многие заставы 87-го Ломжинского и 88-го Шепетовского пограничных отрядов Белорусского пограничного округа вели бои на границе до 8—8.30 22 июня 1941 г. Более 15 часов обороняла участок границы 4-я застава 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда в районе деревни Лозовица. Пограничники 1-й заставы в районе хутора Сутно, 2-й заставы в районах Новоселок и Волчина, 10-й заставы в районе д. Волынка и 20-й — в 60 км южнее Бреста защищали свои позиции на протяжении всего первого дня войны².

Личный состав пограничной заставы № 9 17-го Брестского погранотряда отразил в течение дня шесть вражеских атак, дважды переходил в контратаки и отбрасывал противника от границы. Лишь в ночь на 23 июня пограничники перешли в казематы Брестской крепости, где продолжали вести боевые действия. Стойкое сопротивление врагу оказал личный состав 3-й заставы Августовского погранотряда, который сражался до последнего патрона³.

Одновременно с боями пограничных войск на границе началось приведение в боевую готовность соединений и частей армий прикрытия, которое проходило в сложной оперативно-тактической обстановке и в крайне ограниченные сроки. Примерно в 1 час 45 минут 22 июня

¹ РГВА. Ф. 32939. Оп. 3. Д. 1. Л. 4—7.

² Крупенников А.А. В первых боях. — Красногорск, 1998. — С. 90—91.

³ Тимохович И.В. Битва за Белоруссию... — С. 18.

в штабе Западного Особого военного округа была получена директива наркома обороны о возможном наступлении немецких войск в течение 22—23 июня. По существу, этот документ не давал разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме, поскольку в директиве предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения... все части привести в боевую готовность... противоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава... других мероприятий без особого распоряжения не проводить»¹.

Недостаточно конкретное содержание отданного распоряжения, противоречившее установленным командам на ввод в действие плана прикрытия, оказало свое негативное влияние на действия командования округа. Поэтому командующий его войсками в 2 часа 25 минут ограничился передачей в армии текста директивы наркома обороны с указанием: «Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения»². Штабы 3, 4 и 10-й армий получили директиву фронта уже после того, как группировки немецких войск начали боевые действия в их районах прикрытия. Одной из причин этого явилось то, что в ночь на 22 июня в результате действий диверсионных групп противника во всей приграничной полосе была в значительной степени нарушена проводная связь в звене округ — армия — корпус — дивизия. Так, в 4-й армии проводная связь с округом и с подчиненными войсками была нарушена в 2 часа, восстановитель ее удалось лишь в 3 часа 30 минут³.

После восстановления связи командующий армией генерал-майор А.А. Коробков получил переданное от-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.

² Там же.

³ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 71.

крытым текстом по телеграфу приказание командующего войсками Западного Особого военного округа о приведении войск в боевую готовность. Приказывалось в первую очередь вывести «пачками» 42-ю стрелковую дивизию из Брестской крепости, привести в полную боевую готовность 14-й механизированный корпус, перебазировать авиацию на полевые аэродромы. До начала боевых действий генерал Коробков успел по телефону поставить задачи командирам 42-й стрелковой дивизии и 14-го механизированного корпуса. Уже после того, как противник начал артиллерийский обстрел Бреста, по телефону был передан приказ коменданту 62-го укрепленного района и начальнику штаба 6-й стрелковой дивизии. Командиру 10-й смешанной авиационной дивизии, прибывшему в штаб армии по вызову, приказ был вручен лично. Командирам 28-го стрелкового корпуса, 49-й и 75-й стрелковых дивизий приказ был выслан с нарочными¹.

В 3-й армии ее командующий генерал-лейтенант В.И. Кузнецов до начала артиллерийской подготовки противника успел отдать командирам некоторых соединений предварительные боевые распоряжения. В 10-й армии этого не было сделано, так как ее штаб получил директиву из штаба округа уже после начала боевых действий².

В первые же минуты войны немецкие войска своей артиллерией нанесли огневые удары по большинству приграничных полевых и долговременных сооружений, штабам, узлам связи, военным городкам, паркам боевых машин, складам. Одновременно вражеская авиация осуществляла бомбардировку многих населенных пунктов, аэродромов, железнодорожных узлов, мест дислокации соединений и частей прикрытия, их пунктов управ-

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 73.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 2.

ления, что значительно затрудняло организованный выход войск к государственной границе. Именно для них с разрывом снарядов и бомб, а не для руководства СССР война началась внезапно. Именно солдаты и офицеры армий прикрытия стали заложниками недалёковидной политики Сталина.

Неясность обстановки, имевшиеся предостережения относительно провокационных действий противника приводили к тому, что многие командующие и командиры не были готовы взять на себя всю меру ответственности по пресечению агрессии. Не случайно В.И. Кузнецов докладывал в штаб Западного Особого военного округа: «...Авиация противника бомбит Гродно, жду распоряжений генерала Павлова... артиллерийско-пулеметная стрельба со стороны немцев... жду указаний»¹. Лишь в 5 часов 25 минут такие указания были отданы командующим 3, 4 и 10-й армиями в директиве Военного совета Западного фронта: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»². В 7 часов начальник штаба фронта генерал-майор В.Е. Климовских отдал новое приказание: «Привести войска в боевую готовность. Выдать патроны. Артиллерии выдать снаряды. Военным училищам быть готовым к уничтожению возможных воздушных десантов»³. Вот к чему привело стремление «не спровоцировать немцев» — приказ «выдать патроны» отдается более чем через три часа после начала войны.

Невосполнимые потери от авиационных ударов врага понесла армейская авиация. Советские самолеты на аэродромах не были рассредоточены и замаскированы, зачастую они были вытянуты в одну линию. Кроме того, на

¹ ЦАМО РФ. Д. 195. Л. 7.

² Там же. Ф. 113. Оп. 3273. Д. 2. Л. 146.

³ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 21.

ближайших к государственной границе аэродромах была допущена большая скученность, доходившая до 80—100 самолетов на них. Все это привело к тому, что на многих аэродромах в первые часы почти полностью были уничтожены и выведены из строя находившиеся на них самолеты.

Основные усилия своей авиации в первых ударах по аэродромам ВВС Западного Особого военного округа противник сосредоточил на уничтожении самолетов 9-й смешанной авиационной дивизии, имевшей по сравнению с другими соединениями наиболее качественную авиационную технику. В результате ее самолеты к полудню 22 июня почти полностью были уничтожены на аэродромах Себурчин, Высоке-Мазовецк, Тырново, Долубово. Со стороны командира этой дивизии генерал-майора авиации С.А. Черных не было принято никаких мер к выводу авиационных частей из-под удара после первого налета вражеской авиации, хотя на аэродромах в это время еще было немало уцелевших самолетов.

В 11-й смешанной авиационной дивизии трехполкового состава в течение 22 июня была полностью уничтожена и выведена из строя авиационная техника двух полков: в 122-м истребительном авиационном полку — 69 И-16 и в 16-м скоростном бомбардировочном полку — 23 СБ и 37 Пе-2. Это составляло 65% самолетов наличного боевого состава¹.

В 10-й смешанной авиационной дивизии, состоявшей из четырех авиационных полков, в двух полках была полностью уничтожена и выведена из строя авиационная техника: в 74-м истребительном авиационном полку — 47 И-15, 15 И-153 и 8 Ил-2; в 39-м скоростном бомбардировочном полку — 43 СБ и 5 Пе-2². Эти потери со-

¹ Пшеничник Г.А. Советские военно-воздушные силы в борьбе с немецко-фашистской авиацией в летне-осенней кампании 1941 года. — М., 1961. — С. 55.

² Там же. С. 56.

ставляли около 50% имевшихся в наличии самолетов. Однако уцелевшие самолеты трех авиационных полков указанных дивизий (33, 133 и 127-го истребительных) вскоре также потеряли большую часть своей авиационной техники. Отражая налеты вражеской авиации, они неоднократно подвергались атакам как в воздухе, так и на своих аэродромах в период посадки и дозаправки самолетов, в результате чего в общей сложности ими к 14 часам 23 июня было потеряно до 160 самолетов, что составляло 83% их боевого состава.

На аэродроме М. Звезды, находившемся в 20 км от государственной границы, в результате нескольких атак самолетов противника было полностью уничтожено до 70 самолетов 74-го штурмового авиационного полка. Аэродром Именин, находившийся на удалении до 60 км от государственной границы, также подвергся нескольким налетам, в результате чего, а также после ряда воздушных боев базировавшийся на этом аэродроме 123-й истребительный авиационный полк потерял около 60 самолетов. Глубина ударов немецкой авиации по аэродромам в первую половину дня 22 июня максимально достигала 70—80 км. Нанеся тяжелые потери истребительной авиации фронта на ближайших к государственной границе аэродромах и почти полностью уничтожив при этом новую авиационную технику, она во второй половине 22 июня стала подвергать ударам аэродромы Пинск, Барановичи, Лошица, Минский аэроузел, Бобруйск и др., находившиеся на удалении 160—400 км от государственной границы.

Всего в течение 22 июня из 53 аэродромов, находившихся на территории Западного Особого военного округа в эксплуатационном состоянии, авиацией врага было атаковано 26 аэродромов, из них 15, занятых авиацией, и 11 аэродромов — не занятых, но частично использовавшихся во второй половине дня для вывода авиации

из-под удара. В целом за первый день войны части ВВС Западного фронта потеряли 738 самолетов, что составило около 47% боевого состава ВВС фронта на 22 июня. В том числе было уничтожено около 400 новейших истребителей, что составляло около 40% всей истребительной авиации. В последующем это привело к значительному ослаблению сопротивления истребительной авиации действиям немецких ВВС, а также явилось одной из причин больших потерь в воздухе бомбардировочной авиации, нередко вынужденной в первые дни войны действовать без истребительного обеспечения. Узнав о потерях, командующий ВВС фронта генерал И.И. Копец застрелился.

В результате удачных ударов по аэродромам противнику удалось уже в первый день войны резко изменить соотношение сил в авиации в свою пользу. Если до нападения это соотношение было примерно равным, то уже к исходу первого дня войны оно стало 1,7:1 в пользу люфтваффе (1417 немецких самолетов против 822 советских)¹. Немецкому командованию удалось уже к исходу 22 июня завоевать господство в воздухе.

В таких сложных условиях поднятые по тревоге соединения и части прикрытия Западного Особого военного округа вынуждены были отражать внезапные для них вражеские удары и осуществлять мероприятия по оперативному сосредоточению и развертыванию. Командующие армиями, командиры соединений и частей, убедившись, что началась агрессия, стремились реализовать разработанные планы прикрытия государственной границы, однако они уже не соответствовали обстановке. Немецкие войска упредили соединения первого эшелона армий в развертывании и сорвали планомерное занятие ими районов прикрытия. В наиболее слож-

¹ Пшениник Г.А. Советские военно-воздушные силы в борьбе с немецко-фашистской авиацией... С. 65.

ных условиях осуществлялось развертывание соединений и частей, дислоцировавшихся непосредственно у государственной границы. Они осуществляли эти мероприятия, как правило, под артиллерийским огнем и авиационными ударами врага.

Так, в полосе 4-й армии во время артиллерийской подготовки противника понесла большие потери 22-я танковая дивизия, размещавшаяся в Южном военном городке Бреста, в 2,5—3,5 км от государственной границы. Артиллерийский огонь по городку и следовавшие затем налеты авиации оказались для дивизии, как и для остальных войск, неожиданными. В результате значительная часть личного состава и членов семей погибла и получила ранения еще до выхода из военного городка. От ударов артиллерии и авиации дивизия потеряла также большую часть танков, артиллерии и автомашин, больше половины всех автоцистерн, мастерских и кухонь. В ходе огневых налетов артиллерии врага загорелись и затем взорвались артиллерийский склад и склад горюче-смазочных материалов дивизии¹.

Внезапным артиллерийским огнем были уничтожены две батареи и большая часть автотранспорта 204-го гаубичного полка 6-й стрелковой дивизии, располагавшегося между Южным военным городком Бреста и артиллерийским полигоном.

Значительные потери понесли также части и подразделения, находившиеся по приказу штаба округа на артиллерийском полигоне для проведения учения: два батальона 84-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии; подразделения 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии; танковая, артиллерийская и другая техника, предназначенная для показа участникам учения; 455-й корпусной артил-

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 77.

лерийский полк, выведенный для проведения плановых стрельб.

Начало артиллерийской подготовки противника эти части и подразделения восприняли как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали рваться в их расположении, отнесли к халатности руководства учением и, чтобы обратить внимание на произошедшую «ошибку», с артиллерийского полигона подали световые (ракетами) и звуковые (трубами) сигналы. И только тогда, когда части уже понесли большие потери, командиры и их подчиненные поняли, что началась война¹.

204-й гаубичный артиллерийский полк (гап), один дивизион которого имел конную и два — механическую тягу, вывел по боевой тревоге из своего городка 33 орудия. Однако перейти р. Мухавец, чтобы, как намечалось по плану прикрытия, совместно с 84-м стрелковым полком дивизии оборонять район Бреста, удалось лишь нескольким батареям, так как мосты через реку оказались занятыми переправлявшейся 22-й танковой дивизией. Эта дивизия, располагаясь в пунктах постоянной дислокации вблизи границы, должна была выйти в свой район сосредоточения, назначенный в соответствии с планом прикрытия восточнее Бреста. В результате в то время, когда часть войск двигалась к границе, другая, наоборот, совершала марш от нее. Это привело к тому, что 204-й гап в ожидании возможности переправиться через реку понес большие потери от немецкой авиации. Потеряв надежду на переправу через Мухавец, командир полка повернул свою часть на Радваничи. В результате ни 84-й стрелковый, ни 204-й гаубичный полки, предназначенные для обороны района Бреста, не смогли занять назначенные им по планам прикрытия оборонительные и огневые позиции.

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 78.

В момент начала артиллерийской подготовки противника по Бресту и Брестской крепости в ее цитадели находились следующие части и подразделения: 84-й стрелковый полк без двух батальонов, 125-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 333-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты, 131-й артиллерийский полк, 75-й отдельный разведывательный батальон, 98-й отдельный дивизион ПТО, штабная батарея, 37-й отдельный батальон связи, 31-й автобатальон и тыловые подразделения 6-й стрелковой дивизии, 44-й стрелковый полк без двух батальонов (в форту в 2 км южнее крепости), 455-й стрелковый полк без одного батальона и саперной роты (один батальон из оставшихся в крепости размещался в форту в 4 км северо-западнее Бреста), 158-й автобатальон и тыловые подразделения 42-й стрелковой дивизии. В крепости находились также штаб 33-го окружного инженерного полка с полковыми подразделениями, половина окружного военного госпиталя на острове Госпитальном и пограничная застава на острове Пограничном.

В результате неожиданных артиллерийских ударов и авиационных налетов застигнутые врасплох части гарнизона крепости понесли значительные потери убитыми и ранеными. Особенно большие потери имели части и подразделения, находившиеся в центральной части крепости (цитадели).

Для выхода из крепости на восток можно было использовать только одни северные ворота, но по ним противник сосредоточил наиболее плотный артиллерийский огонь. Поэтому выйти из цитадели смогли лишь отдельные подразделения, как правило, без материальной части. Не удалось выйти из крепости даже разведывательному батальону 6-й стрелковой дивизии, имевшему на вооружении легкие танки и бронемшины.

Как сообщал в ЦК ВКП (б) секретарь Брестского об-

кома Тупицын: «В Брестской крепости, на самой границе, держали оборону две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов»¹.

А в кратком боевом отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии начало боевых действий в районе ее дислокации описано так: «В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место мно-

¹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 6. — С. 214.

гие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь»¹. Следовательно, большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что эти части имели задачу оборонять крепость, а потому, что не смогли из нее выйти под артиллерийским и пулеметным огнем немецких войск.

Артиллерия, находившаяся в открытых артиллерийских парках крепости, в большей своей части была уничтожена огнем противника на месте. Почти целиком погиб конский состав артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизий, находившийся во дворе крепости у коновязей. Автомшины автобатальонов и других частей обеих дивизий, стоявшие в объединенных открытых автопарках, были сожжены. Все документы и имущество частей остались в крепости.

Заместитель командира 6-й стрелковой дивизии по политической части полковой комиссар М.Н. Бутин докладывал о результатах артиллерийского обстрела немецкими войсками Брестской крепости и условиях выхода частей по тревоге следующее: «После артиллерийского обстрела, произведенного в 4.00 22.06.1941 г., части в район сосредоточения компактно выведены быть не могли. Бойцы прибывали поодиночке в полураздетом виде. Из сосредоточившихся можно было создать максимум до двух батальонов. Первые бои осуществляли под руководством командиров полков товарищей Дородных (84-сп), Матвеева (333-сп), Ковтуненко (125-сп).

Материальную часть артиллерии стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий 2-го дивизиона и одно орудие полковой школы. Личный состав, материальная часть и конский состав 1-го дивизиона,

¹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 6. — С. 82.

находящегося в крепости, были уничтожены»¹. Кроме того, были полностью уничтожены находившиеся на складах в крепости неприкосновенные запасы дислоцировавшихся здесь частей и подразделений.

Части 28-го стрелкового корпуса, размещавшиеся в Северном городке (на северной окраине Бреста), понесли значительно меньшие потери. 17-й гаубичный артиллерийский полк 42-й стрелковой дивизии был выведен из городка в составе двух дивизионов, а 447-й корпусной артиллерийский полк вывел 19 орудий с небольшим количеством боеприпасов. Остальные боеприпасы, сосредоточенные в артиллерийском парке полка, были уничтожены артиллерийским огнем противника.

В аналогичных условиях оказались и многие другие части и соединения, находившиеся на направлениях главных ударов противника. Следует в связи с этим отметить, что грубейшие ошибки в поддержании боевой готовности войск накануне нападения Германии на СССР порой граничили с преступлением. Во многих соединениях и в гарнизонах царило ничем не оправданное благодушие. Так, большая часть соединений армий прикрытия не была своевременно приведена в повышенную боевую готовность. В то же время не все части и подразделения находились в пунктах дислокации: с одними проводились учения, другие находились на сборах, третьи вели инженерные работы, четвертые выдвигались в назначенные им районы. Несмотря на явную угрозу войны, не прекращались отпуска офицеров. Редким исключением являлся перевод офицеров на казарменное положение. Не были осуществлены и другие меры по поддержанию боеготовности. По существу, война для советских войск началась в условиях, когда части и со-

¹ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 6. — С. 83.

единения осуществляли свою деятельность по распорядку мирного времени.

В первые же часы агрессии, когда на многих направлениях немецкие войска уже вклинились на советскую территорию, соединения и части прикрытия, не представляя всей сложности обстановки, под непрерывным массированным воздействием вражеской авиации стремились выйти в определенные им планами районы и осуществить прикрытие границы. Командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков в 6 часов 40 минут 22 июня докладывал командующему войсками Западного фронта: «42, 6 и 75-я стрелковые дивизии выходят в свои районы, о 49-й дивизии данных нет... 22-я танковая дивизия под артогнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника... бомбили Пружанскую дивизию, результаты неизвестны»¹. Не имея никаких сведений об обстановке, командующий 3-й армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов требовал от командиров подчиненных соединений: «Немедленно информируйте, что у вас происходит на границе и выполняют ли войска приказ по плану? Есть ли данные о том, что приказ войска выполняют? ...введен ли план прикрытия в действие?»²

Войска прикрытия всячески стремились выйти в назначенные районы, но, не зная обстановки, не представляя, что происходит на границе, подвергались ударам наземных группировок немецких войск еще в ходе выдвижения. Так, в ходе совершения марша была атакована танковыми подразделениями врага 113-я стрелковая дивизия 10-й армии. В результате соединение понесло большие потери, его штаб был разгромлен, командир дивизии генерал-майор Х.Н. Алавердов пленен, а остат-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.

² Там же. Д. 195. Л. 14.

ки дивизии разрозненными группами отошли в леса Беловежской Пущи¹. Усугубляло положение и то обстоятельство, что артиллерийские части и подразделения 10-й армии к началу боевых действий находились на окрестных сборах. Чтобы выйти к своим соединениям, отдельным из них предстояло пройти под воздействием немецкой авиации значительное расстояние. Большинство этих частей и подразделений так и не смогло вернуться в подчинение корпусов и дивизий. Они, как отмечалось в докладе начальника артиллерии армии, «вынуждены были бродить по дорогам до тех пор, пока не были разгромлены авиацией противника»².

И все же в этих тяжелейших условиях командующие и командиры всех степеней, проявляя мужество, настойчивость и инициативу, выводили подчиненные соединения и части в свои районы прикрытия. Так, в полосе Западного фронта без больших потерь были подняты по тревоге и заняли полностью или частично назначенные полосы обороны 56-я и 27-я стрелковые дивизии 3-й армии, 8, 13, 86 и 2-я стрелковые дивизии 10-й армии. Однако необходимо отметить, что все эти соединения были недостаточно боеспособны. Они переходили к обороне в широких полосах, в одноэшелонных боевых порядках, зачастую на необорудованной в инженерном отношении местности, имея один боекомплект боеприпасов и одну заправку горючего, без существенной поддержки артиллерии и авиационного прикрытия, располагая незначительным количеством зенитных средств и средств связи.

Вторые эшелоны стрелковых корпусов и армий прикрытия выдвигались на предписанные рубежи под ударами не только воздушной, но иногда и наземной группировки противника, неся при этом большие потери.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 445.

² Там же. Л. 205.

Например, 6-я кавалерийская дивизия 6-го кавалерийского корпуса 10-й армии в ходе выдвижения была вынуждена вступить во встречный бой с врагом и выйти в свою полосу обороны не смогла. Командование армий и фронта в оперативном развертывании продолжало руководствоваться «красным пакетом», включавшим план прикрытия, который не был рассчитан на такие условия развертывания вооруженных сил сторон. Через 5—6 часов после начала войны на направлениях главных ударов немецких войск создалась тяжелейшая обстановка для оперативного развертывания армий прикрытия, однако осознать ее и оценить по-настоящему практически никто не смог. В связи с этим решения на развертывание войск не уточнялись. Между тем в полосе Западного фронта требовалось пересмотреть их коренным образом.

Таким образом, в условиях внезапного нападения противника оперативное развертывание войск прикрытия было сорвано. Вследствие этого объединения не имели возможности своевременно развернуться и организовано занять предназначенные для них планом прикрытия рубежи обороны, а потому несли большие потери и вынуждены были отходить, не выполнив задач по прикрытию госграницы.

Приведение в полную боевую готовность войск второго эшелона (резервов) округа проходило в более благоприятных условиях. Однако и здесь сигнал не был своевременно доведен до всех соединений и частей, поэтому некоторые командиры принимали решения на свой страх и риск.

Выдвижение стрелковых корпусов второго оперативного эшелона округа (фронта) началось еще 16—18 июня. Война застала их в движении. В то время, когда передовые отряды и авангарды ряда соединений уже выходили в районы сосредоточения, другие части толь-

ко начинали выдвижение. Ввиду того что в целях достижения скрытности марши совершались только ночью, войска к началу войны находились в 50—100 км и более от назначенных рубежей, и для полного сосредоточения им требовалось еще от 2 до 8 суток¹.

В связи с внезапным началом войны оперативные мероприятия на Западном фронте были оторваны от мобилизационных, поэтому войска выдвигались к границе и вступали в сражение неотмобилизованными, с большим некомплектом личного состава, вооружения и техники, особенно транспортных средств. Обстановка была далеко не той, какой она представлялась до начала войны. Так, время, которое отводилось для совершения марша в оперативных планах, было рассчитано на условия мирного времени. В реально сложившейся обстановке одна-две дороги, по которым выдвигались корпуса, были, как правило, забиты беженцами. Это приводило к возникновению пробок, перемешиванию подразделений, а в итоге — к потере удобных маршрутов движения. Все это усугублялось неорганизованностью и растерянностью многих солдат и командиров, войск и штабов.

С началом военных действий особенно тяжелое положение сложилось на правом и левом крыльях Западного фронта, в полосах 3-й и 4-й армий, где на флангах Белостокского выступа ударные группировки противника перешли в наступление из районов западнее Гродно и Бреста. В донесении немецкой группы армий «Центр» Генеральному штабу сухопутных войск Германии в 8 часов 22 июня сообщалось: «4-я армия — наступление развивается успешно. В общем, отмечается слабое сопротивление противника. По-видимому, на всех участках он застигнут врасплох... К 6.00 передовые наступающие части продвинулись в основном на глубину от 4 до 5 км

¹ 1941 год — уроки и выводы. — С. 102.

восточнее Буга... В Бресте, прежде всего в крепости, сопротивление усиливается. Все корпуса ведут наводку мостов. Внезапность используется для усиления натиска.

9-я армия — наступление началось планомерно и по всему фронту развивается успешно. Преждевременно перешедшие в наступление подразделения 800-го полка особого назначения на Августов были противником отброшены назад... Население уходит на восток...»¹

В вечернем донесении (20 часов 30 минут 22 июня) группы армий «Центр» отмечалось: «Внезапность при переходе границы полностью удалась. Примерно с 9.00 сопротивление противника стало частично усиливаться... 9-я армия продвигается вперед по всему фронту и под Жабаны, Маркине и Олита перешла р. Неман... Перед 3-й танковой группой слабые вражеские части отходят на восток... 4-я армия — внезапность наступления через Буг и через сухопутную границу удалась полностью. Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов. Противник охраняет цитадель Брест и Дрогичин. Общее впечатление — противник не ожидал нашего наступления, что позволило прорвать пограничные позиции»². Из этого следует, что немецкое командование предполагало встретить на границе более организованное и упорное сопротивление советских войск.

На правом крыле, на стыке Северо-Западного и Западного фронтов, против четырех советских стрелковых дивизий, выдвигавшихся к границе, действовали 3 танковые, 2 моторизованные и 10 пехотных немецких дивизий из состава 9-й полевой армии и 3-й танковой группы. Обладая подавляющим превосходством в силах, противник прорвал оборону 11-й армии Северо-Западного

¹ Тимохович И. В. Битва за Белоруссию. — С. 27.

² Военно-исторический журнал. — 1961. — № 4. — С. 33—34.

фронта. Ее соединения стали отходить на Каунас и Вильнюс.

В результате правый фланг 3-й армии Западного фронта оказался открытым. В полосе шириной до 40 км против трех пехотных дивизий 8-го армейского корпуса врага вынуждена была вступить в бой 56-я стрелковая дивизия генерал-майора С.П. Сахнова. Ее части, подвергаясь сильному воздействию артиллерии и авиации, отражали атаки как с фронта, так и с флангов, неоднократно переходили в контратаки.

Наряду с 56-й стрелковой дивизией в тяжелом положении с началом боевых действий оказалась и 27-я стрелковая дивизия 3-й армии. Ее части и подразделения вступили в бой разрозненно и вынуждены были отражать вражеские удары в отдельных группировках, которые не имели взаимодействия между собой и не были объединены единым командованием.

85-я стрелковая дивизия, несмотря на то что ее части сумели занять оборонительные рубежи западнее Гродно, также не смогла отразить сильные удары противника и вынуждена была начать отход.

Находившийся во втором эшелоне 3-й армии 11-й механизированный корпус, не имея связи со штабами армии и фронта, начал действовать в соответствии с планом прикрытия, для чего соединения и части корпуса начали выдвижение в направлении Гродно, Сокулки для нанесения контрудара, оставив при этом в местах дислокации до 15% находившихся в ремонте танков¹. Не располагая данными об обстановке, действуя без артиллерийской и авиационной поддержки, 29-я и 33-я танковые дивизии вели наступление каждая на отдельном направлении. В это время 204-я моторизованная дивизия еще только совершала марш в район сосредоточения.

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — Мн., 2002. — С. 209.

К 14 часам в него прибыли только один мотострелковый батальон и штаб дивизии. В результате одновременного ввода в сражение дивизий корпуса, господства немецкой авиации в воздухе и отставания тылов контрудар не принес желаемого результата. 11-й механизированный корпус вынужден был перейти к обороне и вел арьергардные бои, прикрывая отход стрелковых частей¹.

Положение соединений 3-й армии усугублялось трудностями в организации управления войсками, так как проводная связь была нарушена в первый же час войны. Отсутствовала и радиосвязь. Управление войсками осуществлялось только через делегатов связи. Связь со штабом фронта в течение двух суток отсутствовала. Не знал командующий армией и о том, что делалось на флангах, так как установить взаимодействие с 11-й армией Северо-Западного фронта и с 10-й армией не удалось. Вследствие того что войска, поспешно выдвигавшиеся к границе, из-за недостатка автотранспорта не могли взять необходимых запасов, им не хватало боеприпасов и горючего². Более того, некоторые дивизии вынуждены были выдвигаться в назначенные районы сосредоточения не то что отмобилизованными, но даже и без части имевшегося по штатам мирного времени личного состава, который был призван в армию накануне войны, еще не принял присягу и в связи с этим не был вооружен. Так, в 204-й моторизованной дивизии в пунктах постоянной дислокации осталось около 2000 человек, а в 33-й танковой дивизии — вообще до 50% личного состава³.

В полосе 10-й армии, в центре оперативного построения Западного фронта, сильный удар противник

¹ *Иринархов Р.С.* Западный Особый. — С. 210.

² *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. — М., 1962. — С. 105.

³ *Иринархов Р.С.* Западный Особый. — С. 210.

нанес на стыке 1-го и 5-го стрелковых корпусов, где переходили к обороне отдельные подразделения 6-й кавалерийской дивизии и 119-й стрелковый полк 13-й стрелковой дивизии. В течение нескольких часов кавалерийские подразделения отражали атаки немецких войск, не позволив им вклиниться в оборону. Однако после нескольких сосредоточенных ударов вражеской авиации 6-я кавалерийская дивизия потеряла большое количество личного состава и почти всю материальную часть. Затем остатки дивизии по приказу командира 6-го кавалерийского корпуса генерал-майора И.С. Никитина начали отход в район северо-восточнее Белостока. Одновременно начал отход к Замбруву и 119-й стрелковый полк.

Своевременно поднятая по тревоге и занявшая в соответствии с планом прикрытия полосу обороны 86-я стрелковая дивизия армии, действуя на широком фронте без поддержки артиллерии (осталась на артиллерийском полигоне), в течение дня сдерживала 7-й немецкий армейский корпус и к вечеру получила приказ отойти на восточный берег р. Нарев.

113-я стрелковая дивизия, которая понесла большие потери еще в ходе выдвижения к границе, смогла создать лишь отдельные очаги обороны и, не сумев оказать сильного сопротивления противнику, к исходу дня вела бои на удалении 15—20 км от границы.

Об обстановке, которая в полосах 3-й и 10-й армий 22 июня быстро ухудшалась, дают представление донесения в Генеральный штаб начальника штаба фронта генерал-майора В.Е. Климовских. В 10 часов он сообщал: «Командарм 3 лично доложил, что положение ухудшается. Противник захватил Сатукин. Идут бои за Домброва... Прочной связи с 10-й армией до сих пор установить не удалось...»¹

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 5.

Спустя три часа В.Е. Климовских снова докладывал: «Противник крупными силами форсировал реку Неман между Друскеники, Гожа и развивает наступление в направлении Поречье. Противостоявший полк 56-й сд полностью уничтожен... Танковая дивизия ведет борьбу на фронте Бахатары, Голынка, Новы Двур... Ввиду потери связи с 10-й армией, в Белосток вылетел заместитель командующего войсками фронта генерал И.В. Болдин с задачей установить положение на фронте 10-й армии и в зависимости от обстановки использовать 6-й мк — на гродненском или брестском направлениях»¹.

К исходу 22 июня, когда нависла реальная угроза охвата флангов 3-й армии и прорыва немецких войск к переправам через Неман у Лунно и Мостов, генерал-лейтенант В.И. Кузнецов принял решение отвести войска на рубеж рек Комра и Свислочь, предполагая создать здесь сплошной фронт обороны и стабилизировать положение. В свою очередь, прибывший в штаб 10-й армии генерал-лейтенант И.В. Болдин оценил обстановку и пришел к заключению, что в связи с глубокими вклинениями противника соединения армии оказались под угрозой разгрома. Поэтому он приказал генералу Голубеву в ночь на 23 июня отвести соединения и части армии на восточный берег р. Нарев и организовать здесь оборону².

Исключительно тяжелая обстановка сложилась на левом крыле Западного фронта. На брестском направлении, в полосе его 4-й армии, перешли в наступление 24-й и 47-й моторизованные корпуса 2-й танковой группы и 12-й армейский корпус 4-й немецкой армии, имевшие в первом эшелоне десять дивизий, из них четыре танковые. Вслед за ними во втором эшелоне наступали шесть дивизий (две пехотные, одна танковая и три мото-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 22, 24.

² Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 108.

ризованные). Им противостояли не сумевшие выйти в назначенные полосы прикрытия 49, 42, 6 и 75-я стрелковые дивизии.

В первые же часы войны 17-я и 18-я немецкие танковые дивизии форсировали Западный Буг севернее Бреста и, не встречая сопротивления со стороны 6-й стрелковой дивизии и подразделений, находившихся на строительстве укрепленного района, начали развивать наступление на восточном берегу реки.

3-я и 4-я танковые, а также 1-я кавалерийская дивизии противника к 7 часам форсировали Западный Буг южнее города, в районе Домачево. Их удар пришелся вначале по подразделениям, выдвинутым к границе на оборонительные работы, а затем и по районам дислокации частей 75-й стрелковой дивизии в Медно и Черске. Понесся большие потери от артиллерийского огня и авиации, ее полки вступили в первый бой разрозненно, в отдельных группировках.

Три пехотные дивизии 12-го немецкого армейского корпуса, составляя центр ударной группировки, перешли в наступление непосредственно на Брест. К 7 часам части 45-й и 34-й пехотных дивизий, встречая лишь незначительное сопротивление, заняли город.

На правом фланге 4-й армии события разворачивались в такой же последовательности, как и на других участках фронта. Удары врага были внезапными. Ошеломленные и разрозненные советские войска несли большие потери в людях и материальной части. Северо-западнее Янув-Подляски после артиллерийской подготовки начали форсировать р. Западный Буг четыре дивизии 4-й немецкой полевой армии. Им на границе противостояли только подразделения стрелковых дивизий, привлеченные на оборонительные работы, и два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона Брестского укрепленного района. К 7 часам дивизии противника

продвинулись на восток от 3 до 5 км, не сумев, однако, преодолеть сопротивление 16-го и 17-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, занявших доты в районах Семятиче и Орля. Севернее Немирува с частями 134-й и 252-й пехотных дивизий завязал бой 15-й стрелковый полк 49-й стрелковой дивизии, уже сильно пострадавший от артиллерийского огня, а на рубеже западнее Семятиче — 772-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии.

«К 10 часам утра в полосе армии создавалась тяжелая обстановка, но осознать и оценить ее по-настоящему никто не мог», — отмечал бывший начальник штаба 4-й армии, впоследствии генерал-полковник Л.М. Сандалов¹. Только к 11 часам 22 июня из поступивших в адрес командования армии нескольких письменных донесений о боевых действиях войск, из докладов возвратившихся из дивизий офицеров штаба армии и докладов делегатов связи обстановка стала несколько проясняться. Главное заключалось в том, что в назначенную полосу обороны смогла выдвинуться только 75-я стрелковая дивизия.

Характерным для ведения оборонительных действий стала поспешная постановка боевых задач. Порой они определялись и ставились без учета действительного положения того или иного соединения, части. Даже если задачи были обоснованными на данное время, то с их доведением до войск обстановка настолько менялась, что они теряли свое значение. Это было характерно для действий всех армий прикрытия. К примеру, командующий 4-й армией около 11 часов 22 июня на основе полученных данных об обстановке отдал следующие распоряжения: 28-му стрелковому корпусу не допустить дальнейшего продвижения противника; 14-му механи-

¹ *Сандалов Л.М. Первые дни войны. — С. 90.*

зированному корпусу в составе 22-й и 30-й танковых дивизий атаковать его в брестском направлении и вместе с 28-м стрелковым корпусом при поддержке 10-й смешанной авиационной дивизии восстановить положение. Докладывая об отданных распоряжениях, он в своем боевом донесении просил командующего войсками Западного фронта «задержать продвижение противника с брестского направления авиацией»¹. В целом обстановка для генерала Коробкова и штаба армии продолжала оставаться недостаточно ясной, в результате чего соединениям армии ставились невыполнимые задачи. Во-первых, 22-я и 30-я танковые дивизии еще не сосредоточились в исходных районах; во-вторых, исключалась возможность их совместных действий, так как 22-я танковая дивизия при отходе из Бреста была разорвана на две части; в-третьих, 42-я стрелковая дивизия 28-го стрелкового корпуса продолжала выполнять прежнюю задачу, т.е. пыталась выйти в полосу своей обороны северо-западнее Бреста, а последнее приказание не отменяло этой задачи. В-четвертых, 6-я стрелковая дивизия оказалась в очень тяжелом положении — ее части в виде отдельных отрядов действовали в разных районах.

Не вникая детально в обстановку, не изучив ее, генерал Коробков продолжал действовать в строгом соответствии с довоенным планом прикрытия — если контрудар запланирован, то его надо осуществить. Соединениям армии, следовательно, предписывалось действовать без учета конкретного положения и состояния врага, и своих войск. Боязнь проявить инициативу, например, принять решение о переходе к обороне вблизи пунктов постоянной дислокации или на достигнутых в ходе выдвижения рубежах, лишь усугубляла общую обстановку, облегчала выполнение задач немецким войскам.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 3—4.

Так же как в 3-й армии, в первые часы войны было нарушено управление соединениями и частями и в 4-й армии. Произошло это потому, что противник, заблаговременно располагая данными о размещении армейского и дивизионных пунктов управления, узлов и линий связи, сумел вывести из строя их значительную часть ударами авиации и огнем артиллерии.

Так, в 7 часов немецкая авиация своими ударами разрушила военный городок в Кобрине. Штаб 4-й армии к 10 часам перешел в Буховичи на запасный командный пункт, но с него не удалось установить проводную связь со штабом фронта и корпусами. После 16 часов началось его перемещение в Запруды, где к этому времени начал работать новый узел связи армии. При переходе штаб армии потерял много людей и техники от ударов вражеской авиации. Командующий 4-й армией в связи с этим докладывал: «Связь и управление с войсками... чрезвычайно затруднены ввиду полного отсутствия проводочной связи и недостатка (в связи с потерями) в радиосредствах связи и в подвижных средствах»¹.

По прибытии в Запруды удалось установить связь по аппарату «Морзе» со штабом фронта, после чего начальник штаба армии полковник Л.М. Сандалов доложил обстановку начальнику штаба фронта генерал-майору В.Е. Климовских. Последний приказал принять все меры к восстановлению положения. Кроме того, он сообщил, что в штаб 4-й армии прибудет представитель от командования фронта. Во время переговоров выяснилось, что о противнике и о положении соседа справа в штабе фронта ничего не было известно².

В 18 часов на командный пункт 4-й армии прибыл помощник командующего войсками округа по военно-

¹ ЦАМ РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 207. Л. 38—42.

² Сандалов Л.М. Первые дни войны. — С. 96.

учебным заведениям генерал-майор И.Н. Хабаров. Он вручил командующему 4-й армией приказание. В нем говорилось: «...Прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожать, для чего в первую очередь используйте корпус Оборина (14-й мк). В отношении действий руководствуйтесь «красным пакетом». Авиацию используйте для совместных атак с мехчастями. Обращаю исключительное внимание на поддержание связи. Используйте радиосвязь, связь постов ВНОС, делегатов на самолетах прямо в штаб фронта и до ближайшей переговорной телеграфной или телефонной станции. Информировать через каждые два часа. Ответственность за это возлагаю на вас»¹.

К приказанию была приложена выписка из директивы НКО СССР № 2 от 22 июня 1941 г. для руководства к действиям. Директива народного комиссара обороны требовала: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить»².

Директива НКО № 2, изданная утром 22 июня, попала в штаб 4-й армии лишь в 18 часов, примерно через 11 часов. За это время произошли значительные события: немецкие танковые дивизии уже вклинились в глубину обороны Западного фронта на 25—30 км. Тем самым требования как директивы народного комиссара обороны, так и приказания штаба фронта уже не соответствовали сложившейся обстановке. Тем не менее на их основе штаб армии немедленно составил боевой приказ: «Войска 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступ-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 1.

² Там же.

ление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Зап. Буг. Удар наносят 14-й механизированный корпус совместно с 28-м стрелковым корпусом и скоростным бомбардировочным авиационным полком 10-й смешанной авиационной дивизии, 75-й и 49-й стрелковым дивизиям продолжать удерживать занимаемые рубежи... Атаку начать в 5.00 23.6.41 г. после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить»¹.

Порядок принятия решения и издание боевого приказа штаба армии свидетельствовали о стремлении механически выполнить волю вышестоящего начальника без учета сложившейся в полосе армии обстановки, прежде всего состава и характера действий группировок противника, а также состояния и возможностей своих войск.

В течение 22 июня войска второго эшелона округа продолжали выдвижение в назначенные еще до начала боевых действий районы. Штаб фронта оставался в Минске, а вспомогательный пункт управления (ВПУ) фронта во главе с заместителем командующего войсками генерал-лейтенантом В.Н. Курдюмовым, начальником оперативного отдела и начальником связи фронта — в Обуз-Лесьне. Организовать с него управление войсками в первый день войны не удалось, и руководство ими не осуществлялось. Связи с армиями ВПУ не имел².

За первый день войны командование Западного фронта не получило ни одного донесения из армий. На основании весьма отрывочных данных начальник штаба фронта генерал-майор В.Е. Климовских сделал ошибочный вывод, что 3-я и 10-я армии к концу дня отошли, а 4-я армия продолжает удерживать свой рубеж на границе.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 1. Л. 2—3.

² *Сандалов Л.М.* Первые дни войны — С. 106.

Именно так он и сообщил в Генеральный штаб в 22 часа, хотя к тому времени 4-я армия оказалась отброшенной от границы на 25—30 км, а передовые танковые части врага прорвались еще глубже — на 60 км. По сути, Климовских своим докладом ввел Генеральный штаб в заблуждение. К сожалению, командование фронта не осознало угрозы, нависшей над его войсками на брестском направлении. Его больше беспокоило положение под Гродно, где к концу дня определился глубокий охват Белостокского выступа с севера.

В Москве в течение всего дня объективной информации о положении на фронтах также не имелось, хотя после полудня на них были направлены группы представителей. Для выяснения положения и оказания помощи командующему войсками фронта генералу Павлову И.В. Сталин направил на Западный фронт самую большую группу. В нее входили заместители наркома обороны маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, а также заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В.Д. Соколовский и начальник оперативного управления ГШ генерал-лейтенант Г.К. Маландин. Однако выявить действительное положение на этом фронте и разобраться в обстановке не удалось. Об этом свидетельствует оперативная сводка Генерального штаба на 22 часа. «Германские регулярные войска, — указывалось в ней, — в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»¹.

На основании донесений фронта нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что

¹ Великая Отечественная война 1941—1945: В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1989. — С. 138.

в основном бои велись вблизи границы, а самые крупные группировки противника — это сувалковская и люблинская, именно от их действий и зависел дальнейший ход сражений. Мощную немецкую группировку, наносившую удар из района Бреста, советское Главное Командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценило; впрочем, оно не ориентировалось и в общей воздушной обстановке.

Полагая, что для ответного удара сил вполне достаточно, и руководствуясь довоенным планом на случай войны с Германией, нарком обороны в 21 час 15 минут 22 июня подписал директиву № 3. В соответствии с ней войскам Западного фронта приказывалось во взаимодействии с Северо-Западным фронтом, сдерживая противника на варшавском направлении, мощными контрударами во фланг и тыл уничтожить его сувалковскую группировку и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. На другой день предстояло совместно с войсками других фронтов перейти в наступление и разгромить ударную группировку группы армий «Центр». Подобный замысел не только не соответствовал истинной обстановке, но и помешал войскам Западного фронта создать оборону. Павлов и его штаб, получив поздно ночью директиву № 3, начали подготовку к ее выполнению, хотя сделать это за оставшиеся до рассвета часы, да еще и при отсутствии связи с армиями было невозможно.

С целью ликвидации вражеского прорыва из Сувалкского выступа командующий войсками фронта решил нанести контрудар силами механизированных корпусов 3-й и 10-й армий. Он приказал генералу Болдину создать ударную группировку в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса и нанести удар в общем направлении Белосток — Липск с задачей разгромить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его

частей в район Волковыска¹. Удар должен был быть нанесен с утра 23 июня из района южнее Гродно в северном направлении — во фланг немецкой группировке, наступавшей из Сувалкского выступа. Все соединения, предназначавшиеся для нанесения контрудара, объединялись в конно-механизованную группу под командованием генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

Но, несмотря на принятые им меры по организации наступления и проявленные настойчивость и требовательность в достижении поставленной цели, нанести мощный контрудар не представилось возможным. Это обуславливалось прежде всего тем, что на направлении намеченного контрудара находился только 11-й механизированный корпус 3-й армии, которым командовал генерал-майор Д.К. Мостовенко. Но с ним генералу Болдину так и не удалось установить связь. 6-й механизированный корпус под командованием генерал-майора М.Г. Хацкелевича еще днем 22 июня по приказу командующего 10-й армией занял оборону по восточному берегу Нарева на 35-километровом фронте. Этот корпус, считавшийся по праву самым укомплектованным в Красной Армии, имел к тому времени 1022 танка, из них 352 КВ и Т-34². Однако для выдвигания в новый район ему необходимо было выйти из боя и совершить 45-километровый марш.

Соединения 6-го кавалерийского корпуса, которым командовал генерал-майор И.С. Никитин, находились в разных районах, а 6-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Е.С. Зыбина, кроме того, вела бои на ломжинском направлении. Для сбора соединений конно-механизированной группы требовалось значительное время. К тому же сосредоточение войск в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 4857. Д. 11. Л. 48.

² Там же.

указанные им районы было сопряжено с большими трудностями, так как вражеская авиация непрерывно наносила сосредоточенные и массированные удары по их колоннам на марше, и они несли большие потери, особенно в танках.

В целом к концу первого дня боевых действий на Западном фронте сложилась крайне тяжелая обстановка. Противник упредил войска прикрытия в занятии оборонительных полос и рубежей и с ходу преодолел линию укрепленных районов во всей полосе обороны фронта. После этого его подвижные соединения получили возможность вести наступление по направлениям с целью рассечения группировок советских войск, их окружения и разгрома по частям. К исходу дня передовые отряды 3-й немецкой танковой группы вышли на рубеж Алитус — Меркине, а 2-й танковой группы вклинились в глубину на 60 км и вышли к Кобрину. Действуя в соответствии с замыслом первой наступательной операции группы армий «Центр», обе танковые группы начали охват основных сил Западного фронта с севера и юга.

Штабу Западного фронта не удалось организовать твердого и непрерывного управления войсками. Связь во всех звеньях была неустойчивой. Данными о количестве, составе и характере действий войск вторжения командование округа не располагало, поэтому не сумело грамотно сосредоточить свои достаточно сильные резервы на направлениях главных ударов врага.

С утра 23 июня соединения и части 3-й армии после оставления ночью Гродно, действуя в разобщенных группировках, вели тяжелые бои с наступавшими на всех направлениях группировками немецких войск. 56-я стрелковая дивизия, рассеченная на две части, осуществляла отход вдоль левого и правого берегов Немана. Главные силы 85-й стрелковой дивизии в составе двух стрелковых и одного гаубичного артиллерийского пол-

ков, находясь под непрерывным воздействием вражеской авиации, к концу дня закрепились на р. Свислочь. Ее 59-й стрелковый полк совместно с частью сил 56-й стрелковой дивизии и отрядом пограничников после отхода от Гродно занял оборону вдоль р. Котра, севернее и южнее Скиделя.

Отход стрелковых войск прикрывали 29-я и 33-я танковые дивизии 11-го механизированного корпуса, действовавшие без артиллерийской поддержки и авиационного прикрытия. В результате их боевые порядки непрерывно подвергались ударам немецкой авиации, которая методично уничтожала танки и другую боевую технику.

В соответствии с полученным приказом на контрудар штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов начали выдвижение своих соединений в районы сосредоточения. Однако отсутствие службы регулирования на маршрутах выдвижения 6-го механизированного корпуса, неразбериха, а в ряде случаев и паника, царившие на дорогах, привели к большому количеству аварий и потере времени. Кроме того, марш совершался в условиях безраздельного господства в воздухе авиации противника. В результате ее ударов только 7-я танковая дивизия потеряла в течение дня 63 танка, к тому же были разгромлены все полковые тылы¹.

Практически не смогли сосредоточиться в исходных районах для контрудара и соединения 6-го кавалерийского корпуса. Если его 6-я кавалерийская дивизия вообще не получила приказ на контрудар и продолжала после тяжелых боев под Ломжей отходить на восток, то 36-я кавалерийская дивизия при совершении марша из района Волковыска в направлении Гродно подверглась непрерывным ударам вражеской авиации, в течение не-

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 260.

скольких часов безнаказанно расстреливалась с самолетов и была рассеяна по окрестным лесам¹.

Таким образом, ни одно из соединений конно-механизированной группы И.В. Болдина, предназначенной для нанесения 23 июня контрудара на гродненском направлении, в исходные районы выйти не смогло.

В результате отхода войск левого крыла Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов по расходящимся направлениям к вечеру 23 июня между ними образовался разрыв до 130 км, куда устремились танковые и моторизованные дивизии 3-й танковой группы и 9-й армии противника.

В течение дня 23 июня соединения правого фланга и центра оперативного построения 10-й армии по приказу ее командующего осуществляли отход, ведя отдельные бои на неподготовленных рубежах. Управление войсками со стороны штаба армии отсутствовало, так как он не имел связи с подчиненными соединениями и частями. Это усиливало неразбериху на маршрутах, вызывало растерянность у части командного состава, приводило к панике и неустойчивости в обороне у красноармейцев. Тем не менее части 2-й и 8-й стрелковых дивизий 1-го стрелкового корпуса отошли к р. Бобр и заняли оборону на позициях Осовецкого укрепленного района.

К исходу дня 13-я и 86-я стрелковые дивизии 5-го стрелкового корпуса отошли на рубеж по восточному берегу р. Нарев. В свою очередь, 113-я и 49-я стрелковые дивизии, действуя в полуокружении, отходили на северо-восток в направлении Беловежской Пущи. Изолированные друг от друга вклинившимся в их оборону противником части 13-го механизированного корпуса вели очаговые бои на р. Нурец и на ряде направлений начали отход также в направлении Беловежской Пущи².

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 261.

² Там же. С. 264.

В полосе 4-й армии в 6 часов 23 июня 14-й механизированный и 28-й стрелковый корпуса перешли в наступление. Превосходство сил и средств, участвовавших в контрударе, было на стороне врага. Так, по количеству дивизий оно составляло 1,6:1, по личному составу 2,1:1, по танкам 1,7:1, по противотанковым орудиям 8,3:1 в его пользу. В результате этого советские соединения и части несли большие потери. Только 30-я танковая дивизия потеряла от огня немецкой противотанковой артиллерии 60 танков из 130¹. После этого она отошла в район Пружан, где была атакована 17-й и 18-й немецкими танковыми дивизиями. Главные силы 17-й танковой дивизии обошли Пружаны с севера и вышли в тыл советским войскам. После короткого боя противник захватил город.

Большие потери понесли 6-я, 42-я стрелковые и 22-я танковая дивизии, действовавшие в районе Жабинки, Хведковичей, Филиповичей. Под ударами 3-й танковой, 31-й и 34-й пехотных немецких дивизий, наступавших вдоль Варшавского шоссе, они отходили в район Кобрина. Части 42-й и 6-й стрелковых дивизий перемешались, что сильно затруднило управление ими. 75-я стрелковая дивизия продолжала прикрывать пинское направление². О положении 49-й стрелковой дивизии данных в штабе армии к этому времени не имелось. Командующий 4-й армией докладывал командующему войсками фронта: «Слабоуправляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов авиации противника, отходят в беспорядке, не представляя собой силы, могущей сдержать противника. Попов и Оборин (командиры 28-го стрелкового и 14-го механизированного корпусов. — В.А.) проявляют неустойчивость, преждевременно отводят части и особенно штабы»³.

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 114.

² Там же.

³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 9—11.

Таким образом, условия вступления в сражение соединений 14-го механизированного корпуса были чрезвычайно тяжелыми и не позволили командующему армией осуществить задуманный контрудар. Соединения корпуса предприняли лишь разрозненные контратаки. Основными причинами неудачного исхода контрудара 4-й армии стали: количественное и качественное превосходство противника в силах и средствах на направлении главного удара; отсутствие артиллерийской и авиационной поддержки соединений, наносивших контрудар; слабое взаимодействие частей и соединений; плохое управление войсками во всех звеньях и слабое материально-техническое обеспечение боевых действий.

В результате контрудара остановить дальнейшее продвижение ударных группировок немецких войск не удалось. Соединения и части армии, понеся за два дня боев большие потери в людях и боевой технике, еще более утратили боеспособность и к концу второго дня отошли от границы на 100 км. На слонимском направлении танковые дивизии 47-го немецкого моторизованного корпуса за два дня продвинулись на 125 км.

После отхода главных сил 4-й армии и захвата противником Пружан и Березы-Картузской путь для наступления немецких войск на Слоним и Барановичи — в тыл 10-й армии и действовавшей на гродненском направлении фронтовой конно-механизированной группы под командованием генерал-лейтенанта Болдина — оказался открытым.

24 июня положение в полосе Западного фронта продолжало ухудшаться. Узнав о захвате Гродно, командующий войсками Западного фронта Д.Г. Павлов уточнил в течение ночи задачи группе Болдина и 3-й армии. Конно-механизированная группа в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии должна была овладеть Гродно и развивать наступле-

ние по обоим берегам Немана. Вспомогательные удары планировалось нанести силами 85, 56 и 27-й стрелковых дивизий 3-й армии с задачами овладеть рубежи севернее Гродно и войти в соприкосновение со 2-й стрелковой дивизией в районе Осовца. 21-му стрелковому корпусу фронтового подчинения приказывалось силами 24, 37 и 17-й стрелковых дивизий наступать в направлении Радунь, Варена (Ораны)¹.

В течение дня соединения контрударной группировки при поддержке фронтовой авиации 3-го дальнебомбардировочного корпуса полковника Н.С. Скрипка сумели добиться некоторого успеха. Не выдержав их удара, 256-я немецкая пехотная дивизия была вынуждена отойти. Против советских войск, наносивших контрудар, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Бок направил основные силы 2-го воздушного флота. Немецкие самолеты непрерывно наносили удары, лишая части 3-й армии и группы Болдина возможности любого маневра. Тяжелые бои под Гродно продолжались и на следующий день, но наступательные возможности войск быстро иссякли. Противник подтянул противотанковую и зенитную артиллерию, а также 129-ю пехотную дивизию. Тем не менее группе Болдина удалось на двое суток приковать к району Гродно значительные силы врага и нанести ему существенный урон. Командование группы армий «Центр» было вынуждено перебросить сюда два армейских корпуса и повернуть некоторые части 3-й танковой группы генерала Гота. Контрудар облегчил, хотя и ненадолго, положение 3-й армии. Но перехватить инициативу так и не удалось, причем механизированные корпуса понесли огромные потери: например, в 11-м мехкорпусе осталось всего 50 танков².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 4. Л. 25—27.

² Там же. Оп. 2511. Д. 206. Л. 34.

Главными причинами неудачного исхода контрудара являлись отсутствие надежной авиационной и артиллерийской поддержки и зенитно-артиллерийского прикрытия. Войска понесли значительные потери в материальной части и людях от авиации противника и его противотанковой артиллерии. Кроме того, из-за плохой организации снабжения они начали испытывать недостаток в боеприпасах и горючем.

Соединения и части 10-й армии в течение 24 июня продолжали тяжелые оборонительные бои на рубеже рек Бобр, Нарев и Нурец. Наиболее сложная обстановка в этот день сложилась в полосах 49-й и 113-й стрелковых дивизий, а также соединений 13-го механизированного корпуса, которые, потеряв в ходе предыдущих боев все танки и имея лишь незначительное количество бронемашин, попытались оторваться от противника и выйти к Беловежской Пуще и р. Свислочь.

Так как связь со штабами армий периодически отсутствовала, командующий войсками фронта слабо знал обстановку, особенно положение своих войск. Поэтому вместо заблаговременной организации обороны в Минском укрепленном районе он решил выдвинуть находившиеся северо-западнее Минска соединения в направлении Лиды, с целью нанесения контрудара по наступавшей здесь группировке немецких войск. В середине дня 24 июня генерал Павлов приказал командующему 13-й армией генерал-лейтенанту П.М. Филатову объединить в составе армии 21-й стрелковый корпус (17, 24, 37 и 50-я стрелковые дивизии) и 8-ю противотанковую бригаду, прикрыть вильнюсское направление и, заняв противотанковой бригадой рубеж в районе Лиды, частью сил организовать наступление в целях оказания содействия ударной группе генерала Болдина¹. Вследствие

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 111.

того что этот приказ не учитывал реально сложившейся обстановки, он не был полностью выполнен и привел лишь к ослаблению обороны северо-западных подступов к Минску.

На левом крыле Западного фронта, в полосе 4-й армии, ночью 24 июня соединения 2-й немецкой танковой группы при поддержке бомбардировочной авиации атаковали соединения и части армии на рубеже р. Ясельда. При появлении немецких танков на Варшавском шоссе в тылу войск, оборонявшихся в районе Березы-Картузской, началась паника, что отрицательно сказалось на устойчивости обороны. Остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий, а также действовавшие в пешем порядке подразделения 14-го механизированного корпуса начали с боями отступать на северо-восток вдоль Варшавского шоссе¹.

Выдвигавшаяся из второго эшелона фронта на рубеж р. Щара 55-я стрелковая дивизия была упреждена немецкими частями в его занятии и перешла к обороне на неподготовленном рубеже. Совершавшая марш в район Волковыска 155-я стрелковая дивизия была неожиданно атакована во фланг частями 17-й и 18-й танковых дивизий противника, понесла большие потери и начала отходить на восток. Вместе со 121-й стрелковой дивизией она заняла оборону по р. Щара севернее и южнее Слонима. Здесь они в первой половине дня сумели отразить атаки 47-го немецкого моторизованного корпуса.

Усилившееся сопротивление советских войск в районе Слонима начало вызывать беспокойство у германского командования. Задержка в продвижении танковых соединений могла сорвать или, по крайней мере, затруднить противнику разгром главных сил Западного

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 126.

фронта на подступах к Минску. Во избежание этого было принято решение ускорить ценой временного отказа от наступления на Полоцк и Витебск продвижение 3-й танковой группы на Минск.

Командующий группой армий «Центр» в переговорах с главнокомандующим немецкими сухопутными войсками в первой половине дня 24 июня докладывал: «Так как танковая группа Гудериана западнее Барановичей встречает сильное сопротивление, то подход группы Гота в район Минска имеет решающее значение... Продвижение всей группы Гота в направлении Полоцк, Витебск в настоящее время полностью отходит на задний план. Прежде всего будет проведено сражение западнее Минска». И далее: «Речь идет о том, чтобы провести сражение между Белостоком, Минском и здесь удушить противника... Группа Гота получила приказ, выставив заслон на восток, повернуть на Минск. Задачей 9-й армии явится после отражения противника южнее Гродно точно так же постепенно своими главными силами повернуться к окружению (котлу) Белосток, Минск»¹.

В течение 24 июня остатки соединений 4-й армии отступили от рубежа р. Ясельда до р. Щара юго-восточнее Барановичей примерно на расстояние 90—100 км. При этом большая часть подразделений разбитых дивизий 14-го и 28-го корпусов не смогла отойти, осталась в лесах, в тылу 2-й немецкой танковой группы и вела разрозненные бои с наступавшими вслед за танковыми дивизиями частями 12-го армейского корпуса и 10-й моторизованной дивизии 24-го моторизованного корпуса.

Стрелковые дивизии второго эшелона фронта (143, 155, 121-я) не смогли занять назначенные им рубежи. Но, перейдя к обороне по р. Щара в районе Слонима, сумели впервые с начала войны остановить наступление

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 131.

противника. Однако, как и в предыдущие дни, советские войска вели боевые действия без достаточного усиления артиллерийскими, танковыми и авиационными средствами, при слабом знании обстановки и при полном отсутствии армейских и фронтовых органов тыла и необходимых запасов.

Оценка обстановки к исходу 24 июня и дальнейшие намерения командования немецкой группы армий «Центр» видны из очередного донесения штаба этой группы. В нем говорилось: «Данные авиаразведки и характер боев позволяют установить, что в котле Белосток, Волковыск еще находятся значительные силы противника, которые разделились на отдельные группы и в большинстве своем сильно потрепаны. Уже два дня противник, подвергавшийся воздействию со стороны нашей авиации, отходит в восточном направлении... Он производит атаки во все стороны с целью облегчить свое положение. Из этих атак наиболее значительная ведется с полудня в районе юго-западнее и южнее Гродно. Со взятием переправ через р. Щара у Слонима противнику отрезан важнейший путь отхода на восток.

Группа армий намерена всячески обеспечить соединение обеих танковых групп в районе Минска. Одновременно армейские корпуса в своих полосах наступления уничтожают противостоящего противника. Для уничтожения или полного обезвреживания вражеской группировки у Белостока необходимо достигнуть соединения внутренних флангов в районах Волковыск и Лунна»¹.

Исходя из этих намерений, немецкое командование поставило своим войскам задачи, сводившиеся к тому, чтобы 12-й и 43-й корпуса 4-й армии и 5-й и 8-й корпуса 9-й армии наступали навстречу друг другу в общем направлении на Волковыск, где, соединившись, создавали

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 134.

внутренний фронт окружения. 2-я и 3-я танковые группы получили задачу продолжать выход в район Минска, где должны были создать внешний фронт окружения.

Несмотря на дальнейшее осложнение обстановки в результате выхода танковых групп противника к Барановичам и Молодечно и создание угрозы окружения всей белостокской группировки войск Западного фронта (3-я и 10-я армии, группа Болдина), командующий его войсками не решался поставить перед народным комиссаром обороны вопрос о прекращении контрудара на Гродно, переходе главных сил фронта к обороне или об отводе их на восток.

В результате войскам фронта на 25 июня были оставлены прежние задачи: группе Болдина и 3-й армии — продолжать контрудар на Гродно и севернее, 10-й и 4-й армиям — удерживать занимаемые рубежи. Для прикрытия минского направления было приказано командиру 44-го стрелкового корпуса в течение ночи на 25 июня занять силами 64-й и 108-й стрелковых дивизий Минский укрепленный район, а частям 20-го механизированного корпуса — позиции между Минским и Слуцким укрепленными районами. Этот корпус находился в стадии формирования, имел в трех своих дивизиях около 8000 человек, 93 танка, 11 бронемашин и не мог серьезно противостоять танковым группировкам противника, вышедшим с двух направлений к Минску¹.

Как и 23 июня, кардинального решения в отношении белостокской группировки фронта вечером 24 июня не было принято. Вместо того чтобы организовать отвод основных сил фронта из-под угрозы их окружения, группа Болдина по-прежнему должна была изматывать свои силы в бесполезных атаках, терять людей, боевую технику, бесцельно расходовать боеприпасы и горючее, а ос-

¹ *Иринархов Р.С.* Западный Особый. — С. 299.

новные силы 10-й армии — оставаться почти в окружении на рубежах по рекам Бобр и Нарев, находившихся от линии Барановичи — Молодечно на расстоянии более 200 км¹.

25 июня на правом крыле и в центре оперативного построения Западного фронта соединения 3-й и 10-й армий, а также группы генерала Болдина продолжали бои с танковыми и пехотными дивизиями 3-й танковой группы и 9-й армии противника. Действуя в изолированных группировках, без взаимодействия с соседями и авиационного прикрытия, на не подготовленных в инженерном отношении рубежах, при недостатке боеприпасов и других средств материального обеспечения, они лишь на отдельных направлениях оказывали ему организованное сопротивление. В большинстве же случаев разрозненные части и подразделения, а также отдельные группы осуществляли беспорядочный отход.

В полосе 4-й армии, на левом крыле фронта, боевые действия велись в районах, удаленных от государственной границы на 150—200 км, на подступах к Барановичам и на слуцком направлении. От первоначального состава армии остались незначительные силы. Они действовали на огромном пространстве разрозненными группами и отрядами в тылу войск противника. Только 75-я стрелковая дивизия продолжала отражать атаки пехоты врага в районе Малориты, т.е. практически в той полосе, которая была определена ей довоенным планом прикрытия. Однако отход других соединений 4-й армии привел к окружению этой дивизии. Управление вновь подчиненными армии дивизиями 47-го стрелкового корпуса на р. Щара организовать не удалось ни штабу армии, ни штабу корпуса.

Штаб Западного фронта, как и прежде, не знал истинного положения как немецких, так и своих войск. Решения, принимаемые командованием фронта, доводи-

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 135.

лись до войск с большим опозданием и поэтому теряли свое значение. К тому же распоряжения и указания фронта не отвечали быстро меняющейся обстановке, как правило, отдавались не в соответствии, а вопреки ей. Вторые эшелоны и резервы вступали в сражение разрозненно. Взаимодействие между армиями и их соединениями отсутствовало. Была окончательно дезорганизована служба тыла.

К исходу четвертого дня войны немецкая 3-я танковая группа продвинулась на 230 км и, выйдя на подступы к городам Лида и Молодечно, глубоко охватила войска Западного фронта с севера и северо-востока. В то же время моторизованные и пехотные соединения 2-й танковой группы и 4-й армии противника, преодолев расстояние в 200—250 км, охватили войска Западного фронта с юга и юго-востока.

Вступление в сражение в полосе фронта дополнительных соединений 3-й танковой группы и 9-й армии, ранее наступавших в полосе Северо-Западного фронта, значительно увеличило численное превосходство врага. Используя выгодную обстановку, немецкое командование потребовало от командующих 3-й и 2-й танковых групп увеличить темпы наступления с целью выхода к Минску. В связи с этим угроза окружения 3-й и 10-й армий, а также группы генерала Болдина в Белостокском выступе еще более возросла. Западный фронт оказался на грани катастрофы.

Лишь вечером 25 июня Ставка Главного Командования, получив донесение своего представителя Б.М. Шапошникова об угрозе окружения войск Западного фронта, приказала генералу армии Д.Г. Павлову срочно отвести войска на рубеж укрепленных районов по старой границе¹. Приказание было продублировано армиям ди-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 13—14.

рективой фронта, в которой указывалось: «Сегодня, в ночь с 25 на 26 июня, не позднее 21.00 начать отход. Танки — в авангарде, конница, усиленная противотанковыми средствами, — в арьергарде... Предстоящий марш (отход) совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов... Связь — по радио...»¹ Отрыв от противника призывалось произвести на широком фронте и в первые сутки на глубину не менее 60 км².

Отдавая директивы на отвод войск в столь высоких темпах, командование фронта имело далеко не полное представление об обстановке не только в 3-й и 10-й армиях, находившихся в районе Белостока, но и в полосах 13-й и 4-й армий. Несмотря на то что соединения этих армий находились наиболее близко к штабу фронта, они не имели с ним устойчивой связи, испытывали острый недостаток в боеприпасах, автотранспорте, горючем и были скованы непрерывными боями с превосходившими силами противника. К тому же директива на отвод войск уже не отвечала быстро меняющейся обстановке. Запоздалое решение Ставки Главного Командования на отход из района Белостока и отсутствие настойчивости у командования фронта в своевременном доведении его до штабов армий в значительной мере предопределили в последующем неудачный исход боевых действий в период отступления и в конечном итоге тяжелое поражение Западного фронта. Это видно из того, что к моменту отдачи указаний командующего войсками фронта для отхода белостокской группировки оставался коридор шириной местами не более 60 км с небольшим количеством проселочных дорог. Над обоими флангами и тылом советских войск нависли крупные вражеские группировки. Соединениям 3-й и 10-й армий предстояло

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 33—34.

² *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 146.

преодолеть расстояние свыше 150 км, на что требовалось не менее трех суток. Что касается рубежа отвода 4-й армии, то к моменту отдачи директивы ее правофланговые соединения уже миновали этот рубеж и вели тяжелые бои в районах, удаленных от него к востоку на 30—40 км¹.

Соединения 3-й армии отступали на Мосты и Новогрудок. Часть сил, выделенная для прикрытия отхода, оказывала в районе Мостов упорное сопротивление 8-му армейскому корпусу, который двигался навстречу 2-й танковой группе. 27 июня немецкие соединения захватили автодорожный мост через Неман. Но развить наступление в этот день не смогли вследствие ожесточенного сопротивления советских войск. Несмотря на то что противник наступал силами трех армейских корпусов — 5, 8 и 20-го, советские соединения стойко удерживали занимаемые рубежи. Более того, перейдя в контратаку, части 3-й армии отбили захваченный врагом мост. В донесении командующего 9-й немецкой армией командованию группы армий «Центр» об упорных и напряженных боях в этом районе сообщалось следующее: «28-я пехотная дивизия должна была удерживать плацдарм у Лунны. У Мостов идут тяжелые бои. Автодорожный мост у Мостов вновь захвачен противником»².

Тяжелые бои с противником велись и в полосе 10-й армии, особенно в районах Волковыска и Зельвы. Соединения армии стремились оторваться от него и прорваться на восток через Слоним на Барановичи. Части 13-го механизированного корпуса, а также 113-й и 49-й стрелковых дивизий, отошедшие в полосу армии, при отступлении через Беловежскую Пущу разделились на отдельные, не связанные между собой группы, которые

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 146..

² *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. — М., 1962. — С. 119.

управлялись командирами полков, командирами дивизий или офицерами штабов дивизий.

В полосе 4-й армии на барановичском и слуцком направлениях в общей сложности против четырех-пяти ее дивизий, понесших значительные потери в людях и материальной части, наступали в первом эшелоне 47-й и 24-й моторизованные корпуса 2-й танковой группы, непосредственно за ними 46-й моторизованный корпус этой же группы и 12-й армейский корпус 4-й немецкой армии¹. С утра 26 июня танковые части противника после сильного удара авиации прорвали боевые порядки прикрывавших Варшавское шоссе на линии бывшего Слуцкого укрепленного района сводных отрядов 14-го механизированного корпуса и 55-й стрелковой дивизии и нанесли удар по штабу 4-й армии в районе Гулевичей, который, понеся потери, отошел в Заградье. К 14 часам передовые части 24-го немецкого моторизованного корпуса вышли к Слуцку².

На барановичском направлении в течение 26 июня 47-й немецкий моторизованный корпус продолжал наступление против 121, 155 и 143-й стрелковых дивизий. В это же время в район Лесьны стали прибывать передовые части 46-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы. Для усиления этого направления командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков решил использовать части формируемого в этом районе 17-го механизированного корпуса генерал-майора М.П. Петрова. Ввести в сражение в полном составе это соединение не представлялось возможным. Корпус, укомплектованный почти полностью рядовым составом и располагавший значительным количеством артиллерии и 50 танками, не имел положенного по штатам командного состава, а в

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 150.

² Там же. С. 151, 153.

дивизиях и частях не было укомплектованных и подготовленных штабов. Не было средств связи, боеприпасов для артиллерии и танков, оружия на 10 тыс. человек личного состава¹.

Так, в 27-й танковой дивизии этого корпуса смогли перейти к обороне лишь 3 тыс. человек, вооруженных винтовками. Остальной личный состав в количестве около 6 тыс. человек, не имевших оружия, а также вся гаубичная и зенитная артиллерия, ввиду отсутствия снарядов, были сосредоточены в лесном массиве. После первого же удара противника дивизия начала отход с занимаемого рубежа. При этом вражеские танки и пехота атаковали безоружную массу красноармейцев, частично уничтожили их огнем и гусеницами танков, а большую часть рассеяли по лесам. В результате 27-я танковая дивизия была полностью разгромлена в первом же для нее бою².

С 26 июня немецкое командование стремилось как можно скорее выдвинуть соединения 3-й и 2-й танковых групп в район Минска, чтобы замкнуть кольцо окружения. В этот день 39-й моторизованный корпус 3-й танковой группы вышел к Минскому укрепленному району, где начиная с 25 июня готовил оборону 44-й стрелковый корпус 13-й армии (64-я и 108-я стрелковые дивизии), а в промежутке между Минским и Слуцким укрепленными районами — 20-й механизированный корпус³. Кроме того, с целью прикрытия северо-западных подступов к Минску генерал Павлов решил выдвинуть из своего резерва на рубеж обороны, проходивший в 20 км от города, 161-ю и 100-ю стрелковые дивизии 2-го стрелкового корпуса, которые совместно с частями народного ополчения, сформированными в Минске, должны были оста-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. С. 154.

² Там же. Оп. 2526. Д. 22. Л. 26.

³ Там же. Оп. 10169. Д. 7. Л. 35—37.

новить наступление танковых соединений противника. К моменту выхода немецких танков к Минскому укрепленному району соединения 13-й армии не закончили сосредоточения и развертывания. На огневые позиции были выведены не все артиллерийские части. В связи с решением занять весь укрепленный район советские дивизии готовились к обороне в широких полосах. Так, 64-я стрелковая дивизия, имевшая 102 орудия, оборонялась в полосе 52 км¹, построив боевой порядок в один эшелон. Вполне естественно, что создать устойчивую в противотанковом отношении оборону советские войска не могли. Кроме того, многие оборонительные сооружения вследствие недостатка сил вообще не были заняты войсками. Многие из них к тому же не могли быть использованы для ведения обороны, так как в них после переноса границы на запад были демонтированы вооружение и приборы, не функционировали связь, вентиляция и освещение, не было схем по созданию системы огня².

В первой половине 26 июня части 3-й немецкой танковой группы прорвали оборону 64-й стрелковой дивизии и стали продвигаться в направлении Семков Городок (30—40 км севернее Минска). Одновременно была атакована 100-я стрелковая дивизия. Бои в полосе ее обороны начались в 15 часов. Первый удар, до 40 немецких танков, пришелся по правому флангу, по 85-му стрелковому полку подполковника М.В. Якимовича. Основная масса бронированных машин двигалась вдоль Логойского шоссе, безжалостно давя и расстреливая беженцев.

Острота положения обуславливалась почти полным отсутствием артиллерии, поэтому если в соседних соединениях бутылки с бензином были вспомогательным противотанковым оружием, то здесь они превратились

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 120.

² Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — С. 58.

чуть ли не в главное. Такая ситуация создалась из-за ошибочного решения командования Западного фронта, принятого в полдень 22 июня: изъять из состава единственной, дислоцированной в самом Минске дивизии ее артиллерию. Это было сделано с целью усилить 44-й стрелковый корпус, занимавший оборону западнее Минска.

На исходе дня вражеская атака повторилась. Теперь она была нацелена против 355-го полка полковника Н.А. Шварева. Исход боя здесь был решен подошедшим 155-м корпусным артиллерийским полком в составе двадцати 152-миллиметровых орудий. Противник потерял свыше 50 танков, немало другой техники, до четверти личного состава частей, действовавших в полосе 100-й стрелковой дивизии¹.

Несмотря на это, к исходу дня передовым соединениям 2-й и 3-й немецкой танковых групп удалось прорваться на глубину до 300 км. Командование фронта уже не имело реальных возможностей для того, чтобы противодействовать назревавшему окружению советских войск западнее Минска. В сложившейся обстановке не могла существенно помочь фронту и Ставка Главного Командования, отдававшая ему лишь общие, не отвечающие обстановке указания. Так, 27 июня начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г.К. Жуков в переговорах по прямому проводу с начальником штаба Западного фронта генералом Климовских поставил фронту задачи следующего содержания: «Первое: Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей... Поставить частям задачу, вести ли бои или сосредоточиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

¹ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — С. 67—68.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горячее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях: через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами; направление Минск, собирать части за Минским УРом (там, где стремятся соединиться танковые группы противника. — В.А.); третье направление — Глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков... Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, двигающегося на Минск и на Бобруйск, после чего можно с успехом повернуть против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под водительством преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах»¹.

Содержание данной директивы показывает, что Главное Командование Красной Армии не осознавало всю сложность и трагичность обстановки в полосе Западного фронта. Непонятно, какими силами Д.Г. Павлов мог нанести удар с целью отсечения и разгрома вырвавшихся вперед танковых группировок противника? О ка-

¹ Тимохович И.В. Битва за Белоруссию. — С. 38; Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 348—349.

кой «коннице» шла речь? О 6-м кавалерийском корпусе 10-й армии? Но корпуса уже как боеспособного соединения, по сути, не было. Да и находились его дивизии отнюдь не в районе Пинска, а в окружении в Белостокском выступе, и «водительствовали» их командиры в совсем других лесах.

В то же время на 27 июня командование группы армий «Центр» поставило перед армейскими корпусами 4-й и 9-й армий задачу замкнуть и максимально сузить фронт окружения вокруг советских войск, действовавших в районах Белостока и Волковыска. С этой целью приказывалось продолжать одновременное наступление с юго-востока, запада и севера, прикрывая частью сил участок между Зельвой и р. Неман. Танковым группам ставилась прежняя задача — соединиться в районе Минска.

Командующий войсками Западного фронта 27 июня еще не терял надежды на успешный отход войск из Белостокского выступа и снова отдал приказ командующему 10-й армией отойти на рубеж Минского укрепленного района. 6-й кавалерийский корпус предполагалось отвести в район Червеня, а 6-й механизированный корпус пополнить боеприпасами и горючим и форсированным маршем к исходу 28 июня сосредоточить в Пуховичах для того, чтобы через Осиповичи атаковать в направлении Бобруйска и разгромить бобруйско-случскую группировку противника. Для действий по тылам немецких войск было приказано оставить партизанские группы, а остальным войскам выходить в районы Минска и Ратомки¹.

Это решение командующего войсками фронта, как и ряд прежних решений, касавшихся действий белостокской группировки войск, не было доведено до них и не соответствовало ни их возможностям, ни обстановке.

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 171.

В течение дня на правом крыле фронта продолжались боевые действия в районе западнее Волковыска. Соединения конно-механизированной группы, 3-й и 10-й армий, растянувшись на десятки километров, отходили под непрерывным воздействием наземных и воздушных группировок врага. Части 6-го механизированного корпуса, прорвав ценой больших потерь фронт окружения и оставшись практически без танков, двигались в направлении Слонома. При этом часть танков, оставшихся без горючего, была затоплена в р. Щара. В этом же направлении отходили и части 36-й кавалерийской дивизии. Ее 8-й танковый полк, потеряв в предыдущих боях все боевые машины, после неудачной попытки переправиться через р. Щару распался на отдельные группы, которые начали действовать каждая по своему усмотрению¹.

Штаб 3-й армии, не имея связи со штабом фронта и подчиненными войсками, осуществлял отход в направлении Дятлова. Штаб 10-й армии в районе Волковыска был окружен и с наступлением сумерек начал выдвижение в направлении Дерочина. Части 1-го стрелкового корпуса этой армии продолжали обороняться в Осовецком укрепленном районе. Штаб 5-го стрелкового корпуса оторвался от своих войск, попал в окружение и был разгромлен. Часть личного состава была пленена противником, а командир корпуса генерал-майор А.В. Гарнов в ходе боя пропал без вести. 13-я стрелковая дивизия корпуса после прохождения Белостока попала под непрерывные удары немецкой авиации. Остатки дивизии вечером подошли к р. Зельвянка, но при попытке форсировать ее понесли большие потери. После этого было принято решение выходить из окружения отдельными группами².

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 351.

² Там же. С. 352.

В полосе 4-й армии 3-я танковая дивизия 24-го моторизованного корпуса противника после сильных артиллерийских налетов и ударов авиации несколько раз атаковала сводные отряды армии в районе Слуцка. В результате этих атак врагу удалось отбросить отряд 28-го стрелкового корпуса на восток и захватить северную половину города. Дальнейшее его продвижение было задержано на р. Случь. Но уже днем части 3-й танковой дивизии обошли оборонительный рубеж через не занятые войсками промежутки и прорвались на восточный берег р. Птичь. Не имея твердого управления, остатки отрядов стали в беспорядке отходить группами на Бобруйск и Глуск.

Организация обороны Бобруйска была возложена на командира 47-го стрелкового корпуса генерал-майора С.И. Поветкина. Всего в распоряжении командира корпуса имелись: корпусные части, сводный полк численностью до 1000 человек, два батальона автотракторного училища, 21-й дорожно-эксплуатационный полк, 420-й и 462-й корпусные артиллерийские полки (152-мм гаубиц — 8, 152-мм пушек-гаубиц — 8), 318-й дивизион РГК (203-мм гаубиц — 4), 246-й саперный батальон и 273-й отдельный батальон связи¹. Общая численность этих частей и подразделений не превышала 3740 человек. Основные усилия в обороне были сосредоточены на рубеже р. Березина восточнее города; на западной окраине города оставалось лишь охранение силою около роты с артиллерийской батареей.

В районе Барановичей части 121, 155 и 143-й стрелковых дивизий и остатки 209-й мотострелковой дивизии 17-го механизированного корпуса в течение дня продолжали вести упорные бои с танковыми дивизиями 47-го моторизованного корпуса врага, действия кото-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 87—90.

рых непрерывно поддерживала авиация. Только к исходу 27 июня 18-я немецкая танковая дивизия овладела районом Барановичей, но прорваться на Несвиж не смогла. 17-я танковая дивизия противника на подступах к Столбцам вступила в бой с частями 36-й танковой дивизии 17-го механизированного корпуса, понесла потери и была остановлена. Необходимо отметить, что 36-я танковая дивизия к этому времени не имела танков. Она располагала небольшим количеством артиллерии и действовала как стрелковая дивизия.

Не имея необходимых данных о группировке и намерениях противника, войска фронта действовали несогласованно и недостаточно решительно. Командование фронта, вместо того чтобы использовать оставшиеся резервы для организации обороны, пыталось контратаками и контрударами задержать наступление врага. На минском направлении с утра 27 июня части 64-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса и 100-й стрелковой дивизии 2-го стрелкового корпуса перешли в наступление с целью разгрома частей 3-й немецкой танковой группы, прорвавшихся через Радошковичи на Смолевичи (35—40 км севернее Минска), и восстановления положения. Но вследствие слабой поддержки авиацией, недостатка снарядов к артиллерии и отсутствия взаимодействия между контратакующими частями задачи, возлагавшиеся на них, не были полностью выполнены. В принципе контратаки двух дивизий были обречены на неудачу еще до их начала — наступление велось вопреки всем правилам военного искусства, против группировки противника, имеющего подавляющее преимущество в танках и авиации. Однако эти контратаки заставили вражеское командование приостановить на несколько дней наступление в данном районе. В оперативной сводке группы армий «Центр» за этот день отмечалось, что «начавшееся уже 27 июня на восточном

фланге 3-й танковой группы в районе Радошковичи и Смолевичи наступление противника может быть повторено в более крупных масштабах в течение ближайших дней»¹. А генерал Гот в своих послевоенных мемуарах вынужден был признать: «20-я танковая дивизия 27 июня была вынуждена с тяжелыми боями прорываться через линию укреплений на шоссейной дороге».

Вместе с тем, владея инициативой и имея количественное и качественное превосходство в силах и средствах, группировки немецких войск продолжали наступление по всей полосе Западного фронта. Решив, что его главные силы разгромлены и не смогут оказать организованного сопротивления, командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок потребовал от командующих танковыми группами развернуть наступление на широком фронте с целью быстрее выхода на рубеж Дрисса, Витебск, Орша, Могилев, Рогачев, Речица. Он приказал генералам Готу и Гудериану выделить передовые отряды для захвата переправ на реках Березина, Западная Двина и Днепр.

28 июня продолжались попытки выхода из окружения остатков соединений и частей 3-й и 10-й армий. Большинство из них практически полностью потеряло боеспособность и сохраняло лишь свое наименование, далекое от его реального состояния. Так, в 11-м механизированном корпусе после тяжелых боев под Гродно осталось менее 30 танков и около 600 человек личного состава. К вечеру 28 июня части корпуса подошли к р. Щара у села Великая Воля. По наведенному мосту удалось переправиться на противоположный берег личному составу и колесным машинам. Еще два танка Т-34 смогли переправиться по найденному броду, ос-

¹ Морской сборник. — 1991. — № 6.

тальная боевая техника была затоплена из-за отсутствия горючего¹.

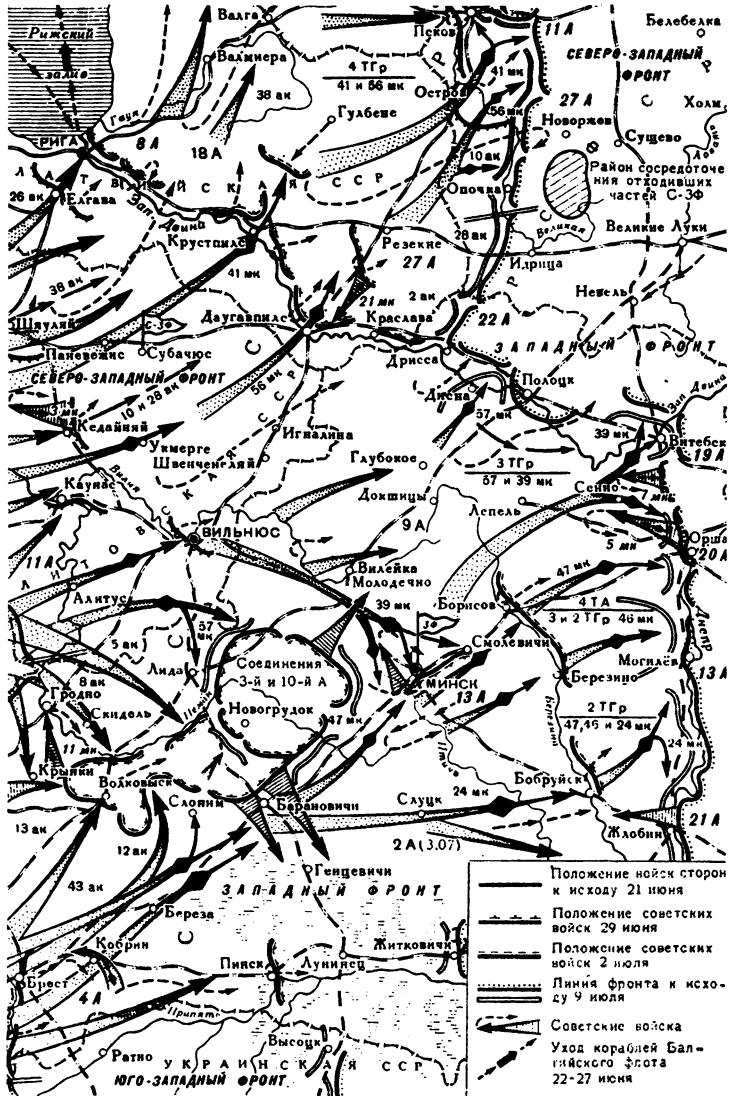
Тяжелые бои в этот день вели части 121, 143, 155-й стрелковых дивизий и 17-го механизированного корпуса, которые отходили под ударами 46-го и 47-го танковых корпусов противника. К концу дня немецкие танковые дивизии овладели Несвижем и Столбцами, вышли к Дзержинску и вступили в бой с частями 20-го механизированного корпуса генерал-майора А.Г. Никитина.

Критическая обстановка 28 июня сложилась в полосе обороны 13-й армии. Здесь немецкие соединения провалили оборону 2-го и 44-го стрелковых корпусов, рассекали их боевые порядки, окружили некоторые части и подразделения. В результате бои в Минском укрепленном районе стали носить очаговый характер. В сложившейся обстановке командующий армией генерал-майор П.М. Филатов запросил у Военного совета фронта разрешение на отход войск. На это последовал ответ: «13-й армии наркомом и Военным советом Западного фронта подтверждено, что Минский укрепленный район должен быть во что бы то ни стало удержан, хотя бы пришлось драться в окружении»². После этого генерал Филатов все-таки отдал приказ 2-му стрелковому корпусу на отход, а 64-й и 108-й стрелковым дивизиям 44-го стрелкового корпуса поставил задачу удерживать занимаемые позиции в районе Городка, Мудровки, Ратомки в надежде, что в него будут выходить из окружения части 3-й армии.

В середине дня части 3-й танковой группы противника перерезали шоссе и железную дорогу Минск — Москва в районе Уручья и Колодищей. В 17 часов подразделения 20-й танковой дивизии ворвались в Минск со стороны Болотной станции. Одновременно 2-я немецкая танковая

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 372.

² Там же. С. 361.

Ход боевых действий на западном направлении 22 июня — 9 июля 1941 г.

группа, прорвав оборону 108-й стрелковой дивизии в районе Дзержинска, вошла в город с юго-запада.

К концу дня соединения 2-й и 3-й танковых групп соединились в районе Минска, перехватив пути отхода для 3-й и 10-й армий. В окружении оказалась и часть сил 13-й армии — 21-й стрелковый корпус, 64-я и 108-я стрелковые дивизии 44-го стрелкового корпуса, которые не были своевременно отведены из Минского УР, 8-я противотанковая бригада. Теперь войска Западного фронта были рассечены на три большие группировки: одна находилась в районе Белостока, вторая — в районах Волковыска и Слонима, третья — западнее Минска.

На левом крыле фронта, в полосе 4-й армии, в середине дня противник захватил Бобруйск, вышел к р. Березине и приступил к подготовке ее форсирования. Не имея возможности отразить удары немецких войск, отдельные отряды 6-й и 42-й стрелковых дивизий и 14-го механизированного корпуса продолжали отход и сосредоточение на восточном берегу реки. На пинском направлении 75-я стрелковая дивизия прорвала окружение в районе Малориты и отходила к Пинску, а сводный отряд 6-й стрелковой дивизии вел бой у Дрогичина с преследовавшей его кавалерийской дивизией врага¹.

На следующий день стрелковые части 10-й армии с оставшейся артиллерией отходили на восток и вели ожесточенные бои с дивизиями 4-й немецкой армии. Особенно сильные бои происходили в Беловежской Пуще, в районах Слонима, Голынки, Зельвы, Волковыска, Порозова, Лыскова, Нов. Двора. Штабы соединений, механизированные и моторизованные части и подразделения различных соединений 10-й армии и группы И.В. Болдина после нескольких попыток вырваться на шоссе Белосток — Барановичи убедились, что отходить по это-

¹ *Иринархов Р.С.* Западный Особый. — С. 369—370.

му маршруту бесполезно, так как шоссе уже перерезал враг. Было принято решение пробиваться на восток грунтовыми дорогами севернее шоссе.

В полосе 3-й армии наиболее ожесточенные бои 29 июня произошли в районе Мостов и Лунны с соединениями 9-й армии противника, наступавшими на Деречин и Пески навстречу 4-й немецкой армии с целью соединения с ней.

К исходу 29 июня 4-я и 9-я немецкие армии еще не смогли соединиться и замкнуть окружение. По узкому, не занятому противником коридору продолжали отход на восток танковые и моторизованные группы и тыловые учреждения 6-го механизированного корпуса, а также разнородные штабы и учреждения 10-й и 3-й армий. Однако в ночь на 30 июня и этот коридор был перерезан.

Рассечение и ликвидацию белостокской группировки советских войск немецкое командование возложило на армейские корпуса 9-й и 4-й полевых армий. Но так как оно учитывало угрозу со стороны окруженных войск своим флангам и тылу, в первую очередь тылам подвижных войск, главные силы обеих танковых групп были задержаны им на несколько дней в районе Минска с целью обеспечения своих коммуникаций.

30 июня представители Ставки Главного Командования на Западном фронте маршалы Советского Союза К.Е. Ворошилов и Б.М. Шапошников докладывали председателю Совета народных комиссаров Сталину: «Обстановка на фронте резко изменилась в худшую сторону. Противник, обойдя механизированными частями оба фланга армий Западного фронта, вышел двумя танковыми дивизиями в район Заславль, Козеково, Плещеницы и передовыми силами, не менее танкового полка с мотополком, — в район Бобруйска... По нашему мнению, основным рубежом обороны может быть только река Днепр, и то при условии, если самым форсированным

порядком будут брошены свежие дивизии и механизированные части на этот рубеж»¹.

Всю ночь на 30 июня и весь день разрозненные части 10-й армии вели ожесточенные бои в районе Зельвы. Отдельные группы и отряды войск, прорвавшиеся через р. Зельвянка, завязали бои с частями 12-го немецкого армейского корпуса в районе Слонима, пытаясь прорваться на восток. Некоторые подразделения и части, отбрасывая противника, прорывались восточнее р. Щара. Атаки советских войск в районе Зельвы, Слонима, Голынки продолжались всю ночь и утром 1 июля.

Основным недостатком этих действий являлось то, что советские войска не были объединены под единым командованием. Все отходившие части действовали разрозненно, хотя и стремились добиться одной и той же цели — пробиться через Зельву и Слоним на восток. Они вступали в бой разновременно, без подготовки и организованного взаимодействия с соседними частями. Разобщенность в действиях не позволила им преодолеть оборонительные заслоны частей 12-го, а затем и 9-го армейских корпусов противника, действия которого непрерывно поддерживались авиацией и артиллерией.

Советские части в боях у Зельвы, Озерницы и Слонима понесли очень большие потери, и лишь некоторая их часть прорвалась севернее шоссе в лесисто-болотистую местность восточнее р. Щара. При этом было потеряно большое количество боевой техники, в том числе и тяжелые танки. Артиллерия, танки и автомобили оставались, как и в предыдущие дни, в лесах между Гродно и Белостоком и на маршрутах между Белостоком и Зельвой главным образом из-за отсутствия горючего. В официальном донесении командования группы армий «Центр» указывалось: «Шоссе и дороги, особенно доро-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 136—140.

га Белосток — Волковыск, забиты брошенной вражеской техникой, автомашинами разных типов, орудиями и танками»¹.

В итоге девятидневных боев войска Западного фронта, не попавшие в окружение, были отброшены на глубину 350—400 км и понесли тяжелое поражение. Противник достиг рубежа р. Березина, захватил небольшие плацдармы на ее левом берегу в районах Свислочи и Бобруйска, создав тем самым предпосылки для развития наступления к Днепру. На рубеж р. Березина продолжали отход понесшие большие потери 50, 100, 161, 64, 108, 121, 143, 155 и 55-я стрелковые дивизии, 4-й воздушно-десантный, 20-й и 14-й механизированные корпуса и остатки 24, 6 и 42-й стрелковых дивизий².

В то время как 4-я и 9-я немецкие армии вели ожесточенные бои в Западной Белоруссии с разрозненными частями Западного фронта, обе танковые группы противника с 30 июня продолжали своими главными силами оставаться в районе Минска, на внешнем фронте окружения.

1 и 2 июля немецкая авиация и другие виды разведки установили выдвижение советских войск из глубины страны к Днепру и занятие ими оборонительного рубежа от Орши до Речицы. Поэтому 2 июля немецкое командование приняло решение о возобновлении 3 июля наступления главных сил танковых групп на восток; 2-я и 3-я танковые группы со 2 июля были объединены в 4-ю танковую армию, на создание ее управления было обращено управление 4-й немецкой полевой армии. Все армейские корпуса 4-й армии передавались в состав 2-й армии, управление которой находилось в резерве главного командования сухопутных войск (ОКХ) и выдвигалось в первый эшелон. Первоочередной задачей этой армии

¹ *Сандалов Л.М.* Первые дни войны. — С. 183.

² Там же. С. 184.

являлась ликвидация окруженных группировок войск Западного фронта в районе Волковыска.

Наряду с реорганизацией группа армий «Центр» была усилена войсками. Если к началу войны она имела 50 дивизий, то в первых числах июля — 63, из которых 28 (12 пехотных, 9 танковых, 6 моторизованных и 1 кавалерийская) наступали в первом эшелоне и 35 пехотных дивизий — во втором. В частности, из резерва ОКХ сюда прибыло 10 пехотных дивизий, 2 пехотные дивизии были переброшены из группы армий «Север», а кавалерийская бригада — из Германии¹. Превосходство врага в живой силе и боевой технике стало подавляющим.

В начале июля реорганизация коснулась и Западного фронта. Вместо генерала армии Д.Г. Павлова, на которого И.В. Сталин и Ставка Главного Командования возложили ответственность за поражения первых дней войны, командующим войсками фронта был назначен вначале генерал-лейтенант А.И. Еременко, а уже 2 июля — бывший нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко. Вместо генерал-майора В.Е. Климовских начальником штаба фронта назначался бывший начальник оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Г.К. Маландин. На должность члена Военного совета фронта прибыл бывший начальник Главного политического управления РККА армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис.

После назначения Тимошенко командующим, а Мехлиса — членом Военного совета Западного фронта поиск «виновников» катастрофы в Белоруссии продолжился. 6 июля Военный совет фронта доложил Верховному Главнокомандующему, что «установлена преступная

¹ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг. Вып. 1. — М., 1955. — С. 21.

деятельность» ряда должностных лиц, в результате чего фронт потерпел тяжелое поражение. Документ подписали С.К. Тимошенко, Л.З. Мехлис и П.К. Пономаренко. В тот же день они получили телеграмму: «Государственный Комитет Оборона одобряет ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта»¹. Однако судилище над генералами и перестановка командных кадров не улучшили положение на западном направлении.

С возобновлением наступления противника малочисленные разрозненные соединения Западного фронта не могли противостоять массированным ударам его танковых групп и вынуждены были вновь с тяжелыми боями отходить на восток. Тем не менее они старались использовать любую возможность, чтобы на выгодных рубежах обороны задержать врага, замедлить темпы его наступления, нанести ему максимальный урон.

Со 2 июля основные боевые действия переместились в Новогрудский район и Налибокскую Пущу, где скопилось большое количество отходивших частей и подразделений советских войск. Их ожесточенные бои продолжались также в Беловежской Пуще, в лесах севернее Белостока и восточнее Гродно, в районе Глубокого, Траб, Слонима, Барановичей, Нов. Двора, Коссова и в ряде других районов.

Докладывая о своих намерениях на 3 июля генерал-фельдмаршалу В. Браухичу, командующий группой армий «Центр» указывал в отношении окруженных советских войск следующее: «Продолжать сужение Новогрудского кольца окружения путем дальнейшего продвижения 2-й и 9-й армий, выбрасывая вперед подвижные

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1551. Д. 89. Л. 79.

части, а также выдвинуть войска из района Минска на запад до лесной опушки Налибокской Пущи»¹.

Соединения и части 4-й и 13-й армий до 4 июля продолжали сдерживать наступление танковых групп противника восточнее р. Березина. Обстановка в полосах действий армий была крайне напряженной. Их дивизии и отдельные группы оказались разбросанными на большом расстоянии по фронту и в глубину. На смежных флангах 4-й и 13-й армий вели бои войска, измотанные в предыдущих боях. На рубеже Березины севернее Варшавского шоссе 20-й механизированный корпус во взаимодействии с 8-й воздушно-десантной бригадой вел бой с 4-й немецкой танковой дивизией. И хотя на участок корпуса прибыла 143-я стрелковая дивизия 47-го стрелкового корпуса, враг продолжал превосходить советские войска в силах и средствах, особенно в танках и авиации².

Напряженные бои развернулись на правом крыле фронта, в полосе 22-й армии. 4 июля немецким частям удалось захватить плацдарм на р. Западная Двина в районе Дисны. На следующий день, проведя несколько контратак, соединения армии отбросили их на южный берег. Упорная борьба в районе Дисны продолжалась и в последующие дни. Сосредоточив крупные силы, которые были поддержаны авиацией, враг вновь захватил плацдарм на Западной Двине. Попытки советских войск ликвидировать его успехом не увенчались.

Упорно удерживая оборонительные позиции, осуществляя контратаки и широкий маневр силами и средствами, советские войска изматывали врага, снижали темпы его наступления, выигрывали время для создания обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр. Гене-

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 130—131.

² Сандалов Л.М. Первые дни войны. — С. 192.

рал Г. Гудериан докладывал 4 июля фельдмаршалу Ф. Боку, что «противник на всем фронте наступления оказывает ожесточенное сопротивление... Почти все мосты между р. Березина и р. Днепр, в особенности на шоссейных дорогах, разрушены». Вторя ему, командующий группой армий «Центр» докладывал в ставку Гитлера, что «сопротивление перед нашими наступающими танковыми группами значительно усилилось... Противник... оказывает ожесточенное организованное сопротивление при поддержке артиллерийского огня...»¹.

Одновременно с подготовкой обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр советские войска наносили контрудары и проводили многочисленные контратаки на направлениях наступления танковых и пехотных группировок противника.

Для того чтобы ликвидировать угрозу прорыва соединений 3-й немецкой танковой группы, наступавшей на Витебск, командование Западного фронта решило нанести контрудар силами 7-го и 5-го механизированных корпусов из районов южнее Витебска и севернее Орши в направлении Сенно — Лепель, что позволяло выиграть время для подготовки обороны на вновь создаваемом рубеже и стабилизации стратегического фронта². Ставка, одобряя это решение, приказала контрудар механизированных корпусов дополнить ударом 2-го и 44-го стрелковых корпусов из района Борисова в направлении на Докшицы³. Готовность к переходу всех этих сил к наступлению определялась 6 июля.

Боевой порядок 7-го механизированного корпуса, которым командовал генерал-майор В.И. Виноградов,

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 137.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 128.

³ Панов Б., Наумов Н. Восстановление стратегического фронта на западном направлении. // Военно-исторический журнал. — 1976. — № 8.

строился в один эшелон. Его составляли 14-я и 18-я танковые дивизии. 5-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор И.П. Алексеенко, имел двухэшелонное построение. В первом эшелоне находились 13-я и 17-я танковые дивизии, а во втором — 109-я моторизованная дивизия. В двух механизированных корпусах к началу наступления имелось 1328 танков, из них только 57 KB и Т-34¹. Остальной танковый парк составляли танки устаревших конструкций — БТ-7 и Т-26. Оба корпуса превосходили противника в танках, но тот безраздельно господствовал в воздухе, так как у Западного фронта оставалось всего 253 боевых самолета². Противовоздушная оборона механизированных корпусов в связи с недостатком средств была слабой, в то время как немецкое командование сосредоточило на этом направлении почти весь 2-й воздушный флот. Кроме того, боевые действия советских танковых дивизий в выбранном для наступления районе сильно осложнялись лесисто-болотистой местностью, слабой поддержкой стрелковых войск и несвоевременным подвозом боеприпасов и горючего. И не случайно командующий 13-й армией генерал П.М. Филатов, находясь в штабе Западного фронта, высказал маршалу С.К. Тимошенко свои сомнения в целесообразности этого контрудара: «...Без авиации и зенитных средств им (мехкорпусам. — В.А.) будет крайне трудно выполнить задачу. Да и бросить в наступление два танковых корпуса без авиационного прикрытия и поддержки в нынешней ситуации, по-моему, опрометчиво. Они под ударами вражеских ВВС, скорее всего, застрянут в межозерных дефиле и болотах под Лепелем»³.

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 1. Суровые испытания. — С. 147.

² Там же.

³ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — С. 94.

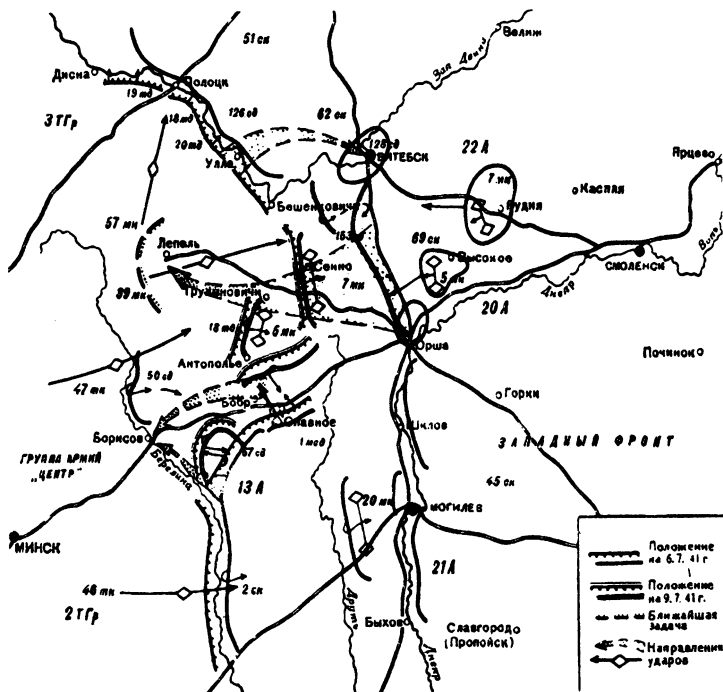
Первые удары механизированные корпуса нанесли по врагу около 10 часов 6 июля. Действия 5-го механизированного корпуса в первый день наступления развивались успешно. Его соединения вышли в район Сенно, Красного Села, продвинувшись на 30—40 км¹. Во второй половине дня танковые и моторизованные части противника были вынуждены перейти к обороне. Немецкое командование срочно перебросило сюда 17-ю и 18-ю танковые дивизии из группы Гудериана. 7 и 8 июля бои продолжались с неослабевающей силой. Упорной обороной вражеские войска оказывали сильное противодействие наступающим частям. Перегруппировавшись, танковые соединения 9 июля нанесли новый удар по противнику, разгромили два его моторизованных полка, уничтожили четыре артиллерийские батареи и значительное количество противотанковых орудий.

Поддерживая наступавшие войска, авиация фронта наносила удары с воздуха по танковым и моторизованным частям в районах западнее Сенно, Лепеля и по аэродромам. Особенно успешно советские летчики действовали ночью. Только в ночь на 9 июля действиями по аэродромам противника и в воздушных боях они уничтожили 62 вражеских самолета, потеряв при этом лишь 7 своих².

С целью отражения контрудара советских войск командующий 4-й немецкой танковой армией на помощь действовавшим здесь войскам был вынужден перебросить 7-ю танковую дивизию из района Дисны и организовать оборону на рубеже Гнездиловичи — Липно. Кроме того, для срыва наступления советских механизированных корпусов фельдмаршал Ф. фон Бок приказал командующему 2-м воздушным флотом 8 и 9 июля сосредоточить основные усилия авиации в районе Сенно. В ре-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 33. Л. 31.

² *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. — С. 139.

Контрудар войск Западного фронта 6—9 июля 1941 г.

зультате, как отмечал генерал Гот, «17-я танковая дивизия после тяжелого оборонительного боя, в котором приняли участие наши пикирующие бомбардировщики, заняла Сенно»¹. В овладении этим населенным пунктом важную роль сыграл и выброшенный в его район крупный воздушный десант противника.

Командование Западного фронта 9 июля докладывало в Ставку ВГК: «Подвижная группа 20-й армии, атаковав противника в районе Сенно, Бол. и Мал. Липовичи, разгромила два полка 27-й моторизованной дивизии, уничтожила тяжелую батарею, три легких батареи и пять орудий ПТО. Противник, оставив много убитых, отходит на запад, преследуемый 5-м мехкорпусом. 1-я мотострелковая дивизия ведет тяжелые бои в районе Толочин против 18-й танковой и 10-й моторизованной дивизий, тесня противника. 2-й стрелковый корпус, отбиваясь от превосходящих сил противника, отошел на реку Друть»².

Командир немецкой 18-й танковой дивизии генерал Неринг о боях под Лепелем писал: «Потери снаряжения, оружия и машин необычайно велики... Это положение нетерпимо, иначе мы напобеждаемся до собственной гибели»³.

В результате активных действий 5-го и 7-го механизированных корпусов противник потерял более 300 танков⁴, его попытки форсировать Днепр были сорваны. Это позволило укрепить оборону 20-й армии и обеспечить сосредоточение войск фронта. Однако выигрывать времени был достигнут дорогой ценой. Вот что докладывал в Ставку начальник управления боевой подготовки ГАБТУ Красной Армии генерал-майор А.В. Борзиков:

¹ Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. — С. 141.

² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 194—195.

³ Тимохович И. В. Битва за Белоруссию. — С. 62.

⁴ 1941 год — уроки и выводы. — С. 121.

«Корпуса дерутся хорошо, плохо только то, что штабы малооперативны и неповоротливы, и еще плохо, что много машин достается противнику из-за неисправности пустячной. Организовать ремонт, эвакуацию не умеют ни дивизия, ни мехкорпус, ни армия, ни фронт. Нет запчастей, нет резины, снабжают плохо. У мехкорпусов нет авиации, а отсюда они слепы, подчас бьют по пустому месту, и отсутствует связь.

Потери у 5-го и 7-го мехкорпусов большие. Сейчас 5-й у Орши и 7-й у Витебска и юго-западнее будут действовать во взаимодействии с пехотой. Противник применяет поливку зажигательной смесью... танки горят. Самые большие потери от авиации. Потеряно 50% матчасти, и большая часть танков требует уже ремонта»¹. Всего же за время контрудара оба корпуса потеряли 832 танка².

В целом в боях на подступах к основному стратегическому рубежу в общей сложности было выиграно четыре-пять очень важных дней. Они позволили сосредоточить и передать Западному фронту основные силы 22, 20 и 21-й армий, начать разгрузку первых эшелонов 16-й и 19-й армий. Полевое управление 13-й армии приняло соединения, развернувшиеся на Днестре в районе Могилева. Дивизии 4-й армии были отведены к востоку от Днестра на реформирование. Вместе с тем, как справедливо отмечал генерал армии С.П. Иванов, «наша попытка наступать массой танков во фланг прорвавшемуся противнику, конечно же, стоила ему немалых жертв и других неприятностей, но мы лишились обоих этих корпусов, и фактически на западном направлении не осталось более сколько-нибудь боеспособных танковых соединений»³.

Боевые действия на западном направлении в началь-

¹ *Иринархов Р.С.* Западный Особый. — С. 517.

² 1941 год — уроки и выводы. — С. 121.

³ *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. — С. 96.

ном периоде войны завершились для советских войск крайне неудачно. Войска Западного фронта потерпели тяжелое поражение и отступили в глубь страны на 450—600 км. Подвижные соединения немецкой группы армий «Центр» за 18 дней продвинулись до рубежа Западная Двина, Днепр (от Дриссы до Жлобина) со средним темпом 25—33 км в сутки. Враг захватил почти всю Белоруссию, создалась угроза его прорыва к Смоленску.

За время боевых действий из 44 дивизий, входивших в состав Западного фронта на 22 июня 1941 г., 24 дивизии (десять стрелковых, восемь танковых, четыре моторизованные, две кавалерийские) были разгромлены, остальные 20 — потеряли от 30 до 90% сил и средств. Общие потери фронта в людях составили 417 790 человек, из них — 341 073 погибшими, пленными и пропавшими без вести¹. Фронт лишился 9427 орудий и минометов, свыше 4700 танков (с учетом имевшихся к 22 июня и поступивших в ходе операции), 1777 самолетов². Уже к 29 июня на территории, занятой противником, осталось более 60 окружных складов, в том числе 10 артиллерийских, 25 горючего, 14 продовольственных, 3 автобронетанковых. Было потеряно: боеприпасов — свыше 2000 вагонов (30% всех запасов фронта), горючего — более 50 тыс. т (50% запасов), автобронетанкового имущества — около 500 вагонов, продфуража — около 40 тыс. т (50% запасов), вещевого имущества — около 400 тыс. основных комплектов (90% запасов). Потери инженерного, обозно-хозяйственного, медико-санитарного имущества и средств противохимической защиты достигли 85—90% запасов фронта³.

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. — М., 1993. — С. 163.

² Там же. С. 368.

³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2848. Д. 4. Л. 52—85.

Огромные потери понес командный состав фронта. Погибли или пропали без вести: генерал-майор А.В. Гарнов (командир 5-го ск), генерал-майор В.Б. Борисов (командир 21-го ск), генерал-майор М.Г. Хацкилевич (командир 6-го мк), генерал-майор П.Н. Ахлюстин (командир 13-го мк), полковник П.И. Ганичев (командир 11-й сад), полковник Д.И. Иванюк (командир 55-й сд), генерал-майор В.П. Пуганов (командир 22-й тд), полковник Н.П. Студнев (командир 29-й тд), полковник С.С. Сирофинин (начальник тыла 3-й армии), генерал-майор С.П. Сахнов (командир 56-й сд), полковник П.М. Волокитин (начальник разведотдела 13-й армии), полковник Мухин (начальник штаба 11-го мк), генерал-майор Г.П. Козлов (начальник артиллерии 5-го ск), генерал-майор Ф.И. Буданов (заместитель командира 5-го ск) и другие генералы и офицеры.

Попали в плен: генерал-майор Е.С. Егоров (командир 4-го ск), генерал-майор И.С. Никитин (командир 6-го кк), генерал-майор А.З. Наумов (командир 13-й сд), полковник К.Ф. Васильев (командир 49-й сд), генерал-майор Х.Н. Алавердов (командир 113-й сд), генерал-майор Е.С. Зыбин (командир 36-й кд), генерал-майор А.Г. Потатурчев (командир 4-й тд), генерал-майор И.П. Бикжанов (командир 29-й мд), генерал-майор П.Г. Макаров (заместитель командира 11-го мк), генерал-майор Н.М. Старостин (начальник артиллерии 11-го мк)¹.

Кроме того, были арестованы, преданы суду и приговорены к различным мерам наказания многие генералы: командующий войсками Западного фронта Д.Г. Павлов, начальник штаба фронта В.Е. Климовских, начальник войск связи фронта А.Г. Григорьев, начальник артиллерии фронта Н.А. Клич, командующий 4-й армией А.А. Ко-

¹ Иринархов Р.С. Западный Особый. — С. 473.

робков, командир 14-го механизированного корпуса С.И. Оборин, командир 9-й смешанной авиационной дивизии С.А. Черных и многие другие. Все они спустя много лет после тщательного и скрупулезного расследования, проведенного работниками Генерального штаба, были реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Но тогда эти жертвы были нужны Сталину для того, чтобы снять ответственность с себя и своего окружения за трагические события начала войны, чтобы назначить и показать народу «виновников» катастрофического поражения советских войск.

Анализ боевых действий на западном направлении в начальном периоде войны показывает, что поражение советских войск обуславливалось неготовностью Западного Особого округа к отражению внезапных и мощных танковых ударов врага, неудачной дислокацией войск и созданной группировкой по плану прикрытия. Боевые действия начались в тот момент, когда соединения и части округа не были полностью отмотобилизованы и не имели штатного количества личного состава, оружия и военной техники. Многие соединения, особенно механизированные корпуса, находились в стадии формирования и перевооружения. Все это явилось результатом ошибочной оценки высшим руководством страны военно-политической обстановки и времени возможного начала войны. Отсюда — отказ от приведения войск в полную боевую готовность, робкие меры по отмотобилизованию Вооруженных Сил, запаздывание в развертывании второго стратегического эшелона.

Советское командование непродуманно подошло к выбору стратегических действий. Немецкой стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезап-

ных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника. Однако в отличие от немецкого блицкрига эти так называемые молниеносные действия не обеспечивались ни заблаговременным развертыванием войск, ни их высокой боевой готовностью, ни умелой организацией контрнаступления, ни поддержкой контрударных группировок авиацией. Естественно, это привело к поражению.

Глава 2

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

События первых месяцев Великой Отечественной войны стали самыми трудными и трагическими для нашей страны, ее народа и Вооруженных Сил. Перипетии борьбы на советско-германском фронте лета и начала осени 1941 г. во многом известны и подробно проанализированы. Вместе с тем сказано о них далеко не все, многие из них требуют объективного осмысления. В ряду таких событий и Смоленское сражение, длившееся с 10 июля по 10 сентября 1941 г. и явившееся важнейшей составной частью летне-осенней кампании первого года войны.

Боевые действия в нем развернулись на огромной территории: 600—650 км по фронту, 200—250 км в глубину — от Себежа и Великих Лук на севере до Лоева и Новгород-Северского на юге, от Полоцка, Витебска и Жлобина на западе до Торопца, Ярцева, Ельни и Трубчевска на востоке. В них в разное время участвовали войска четырех советских фронтов: Западного, Резервного, Центрального и Брянского.

В историографии Великой Отечественной войны Смоленское сражение традиционно рассматривалось как успешный результат оборонительных и наступательных операций Красной Армии, поскольку группа армий «Центр» противника не смогла продолжить безостановочное продвижение к Москве. В наших книгах и учебни-

ках долгое время писали об этом периоде как о «крахе блицкрига», «провале гитлеровских планов молниеносной войны» и так далее. В многочисленных изданиях долгое время нельзя было встретить слова «поражение», «окружение», «неудачи», относящиеся к действиям наших войск. При этом отдельные тактические успехи советских войск непомерно восхвалялись, в то время как военное искусство противника преуменьшалось или замалчивалось.

Насколько успешными были действия советских войск в Смоленском сражении, какова цена успехов, какие проблемы и критические моменты возникали в ходе сражения, какими методами осуществлялось руководство боевыми действиями, в каких условиях сражались войска? Вот те вопросы, на которые до настоящего времени нет исчерпывающих ответов.

В первой половине июля 1941 г. германское руководство, оценивая результаты, достигнутые в начале военных действий, не сомневалось в быстром и окончательном выигрыше войны против Советского Союза. Оно считало, что стремительное продвижение к Днепру позволит в середине июля овладеть Смоленском, а в августе захватить Москву. Именно здесь, на смоленско-московском направлении, противник рассчитывал добиться решающего успеха.

Высшее командование вооруженных сил Германии полагало, что в тылу Западного фронта уже нет резервов и он не сможет оказать сильного сопротивления. «Имеющиеся сведения о противнике позволяют заключить, что на его стороне действуют лишь наспех собранные части, — отмечал начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Гальдер. — Установлено, что отошедшие остатки разбитых дивизий были поспешно пополнены запасниками (частью необученными) и немедленно снова брошены в бой. В Невеле создан большой

сборный пункт по формированию маршевых батальонов из остатков разбитых частей, откуда в дивизии, действующие на фронте, направляются совершенно неорганизованные массы людей без офицеров и унтер-офицеров. Учитывая это обстоятельство, становится ясным, что фронт, в тылу которого уже нет никаких резервов, не может больше держаться»¹. Исходя из этого, он планировал «после уничтожения русской армии в сражении под Смоленском... перерезать железные дороги, ведущие к Волге, и овладеть всей территорией до этой реки». В последующем предусматривалось «рейдами подвижных соединений и авиации уничтожить оставшиеся русские промышленные центры»². Общий замысел действий противника на смоленском направлении сводился к тому, чтобы рассечь оборону Западного фронта на три части, окружить и разгромить его невеликую, смоленскую и могилевскую группировки и создать тем самым благоприятные условия для беспрепятственного наступления на Москву. Для разгрома войск Западного фронта, силы которого, по оценке немецкого командования, не превышали 11 боеспособных дивизий, привлекалось 29 дивизий (12 пехотных, 9 танковых, 7 моторизованных, 1 кавалерийская), 1040 танков, более 6600 орудий и минометов, свыше 1000 самолетов³.

Смоленское сражение началось в исключительно невыгодных условиях для руководимого маршалом Советского Союза Тимошенко Западного фронта (с 10 июля Тимошенко одновременно являлся Главнокомандую-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. / Пер. с нем. — Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). Кн. 1. — М., 1971. — С.116—117.

² Там же. С.101.

³ Баженов А.Н., Шевчук В.П. В боях под Смоленском. — М., 1984. — С. 10.

щим западным направлением). К 10 июля армии его первого эшелона занимали следующее положение. На правом крыле 22-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова отражала удары противника на рубеже Себеж, Борковичи, Улла, Бешенковичи. Левее 22-й армии занимала оборону 20-я армия, которой командовал генерал-лейтенант П.Л. Курочкин. Эта армия находилась в лучшем положении по сравнению с другими армиями, так как была своевременно сосредоточена и более полно укомплектована личным составом. Южнее 20-й армии на рубеже Шклов, Могилев, Быхов занимала оборону 13-я армия в составе восьми стрелковых, двух танковых и одной мотострелковой дивизий. Командовал армией генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов, а с 14 июля — генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко. И, наконец, на левом крыле в полосе Быхов, Рогачев, Речица занимала оборону 21-я армия в составе 63, 66 и 67-го стрелковых корпусов. Командовал армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.

К рассматриваемому периоду армии еще не завершили развертывание. Вторые эшелоны и резервы существовали лишь номинально, выделенные в них соединения либо еще только сосредоточивались, либо были небоеспособны. Оборона занималась поспешно и потому была недостаточно подготовлена в инженерном отношении. Войска испытывали недостаток в танках, артиллерии, средствах противовоздушной обороны. Всего в первом эшелоне Западного фронта имелось 275 тыс. человек, 145 танков, 1200 орудий калибра 76-мм и выше, около 1700 минометов и 380 исправных самолетов.

Крупные поражения в начале войны, стремительное наступление танковых группировок противника, его безраздельное господство в воздухе не смогли не сказаться на моральном состоянии солдат и офицеров. В войсках наблюдались танко- и самолетобоязнь, имели распро-

странение слухи о крупных десантах противника, встречались проявления паники и необоснованного оставления оборонительных рубежей, у части личного состава зарождалось неверие в возможность противостоять идеально отлаженной германской машине. Вот что писал об этом генерал А. В. Горбатов, в июле 1941 г. комбриг, заместитель командира 25-го стрелкового корпуса 19-й армии: «В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: «Нас обошли», «Мы окружены», «В нашем тылу выброшены парашютисты» и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую и просто нелепым слухам».

Далее Горбатов приводит пример подобной «восприимчивости»: «Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка. В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов... Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: «Видим, что все отходят, начали отходить и мы...»

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов... Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода». Заместителю комкора стоило больших трудов остановить полк и заставить его перейти к обороне. Однако при первом же артиллерийском обстреле противника личный состав полка самовольно оставил оборонительный рубеж и скрылся в лесу. На участке обороны остались лишь командир полка, его начальник штаба и связист — ефрейтор¹.

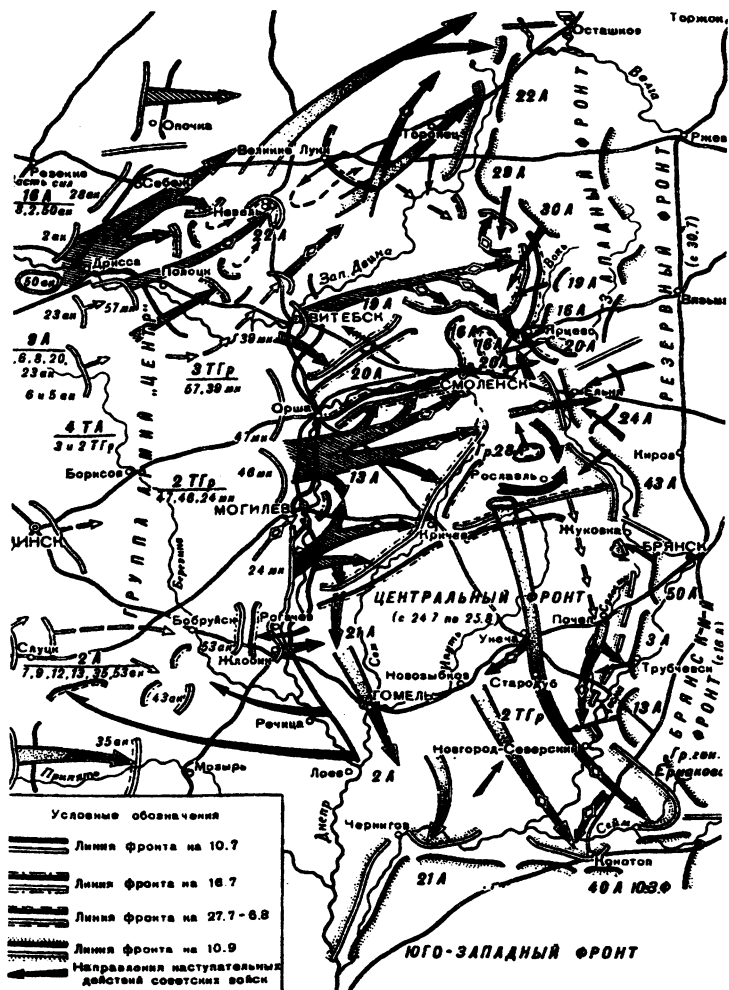
¹ Горбатов А. В. Годы и войны. — М., 1980. — С. 167—169.

Неразбериха царила и в ближайшем тылу. Вот что, в частности, сообщали в Политбюро ЦК ВКП(б) члены штаба обороны города Ельня в начале июля 1941 г.: «...Успехам, временно достигнутым немцами на определенных участках Западного фронта (в частности, на минском направлении) очень во многом, если не во всем, способствовала паника, царящая в командной верхушке отдельных воинских частей, и паническая бездеятельность местных партийных и советских органов... С 22 июня мы не получаем никаких указаний о нашей деятельности, особенно в последние дни, когда над Смоленском начали появляться вражеские бомбардировщики... Отправка командно-политического и рядового состава запаса из района прекращена. Многие приписанные к частям были возвращены обратно, так как нельзя установить нахождение части. Вновь требования не поступают, то есть мобилизация кончилась, а началось что-то вроде демобилизации. Часть людей возвращается обратно...

Убедительно просим Политбюро ЦК ВКП (б) и лично Иосифа Виссарионовича Сталина ударить по паникерам и всем, кто способствует порождению паники... ибо если дальше каждый командир или руководящий советский партийный работник начнет заниматься эвакуацией своей семьи, то защищать Родину будет некому»¹.

С первых же часов сражения бои приняли невероятного острого и напряженного характера. Немецкие группировки, сосредоточенные на узких участках, осуществили глубокие прорывы в районах Полоцка, Витебска, севернее и южнее Могилева. Самым уязвимым местом в обороне Западного фронта оказался стык 22-й и 20-й армий. На этом направлении еще 9 июля советские войска

¹ Положение в районе г. Ельня. Из письма членов Штаба обороны г. Ельня Смоленской области в Политбюро ЦК ВКП (б). // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 7.

Общий ход Смоленской оборонительной операции
10 июля — 10 сентября 1941 г.

оставили Витебск, что позволило 20-й танковой дивизии из 3-й танковой группы противника на следующий день продолжить наступление на восток. Маршал Тимошенко сразу же оценил серьезность положения в районе Витебска: прорыв Гота создал угрозу выхода его танков в тыл главным силам фронта. Исходя из этого, он решил «совместными действиями 19, 20 и 22-й армий во взаимодействии с авиацией уничтожить прорвавшегося противника и, овладев Витебском, закрепиться на фронте Идрица, Полоцкий УР, Орша и далее по реке Днепр».

Планируемый удар во фланг 3-й танковой группы Гота силами 22-й армии нанести не удалось, так как противник, развивая успех, рассек ее войска на две части и глубоко охватил их с флангов. Армия, оборонявшаяся в 280-километровой полосе, имела всего шесть дивизий и под угрозой окружения начала отход, оказывая упорное сопротивление в Полоцком укрепленном районе. 16 июля немецкие танковые соединения овладели Невелем, а 19-го — Великими Луками. Уже в ночь на 21 июля части 29-го стрелкового корпуса после быстрой перегруппировки в ходе контрудара освободили город. Решающую роль в успехе ночной атаки сыграла 48-я танковая дивизия под командованием полковника Д.Я. Яковлева. Следует подчеркнуть, что немецкое командование отводило району Великих Лук важное оперативное значение. И не случайно командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот, говоря о событиях этого дня, отмечал: «Настроение главнокомандующего сухопутными силами 21 июля было подавленным... Из кольца окружения под Невелем, на создание которого бросили так много сил и средств, ускользнуло значительное количество русских войск. Великие Луки, оперативное значение которых ОКХ понимало лучше, чем группа армий «Центр», пришлось оставить...»¹

¹ Гот Г. Танковые операции. / Пер. с нем. — М., 1961. — С. 128.

Не привел к успеху и контрудар, нанесенный 10—11 июля на смоленско-витебском направлении частью сил 19-й и 20-й армий. Их соединения атаковали врага разрозненно, как правило, без артиллерийской поддержки. Некоторые полки вступали в бой с весьма ограниченным количеством боеприпасов. Все это снижало их наступательные возможности. Тем не менее Гальдер 13 июля, оценивая группировку советских войск в районах Орши, Витебска и Смоленска, вынужден был отметить: «За последнее время эта группировка усилилась в несколько раз. В ее состав теперь вошла 19-я армия, развертывающаяся в районе восточнее Витебска. Трудно сказать, удастся ли противнику провести планомерное сосредоточение этой армии. Намечено ликвидировать эту группировку двусторонним и в основном фронтальным ударом танковых групп»¹.

Во исполнение этого плана соединения 3-й танковой группы нанесли главный удар севернее Смоленска. К исходу 15 июля 7-я танковая дивизия этой группы при сильной поддержке авиации вышла с севера к Ярцево и перерезала шоссе Смоленск — Москва. В тот же район враг выбросил воздушный десант. Теперь советские войска в районе Смоленска были глубоко охвачены с востока и отрезаны от основной артерии снабжения. Советское командование не располагало здесь какими-либо силами, способными кардинально повлиять на обстановку. Главкомандующий западным направлением докладывал в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное — нет танков»².

Однако реальное положение с наличием у фронта бронетанковой техники не было известно противнику, и

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 128.

² ЦАМО РФ. Ф.246. Оп. 12928. Д. 2. Л. 15.

это в определенной мере сдерживало его устремления. Так, Гальдер полагал, что в сложившейся обстановке только подвижные соединения советских войск сохранили еще способность к сопротивлению и могут представлять определенную угрозу для наступавших немецких соединений. «В будущем действия противника могут свестись к действиям двух-трех крупных и, возможно, нескольких мелких подвижных групп, которые будут базироваться на промышленные центры и опорные пункты, действуя при поддержке остатков русской авиации», — отмечал он в дневниковой записи от 11 июля¹.

Но дело в том, что крупных подвижных соединений у командования Красной Армии на западном направлении к этому времени уже не было. Так, 14 июля в донесении в Москву командование Западного фронта сообщало: «...Что касается танковых соединений, они не имеют материальной части и превратились, по существу, в технически слабо оснащенную пехоту»². И не случайно Ставка в своей директиве от 15 июля 1941 г. Главкомандующим северо-западного, западного и юго-западного направлений поставила задачу на расформирование механизированных корпусов. В связи с этим танковые дивизии передавались в подчинение командующих армиями, а моторизованные переформировывались в стрелковые дивизии. Из механизированных корпусов внутренних округов в соответствии с директивой Генерального штаба от 8 июля 1941 г. было создано 10 танковых дивизий. Однако вскоре пришлось перейти от дивизионной к бригадной организации автобронетанковых войск, а в сентябре 1941 г. — и к созданию отдельных танковых батальонов различной штатной численности (от 29 до 36 танков в батальоне).

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 117.

² Шерстнев В.Д. Командармы. — Смоленск, 2006. — С. 34.

В такой обстановке Ставка пыталась возложить задачи подвижных войск на кавалерию. Она указывала на недооценку этого рода войск и отмечала, что в обстановке, когда тылы противника растянулись на значительное расстояние, действия кавалерийских группировок по ним должны сыграть важную роль в дезорганизации управления и снабжения немецких войск. «Если бы наши кавалерийские части, болтающиеся теперь на фронте и перед фронтом, были брошены по тылам противника, противник был бы поставлен в критическое положение, а наши войска получили бы громадное облегчение»¹, — отмечалось в ее директиве от 15 июля 1941 г. Идея, как будто не лишённая смысла, хотя, по сути своей, это попытка вернуться к опыту не только Гражданской войны, но и далекой Отечественной войны 1812 г.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск на ряде направлений, немецкие танковые дивизии настойчиво рвались на восток и, как предсказывал Гальдер, глубоко охватили с севера 16, 19 и 20-ю армии. Задачу остановить противника, продвигавшегося по шоссе Минск — Ярцево — Москва, Ставка и командование Западного фронта возложили на созданную 17 июля группу генерала К.К. Рокоссовского в составе 38-й стрелковой и 101-й танковой дивизий. О том, как создавалась эта «оперативная группа» и что она собой представляла, рассказал впоследствии в своей книге «Солдатский долг» сам Рокоссовский: «На прощание командующий фронтом сказал: «Подойдут регулярные подкрепления — дадим тебе две-три дивизии, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на ярцевском рубеже». Мы и стали это делать сразу, подбирая по пути в Ярцево всех, кто мог быть нам полезен для борьбы»². Через несколько дней Рокоссовский доложил

¹ Россия. XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. — М., 1998. — С. 472.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — М., 1968. — С. 27.

командованию фронта, «что прибывающие на ярцевский рубеж по распоряжению фронта дивизии представляют собой только номера. В одной оказалось 260 человек, в другой и того меньше»¹.

Не менее напряженная обстановка сложилась в районах Орши, Шклова и Быхова. Южнее Орши части 2-й немецкой танковой группы Гудериана к вечеру 11 июля захватили на восточном берегу Днепра плацдарм, с которого на следующий день повели наступление на Смоленск. Учитывая огромное стратегическое значение Смоленска, Государственный Комитет Оборона потребовал от Главнокомандующего западным направлением маршала С.К. Тимошенко удержать город. 14 июля он подчинил все войска, находившиеся в это время в районе Смоленска, командующему 16-й армией генералу М.Ф. Лукину, на которого возлагалось непосредственное руководство обороной.

16-я армия с началом войны принимала участие в боевых действиях в полосе Юго-Западного фронта в районе Шепетовки, составляя резерв Ставки Главного Командования. В соответствии с директивой Ставки от 27 июня армия получила задачу в полном составе сосредоточиться в районе Смоленска. К 14 июля значительная часть ее сил и средств совершала перегруппировку в назначенные районы. В результате в распоряжении генерала Лукина находились лишь части 46-й и 152-й стрелковых дивизий, а также некоторые артиллерийские части и подразделения. Как отмечал впоследствии Лукин, «в Смоленске никаких частей не было, кроме сформированных из добровольцев трех батальонов, вооруженных только винтовками и пулеметами в незначительном количестве. В их числе был один батальон милиции»². А вот

¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — С. 31.

² Лукин М.Ф. В смоленском сражении. // Военно-исторический журнал. — 1979. — № 7.

как оценивала группировку советских сил и средств в Смоленске созданная командованием Западного фронта после сдачи города противнику комиссия:

«К 14 июля в системе обороны города находились следующие части:

— сводный стрелковый полк двухбатальонного состава из числа отобризованного личного состава — около 2 тыс. человек;

— маршевый батальон из 39-го запасного стрелкового полка — около 1200 человек;

— 8-й отдельный батальон обслуживания станции снабжения — 754 человека;

— сводный отряд 159-го стрелкового полка — около 150 человек;

— отряды милиции и НКВД — численность не установлена;

— 10-й понтонно-мостовой батальон — 793 человека при 30 винтовках;

— батальон регулирования — 276 человек;

— 4-й автобатальон — 657 человек.

Всего личного состава насчитывалось до 6500 человек, из них непосредственно в районе позиций около 2500 человек»¹.

Как следует из документа, основу гарнизона города составляли сводные отряды из призванного по мобилизации пополнения, а также подразделения и части технического и тылового обеспечения. Не стоит сомневаться в том, что для ведения боя они были не обучены и не готовы. Мало того, они и недостаточно вооружены; чего стоит фраза: «793 человека при 30 винтовках»!

Несмотря на упорное сопротивление смоленского гарнизона, противник 15 июля ворвался в южную часть города. На следующий день его части переправились на

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 23. Л. 77.

северный берег Днепра. Падение Смоленска и охват значительных сил Западного фронта повлекли за собой суровую реакцию Сталина, который от имени Государственного Комитета Оборона отмечал в приказе № 02 от 16 июля 1941 г.:

«По сведениям Государственного Комитета Оборона командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе наших войск от Смоленска и сдаче Смоленска врагу. Если эти сведения соответствуют действительности, то подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Оборона считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине.

Государственный Комитет Оборона обязывает вас пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии, и приказать частям, защищающим Смоленск, ни в коем случае не сдавать Смоленска врагу.

Государственный Комитет Оборона приказывает вам:

1. Немедля организовать мощную оборону Смоленска, способную отбить любые атаки обнаглевшего врага.
2. Драться за Смоленск до последней возможности, не сдавать врагу Смоленска и не отводить части от Смоленска без специального разрешения Ставки.
3. Поддержать оборону Смоленска активными действиями наших частей по всему Западному фронту.

Государственный Комитет Оборона возлагает ответственность за оборону Смоленска лично на Главкомзап т. Тимошенко и члена Военного совета т. Булганина»¹.

Несомненно, что Главнокомандование западного направления не могло оставить без внимания данный приказ и принимало меры к овладению Смоленском. Одна-

¹ Жаркое лето сорок первого года. Документы ГКО и Ставки периода Смоленского сражения. Июль — сентябрь 1941 г. // Исторический архив. — 1993. — № 1.

ко значительных сил для этого не было, и эта задача была возложена на значительно ослабленные в предыдущих боях 129-ю и 152-ю стрелковые дивизии 16-й армии. Первая из них вела наступление на город с севера, а вторая — с запада.

Бои в городе велись до конца месяца, последние подразделения 16-й армии вышли из Смоленска только в ночь на 29 июля. За все время боев с 9 июля 16-я армия получила всего 2 тыс. человек пополнения. Тылы армии и дивизий очищались до предела. Все, кто мог сражаться, были направлены в строевые части. Штабы корпусов были расформированы для этой цели. Снабжение армии боеприпасами осуществлялось в основном по воздуху, путем сбрасывания пакетов на парашютах. Было приказано сократить до минимума расход боеприпасов для артиллерии, минометов и пулеметов, открывать огонь только по явно выявленным и видимым целям и в силу крайней необходимости¹.

Советское Главное Командование, глубоко сознавая всю сложность обстановки, связанной с потерей Днепра и Смоленска, стремилось во что бы то ни стало остановить дальнейшее продвижение противника, нанести ему потери и создать условия для разгрома вклинившихся вражеских группировок. С этой целью Ставка всемерно усиливала войска Западного фронта своими резервами и одновременно в его тылу развертывала Фронт резервных армий, возглавляемый генералом И.А. Богдановым в составе 24, 28, 29, 30, 31 и 32-й армий. Эти силы получили задачу подготовить оборону на рубеже Старая Русса, Брянск.

Однако достаточных сил у армий для подготовки устойчивой обороны на указанном рубеже к этому времени не было. Об этом, в частности, свидетельствует дирек-

¹ Еременко А.И. В начале войны. — М., 1965. — С. 234.

тива Генерального штаба Красной Армии командующему войсками Фронта резервных армий от 19 июля 1941 г.:

«15 июля командарму 24 было приказано две дивизии народного ополчения, не имеющие вооружения и посланные для работ, немедленно снять с фронта и использовать по прямому назначению. 18 июля Маляров в двенадцать адресов доносит, что эти дивизии занимают оборонительный рубеж и без оружия.

Прикажите немедленно:

1. Дивизии с фронта снять и поставить на работы, для которых они предназначены.
2. Расследовать, почему остались эти дивизии в обороне, и виновных наказать.
3. В ближайшее время вооружение для этих дивизий не поступит»¹.

В директиве речь идет о 4-й и 6-й дивизиях народного ополчения, которые на следующий день начали отводиться соответственно в районы Сычевки и Вязьмы. По всей видимости, командование Фронта резервных армий не было намерено подставлять под немецкий удар эти еще не готовые к боям дивизии. Однако их запоздалый отвод в тыл говорит о том, что прорыв противника в оперативную глубину явился полной неожиданностью для советского командования.

Крайне тяжелая обстановка сложилась и в районе Могилева, оборону которого осуществлял 61-й стрелковый корпус 13-й армии генерала Ф.Н. Ремезова. Главный удар противник нанес 11 июля силами 10-й танковой и 29-й моторизованной дивизий против 53-й стрелковой дивизии полковника Ф.П. Коновалова. Вот как описаны события этого дня в докладе одного из офицеров дивизии командующему войсками Западного фронта: «Пред-

¹ Русский архив. Т. 23. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1941 год. — М., 1997. — С. 92.

принятая утром 11 июля попытка... форсировать р. Днепр была отбита нашей артиллерией, понтонный мост противника через Днепр был разбит. После этого противник перенес главную силу своего удара на нашу артиллерию. Совершенно не защищенная с воздуха, она была выбита с огневых позиций и с большими потерями начала отходить. Пехота начала отступать. По своему характеру это вылилось в форму панического отступления, так как не встречавшая отпора авиация противника буквально засыпала огнем наши части. Вечером 11 июля дивизия вынуждена была оставить все свои позиции. Командный пункт командира дивизии был окружен противником. Под пулеметным огнем противника по приказанию командира дивизии штабное имущество (документы) было вывезено с командного пункта. Командир дивизии со штабом, отделом политпропаганды и охраной остался в окружении. Удалось ли им выйти из этого окружения, установить не удалось. Преследуемые авиацией и танками противника, части дивизии к утру 12 июля дошли до города Горки, откуда в основном разошлись по двум направлениям: на Смоленск и на Мстиславль. Судьба Смоленской группы (до 1000 человек) для меня неизвестна. Мстиславльскую группу я объединил в одну колонну и вывел на автомашинах на шоссе Смоленск — Рославль...»¹ Таким образом, дивизия, по сути, была разбита, рассеяна и с трудом после этого собрана.

Одновременно части 24-го немецкого моторизованного корпуса форсировали Днепр и в районе Быхова. Расширив захваченный плацдарм, танковые соединения 17 июля овладели Кричевом и окружили чаусскую группировку советских войск.

В результате форсирования Днепра и глубокого прорыва севернее и южнее Могилева соединения 2-й не-

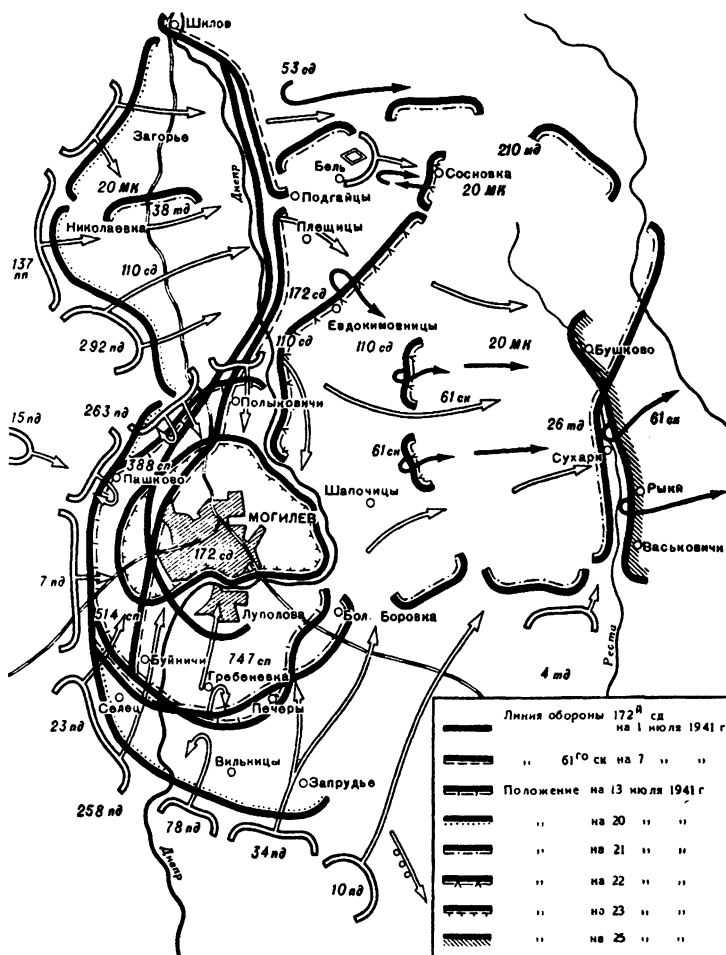
¹ *Симонов К.М.* 100 суток войны. — Смоленск, 1999. — С. 378—379.

мецкой танковой группы к 16 июля охватили части 13-й армии с обоих флангов. Советским войскам пришлось вести тяжелые бои фактически в тылу врага в трех изолированных районах: у Могилева, под Чаусами и у Кричева. Общая протяженность очагов сопротивления с запада на восток достигала 100 км.

На подступах к Могилеву занимала рубеж 172-я стрелковая дивизия генерала М.Т. Романова. С запада на город наступали 23, 7, 263 и 15-я немецкие пехотные дивизии, их поддерживал 3-я танковая дивизия и три эскадры 2-го воздушного флота. После того как противнику удалось форсировать Днепр, в тылу 172-й стрелковой дивизии действовали также 258-я и 78-я пехотные дивизии, а с 17 июля для захвата города были привлечены дополнительно части 34-й и 10-й пехотных дивизий.

Немецкое командование рассчитывало фронтальным ударом танковых и моторизованных дивизий прорвать оборонительные позиции советских войск и сразу же овладеть городом. 11 июля с утра противник два часа непрерывно наносил по оборонительным позициям 172-й стрелковой дивизии бомбовые удары, вел артиллерийский и минометный огонь. Затем в атаку перешли танки. Подразделения дивизии за день отбили пять атак. Десятки танков были уничтожены артиллерией и бутылками с зажигательной смесью. На следующие сутки все повторилось сначала в той же последовательности: массированные удары авиации, огневые налеты артиллерии и минометов, танковые атаки.

Особенно тяжелые бои развернулись в районе Буйничи, на Бобруйском шоссе, на участке 388-го стрелкового полка, которым командовал полковник С.Ф. Кутепов. С утра до вечера враг атаковал здесь его позиции. В 14-часовом бою подразделения полка, умело используя оборонительные укрепления, сочетая артиллерий-

Боевые действия 61-го стрелкового корпуса 13-й армии на могилевском направлении

ский и пулеметный огонь, сожгли 39 немецких танков, сбили 3 вражеских самолета, уничтожили 350 солдат и офицеров врага. В борьбе с танками широко применялись связки гранат и бутылки с зажигательной смесью.

Не сломив оборону фронтальным ударом в центре, немецкие войска стали искать слабые, уязвимые места на флангах. 46-му и 24-му моторизованным корпусам противника удалось форсировать Днепр севернее и южнее Могилева, соединиться в районе Чаусы и 16 июля окружить город. Положение защитников Могилева с каждым днем ухудшалось. Части 172-й стрелковой дивизии и отряды народного ополчения несли большие потери. Пополнить их не было никакой возможности. Не хватало боеприпасов и продовольствия. Утром 24 июля в штаб соединения доставили двух немецких парламентаров из полка «Великая Германия». Они вручили генералу Романову документ, подписанный командиром немецкого 7-го армейского корпуса. В нем высказывалось категорическое требование о немедленном прекращении сопротивления и сдаче города, в этом случае гарантировалось снисхождение к пленным. Михаил Тимофеевич отрез отказался принять ультиматум.

Однако к 25 июля материальные возможности обороны Могилева были полностью исчерпаны. Командир 172-й дивизии принял решение на прорыв из окружения в ночь на 27 июля. Под покровом темноты в дождь красноармейцы и ополченцы бросились в штыковую атаку. Рукопашные схватки одновременно разгорелись в нескольких районах города. Бой длился более двух часов. В ходе прорыва погибло большинство бойцов и командиров, среди них начальник политотдела 172-й стрелковой дивизии полковой комиссар А.И. Турбинин, командиры 388-го стрелкового и 340-го легкоартиллерийского полков полковники С.Ф. Кутепов и И.С. Мазалов. Почти весь личный состав дивизии остался там, под Мо-

гилевом, лишь немногие солдаты и офицеры прорвались на восток, некоторые перешли к партизанским действиям.

Константин Симонов, который в июле побывал в 388-м полку, писал в своем дневнике: «Недолгая встреча с Кутеповым была одной из самых значительных за годы войны. В моей памяти Кутепов — человек, который, останься он жив там, под Могилевом, был бы способен на очень многое...» Говоря о судьбе героев обороны Могилева, Симонов делает вывод, который во многом характеризует состояние командных кадров Красной Армии накануне войны: «Не будь у нас 1937—1938 годов, в армии с первых же дней войны на своих местах оказалось бы куда больше таких людей, как командир полка Кутепов или командир дивизии Романов. Когда в 1937—1938 годах было изъято из армии подавляющее большинство высшего и половина старшего командного состава, за этим неизбежно последовало характерное для тех лет массовое перепрыгивание через одну, а то и три важнейшие ступени военной лестницы. Нелепо было бы ставить это в вину людям, которых так стремительно повышали. Это было не их виной, а их бедой. А от тех из них, кто не погиб в начале войны, потребовалось очень много тогда и воли, и огромных нравственных усилий для того, чтобы в условиях войны оказаться на своем месте, восполнив в себе все те неизбежные пробелы, которые образуются у человека при перепрыгивании через необходимые ступеньки военной службы»¹.

Трагично сложилась судьба и других соединений 13-й армии, попавших в окружение под Могилевом. 26 июля командир 61-го стрелкового корпуса генерал Ф.А. Бакунин собрал совещание, на котором самостоятельно, ввиду отсутствия связи с вышестоящими штабами, при-

¹ Симонов К.М. 100 суток войны. — С. 398.

нял решение выходить из окружения тремя отдельными группами в общем направлении на Мстиславль, Рославль. Однако при прорыве из окружения большая часть солдат и офицеров погибла, лишь отдельные группы командиров и красноармейцев пробились через линию фронта к своим войскам.

К сожалению, принятое генералами Ф.А. Бакуниным и М.Т. Романовым единственно правильное решение о выходе из окружения, когда возможности обороны были исчерпаны, так и не получило одобрения Главного командования западного направления и Ставки. «После выхода из окружения, — рассказывал позже генерал Бакунин, — я был вызван в Москву, в кадры, где выслушал от генерала А.Д. Румянцева несправедливые попреки о якобы преждевременной сдаче Могилева. Невзирая на это, я доложил ему об особо отличившихся и пытался передать их список. Но получил на это однозначный ответ: «Окруженцев не награждаем»¹.

Следовательно, в середине июля на правом крыле и в центре Западного фронта враг добился крупных успехов. Ему удалось овладеть «ключом к Москве», так Гитлер называл Смоленск. Фюрер, довольный ходом наступления, еще 14 июля в беседе с японским послом в Берлине Хироси Осима заявил, что это Сталина, а не его, Гитлера, ожидает судьба Наполеона; при этом он восторженно отзывался о своих военачальниках, называя их «личностями исторического масштаба», а офицерский корпус «исключительным в своем роде». Теперь на совещаниях в ставке все чаще заводилась речь не о дальнейшем ходе войны против СССР, а о послевоенной оккупации Советского Союза. Гитлер торопился закрепить стратегический успех политическими решениями. Военно-политическая элита рейха 16 июля обсудила конкрет-

¹ Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — М., 1990. — С. 128.

ные вопросы присоединения к Германии советских территорий, приступила к назначению имперских комиссаров на Украину, в Белоруссию, Прибалтику, Крым¹.

Совершенно по-иному развивались события на левом крыле Западного фронта. С целью выйти в тыл 2-й немецкой танковой группе 21-я армия под командованием генерала Ф.И. Кузнецова предприняла наступление на Бобруйск. Утром 13 июля после 20-минутной артиллерийской подготовки дивизии 63-го стрелкового корпуса приступили к форсированию Днепра. Противник настолько не ожидал удара с этого направления, что вначале почти не оказал организованного сопротивления. К 20 часам основные силы армии были на противоположном берегу и продвинулись на 8—10 км. Немецкие части начали отход, прикрываясь дымовыми завесами и организуя противодействие. Развивая достигнутый успех, части корпуса вышли к окраинам Рогачева и Жлобина. В течение трехдневных боев советские части отбросили врага на бобруйском направлении на 12 км. 16 июля их наступление остановил 53-й армейский корпус, срочно переброшенный немецким командованием на это направление. Действовавшая же южнее 232-я стрелковая дивизия 66-го стрелкового корпуса, используя лесные массивы, продвинулась с боями почти на 80 км и захватила переправы на реках Березина и Птичь. Это вынудило немецкое руководство направить против нее 43-й армейский корпус из резерва группы армий «Центр», а 19 июля — еще две пехотные дивизии.

Таким образом, в ходе первого этапа Смоленского сражения врагу удалось сломить сопротивление войск Западного фронта на его правом крыле и в центре, продвинуться почти на 200 км и захватить Ярцево, Смо-

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 книгах. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1998. — С. 174.

ленск, Ельню, Кричев. В то же время соединения 21-й армии нанесли ответный удар на левом крыле фронта и добились значительных успехов на бобруйском направлении.

В целом обстановка в полосе Западного фронта оставалась исключительно сложной. Однако Ставка Главного Командования, наряду с решением проблемы создания глубины обороны, продолжала ставить войскам наступательные задачи. 20 июля в переговорах по прямому проводу с Главкомом западного направления маршалом Советского Союза Тимошенко И.В. Сталин указывал: «Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две-три дивизии, и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной практики и начать создавать кулаки в 7—8 дивизий с кавалерией на флангах. Избрать направление и заставить противника перестроить свои ряды по воле нашего командования... Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами»¹. При этом он поставил задачу — создать ударные группы за счет Фронта резервных армий, силами которых разгромить противника, овладеть районом Смоленска и отбросить его за Оршу. По существу, ставилась задача на переход в контрнаступление. Однако его неудачный исход исключил это контрнаступление из общего ряда себе подобных (под Тихвином, Ростовом, Москвой, Сталинградом и Курском).

В тот же день поставленная задача была конкретизирована директивой Ставки. Общий замысел контрнаступления сводился к нанесению трех одновременных ударов из районов южнее Белого, Ярцева и Рославля по сходящимся на Смоленск направлениям с задачей разгромить противника в районах севернее и южнее горо-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 1.

да. Для наступления были созданы группы войск под командованием генералов В.Я. Качалова, В.А. Хоменко, С.А. Калинина и И.И. Масленникова. Несколькими днями раньше под Ярцевом начала действовать группа генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского.

Каждая армейская группа должна была наносить удар на самостоятельном направлении, наступая в полосе 30—50 км. Учитывая их слабый состав, а также значительные разрывы между группами — 10—20 км по реке Вопь и до 120 км с группой Качалова, командование западного направления еще на этапе планирования наступления высказывало опасения относительно успеха операции. Оно отмечало: «Слабая сторона данной операции заключается в том, что группы изолированы на большом удалении одна от другой и при малочисленности каждой в отдельности могут быть порознь подвергнуты окружению»¹. Однако эти доводы не были приняты во внимание Ставкой.

Серьезным недостатком решения Ставки и командования западного направления был и необоснованный расчет сроков возможного перехода войск в наступление. Нельзя не согласиться с одним из выводов начальника штаба 19-й армии генерал-майора П.Н. Рубцова об управлении войсками в начале Смоленского сражения. Он писал: «Продолжает иметь место неблагоприятие с расчетом времени и пространства. Желание как можно быстрее выполнить поставленную задачу затемняет здравый смысл, и войскам ставятся явно непосильные задачи»².

Следует отметить, что обстановка не благоприятствовала проведению контр наступления на западном стратегическом направлении: не было устойчивых уча-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 353.

² Радзиевский А. И. Развитие теории и практики прорыва. Ч. 1. — М., 1977. — С. 68.

стков фронта, на которые могли бы опереться ударные группировки; 16-я и 20-я армии находились в полуокружении; узкая горловина у Ярцева была под угрозой ликвидации; к исходному рубежу группы войск генерала Качалова выдвигался вражеский 24-й моторизованный корпус; в воздухе господствовала немецкая авиация; фронт располагал небольшим числом полков артиллерии Резерва Главного Командования и не мог существенно усилить ударные группировки. Главное — наступательные возможности немецкой группы армий «Центр» не были исчерпаны, и она готовилась к продолжению активных действий. Сосредоточив подвижные части в районах Ярцева и восточнее Смоленска, противник намеревался встречными ударами завершить окружение и уничтожение 20-й и 16-й советских армий, прикрывавших вяземское направление.

Стремление обеих сторон использовать активные способы боевых действий обусловило резкое нарастание напряженности событий на центральном участке советско-германского фронта. Бои носили встречный характер и отличались исключительной ожесточенностью.

23 июля из района Рославля перешла в наступление группа войск (145-я, 149-я стрелковые и 104-я танковая дивизии) под руководством командующего 28-й армией генерал-лейтенанта В.Я. Качалова. Хотя наступление велось под непрерывными ударами вражеской авиации, советским соединениям удалось за два дня сломить упорное сопротивление противника и отбросить его за р. Стометь. Попытка группы Качалова развить наступление вдоль шоссе на Смоленск вызвала озабоченность у немецкого командования. Противник силами двух армейских и моторизованного корпусов нанес контрудар в направлении на Рославль. Ему удалось обойти группу, выйти в районе Рославля в тыл советским войскам и окружить их. При выходе из окружения советские части по-

несли большие потери. Смертью храбрых погиб и генерал В.Я. Качалов.

Обстоятельства гибели генерал-лейтенанта Владимира Яковлевича Качалова стали известны только после войны. Вот что писал об этом бывший командир 149-й стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Ф.Д. Захаров: «4 августа авангард головного полка полковника Пилинога завязал бой за деревню Старинка... Вскоре на мой наблюдательный пункт прибыли командующий 28-й армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов и член Военного совета. Командарм... приказал повторить атаку и захватить Старинку. В 13.00 полк ... перешел в атаку, но и на этот раз наступление полка не привело к решительному успеху. В 15.00 командарм приказал водителю танка: «Вперед!» Танк командующего и броневик адъютанта пошли в направлении Старинки. Танк пошел в цепь полка и скрылся в ложине перед деревней Старинка»¹.

О том, что Качалов погиб именно в этом бою, подтверждено показаниями местных жителей: «Около деревни Старинка в одном из подбитых танков находился генерал Качалов, которого после боя уже мертвым вынесли из машины. На поле боя было подобрано еще до пяти десятков трупов наших воинов, все они были похоронены на краю деревни Старинка в двух братских могилах». Гибель В.Я. Качалова подтверждается и данными противника. В обзоре 9-го армейского корпуса, захваченном нашими войсками, указано: «К этому моменту пал командующий 28-й армией Качалов со своим штабом. Вместе с танковой группой он пытался прорваться через деревню Старинка, но, в конце концов, был задержан и не прошел»².

¹ Еременко А.И. В начале войны. — С. 267.

² Там же. С. 270.

Но тогда, в 41-м, в знаменитом приказе Ставки № 270 от 16 августа, подписанном Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым и Жуковым, генерал Качалов был обвинен в сдаче в плен. Вот строки из этого приказа, в котором явно угадывается стиль Сталина: «Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробился из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу»¹.

Появлению фамилии Качалова в этом приказе, как пишет в своей книге «В начале войны» Маршал Советского Союза А.И. Еременко, возможно, предшествовал вызов его и члена Военного совета 28-й армии В.И. Колесникова к заместителю наркома обороны Мехлису. При этом Мехлис заявил им, что они «политические младенцы и не понимают, что Качалов не только сам давно уже решил перейти к противнику, но и искал себе союзников». Вот так, в одночасье, вопреки фактам, геройски погибший командарм был на долгие годы объявлен изменником Родины. В том, что человек предатель, доказательств не требовалось. Требовались доказательства, что он не предатель. Более того, на основании этого приказа Качалов был заочно 29 сентября 1941 г. приговорен к расстрелу «за измену Родине». Лишь 23 декабря 1953 г. генерал Качалов был реабилитирован посмертно.

Важность и значимость упомянутого приказа № 270 заставляет вернуться к его приказной части:

«Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя сры-

¹ Русский архив. Т. 13. Великая Отечественная. Т. 2 (2). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. — М., 1997. — С. 58.

вающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах»¹.

Не приходится сомневаться, что автором приказа яв-

¹ Русский архив. Т. 13. Великая Отечественная. Т. 2(2). Приказы Народного комиссара обороны СССР... — С. 59—60.

ляется сам Сталин, который в гневе перепутал должности и звания генералов, попавших в плен. Но никто из подписавших приказ военачальников не посмел поправить вождя. Потеряв надежду на возможность стабилизировать линию фронта и не допустить разгрома, Верховный Главнокомандующий прибег, в значительной мере в силу критических обстоятельств, к своему испытанному методу жестких карательных мер. Не приходит ли здесь Сталин к согласию со своим непримиримым врагом Троцким, который утверждал, что в критические моменты сражений надо ставить солдат перед выбором «между возможной почетной смертью впереди и неизбежной позорной смертью позади»? Таким образом, уже в первые месяцы войны было окончательно сформировано отношение к собственным военнопленным. В ходе боев разбираться было некогда, и под этот приказ попали и правые, и виноватые.

По случайному совпадению именно 4 августа, т.е. в день гибели Качалова, командующий войсками Резервного фронта генерал армии Г.К. Жуков в докладе начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову отмечал: «...считаю дальнейшие действия Качалова в смоленском направлении бесцельными, а с взятием противником Рославля положение Качалова может быть очень невыгодно, Качалов может быть окружен. Считаю необходимым правый фланг и центр Качалова немедленно оттянуть на восток...»

Несмотря на то что Шапошников полностью согласился с Жуковым, их решения отставали от реального развития событий и уже не отвечали сложившейся обстановке. Так ли это или нет, но 4 августа в дневнике Гальдера появляется запись: «Наступление на Рославль протекало исключительно хорошо. Пехота марширует.

В последний момент противник оказал сопротивление, но оно ничего не дало»¹.

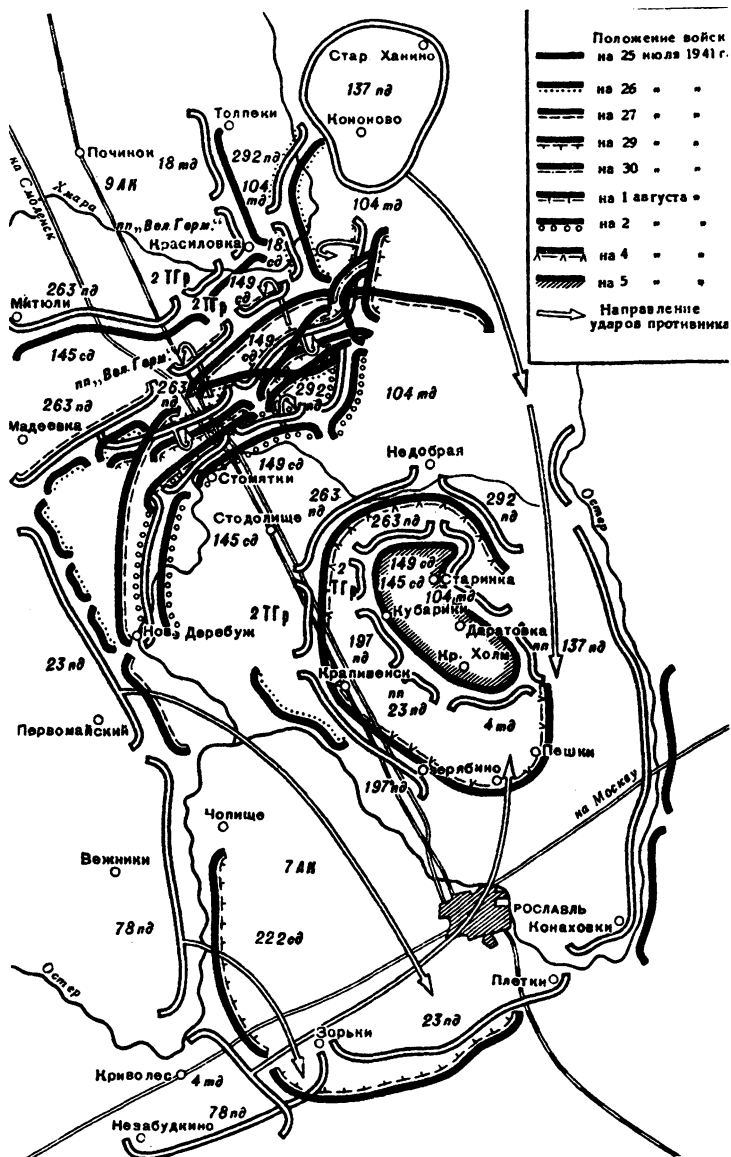
Невзирая на крайне тяжелую обстановку, значительная часть группы генерала Качалова сумела прорваться из окружения, что с сожалением констатировал тот же Гальдер 6 августа 1941 г.: «У Рославля разрозненные части противника вышли из окружения... Следует принять во внимание умение русских использовать для передвижения своих войск дороги, которые мы из-за состояния не можем использовать, а также умение русских скрытно наводить переправы через реки»². Но только ли в состоянии дорог дело? Отнюдь нет. Причины в другом, главная из них в мужестве и стойкости войск, в начавшем проявляться умении командиров различных степеней организовать управление войсками в кризисных ситуациях.

Наступательные действия группы Качалова в направлении Смоленска не смогли в тех условиях принести территориального успеха, но сковали значительные силы врага на рославльском направлении. Танковая группа Гудериана и поддерживавшие ее пехотные соединения понесли здесь серьезные потери. Гудериан недвусмысленно подтверждает тот факт, что действия советских войск из района Рославля представляли серьезную опасность для осуществления замыслов немецкого командования. Он указывает: «...я доложил командующему группой армий о своем решении наступать на Рославль ... и для его осуществления 2-й танковой группе были подчинены следующие соединения: а) для наступления на Рославль — 7-й армейский корпус в составе 7, 23, 78 и 197-й пехотных дивизий и 9-й армейский корпус в составе 263, 292 и 137-й пехотных дивизий; б) для смены нуждающихся в отдыхе и приведении в порядок танковых

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 239.

² Там же. С. 246.

1941. На Западном направлении

Боевые действия группы Качалова с 25 июля по 5 августа 1941 г.

дивизий в районе Ельнинской дуги — 20-й армейский корпус в составе 15-й и 268-й пехотных дивизий»¹. Из этого следует, что три советские дивизии, входившие в состав группы Качалова, отвлекли силы двух армейских и одного моторизованного корпусов из основного состава танковой группы Гудериана.

Вместе с тем разгром главных сил 28-й армии привел к тому, что в оперативном построении советских войск образовалась значительная брешь. Гудериан 7 августа докладывал командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Боку о том, что за Рославлем в направлении Брянска на глубину 40 км советских войск нет и что в связи с этим его 24-й моторизованный корпус на следующий день готов перейти в наступление.

Наступление армейской группы генерала В.А. Хоменко с рубежа реки Вопь началось с опозданием, лишь 25 июля, и только двумя дивизиями. В полосе действий группы противник, своевременно установив выдвижение советских войск, хорошо подготовился к обороне силами 14-й и 18-й моторизованных дивизий. В результате лишь 251-я стрелковая дивизия, введенная в бой с ходу, смогла продвинуться на 3—4 км. Остальные дивизии, несмотря на кровопролитные бои, не смогли сбить немецкие подразделения даже с переднего края. 50-я и 53-я кавалерийские дивизии группы, действовавшие на правом фланге с задачей совершить рейд в район городов Демидов и Холм, попали под встречный удар противника и были вынуждены отойти. Возобновив в последующие дни наступление, соединения группы Хоменко все-таки смогли продвинуться в глубину на 20—25 км, однако полностью задачу, поставленную командованием западного направления, не выполнили².

¹ Еременко А.И. В начале войны. — С. 279.

² Радзиевский А. И. Указ. соч. — С. 72.

Не получило развития и наступление оперативной группы войск генерала Калинина. По приказу Ставки в ее состав входили 89, 91 и 166-я стрелковые дивизии. Эта группа имела задачу нанести всеми дивизиями одновременный удар из района севернее Ярцева на Духовщину. Однако все дивизии были введены в сражение одновременно на разобщенных направлениях. Ответные действия противника привели к тому, что часть их сил попала в окружение, а 91-я стрелковая дивизия потеряла всю и так немногочисленную артиллерию.

Причины провала наступления верно отражены в отчете оперативного отдела штаба Западного фронта о ходе боевых действий за период с 22 июля по 15 августа 1941 г., в котором отмечалось: «Наступление... осуществлялось растопыренными пальцами на широких фронтах, при линейном построении боевых порядков. Отсутствовала живая сила и средства для наращивания удара в глубине обороны противника». Наряду с другими факторами Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин видел причину неудачного наступления в плохом управлении войсками. В переговорах с командованием западного направления 26 июля он высказался следующим образом: «Очень плохо, что у фронта и главкома нет связи с рядом армий, а с остальными армиями связь слабая и случайная. Даже китайская и персидская армии понимают значение связи в деле управления армией, неужели мы хуже персов и китайцев? Как управлять частями без связи? Невозможно терпеть дальше эту дикость, этот позор. Я обяываю Вас лично и главкома заставить армии и дивизии уважать службу связи и держать постоянную связь с фронтом, вовремя передавать сводки. Либо будет ликвидировано разгильдяйство в деле связи, либо Ставка будет вынуждена принять крутые меры»¹.

¹ Русский архив. Т. 16. Великая Отечественная. Т. 5 (1). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. — М., 1996. — С. 92—93.

Группа войск генерала К.К. Рокоссовского (38-я стрелковая, 101-я и 107-я танковые дивизии) в установленное время вообще не смогла перейти в наступление, так как была вынуждена отражать на рубеже р. Воль многочисленные атаки немецких войск, рвавшихся к Вязьме. Остановив противника, она 28 июля нанесла контрудар. В то трудное время ее действия имели огромное значение для всего Западного фронта, они обеспечили разрыв вражеского окружения, в котором в конце июля оказались 16-я и 20-я армии. Вдоль Днепра от Соловьево до Ратчино образовался коридор шириной около 10 км. В ночь на 4 августа саперы навели через реку 5 переправ. Части этих армий, 7 суток сражавшихся в окружении со значительно превосходящими силами противника, в начале августа вырвались из него и отошли за Днепр, где, соединившись с главными силами фронта, укрепили оборону на рубеже Холм-Жирковский, Ярцево, Ельня.

Неудавшуюся попытку разгромить советские войска в районе Смоленска вынужден был признать и враг. В своих воспоминаниях начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит писал: «Две полевые армии... удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток...»¹ С другой стороны, в ходе этих боев советские войска понесли огромные потери. Дивизии 16-й и 20-й армий, согласно докладу Военного совета западного направления, буквально «растаяли» в длительных, непрерывных боях. В большинстве из них осталось по 1—2 тыс. человек. Всего же за последнюю декаду июля войска Западного фронта потеряли 105 723 человека, в том числе пропав-

¹ *Воробьев М.В., Храпченков А.К.* В боях на смоленской земле. — М., 1975. — С. 31.

шими без вести — 46 827 человек или 44% от общих потерь¹.

В ходе упорной борьбы в первых числах августа 1941 г. на центральном участке советско-германского фронта установилось определенное равновесие. Поставленные задачи не были выполнены ни советскими войсками, ни противником. Однако результаты, достигнутые войсками западного направления в конце июля — начале августа, могут быть оценены положительно. Они сорвали наступление 3-й танковой группы в сторону Валдайской возвышенности, намечаемое немецким командованием в интересах группы армий «Север», разорвали кольцо окружения вокруг 20-й и 16-й армий и помогли их главным силам отойти за Днепр. Оттянув значительную часть сил противника в районы своих активных действий, они способствовали стабилизации положения на флангах — в полосах 22-й армии и Центрального фронта. Признавая этот факт, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок отмечал: «Я вынужден ввести в бой теперь все боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы»².

Нет сомнения, что войска западного направления смогли бы добиться значительно больших результатов, если бы в организации и ведении наступления не были допущены серьезные недостатки. Главными из них явля-

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — М., 2006. — С. 20.

² Суровые испытания. — С. 179.

лись: раздробленность войск на сравнительно слабые ударные группировки (по 3—4 дивизии), наступавшие на широком фронте без взаимодействия друг с другом и соседями; одновременность перехода этих группировок в наступление без предварительной подготовки, без глубокой разведки и рекогносцировки местности; отсутствие превосходства в силах на направлениях ударов; слабое артиллерийское обеспечение и авиационная поддержка. В этом еще раз проявилось неумение командиров всех степеней организовать наступательные операции вследствие недостатка опыта. Здесь следует согласиться с оценкой действий советских войск, данной Гальдером: «Русское командование стремится фланговыми контрударами отрезать наши танковые соединения от пехоты. Теоретически эта идея хороша, но осуществление ее на практике возможно лишь при наличии численного превосходства и превосходства в оперативном руководстве. Против наших войск, я думаю, эта идея неприменима, тем более что наши пехотные корпуса энергично подтягиваются за танковыми соединениями»¹.

В создавшейся обстановке перед германским командованием встал вопрос о том, как использовать дальше силы группы армий «Центр», — коренной вопрос, от решения которого, как считали немецкие генералы, зависит исход всей кампании против СССР. Очередное решение германского командования изложено в директиве ОКВ № 34 от 30 июля 1941 г., в которой наступательные задачи были оставлены лишь группам армий «Север» и «Юг». В отношении группы армий «Центр» указывалось: «Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя наиболее удобные для этого участки местности. В интересах проведения последующих наступательных операций против 21-й советской армии следует за-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 157.

нять выгодные исходные позиции, для чего можно осуществить наступательные действия с ограниченными целями. 2-я и 3-я танковые группы должны быть, как только позволит обстановка, выведены из боя и ускоренно пополнены и восстановлены»¹.

А в журнале боевых действий оперативного отдела сухопутных войск вермахта за 30 июля по этому поводу отмечалось: «Таким образом, противник получает один месяц времени, чтобы западнее Москвы организованно укрепиться для обороны при одновременном отражении наступления, проводимого в августе недостаточными силами. Этим самым он, в конце концов, достиг того, что для него очень важно. Постоянной угрозой нашим силам на флангах он расколол их единство. Одновременно ему удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим самым добиться политического успеха»².

Могла ли группа армий «Центр» продолжать наступление? Несомненно. Но это наступление уже не могло дать того результата, к которому стремилось германское командование еще до начала войны. Немецкие войска в конце июля находились далеко не на тех рубежах, которые определялись планом «Барбаросса». Но, с другой стороны, Генеральный штаб вермахта скоординировал свои планы, исходя из реальной на то время обстановки. Оперевание группой армий «Центр» в выдвижении в глубину СССР других группировок — групп армий «Север» и «Юг» — ставило под угрозу ее фланги. В то же время она занимала нависающее положение над советским Юго-Западным фронтом, который продолжал обороняться на территории Украины. Отказавшись от наступления на центральном направлении, немецкое коман-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» — С. 270.

² Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945. — М., 1961. — С. 220.

дование перенацелило главные силы 3-й и 2-й танковых групп вначале на фланги Западного фронта, а затем в полосы советских Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. 12 августа в дополнении к директиве № 34 отмечалось, что наступление на московском направлении будет продолжено «лишь после полной ликвидации угрожающего положения на флангах и пополнения танковых групп». Дальнейшие события показали, что, пожертвовав оперативной целью, противник достиг стратегической — нарушение стабильности стратегического фронта Красной Армии на северо-западном и юго-западном направлениях.

После перехода группы армий «Центр» к обороне на московском направлении советское командование считало, что основные силы немецких войск по-прежнему будут стремиться овладеть Москвой. Но, поскольку фронтальный удар противника не достиг цели, не исключалась возможность совершения им обходного маневра. Исходя из этого главная задача советских войск на западном направлении заключалась в том, чтобы не допустить вражеского прорыва на Москву с любого направления, удержать Великолукский и Гомельский выступы и, сохраняя нависающее положение над группой армий «Центр» с севера и юга, продолжать наносить удары с целью нанесения поражения ее важнейшим группировкам. В соответствии с этим замыслом командованию Западного и Резервного фронтов приказывалось разгромить духовщинскую и ельнинскую группировки противника. Это являлось, по сути дела, второй попыткой перехватить инициативу на западном направлении.

Однако в первой половине августа основные события развернулись в полосе Центрального, а затем и Брянского фронтов. Здесь 8 августа перешел в наступление 24-й моторизованный корпус 2-й немецкой танко-

вой группы. Прорвав оборону Центрального фронта в полосе 13-й армии и развивая достигнутый успех, он к 21 августа продвинулся на 120—140 км, выйдя на рубеж Новоозыбков, Стародуб. В то же время 2-я полевая армия, действовавшая на гомельском направлении, глубоко охватила с востока 21-ю армию, которая под угрозой окружения была вынуждена с боями отойти на юг и оставить междуречье Березины и Днепра.

Ставка Верховного Главнокомандования (стала именоваться подобным образом с 8 августа) вскрыла намерения противника окружить 3-ю и 21-ю армии Центрального фронта и выйти в тыл Юго-Западному фронту, то есть обойти всю советскую группировку на киевском направлении. Чтобы не допустить этого, отразить возможные удары врага на Брянск и предотвратить в последующем наступление его войск на Москву, Ставка ВГК между Центральным и Резервным фронтами развернула Брянский фронт под командованием генерала А.И. Еременко. Кроме того, она приказала отвести войска левого крыла Центрального фронта и правого крыла Юго-Западного фронта за Днепр. Одновременно требовалось активизировать действия на смоленском направлении.

Почти одновременно с наступлением немецких войск начались удары части сил Западного фронта. Этому фронту в соответствии с приказом Главкома западного направления от 4 августа предстояло, «прочной удерживая левым крылом фронта рубеж реки Днепр и отражая атаки противника на своем правом крыле, центром разгромить и уничтожить духовщинскую группировку противника». Решение главных задач в наступательной операции возлагалось на 30-ю и 19-ю армии генералов В.А. Хоменко и И.С. Конева.

В 5 часов утра 8 августа соединения 19-й и 30-й армий нанесли удары в направлении Духовщины. Они успешно преодолели сопротивление немецких войск на

переднем крае обороны и в течение нескольких дней стремились развить успех. Однако полностью прорвать вражескую оборону и выйти в оперативную глубину им не удалось. Перегруппировав силы, противник быстро наращивал сопротивление. В то же время удар 19-й армии обеспечил выход из окружения группы генерала Болдина. В советской литературе длительное время утверждалось, что «заместитель командующего войсками Западного фронта генерал И.В. Болдин, попав в начале войны в окружение под Минском, 4 июля создал из разрозненных частей и подразделений сводную дивизию, которая с боями пробивалась по вражеским тылам на восток». На самом деле группа генерал-лейтенанта Болдина в большей своей части состояла из личного состава 91, 127 и 134-й стрелковых дивизий Западного фронта, оказавшихся в окружении после отхода за р. Воль. Комиссар 91-й дивизии Шляпин 24—25 июля организовал разрозненные подразделения и отдельных бойцов в отряд, который с 30 июля по 8 августа действовал в лесном массиве северо-западнее населенного пункта Занино 2-е. 7 августа к отряду присоединился генерал Болдин с группой около 100 человек, который и принял на себя командование¹. Всего из окружения вышли 1654 вооруженных бойца и командира².

Проанализировав ход боевых действий в начале августа, командующий войсками Западного фронта 15 августа отдал новый приказ на продолжение Духовщинской операции. К этому времени оборона противника была значительно усилена. В опорных пунктах и узлах сопротивления были отрыты окопы полного профиля с ходами сообщения, созданы противотанковые и противопехотные препятствия в виде минных полей, заграж-

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 37.

² Воробьев М.В., Храпченков А.К. В боях на смоленской земле. — С. 19—20.

дений из колючей проволоки в три ряда, малозаметных препятствий. Строились блиндажи с применением бетона, вкапывались в землю танки. Например, на направлении Дубровица, Белый было врыто в землю до 150 танков. Особенно сильно укреплялись населенные пункты и высоты.

Замысел операции Западного фронта состоял в том, чтобы ударом 30-й (четыре стрелковые, танковая и кавалерийская дивизии) и 19-й (пять стрелковых и танковая дивизии) армий по сходящимся на Духовщину направлениям окружить и уничтожить здесь немецкую группировку и выйти своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево. Отсюда намечалось развить успех к востоку от Смоленска с целью окружить ярцевскую группировку противника уже во взаимодействии с левофланговой 20-й армией фронта, восстановленной после выхода из окружения.

Для содействия 30-й и 19-й армиям предусматривался вспомогательный удар двумя дивизиями 29-й армии и рейд на Велиж, Демидов кавалерийской группы генерала Л.М. Доватора в составе двух кавалерийских дивизий.

Как и в июльском наступлении, оперативных перспектив данный замысел имел не много. Несмотря на, казалось бы, сильную группировку для осуществления первого этапа операции по количеству дивизий, а именно 9 стрелковых, 2 танковые и 3 кавалерийские, их качественное состояние оставляло желать лучшего. Численность 250-й и 251-й стрелковых дивизий 30-й армии, например, была немногим более 5 тыс. человек. В них отсутствовала артиллерия, за исключением 54 82-мм и 8 120-мм минометов на обе дивизии. В 107-й танковой дивизии было 102 боевые машины. В августе 30-я армия получила всего 16, а 19-я армия — 14 маршевых батальонов¹.

¹ Радзиевский А.И. Указ. соч. — С. 77.

Противостоявшая группировка противника насчитывала 11 дивизий, из них в первом эшелоне действовало четыре пехотные дивизии. Непосредственно за ними располагалась моторизованная бригада, а в ближайшей оперативной глубине, на удалении 20—40 км от переднего края, — две танковые, моторизованная и пехотная дивизии. Кроме того, против 16-й армии, то есть угрожая левому флангу 19-й армии, размещались еще две танковые и главные силы одной моторизованной дивизии. С учетом того, что численность немецких дивизий была значительно больше, ударная группировка Западного фронта должна была наступать, не имея даже минимального превосходства над противником. Войска испытывали недостаток в артиллерии. Стрелковые дивизии фронта были укомплектованы минометами на 30%, а 76- и 152-мм орудиями на 36%. Недостаток ощущался и в боеприпасах. Накануне наступления в 19-й армии, например, их было всего 1—2 боекомплекта¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и моральный фактор. Противник успешно отразил первое наступление советских войск, а это придавало ему уверенность в своих силах. При всем этом времени на подготовку наступления, как и раньше, было выделено явно недостаточно — немногим более суток. Положительным моментом являлось то, что войска в отличие от июльских боев наступали теперь в более узких полосах, что позволило иметь более высокие плотности сил и средств — 6—9 км на дивизию, 30—40 орудий и минометов на 1 км участка прорыва.

Необходимо отметить один момент в планировании использования кавалерии. В задаче, поставленной кавалерийской группе генерала Л.М. Доватора, а именно самостоятельно проникнуть через фронт противника и со-

¹ Радзиевский А. И. Указ. соч. — С. 78.

вершить рейд до Велижа с поворотом на юг до Демидова, а затем на восток до Духовщины, наблюдалось затянувшееся влияние Гражданской войны. И хотя значительные лесные участки позволяли кавалерийским соединениям совершить рейды, в действительности эта возможность была довольно ограниченной, ибо противник располагал таким количеством авиации, что мог не только знать, где каждый день находится рейдирующая группа, но и своими авиационными ударами быстро наносить ей невосполнимые потери в людях и конском составе.

Наступление главной группировки фронта началось 17 августа после огневого удара артиллерии армий и всей, хотя и малочисленной, авиации фронта. 30-я армия в первые три дня не имела продвижения. На четвертый день в полосу 162-й стрелковой дивизии были введены 107-я танковая дивизия и два полка 45-й кавалерийской дивизии. Но противнику удалось отразить атаку. Кавалерия понесла большие потери от пулеметного огня. Лишь в результате упорных боев с 23 по 25 августа передний край обороны противника был прорван, и войска продвинулись на 1—3 км. В полосе 19-й армии в первый день наступления только одна дивизия продвинулась на 400—800 метров. В дальнейшем противник за счет ввода в сражение 7-й танковой и 14-й моторизованной дивизий, а также 87-й пехотной дивизии, переброшенной из Минска, усилил сопротивление.

Военный совет Западного фронта, пытаясь развить наметившийся успех 19-й армии, ввел в ее полосу резервы 30-й армии. Однако их прибытие и ввод в сражение не опережали наращивания усилий противником на угрожаемом для него направлении. В силу этого темп наступления по-прежнему был низкий. По сути дела, наступление ограничилось одной-двумя атаками в сутки, в результате которых удалось овладеть рядом опорных

пунктов. Общее продвижение главной ударной группировки 19-й армии до конца августа составило 8—9 км. Но брешь в обороне противника так и не была пробита. При этом армия потеряла более 5 тыс. человек, в основном пехоты, что уменьшало и без того небольшую ударную силу стрелковых подразделений.

Что касается кавалерийской группы генерала Доватора, то она начала рейдовые действия в тылу 23 августа после прорыва обороны противника, в ходе которого был уничтожен пехотный батальон 430-го немецкого пехотного полка. Как следует из доклада генерала Доватора, всего для действий по тылам противника из состава 50-й и 53-й кавалерийских дивизий было выделено 3460 человек, имевших кроме винтовок и шашек 36 станковых и 18 ручных пулеметов. В ходе рейда, завершившегося 2 сентября, кавалеристы осуществляли налеты на штабы и гарнизоны врага, устраивали засады на дорогах, уничтожали транспорты, базы снабжения и склады противника. По данным командира группы, за это время было уничтожено до 2,5 тыс. солдат и офицеров, 2 танка, 4 бронемашин, 24 орудия и миномета, 150 автомашин, значительное количество стрелкового оружия и имущества. Кроме того, была выведена из-за линии фронта и вооружена трофейным оружием группа бойцов и командиров численностью до 11 тыс. человек. При этом потери группы составили 50 человек убитыми и 246 ранеными¹.

Оценивая в целом успешно действия кавалерийской группы в тылу противника, следует признать, что оперативного значения они не имели и не повлияли на изменение обстановки в полосах наступавших 19-й и 30-й армий. Признает это и сам Доватор, отмечая в докладе, что «результаты работы группы могли бы привести к оперативному успеху всего фронта при наличии взаимодейст-

¹ Жаркое лето сорок первого года...// Исторический архив.— 1993. — № 1.

вия и надежной связи с армиями фронта». И далее: «Целесообразно усиливать кавгруппы мотопехотой и танками. Действия группы в тылу необходимо увязывать с авиацией... Крупным соединениям без средств усиления очень трудно маскироваться и маневрировать в тылу». Ну что же, здесь генерал Доватор лишь подтверждает вывод о затянувшемся влиянии Гражданской войны при планировании применения кавалерийских соединений. И еще на один пункт в этом докладе хотелось бы обратить внимание. Вот он: «Очень много красноармейцев и командиров осели в деревнях, обросли бородами и работают в колхозах, не имея попытки перейти фронт»¹. Увы, но это реальность первых месяцев войны.

Незначительными были успехи и в полосе Резервного фронта на ельнинском направлении. Здесь, захватив еще 19 июля 1941 г. город Ельню, немецкие части глубоко вклинились в оборону советских войск. Образовался плацдарм, имевший для противника важное значение. Отсюда шли пути на север, северо-восток и юго-восток. Выгодные высоты и лесные массивы позволяли ему накапливать и сосредоточивать крупные силы для продолжения наступления на Москву. Учитывая опасность Ельнинского выступа, советское командование в течение июля—августа предпринимало неоднократные попытки к его ликвидации силами 24-й армии под командованием генерал-майора К.И. Ракутина. И если в оперативном масштабе эти попытки не привели к значительным результатам, то это не значит, что все это время на этом участке фронта царило затишье, кровопролитные бои велись здесь ежедневно.

Особым ожесточением они характеризовались в районе деревни Ушаково. Так, в конце июля для разгрома противника в районе Ельни из состава 24-й армии

¹ Жаркое лето, сорок первого года... // Исторический архив. — 1993. — № 1.

была выделена ударная группировка, в которую вошла и 100-я стрелковая дивизия генерала И.Н. Руссиянова. К 11 часам 24 июля ее 355-й стрелковый полк под командованием полковника Н.А. Шварева занял рубеж восточнее деревни Ушаково, по обе стороны шоссе Дорогобуж—Ельня. Однако противник сам перешел на этом направлении в наступление. Едва полк успел окопаться, как немецкие части после сильного артиллерийского и минометного обстрела предприняли сильную танковую атаку. Один танк был подожжен бутылкой с зажигательной смесью, три других подбиты расчетом противотанкового орудия. В результате атака врага была отражена.

В последующие дни атаки следовали одна за другой. Позиции полка неоднократно бомбила авиация, по ним велся интенсивный артиллерийско-минометный огонь, враг применял психические атаки. Несмотря ни на что, полк за неделю боев не отошел с занимаемого рубежа и сам подготовился к активным действиям. В ночь на 5 августа по позициям противника открыл прицельный огонь артиллерийский дивизион капитана А.И. Помельникова. Артподготовка длилась почти всю ночь. А на рассвете под прикрытием артиллерийско-минометного огня бойцы батальона, которым командовал старший лейтенант Ф.Т. Безуглов, короткими перебежками устремились вперед и, приблизившись к вражеским траншеям, поднялись в атаку. Очищая в рукопашной схватке траншею за траншеей, подразделения батальона к полудню ворвались в Ушаково. Враг обратился в бегство, бросая раненых, оружие и боевую технику. К вечеру полк частью своих сил овладел господствующей над местностью высотой с отметкой 238,8, на которой противник установил несколько тяжелых пулеметов и тем самым блокировал подходы к деревне.

Немецкое командование, сознавая, чем грозит ему потеря этого исключительно важного опорного пункта,

подтянуло резервы и на следующий день предприняло контратаку. На рассвете густые цепи пехоты, сопровождаемые танками и мощным артиллерийским огнем, двинулись в сторону полка. Враг сумел создать значительный перевес в силах, и ему ценой больших потерь удалось вновь захватить Ушаково. Но ненадолго. Перегруппировав свои подразделения, полк перешел в наступление. Ожесточенные схватки длились по нескольку часов кряду. Над полем боя висел непроницаемый, удушающий дым от артиллерийской канонады. О жестокости и упорстве этих боев свидетельствует то, что деревня Ушаково восемь раз переходила из рук в руки. Не случайно одну из лощин на подступах к Ушаково солдаты называли «лощиной смерти».

Изнуренные, обескровленные непрерывными боями, понесшие большие потери, подразделения 355-го стрелкового полка все-таки вынуждены были оставить Ушаково, от которого, по существу, уже ничего не осталось, и закрепились на высотах севернее деревни, контролируя шоссе Ельня—Дорогобуж¹.

Мужественно сражались в те дни полки 107-й стрелковой дивизии полковника П.В. Миронова. Когда 20 июля в районе Коськова прорвался пехотный полк противника при поддержке 20 танков, командир дивизии для ликвидации прорыва выделил два стрелковых батальона 586-го стрелкового полка полковника И.М. Некрасова. Как отмечалось в отчете об этом бое в донесении политотдела 107-й стрелковой дивизии: «Противнику было нанесено сильное поражение. Фашисты в беспорядке бежали. На поле боя оставили убитыми трех офицеров, восемь солдат. Раненых и убитых, очень большое количество, успели подобрать. Взято в плен три солдата. Наш батальон потерял убитыми 4 и ранеными 47 чело-

¹ Ельня. Рождение гвардии. — М., 1975. — С. 43—44, 71—72.

век». Дальше рассказано о том, что роту в наступление вел сам командир полка полковник Некрасов, что он проявил мужество и упорство, «шел в наступление впереди бойцов... Своей собственной рукой в упор из пистолета застрелил двух офицеров и захватил в плен одного солдата»¹.

Данное политдонесение любопытно тем, что оно отражает некоторые особенности того первого, оказавшегося успешным для полка боя. И не замеченное автором политдонесения противоречие между тем, что, по его словам, «фашисты в беспорядке бежали», и тем, что они при этом «успели подобрать большое количество раненых и убитых», и то обстоятельство, что в наступление впереди бойцов шел сам командир полка, лично застреливший двух немецких офицеров и взявший в плен солдата, — все это очень характерно для боевых действий того периода. Симонов в своей книге «100 суток войны» отмечает: «После такого огромного и длительного отступления наших войск трудно переоценить то значение, которое имели в глазах людей их первый удачный бой, их первая, увенчавшаяся успехом контратака, во время которой было убито три немецких офицера и взято трое пленных. Соотнося этот бой с тем временем, когда он произошел, надо понимать, что тогда, в июле, для батальона и даже полка это событие было их крошечным Сталинградом».

А вот что в те дни говорил об этом сам полковник Некрасов корреспонденту одной из фронтовых газет: «Молодой, необстрелянный боец должен видеть пример. Это верно, что мы с комиссаром нередко шли во главе атакующих и лежали с бойцами на огневом рубеже. Бойцы должны знать, что их командир и комиссар не менее

¹ Симонов К. М. 100 суток войны. С. 436.

храбры, чем они сами, что командир и комиссар не остаются в беде».

Все это верно лишь отчасти. Не мог полковник Некрасов сообщить корреспонденту, что действовал он подобным образом не только по велению долга и совести, но и в соответствии с приказом командующего войсками Резервного фронта генерала армии Г.К. Жукова, который гласил: «Ввиду выявившейся слабости комрот и комбатов ударные роты и батальоны вести в атаку лично командирам и комиссарам дивизий, полков и особо отобранным лицам старшего и высшего комсостава и комиссарам. На ударные взводы отобрать особых храбрецов из командиров и политработников, которые себя проявили в боях, и всех желающих отличиться перед Родиной»¹. Такие действия приводили только к неоправданному росту потерь среди старшего и высшего командного состава, которого и так остро не хватало, да и к солдатским потерям тоже.

Изматывая противника в непрерывных боях, соединения Резервного фронта и сами несли тяжелые потери. Вот что докладывал 15 августа командующий его войсками генерал армии Г.К. Жуков в Ставку:

«Лично проверили все части, действующие в районе Ельня. Во всех частях имеется очень большой некомплект. В среднем дивизии имеют по 1500—2000 человек. В батальонах от 40 до 100 человек. Особенно большой некомплект в комсоставе, как правило, батальонами командуют лейтенанты и младшие лейтенанты. Ротами командуют младшие лейтенанты и младшие командиры.

Имеется очень большой недостаток в пулеметчиках, минометчиках и артиллеристах ПТО. Управление комплектования для пополнения частей ничего не дает.

¹ *Кавалерчик Б.К.* Сражение за Ельню: взгляд с немецкой стороны // Военно-исторический архив. — 2006. — № 7.

Прошу приказать Управлению комплектования вне всякой очереди дать для частей, дерущихся в районе Ельня:

1. 30 000 рядовых бойцов. Из них 1000 человек станковых пулеметчиков, 500 минометчиков.

2. 5000 младших командиров.

3. 3000 средних командиров.

4. 100 человек старшего комсостава. Из них: 15 командиров полков»¹. Вот он, результат его же, Жукова, приказа: «...ударные роты и батальоны вести в атаку лично командирам и комиссарам дивизий, полков...»

В следующем боевом донесении от 21 августа Жуков приходит к выводу, что «дальнейшее ведение боя в существующем составе приведет к окончательной потере боеспособности действующих частей. Сейчас необходимо пополнить части хотя бы до 60% состава, подтянуть побольше снарядов, дать немного передохнуть бойцам, тщательнее выявить у противника слабые места, после чего стремительно атаковать». В этой связи он испросил у Ставки разрешения прервать до 24 августа общее наступление; пополнить за это время части четырнадцатью прибывающими маршевыми батальонами; ознакомить пополнение с характером ведения боя и подготовить его к действию; начать атаку с новыми силами с утра 25 августа».

В то время, когда войска Резервного фронта испытывали острейшую нужду в людях, в его ближайшем тылу многие тысячи призванных по мобилизации красноармейцев были, по сути, брошены на произвол судьбы. Вот что сообщал в Ставку уполномоченный Государственного Комитета Обороны по Смоленской области И.С. Хохлов: «На территории Смоленской области таких красноармейцев находится несколько десятков тысяч человек,

¹ Жаркое лето сорок первого года...// Исторический архив.— 1993. — № 1.

и они также представляют из себя резерв, из которого формируют пополнения для дивизий, ведущих борьбу на фронте. До сих пор нет хозяина, который отвечал бы за политическое воспитание и обеспечение продовольствием и обмундированием этих красноармейцев. Красноармейцы ходят в своей одежде, которая за это время изрядно износилась. Большая часть красноармейцев совершенно без обуви и ходит босиком, часть ходит в лаптях. Смотря на них, можно подумать, что это заключенные (хотя заключенные, работающие в строительных организациях НКВД, одеты и обуты). Кормят их плохо. Большею частью одним хлебом или постным супом. Военные части, к которым приписаны красноармейцы, неохотно отпускают им продовольствие, особенно жиры».

В донесении также сообщается, что эти красноармейцы используются для строительства оборонительных сооружений. О боевой подготовке этих солдат, которые «представляют из себя резерв для пополнения дивизий, ведущих борьбу на фронте» и завтра будут брошены в бой, не сказано ни слова! Какого результата ждут командование фронта, Ставка, Верховный Главнокомандующий от этих людей? Не такого ли, как приводит И.С. Хохлов: «В первом же бою из прибывшего пополнения в 30-ю армию три группы красноармейцев (около 30 человек) перешли к немцам»¹.

В то же время в войсках фронта активно выполняется приказ наркома обороны № 270. В конце августа 1941 г. Сталину доложили о письме писателя Владимира Ставского, пробывшего десять дней на фронте в районе Ельни. Он писал: «Части, действующие под Ельней, проходят боевую учебу, накапливают боевой опыт, изучают тактику противника и бьют немцев... Но здесь, в 24-й армии, за последнее время получился перегиб... По дан-

¹ Жаркое лето сорок первого года... // Исторический архив. — 1993. — № 1.

ным командования и политотдела армии, расстреляно за дезертирство, за паникерство и другие преступления 480—600 человек. За это же время представлено к наградам 80 человек». Сопоставление этих цифр говорит о том, что на первом месте присутствует не обращение к чести, самосознанию, патриотизму людей, а главным образом к устрашению, к репрессивным методам руководства.

В течение августа, после принятия 30 июля решения о переходе к обороне на центральном участке группы армий «Центр», противник в целом добился выполнения своего плана. Так, в предложениях Генерального штаба сухопутных войск Германии по дальнейшему ведению операций от 18 августа отмечалось: «Операцию группы армий «Центр» необходимо будет провести в намечавшейся до сих пор форме таким образом, чтобы на обоих флангах нанести удар крупными наступательными группировками на узком фронте, в то время как действия войск, находящихся в центре, будут носить сковывающий характер»¹.

И все-таки события в центре оперативного построения группы фельдмаршала Бока, и в частности в районе Ельни, не оставались без внимания немецкого командования. Об этом красноречиво свидетельствует дневник Гальдера: «26 июля. В районе Ельни противник продолжает вести непрерывные атаки с востока, вводя в бой свежие дивизии и танковые части... 31 июля. Особенно напряженное положение в районе Ельни, где противник ведет упорные атаки со всех сторон... 1 августа. Противник на автомашинах подбросил войска в район Ельни... 3 августа. Обстановка у Ельни. Огонь артиллерии противника невыносим, так как наша артиллерия из-за недостатка боеприпасов не оказывает противодействия.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». — С. 312—313.

Противник, видимо, считает, что полк «Великая Германия» и дивизия СС «Рейх» являются отборными войсками фюрера. Если эти войска будут разбиты, получится большой политический резонанс. Такая катастрофа не может быть с гарантией предотвращена силами одной лишь танковой группы... 4 августа. Можно рассчитывать, что удача наступления на Рославль облегчит положение у Ельни. Не сдавать Ельню ни в коем случае... 6 августа. Район Ельни стал типичным театром позиционных военных действий... 7 августа. На фронте, за исключением местных атак противника, наиболее сильных у Ельни, ничего нового... 14 августа. У Ельни продолжаются кровопролитные бои... 15 августа. Командование группы армий еще не решило, сдать или удерживать дугу фронта у Ельни. Атаки противника продолжаются... 20 августа. В остальном заслуживают внимания незначительные атаки противника у Ельни»¹. Не слишком ли много внимания уделяет начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта небольшому русскому городу? По всей видимости, у него для этого были серьезные основания.

Завершающий этап Смоленского сражения начался 22 августа. Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы активными действиями нанести поражение группе армий «Центр» и сорвать ее наступление в южном направлении. Задача разгрома 2-й танковой группы врага возлагалась на Брянский фронт, в состав которого 25 августа вошли войска упразднявшегося Центрального фронта. В тот же день Ставка приказала Западному и Резервному фронтам продолжать наступательные операции по уничтожению духовщинской и ельнинской группировок противника.

Продолжать наступление решило и командование

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 195, 217, 222, 231, 239, 246, 248, 272, 274, 291.

вермахта. Относительно группы армий «Центр» оно планировалось в точном соответствии с предложениями ОКХ от 18 августа, то есть на флангах группы. В приказе Гитлера от 21 августа ее задачи были конкретизированы. Фюрер обращал внимание на следующие моменты: «...Благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате достижения линии Гомель — Почеп, должна быть немедленно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям...

Решение выдвинуть левый фланг группы армий «Центр» на возвышенность в районе Торопца и сомкнуть его с правым флангом группы армий «Север» остается без изменения»¹.

Реализация этого замысла началась 22 августа на левом фланге группы армий «Центр», где противник нанес удар против 22-й армии Западного фронта. В этот день в дневнике Гальдера появляется запись: «Части Штумме (40-й моторизованный корпус) перешли в наступление (Великие Луки)». В первый же день наступления этот корпус прорвал оборону армии на ее левом фланге, в полосе 186-й стрелковой дивизии, и своими подвижными частями вышел в оперативный тыл. К исходу 23 августа части 19-й и 20-й немецких танковых дивизий вышли в район Великих Лук. Одновременно 102, 255 и 256-я пехотные дивизии противника, овладев рубежом по р. Кунья, завершили окружение 22-й армии.

Военный совет фронта, учитывая отрыв танковых соединений противника от пехоты, поставил командующему 22-й армией генералу Ершакову задачу нанести удар под основание вклинения его танковых группировок, окружить и разгромить их. Однако ни времени на подготовку контрудара, ни дополнительных сил для его осу-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» — С. 317.

ществления у командующего армией не было. В результате попытка нанесения контрудара не увенчалась успехом, и соединения армии начали отход в северо-восточном направлении по единственно свободной дороге на Озерец.

Как следует из доклада от 3 сентября командования Западного фронта Верховному Главнокомандующему, подписанному маршалом Тимошенко и членом Военного совета фронта Булганиным: «С 26 августа командарм Ершаков, его штаб и ряд командиров соединений совершенно утеряли управление войсками, и отход принял характер неорганизованного поспешного выхода из боя. При отходе дивизии перемешались, организация частей нарушалась, и в итоге в район Озерец выходили отдельные группы войск без обозов, утерев связь с командирами частей и соединений.

В районе Озерец вышедшие группы войск 22-й армии собирались и распределялись по своим частям и соединениям прибывшими на место представителями Военного совета фронта и 29-й армии, с немедленным направлением частей для занятия обороны на рубеже Озерец, ст. Скворцово, оз. Кодосно, чтобы прикрыть направления на Торопец и Старая Торопа»¹.

Этот доклад интересен приведенными в нем сведениями о потерях в людях и боевой технике по каждой из дивизий, вышедших из окружения, причем в сопоставлении с данными боевого и численного состава к началу боевых действий. Например, 186-я стрелковая дивизия по состоянию на 20 августа насчитывала 7900 человек, 386 автомашин, 23 орудия, 24 миномета. Из окружения по состоянию на 3 сентября вышли 2278 человек, 36 автомашин, 4 орудия, 1 миномет. 179-я стрелковая дивизи-

¹ Жаркое лето сорок первого года...// Исторический архив.— 1993. — № 1.

зия на те же даты соответственно: 8903 человека, 96 автомашин, 22 орудия, 50 минометов и 1617 человек, 41 автомашина, орудий и минометов нет. 98-я стрелковая дивизия: 7129 человек, 26 автомашин, 5 орудий и 508 человек, автомашин и орудий нет. 48-я танковая дивизия: 6574 человека, 318 автомашин, 11 орудий и 15 минометов и 2775 человек, 72 автомашины, орудий и минометов нет.

48-я танковая дивизия, которая, как уже отмечалось ранее, 21 июля выбила противника из Великих Лук и затем в течение месяца удерживала город, упомянута здесь не случайно. И в изменившейся обстановке, в условиях окружения, она действовала грамотно и умело. Четко управляемые командиром соединения полковником Яковлевым, части и подразделения дивизии в ночь на 25 августа, смяв заслон противника, вышли из окружения, сохранив свою боеспособность.

В ночь на 28 августа в штаб дивизии прибыл представитель от командования Западного фронта, который поставил полковнику Яковлеву задачу с утра атаковать противника, нанести удар по его тылам и овладеть станцией Назимово. То есть глубина боевой задачи составляла 30 км. И это практически без подготовки, без танков, без артиллерии! Что могут сделать около 3 тыс. человек, вооруженных винтовками, против прорвавшихся танковых частей противника?!

Категорический отказ полковника Яковлева бросить подчиненных на верную смерть потребовал от него не только личного мужества, но и стоил ему жизни. 1 сентября 1941 г. военный трибунал Западного фронта осудил одного из героев обороны Великих Лук полковника Дмитрия Яковлевича Яковлева и приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией иму-

щества и лишением воинского звания полковник. Вот такая награда за подвиг — расстрел¹.

Расстрел боевого офицера — это не просто единичный случай, это система, это один из методов так называемого «управления войсками». Вот как отзывался о таких методах маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский в своих знаменитых, опубликованных в 1997 г., уже бескупюрных мемуарах «Солдатский долг»: «Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!» В отношении приведенного случая лучше не скажешь, что же касается полковника Д.Я. Яковлева, то реабилитирован он был лишь в 1958 г.

Вернусь к докладу маршала Тимошенко. На основании приведенных в нем данных можно сделать вывод, что только восемь стрелковых и одна, не имевшая танков, танковая дивизия 22-й армии за две недели потеряли 48 606 человек, 955 автомашин, 220 орудий, 224 ми-

¹ Сизов А.И. Право на бессмертие, но только после расстрела, или Как руководителя и героя обороны Великих Лук полковника Д.Я. Яковлева командование Западного фронта наградило «вышкой». // Военно-исторический архив. — 2004. — № 11.

номета, большое количество ручных и станковых пулеметов, другого стрелкового оружия, средств боевого, технического и тылового обеспечения. Даже с учетом того, что цифры эти не совсем точны, так как впоследствии продолжался выход из окружения отдельных групп из состава армии, они тем не менее огромны и со всей очевидностью характеризуют сложность и трагичность обстановки тех дней.

В этом смысле цифры понесенных потерь несопоставимы с теми, которые характеризуют помощь армии со стороны командования фронта. В том же докладе маршал Тимошенко пишет: «По мере выяснения обстановки о состоянии вышедших из окружения частей 22-й армии, на усиление 22-й армии были срочно направлены — 23 орудия, 50-й противотанковый полк и 6 маршевых батальонов». Кроме того, в полосу армии были перегруппированы 4 инженерных батальона с большим количеством средств заграждений (15 тонн взрывчатки, 18 800 противотанковых мин, 800 бутылок с зажигательной смесью).

В целом доклад изобилует обвинительными высказываниями в адрес командарма Ершакова, деятельность которого оценивается такими формулировками, как «результат преступного невнимания», «недопустимая бездеятельность», «не создал нужной группировки», «не принял заблаговременно мер» и т. п. Как здесь не вспомнить Рокоссовского! И лишь в одном Тимошенко смягчает свой тон. В последнем пункте доклада он констатирует: «Отсутствие танковых частей в составе 22-й армии не позволило командарму 22 противопоставить мотомехчастям противника равноценные силы и средства, способные сдержать быстрое продвижение мотомехчастей противника»¹. Сознательно или нет, но одной

¹ Жаркое лето сорок первого года...// Исторический архив.— 1993. — № 1.

этой фразой, реально отражающей содержание боевых действий в полосе 22-й армии, командующий войсками фронта сам опровергает все предыдущие обвинения в адрес генерала Ершакова.

В связи с отходом 22-й армии и овладением противником Торопцом командование фронта, чтобы избежать удара во фланг 29-й армии, вынуждено было отвести ее соединения на рубеж р. Западная Двина, Вереса. Закрепившись на рубеже Андреаполь, Чижово, 22-я и 29-я армии остановили вражеское наступление.

В остальной полосе Западного фронта его командование планировало провести наступательную операцию силами 30, 19, 16 и 20-й армий. В соответствии с директивой Ставки, они к 8 сентября должны были овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск. Наступление должно было развернуться в полосе шириной 140 км, на глубину 70—90 км. К его ведению привлекалось 18 дивизий, понесших значительные потери в предыдущих попытках сокрушить оборону противника. В связи с прорывом немецкой группировки на правом крыле фронта войска, предназначенные для наступления, не могли быть значительно усилены со стороны его командования. При этом фронту предстояло разгромить до 15 вражеских дивизий, в значительной степени пополненных людьми и боевой техникой и успевших еще более укрепить свою оборону. К тому же немецкое командование хорошо знало о готовившемся советскими войсками наступлении. 31 августа Гальдер отмечал в своем дневнике: «На фронте у Ельни противник атакует со всех сторон. Севернее этого участка, по-видимому, противником будет предпринято генеральное наступление Сталина»¹.

Каждая армия должна была наносить удар самостоятельно, что, как и прежде, вело к распылению сил фрон-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 320.

та. Несомненно, что сложная обстановка в полосе Западного фронта не позволяла создать сильных ударных группировок, но вряд ли это может служить оправданием для нанесения многочисленных, но слабых ударов.

Войска фронта перешли в наступление 1 сентября после 15—45-минутной артиллерийской подготовки. Оборона противника оказалась подавленной слабо, и советские дивизии встретили упорное сопротивление. Особенно трудно было дивизиям 20-й армии, которой предстояло форсировать Днепр. В первый день они захватили лишь небольшой плацдарм. Дивизии других армий продвинулись на 1—2 км¹. Но и это незначительное продвижение вперед давалось с большим трудом. Не помогло и усиление частей политбойцами (специально мобилизованные члены партии), большинство из которых не имело никакой военной подготовки. Как показала проверка, они не умели стрелять из винтовки, бросать гранаты, вести разведку и маскироваться. Пришлось отдать приказ о запрещении практики посылки в бой политбойцов, не готовых к ведению боевых действий.

В полосе наступления 19-й армии ее командующий генерал И.С. Конев после доклада одного из командиров стрелковых дивизий о прорыве обороны противника решил ввести в сражение для рейдовых действий по тылам немецких войск 45-ю кавалерийскую дивизию. «Дырку вам пробили. Можете встретить только разрозненные группы противника», — отметил он при постановке задачи командиру дивизии. Кавалерийские полки были брошены в атаку. Вот как рассказывает о ней в своих мемуарах командир 58-го кавалерийского полка подполковник А.Т. Стученко: «До переднего края оставалось метров пятьсот, когда на нас обрушились мины. Послышались стоны раненых. Эскадроны уже шли галопом, когда с

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 41. — М., 1960. — С. 144.

«прорванного» переднего края обороны противника застрочили пулеметы. Все смешалось. Передние лошади падали. На них налетали те, кто скакал сзади, и тоже падали. Вдали показался головной эскадрон следовавшего за нами 55-го кавалерийского полка. Он тоже уже начал нести потери»¹. После этой неудачной попытки прорыва в тыл врага пришлось переформировывать все эскадроны, в которых осталось по 50—60 человек.

Уже первые дни наступления показали, что оборона немецких войск значительно усовершенствована, в ней оборудовано много дзотов и прорвать ее без надежного огневого поражения не удастся. Несмотря на это, командование Западного фронта требовало продолжать наступление. Необходимость его в стратегическом плане была огромной, ибо нужно было заставить противника отвлечь некоторые силы с юго-западного направления и тем самым создать условия для стабилизации там положения или предотвращения окружения основных сил Юго-Западного фронта к востоку от Днепра. С этой точки зрения требование командующего войсками Западного фронта продолжать наступление было вполне обоснованным. Но оно превышало возможности армий. Это видно из разговора, состоявшегося 3 сентября между маршалом С.К. Тимошенко и командующим 16-й армией генералом К.К. Рокоссовским, достигшей к тому времени наибольшего успеха и овладевшей Ярцевом, а в целом и конечных результатов наступления.

«101-ю танковую дивизию, — говорил маршал Тимошенко, — переподчиняю Вам. Ударом 101-й, 1-й танковых и 127-й стрелковой дивизий в общем направлении на Узволье нанести решительный удар и к исходу дня выйти в Крушиково, Узволье». Генерал Рокоссовский ответил, что и с подчинением ему 101-й танковой дивизии

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 44.

положение ничуть не улучшится, ибо она сильно ослаблена длительными боями, а 1-я танковая дивизия не может служить ударной силой. Но командующий войсками фронта настаивал на своем, и лишь безуспешность наступления в последующие дни убедила его, что оно не удалось. 5 сентября он был вынужден отдать распоряжение 30-й и 19-й армиям закрепиться на достигнутых рубежах, которые, по сути, совпадали с исходными. 16-я и 20-я армии продолжали наступление до 9 сентября. Наибольшее их продвижение составило 3 км, то есть в среднем 330 метров в сутки. Само собой разумеется, что оборону противника прорвать не удалось. Командующий 16-й армией генерал К.К. Рокоссовский в связи с этим отмечал: «...задача не выполнена, даже не прорвали оборону противника на тактическую глубину. 16-я армия продвинулась примерно на 4—5 километров, но развить успех не смогла. Остальные армии остались на прежнем рубеже. При этом армии понесли большие потери. В частности, 16-я армия за шесть дней потеряла около 12 тысяч убитыми и ранеными, были выведены из строя почти все танки 107-й танковой дивизии и 127-й танковой бригады»¹.

Наконец-то 10 сентября Ставка отдала распоряжение на переход Западного фронта к обороне: «Длительное наступление войск фронта на хорошо окопавшегося противника ведет к большим потерям. Противник отошел на заранее подготовленные оборонительные позиции, и наши части вынуждены прогрызать ее. Ставка приказывает прекратить дальнейшие атаки противника, перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 48.

мощную маневренную группировку для наступления в будущем»¹.

Не привела к успеху и наступательная операция Брянского фронта под командованием генерала А.И. Еременко с целью разгрома танковой группы Гудериана. 24 августа в переговорах с Шапошниковым и Сталиным генерал Еременко, оценивая обстановку в полосе фронта, делал следующий, в целом обоснованный вывод: «Считаю, что противник сильными передовыми частями, поддержанными значительным количеством танков, ведет активную разведку и, по-видимому, на днях, не завтра послезавтра, поведет наступление на всем фронте». Однако этот вывод не насторожил Сталина, о чем свидетельствует продолжение переговоров. Вот некоторые выдержки из них. «Сталин: Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2—3 танковых батальона; очень ли они нужны вам? Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батальонов РС. Ваш ответ?

Еременко: ...В связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать... Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить — т.е. разбить его»².

Каким же образом генерал Еременко планировал «безусловно» разгромить «подлеца Гудериана»? В полосе 300 км планировалось нанести пять ударов, каждый

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 184.

² Там же. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45—52.

силами 3—4 дивизий. Фронтальная и армейские операции готовились поспешно. Например, на подготовку наступления подвижной группы фронта в составе 108-й танковой дивизии, только что выгрузившейся из эшелонов, 141-й танковой бригады и 4-й кавалерийской дивизии были отведены всего одни сутки. При этом соединениям были поставлены задачи, слишком далекие от реальных: в первый день войска должны были пройти 60—70 км на юго-запад, затем повернуть на юго-восток и за вторые сутки пройти 150—160 км, разгромив при этом два моторизованных корпуса противника.

Первой перешла в наступление подвижная группа. Она быстро прорвала слабую оборону противника и в первый день продвинулась на 15—20 км. Однако, охваченная затем с флангов, группа попала в окружение и потеряла около 80 танков. Из окружения было выведено лишь 17 боевых машин.

Армии перешли в наступление через три дня. На ряде участков они прорвали неглубокую тактическую оборону противника, но развить успех в глубину им было нечем. Подошедшие вражеские резервы остановили их наступление.

Тем не менее действия Брянского фронта вызвали тревогу у высшего немецкого командования. В дневниковой записи от 29 августа Гальдер уделяет им значительное внимание: «Положение на фронте группы Гудериана неприглядное. С запада на него давят войска противника, отходящие на фронте 2-й армии, а с востока — вновь подведенные сюда части. Кроме того, противник оказывает сопротивление и на центральном участке фронта группы Гудериана. Сейчас фронт держат в основном 3-я танковая и 10-я моторизованная дивизии, которые слишком удалены одна от другой. Такая обстановка сложилась на участке фронта группы Гудериана, который сам планировал эту операцию и сам во всем ви-

новат. Нельзя было ожидать от активного противника, что он упустит момент и не среагирует на такое фланговое передвижение войск перед его фронтом». Но, несмотря на это, Гальдер здесь же дает уничижительную характеристику действиям Брянского фронта: «Однако при всем этом противник остается верен себе: он бесцельно и хаотично бросает в бой свои войска»¹.

Итогом операции Брянского фронта стало также то, что в результате вклинения противника на левом крыле фронта разрыв между ним и Юго-Западным фронтом достиг 50—60 км. Это позволяло противнику вести наступление в тыл последнему с целью окружения его главных сил. В период с 1 по 10 сентября 50, 3 и 13-я армии Брянского фронта понесли большие потери. Например, Главный военный прокурор Красной Армии диввоенюрист В.И. Носов докладывал заместителю наркома обороны СССР Мехлису: «В восьмидневных боях в районе станции Жуковка на шоссе Брянск — Рославль понесла огромные потери 299-я стрелковая дивизия 50-й армии Брянского фронта. На 12 сентября сего года дивизия насчитывала менее 500 штыков, причем из 7 тысяч боевого расчета — убито около 500 человек, ранено 1500 человек и пропало без вести 4 тысячи человек...» Этот доклад, как и многие другие донесения того периода, показателен цифрами пропавших без вести. Какие бы ссылки на сложность обстановки мы ни делали, следует признать, что большая часть солдат и офицеров, относящихся к графе пропавших без вести, все-таки была пленена противником.

Важным этапом Смоленского сражения стала Ельнинская наступательная операция, проведенная силами 24-й армии Резервного фронта 30 августа — 8 сентября 1941 г. В основу замысла операции была положена наи-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. — С. 314.

более решительная форма оперативного маневра — двусторонний охват с целью окружения врага в районе Ельни и его разгрома по частям. Поскольку линия вражеской обороны имела вид большой дуги, мыслилось нанести удары одновременно под оба основания. А чтобы лишить противника возможности перебрасывать силы и средства с одних участков обороны на другие, предусматривалось активизировать действия на всем протяжении Ельнинской дуги.

Командующий армией генерал-майор К.И. Ракутин решил привлечь к выполнению задачи силы девяти дивизий из тринадцати, имевшихся в армии к началу операции (четыре дивизии готовили оборону по р. Ужа севернее Ельнинского выступа). Они насчитывали около 60 тыс. человек, до 800 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 35 танков. Для прорыва обороны и окружения вражеской группировки (около 70 тыс. человек, 500 орудий и минометов калибра 75 мм и выше) создавались северная (100-я и 107-я стрелковые и 102-я танковая дивизии) и южная (303-я стрелковая и 106-я моторизованная дивизии) ударные группы. Они должны были нанести встречный удар в общем направлении на Высокий Леонов¹.

Центральная группа, в которую входили 19-я и 309-я стрелковые дивизии, должна была рассечь окружающую группировку на части и во взаимодействии с другими соединениями уничтожить ее. 103-й моторизованной и 120-й стрелковой дивизиям предстояло активными действиями сковать противника и не допустить маневра его сил и средств на другие направления.

Противник превратил Ельнинский плацдарм в своеобразный укрепленный район. Все командные высоты и населенные пункты оборудовались для ведения круго-

¹ *Баженов А.Н.* О ликвидации Ельнинского выступа. //Военно-исторический журнал. — 1986. — № 10.

вой обороны. Инженерные укрепления, врытые в землю танки, бронемшины и орудия в ряде мест прикрывались минными и проволочными заграждениями. Наиболее прочные оборонительные позиции были созданы на переднем крае на глубину 1,5—2 км.

В ходе подготовки операции командный состав фронта и армии прилагал большие усилия, чтобы всесторонне обеспечить боевые действия. Однако выполнить намеченные мероприятия полностью из-за ограниченного времени, отведенного на подготовку операции, к началу наступления не удалось. В частности, обстановка не позволила полностью восстановить боеспособность частей и соединений. Вновь прибывшее маршевое пополнение было слабо обучено и не имело никакого боевого опыта. В связи с этим стрелковые дивизии, имевшие к тому же некомплект до 20—30%, не обладали достаточной огневой и ударной силой. 103-я и 106-я моторизованные дивизии, по существу, мало чем отличались от стрелковых, а 102-я танковая насчитывала всего 20 исправных танков, причем с довольно ограниченным моторесурсом¹. Как слабое место в подготовке операции следует отметить то, что из-за общего недостатка сил командование армии не смогло создать второй эшелон, резервы и подвижную группу, предназначенные для развития успеха на главном направлении или решения других задач в ходе наступления.

Не приходилось рассчитывать и на внезапность. Хотя глубина задач ударных групп была сравнительно небольшой, для противника направления их ударов не являлись неожиданными. Это обуславливалось конфигурацией Ельнинского выступа и тем, что 24-я армия в августе уже предпринимала наступление на северном фазе выступа из района Дубовежье, Ушаково.

¹ Баженов А. Н. О ликвидации Ельнинского выступа. // Военно-исторический журнал. — 1986. — № 10.

В 7 часов утра 30 августа около 800 орудий, минометов и реактивных установок армии обрушили огонь на вражескую оборону. Вслед за артиллерийской подготовкой части 24-й армии атаковали врага. Но за первый день наступления на севере противника удалось потеснить только на 500 метров. На юге продвижение составило 1,5 км. В этот критический момент Жуков потребовал покончить с примиренческим отношением «к трусливым жалобам на огонь противника и действия его авиации. С такими преступными явлениями немедленно кончать и заставить дивизии, полки и батальоны выполнить мой приказ и точно выйти к исходу дня на рубеж, указанный в приказе командующего армией.

Требую от командиров и комиссаров всех степеней быть в первых рядах наступающих частей и своим личным примером продвигать части вперед... От представителей армии и фронта требую к исходу дня донести мне о всех командирах и комиссарах, проявивших трусость и чрезмерную осторожность»¹.

Такие жесткие требования вновь приводили лишь к росту потерь среди старшего командного состава (и не только старшего), которого и так не хватало. В данном случае они не вызывались обстановкой, скорее всего, объяснялись заботой Жукова о своем престиже. «Ельнинская операция, — вспоминал он позже, — была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией. Думаю, каждому понятно, с каким волнением, особой осмотрительностью и вниманием я приступил к ее организации и проведению»². Жукова только что отстранили от должности начальника Генерального штаба, поэтому он не мог

¹ Кавалерчик Б.К. Сражение за Ельню: взгляд с немецкой стороны // Военно-исторический архив. — 2006. — № 7.

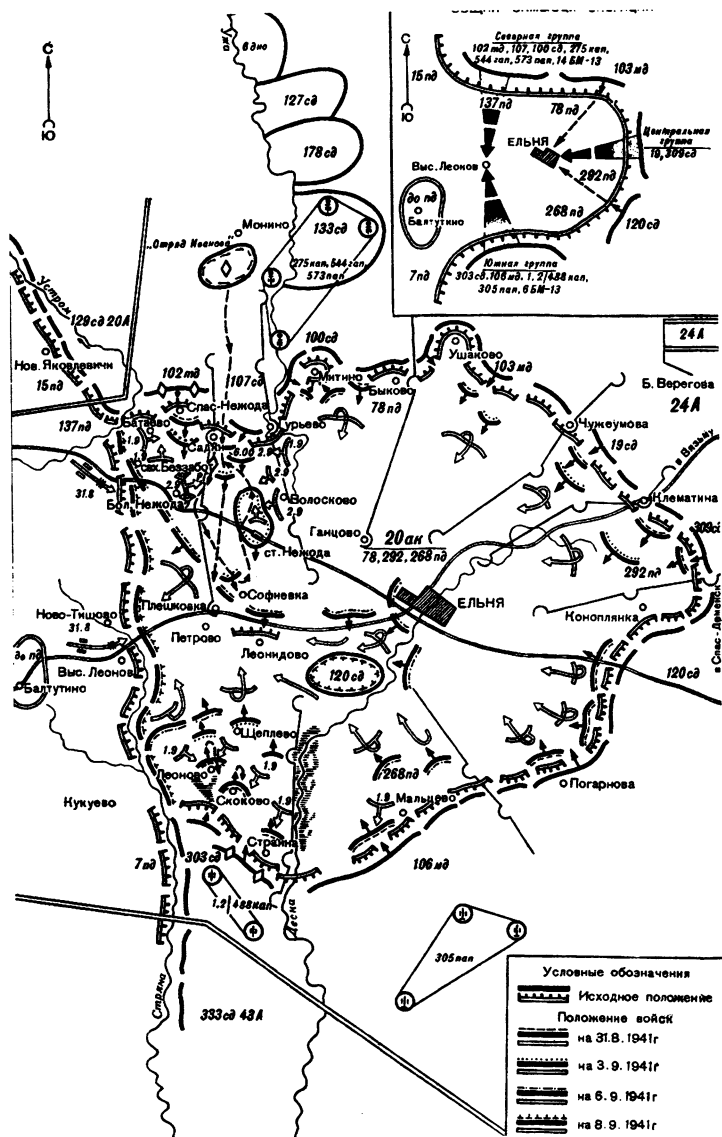
² Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 62.

допустить провала очередной своей попытки ликвидации плацдарма.

Выполняя указания командующего войсками фронта, командующий 24-й армией 31 августа создал из подразделений 102, 107 и 100-й дивизий сводный отряд в составе танковой группы, десантной роты, мотострелкового батальона и артиллерийской группы в составе 10 орудий. Главные силы отряда были введены в бой утром 3 сентября. При этом они подверглись ударам авиации и сильному артиллерийскому обстрелу, в результате чего понесли большие потери в личном составе и вооружении. На поле боя было подбито 7 танков, а из оставшихся 13 исправным оказался лишь один. Развить наступление войск северной ударной группы армии отряд, конечно, не смог. Однако, несмотря на отчаянное сопротивление врага, сводному отряду совместно с частями 107-й стрелковой дивизии к исходу 3 сентября удалось выйти к деревне Садки.

Как и прежде, умело сражался стрелковый полк полковника И.М. Некрасова. Осуществив прорыв обороны противника на стыке двух его частей в ходе ночной атаки, подразделения полка продвинулись в глубину до 10 км и вышли в район хутора Волосково. Несмотря на то что полк на следующий день был окружен, его солдаты и офицеры не сложили оружия и начали активно воздействовать на тылы немецких войск. В одном из боев командир полка был тяжело ранен, но продолжал руководить боевыми действиями.

Когда в подразделениях закончились боеприпасы, в полку были созданы специальные подвижные группы, которые, нападая на тыловые части и обозы врага, обеспечивали полк всем необходимым. Их возглавили опытные офицеры Фотин и Колешов. При проведении одной из засад были захвачены пять станковых пулеметов, около 30 автоматов и несколько ящиков с патронами. В дру-

Ельнинская наступательная операция 30 августа — 8 сентября 1941 г.

гом бою были захвачены два орудия, которые после израсходования боеприпасов были уничтожены. При поддержке других частей 107-й стрелковой дивизии, артиллерии и авиации полк не только вышел из окружения, но и, смяв противостоявшего врага, захватил при этом важный опорный пункт — железнодорожную станцию¹.

Утром 3 сентября возобновили наступление и дивизии южной ударной группы 24-й армии. Несмотря на лесисто-болотистую местность, они овладели населенными пунктами Леоново и Щеплево. Но развить успех им не удалось. Это обуславливалось рядом недочетов в организации и ведении боевых действий. Так, из-за слабой разведки местности 15 танков 103-го отдельного танкового батальона, наступавшие совместно с пехотой 303-й стрелковой дивизии, застряли в болоте южнее Леонова. К утру 4 сентября было извлечено из болота только 9 машин².

Тем не менее части и соединения северной и южной ударных групп 24-й армии к исходу 3 сентября сузили горловину Ельнинского выступа до 6—8 км. Противник, находясь под угрозой окружения, начал отвод своих частей из оперативного мешка, прикрываясь сильными аррьергардами по всему фронту выступа. Опираясь на заранее оборудованные опорные пункты обороны, он оказывал ожесточенное сопротивление, особенно на флангах. Однако советские соединения хотя и медленно, но упорно продвигались вперед. К исходу 5 сентября 100-я стрелковая дивизия заняла Чапцово (севернее Ельни), а 19-я стрелковая дивизия ворвалась в Ельню. На подходе к городу действовали и другие соединения армии.

6 сентября соединения 24-й армии освободили Ельню. К исходу 8 сентября они полностью ликвидировали Ельнинский плацдарм и вышли к оборонительному рубе-

¹ Ельня. Рождение гвардии. — С. 84—85.

² Баженов А.Н., Шевчук В.П. В боях под Смоленском. — С. 50.

жу противника по линии Новые Яковлевичи, Ново-Тишово и Кукуево. Неоднократные попытки прорвать этот рубеж не дали результатов. По разрешению Ставки ВГК войска Резервного фронта перешли к закреплению достигнутого успеха.

Главным итогом напряженных боев под Ельней явилась ликвидация Ельнинского выступа. Значительно улучшилось положение 24-й армии. Была снята угроза вторжения врага в оперативную глубину обороны и удара во фланг Западному и Резервному фронтам. Однако полностью осуществить замысел на окружение и уничтожение противника под Ельней не удалось. Его главные силы были лишь вытеснены из Ельнинского выступа. Во что обошлась борьба за ликвидацию Ельнинского выступа в течение конца июля — первой декады сентября, можно судить по донесению политотдела 24-й армии в политуправление Резервного фронта. По предварительным данным, армия потеряла 77 728 человек, в том числе: комсостав — 3579, младший комсостав — 8769, рядовой состав — 65 310. А штаб фронта доложил в Ставку, что в период с 1 августа по 10 сентября потери составили 113 тыс. человек¹.

Основной причиной того, что противнику удалось отвести главные силы из выступа и не допустить их разгрома, являлся недостаток сил и средств, прежде всего танков, в составе Резервного фронта. Кроме того, при подготовке операции не было выделено сил для развития успеха, а попытка создать их в ходе боевых действий не принесла ожидаемых результатов. Низкие темпы наступления армии обуславливались слабой обученностью прибывшего пополнения и неумением командного состава многих полков и дивизий организовать и всесторонне обеспечить бой в короткие сроки, отсутствием

¹ Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 72.

четкого взаимодействия и управления войсками, а также резкой ограниченностью боеприпасов.

Тем не менее это был успех, и его значение в той сложной обстановке начала войны трудно переоценить. Чтобы хоть как-то стимулировать войска, Верховный Главнокомандующий Сталин нашел для этого возможно единственную форму поощрения — создание советской гвардии. 8 сентября 1941 г. приказом народного комиссара обороны СССР 100-я и 127-я стрелковые дивизии были преобразованы в 1-ю и 2-ю гвардейские стрелковые дивизии. Вскоре, 26 сентября, гвардейскими стали еще две дивизии этой армии: 107-я и 120-я, переименованные соответственно в 5-ю и 6-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Указывая на мужество и героизм этих дивизий, И.В. Сталин в приказе Народного Комитета Обороны от 18 сентября пространно и в присущем ему стиле «разъяснил» Красной Армии причины их успехов: «Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширять прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва.

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для нового прощупывания отступающего противника.

Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли ее не как пассивную оборону, а как оборону активную, соединенную с контратаками. Они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружие, не разбежались в лесные чащи, не кричали «мы окружены», а организованно отвечали ударом на удар противника, жестоко обуздывали паникеров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчиненных выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины»¹. Несмотря на положительный в целом тон приказа, Верховный Главнокомандующий невольно показывает свое отношение к своим же командным кадрам, полагая, что им надо разъяснять безусловные для военного человека прописные истины.

Подводя итог Смоленского сражения, следует отметить, что тяжелая обстановка, сложившаяся в июле — сентябре 1941 г. в результате умелых действий противника, усугублялась неверной оценкой обстановки со стороны советского командования, стремлением переломить ее без учета реальных возможностей войск. Ошеломляющее начало войны, которое в таком виде не рассматривалось не то что в планах применения Вооруженных Сил, но и в мыслях государственного и полити-

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 5. — М., 1947. — С. 5—6.

ческого руководства страны, заставляло его принимать необоснованные решения, прибегать к жестким методам управления. За неготовность страны и армии к войне расплачивались не реальные виновники этого, а многострадальный советский народ, его солдаты.

Наряду с этим значительно обновленный в результате предвоенных репрессий командный состав, особенно армейского и дивизионного звеньев, не успел овладеть искусством наступления и не смог применить его в тяжелых условиях вооруженной борьбы, вызванных неудачным для нас началом Великой Отечественной войны. Иначе говоря, наши командиры и войска еще не были готовы к серьезным наступательным операциям. В этом сказывались как сложность обстановки, так и отсутствие боевого опыта у большинства командиров и прибывавших на фронт соединений. К тому же войскам недоставало вооружения, транспорта и нередко боеприпасов. Попав в сложную боевую обстановку, они проявляли немало героизма, упорства и мужества, но им не хватало сил, средств и умения вести наступление в тех особых условиях, которые сложились летом 1941 г.

Наряду с мужеством и героизмом, показанными советскими войсками в Смоленском сражении, тем не менее имелись факты проявления военными трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклонения от боя. После прорыва обороны советских войск противником некоторые части без приказа оставляли занимаемые рубежи и стремились укрыться в лесах, самовольно отступали на восток. В этих условиях военно-политическое руководство страны было вынуждено пойти на беспрецедентные меры по укреплению дисциплины и стойкости войск путем применения широкого набора репрессивных мер. Уже в июне во фронтах по инициативе командования создавались заградительные отряды, а 12 сентября Ставка разослала

Военным советам фронтов специальную директиву, узаконившую эту практику. В этом документе отмечалось, что «в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» — и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть». Утверждалось также, что «твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много», и приказывалось «в каждой дивизии иметь заградительный отряд из налаженных бойцов»¹.

Цена Смоленского сражения для РККА была очень дорогой — безвозвратные потери составили более 486, а санитарные — более 273 тыс. человек². В ходе боев было утрачено 1348 танков, 9290 орудий и минометов, 903 боевых самолета. В целом отдельные успешные действия советских войск на тактическом уровне не привели к перелому в оперативно-стратегической обстановке, не смогли заставить противника отказаться от своих планов. Главная задача — разгром ударных группировок противника советскими войсками в ходе Смоленского сражения — решена не была. Более того, в ходе непрерывных наступательных действий они значительно подорвали свою боеспособность. Это привело впоследствии к еще более тяжелым поражениям под Вязьмой и Брянском осенью 1941 г.

¹ Русский архив. Т. 16. Великая Отечественная. Т. 5 (1). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. — М., 1996. — С. 180.

² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. — М., 1993. — С. 169.

Глава 3

КАТАСТРОФЫ ПОД ВЯЗЬМОЙ И БРЯНСКОМ

События октября 1941 г. в районах Вязьмы и Брянска являются одной из самых трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. Менее чем за месяц Красная Армия потеряла здесь сотни тысяч солдат и офицеров, огромное количество военной техники и вооружения. В те дни почти все пути на Москву оказались открытыми. Стала реальной угроза внезапного появления в столице бронетанковых войск противника, ибо слабая советская группировка на Можайской линии обороны была не в состоянии остановить их. Москва и в целом страна были поставлены на грань катастрофы. В чем же причины столь неудачных действий советских войск в прологе битвы за Москву?

После завершения 10 сентября 1941 г. Смоленского сражения обе стороны, действовавшие на западном стратегическом направлении советско-германского фронта, использовали паузу в боевых действиях для уточнения оперативных планов, наращивания группировок своих войск, восстановления их боеспособности. К концу месяца положение на советско-германском фронте продолжало оставаться крайне тяжелым для Красной Армии. Немецкие войска блокировали Ленинград, разгромили под Киевом основные силы Юго-Западного фронта, отрезали от страны Крым. Вместе с тем результаты, достигнутые вермахтом, не отвечали перво-

начальным планам Гитлера — 15 августа занять Москву, а 1 октября победоносно закончить войну с Россией. Решить эту задачу противник рассчитывал в ходе нового мощного наступления на московском направлении.

Еще 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на Восточном фронте. На ее основе командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок 16 сентября отдал приказ на проведение операции «Тайфун». Как и в начале войны, ставка делалась на мощные удары танковыми соединениями, поддерживаемыми массированными ударами авиации.

Замысел операции заключался в нанесении трех мощных ударов из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях с целью прорыва обороны советских войск, а затем окружения и уничтожения их в районах Вязьмы и Брянска. Выполнение первой задачи возлагалось на 3-ю и 4-ю танковые группы. Пехотные дивизии 9-й и 4-й полевых армий, развернутые между Духовщиной и Рославлем, должны были сковать противостоявшие советские войска, не допустив их преждевременного отхода, а при благоприятном ходе операции перейти в наступление и ликвидировать окруженную группировку. Развертываемой южнее Рославля 2-й полевой армии предстояло своим левым флангом наступать на Сухиничи, Мещовск, а правым — во взаимодействии со 2-й танковой группой окружить и разгромить соединения Брянского фронта в районе Брянска. Немецким командованием была задумана самая грандиозная операция из проводившихся ранее. Никогда до этого на одном стратегическом направлении не сосредоточивались одновременно три танковые группы.

За счет резервов ОКХ и войск с других участков Восточного фронта германское командование смогло к кон-

цу сентября довести состав группы армий «Центр» до 1 млн 800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. Их поддержку осуществляли 1390 самолетов 2-го воздушного флота.

Обращаясь 2 октября с напутствием к войскам, Гитлер заявил: «За несколько недель три самых основных промышленных района будут полностью в наших руках. Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это возможно для людских усилий, уже окончены... Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года»¹.

Тремя основными районами Гитлер считал Ленинград, Москву, Донбасс с Ростовом-на-Дону. Таким образом, в октябрьском наступлении немецкое руководство хотело достичь решительных политических и стратегических целей: разгромить Красную Армию, захватить основные экономические центры СССР и закончить военную кампанию на Востоке.

Что касается советского руководства, то в сентябре основное внимание Верховного Главнокомандования было приковано к Ленинграду и Киеву. Туда с западного направления были направлены Г.К. Жуков и С.К. Тимошенко. Обеспокоенность положением на московском направлении Ставка ВГК проявила лишь 27 сентября, приказав войскам Западного и Брянского фронтов перейти к жесткой, упорной обороне и мобилизовать все инженерные части на устройство заграждений. При этом Резервный фронт директивы подобного содержания вообще не получил, так как Ставка полагала, что противник на этом направлении вести наступление не будет.

Замысел Ставки состоял в том, чтобы, создав глубоко-

¹ Анфилов В.А. Столица выстояла под натиском гитлеровского «Тайфуна». // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 12.

ко эшелонированную оборону, не допустить прорыва противника к столице. Основные усилия предполагалось сосредоточить на кратчайших путях к городу с запада — вдоль дорог Смоленск—Москва (Минская автомастрада) и Рославль — Москва (Варшавское шоссе).

Приняв 27 сентября решение о переходе войск к обороне, Сталин не забыл упомянуть о возможности проведения частных наступательных операций для улучшения положения войск на отдельных направлениях. Более того, 29 сентября, когда до начала немецкого наступления оставались сутки, начальник Генерального штаба по его приказанию направил в войска директиву с указаниями о том, как готовить наступление. Но и без этого соединения 22, 29, 19, 16-й армий Западного, 24-й и 43-й армий Резервного фронтов наступали даже в последней декаде сентября, группа генерала Ермакова Брянского фронта — всю его вторую половину, а 13-я армия этого же фронта, по существу, весь месяц. Это отвлекало войска от организации обороны, не позволяло создать оборонительные группировки и в конечном итоге приводило к большим потерям личного состава. Так, группа Ермакова только 27 сентября в ходе наступления потеряла 4913 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Неверно была произведена и оценка обстановки. Ставке ВГК и Генеральному штабу не удалось определить возможные сроки перехода противника в наступление и вскрыть замысел немецкого командования. Направление главного и других ударов группы армий «Центр» были спрогнозированы неверно. В Ставке почему-то считали, что противник нанесет фронтальный удар вдоль автомагистрали Минск — Москва. На основе этой ошибочной оценки происходило распределение сил и средств фронтов западного направления и их построение.

ние, приведшие впоследствии к столь сокрушительным результатам.

Группе армий «Центр» противника на западном направлении противостояла группировка советских войск в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов, которые занимали оборону в полосе шириной 800 км от оз. Селигер до р. Сейм.

Западный фронт, действуя в полосе шириной 347 км, занимал оборону на рубеже оз. Пено, Андреаполь, Ломоносово, Ярцево, Новые Яковлевичи. Фронт с 10 сентября возглавлял генерал-лейтенант И.С. Конев, до этого командовавший 19-й армией. Все армии фронта — 22, 29, 30, 19, 16, 20-я — располагались в первом оперативном эшелоне, его резерв составляли две стрелковые, две мотострелковые, три кавалерийские дивизии и четыре танковые бригады. Всего в войсках фронта насчитывалось 546 тыс. человек, 4028 орудий и минометов, 486 танков, 253 самолета. Перевес противника в силах и средствах над войсками фронта был, в общем, незначительным — 591 танк против 486, 5651 орудие и миномет — против 4028. Вместе с тем командующий войсками фронта не сумел правильно распорядиться имеющимися силами еще на этапе подготовки операции.

Особенно это заметно при выборе направления сосредоточения основных усилий в обороне. В штабе Западного фронта, например, имелись довольно точные сведения о группировке противника. Было установлено, что против восьми дивизий 30-й и 19-й армий он развернул 17 своих дивизий. В полосах других армий число противостоявших друг другу дивизий было примерно равным — по 10. Эти данные разведки прямо указывали на вероятное направление вражеского удара. Но поскольку Ставка считала, что главный удар противник будет наносить на смоленско-вяземском направлении,

оборонявшемся 16-й и 20-й армиями, генерал И.С. Конев не решился отстаивать свою точку зрения. Искренняя вера в безошибочность суждений вождя заставила его безоговорочно принять необоснованное решение. И командующий войсками Западного фронта сосредоточил главные силы не там, где этого требовала обстановка, а там, где указал Сталин. В результате на направлении главного удара противника в полосе фронта его превосходство составило: по людям — 4,1 к 1, по артиллерии — 6 к 1, по танкам — 31,1 к 1.

Одновременно генерал Конев не поощрял самостоятельности в решениях и у своих подчиненных. Так, 27 сентября ему на утверждение был представлен план обороны 16-й армии. В нем генерал К.К. Рокоссовский предусматривал вариант действий своих соединений в случае вынужденного отхода. Но командующий войсками фронта не мог допустить даже в мыслях ведения обороны с возможным отходом вверенных ему войск. Они должны были стоять насмерть, но позиций не оставлять! И он тут же приказал командарму 16-й: «Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить... В соответствии с этим переработать план обороны»¹.

Левее Западного фронта, в полосе шириной 108 км, занимали оборону 24-я и 43-я армии Резервного фронта, который в сентябре возглавил маршал Советского Союза С.М. Буденный, до этого являвшийся Главкомандующим войсками юго-западного направления. За ними, во втором эшелоне, оборонялись соединения 33-й армии. Остальные армии фронта — 31, 49 и 32-я — занимали Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, располагаясь в тылу Западного фронта. Такое построение затрудняло организацию взаимодействия между фронтами, усложняло управление войсками Резервного

¹ Невзоров Б.И. Пылающее Подмосковье. // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 11.

фронта и сковывало маневр Западного. Дело дошло до того, что саперы 31-й армии Резервного фронта заминировали рокадные дороги в тылу Западного фронта, которые предназначались для маневра его войск. Впоследствии, уже в ходе ведения боевых действий, все это приведет к перемешиванию боевых порядков соединений этих фронтов и неразберихе в подчиненности войск при отходе.

Всего войска Резервного фронта включали 478 тыс. человек, 4752 орудия и миномета, 301 танк, 126 самолетов. Основные усилия в обороне были сосредоточены в полосе 24-й армии, в то время как противник развернул главную группировку южнее — в полосе 43-й армии, где он достиг превосходства: по людям — в 5,3 раза, по артиллерии и танкам — в 12 раз. Армия, занимая оборону в полосе шириной 80 км, не могла создать высоких плотностей сил и средств, необходимых для отражения сильного удара противника. К тому же в ней недоставало значительного количества вооружения. Так, в соответствии с докладом Военного совета армии от 28 сентября 1941 г. только по стрелковым дивизиям некомплект составлял: 280 ручных и 290 станковых пулеметов, 246 50-мм, 167 82-мм и 62 120-мм миномета¹.

Брянский фронт, которым с момента его образования в августе 1941 г. командовал генерал-полковник А.И. Еременко, обороняясь в полосе шириной 345 км, имел в первом эшелоне 50, 3, 13-ю армии и оперативную группу генерал-лейтенанта А.Н. Ермакова. В резерв фронта выделялись две стрелковые и одна танковая дивизии, а также одна танковая бригада. Всего во фронте насчитывалось 223 тыс. человек, 1529 орудий и минометов, 257 танков, 166 самолетов.

В соответствии с решением генерала Еременко ос-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 366—368.

новные усилия фронта в обороне сосредоточивались на его правом крыле, где командующий разместил почти весь свой резерв — две стрелковые и одну танковую дивизии. Сделано это было вопреки данным разведки, которая верно установила сосредоточение главной группировки противника против левого крыла фронта, то есть против группы генерала Ермакова. И здесь командующий войсками фронта и его штаб допустили крупный промах; и здесь замысел на оборону не отвечал обстановке. Ко всему прочему, войскам этого фронта на подготовку обороны было отпущено всего-навсего двое суток. Кроме того, группа Ермакова, сильно ослабленная в ходе непрерывных наступательных действий, не имела на подготовку обороны и этого времени, так как 28 сентября получила задачу подготовить и провести наступление на глуховском направлении¹. Между тем противник, изготавившись к наступлению, превосходил здесь советские войска: по людям — в 3,4 раза, по артиллерии — в 6 и по танкам — в 1,3 раза.

В этом смысле представляет интерес мнение одного из непосредственных участников тех событий, в то время начальника оперативного отдела штаба Брянского фронта генерала Л.М. Сандалова: «То, что группа Ермакова вела во второй половине сентября главным образом наступательные бои и мало внимания оказывала вопросам обороны, ослабило левофланговые войска фронта, а противнику принесло огромные выгоды... Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли разгадать тогда намерений противника?... Ставка предупредила 27 сентября о подготовке противника к наступлению на Москву. Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов, Нов-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 99—102.

город-Северский, Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел, Тулу был кратчайшим. Десну форсировать не нужно. Брянские леса остаются севернее. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр. Недооценили сосредоточивающихся сил противника и переоценили мощь войск Ермакова»¹.

Всего в войсках Западного, Резервного и Брянского фронтов имелось 1 млн 250 тыс. человек, 10 309 орудий и минометов, 1044 танка, 545 самолетов. Силы, казалось бы, немалые. Однако значительная часть стрелковых дивизий оборонялась в полосах свыше 20 км при явном недостатке сил и средств. Низкие плотности артиллерии, танков, противотанковых и противовоздушных средств, незначительная глубина и очаговый характер обороны делали малоэффективной всю систему огневого поражения противника, борьбу с вражескими танками и противовоздушную оборону войск. Эти обстоятельства в сочетании с ошибками в определении направлений главных ударов противника и соответственно районов сосредоточения основных усилий фронтов в обороне привели к тяжелым последствиям для советских войск.

Наступление противника в полосе Брянского фронта на орловском направлении началось 30 сентября. Командующий 2-й танковой группой Г. Гудериан принял решение о переходе в наступление на два дня раньше остальных сил группы армий «Центр» с целью массированного применения всей авиации группы. Он также стремился использовать в полной мере период хорошей погоды, так как на направлении его наступления было мало дорог с твердым покрытием.

С утра 30 сентября дивизии 47-го и 24-го моторизованных корпусов танковой группы Гудериана нанесли

¹ *Сандалов Л. М.* На московском направлении. — М., 1970. — С. 201.

удар по войскам левого крыла Брянского фронта. Развернутые здесь соединения из группы генерала Ермакова именно в это время должны были наступать на глуховском направлении. Находясь в наступательной группировке, на не подготовленной к обороне местности, они не выдержали массированного удара врага и начали отходить. Противнику открылся путь на тылы двух левофланговых соединений 13-й армии генерал-лейтенанта А.М. Городнянского. Во второй половине дня обе дивизии были оттеснены к северо-востоку. Между армией Городнянского и группой Ермакова образовался разрыв. Все предпринятые контратаки оказались безуспешными. К исходу 30 сентября глубина вклинения противника составила 15—20 км.

Вечером Военный совет Брянского фронта сделал вывод о том, что противник нанес лишь отвлекающий удар силами одного из корпусов Гудериана. Главный же удар, по мнению членов совета, последует позднее со стороны 2-й немецкой армии в направлении Брянска. Утраченное за день положение на левом крыле было решено восстановить силами находившихся там войск. Это решение генерал Еременко доложил по средствам связи Сталину, и тот целиком утвердил его, одновременно указав, что «необходимо уничтожить противника, перешедшего в наступление». Ответ Еременко был лаконичен: «Есть! Будет уничтожен»¹.

Чего не отнимешь у генерала Еременко, так это уверенности в своих силах. В этой связи вспоминается его обещание Верховному Главнокомандующему разгромить группировку Гудериана в августе 1941 г. Однако как тогда, так и теперь одной уверенности в своих силах было явно недостаточно.

Утром 1 октября соединения из группы Ермакова на-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 44. Л. 5—6.

несли контрудар. Однако закрыть образовавшуюся накануне брешь и восстановить положение не удалось. Контрудар соединений, введенных в сражение по частям, в разное время, к тому же с различных направлений, при слабой огневой поддержке, по силе своей не соответствовал мощи наступавшего противника. Немецкие танковые дивизии, поддерживаемые с воздуха всем составом авиации 2-го воздушного флота, смели и отбросили контратаковавших. К полудню соединения 47-го корпуса противника захватили Севск и устремились на север. 24-й корпус, наступая на орловском направлении, к исходу дня увеличил глубину прорыва до 80 км. Немецкие войска окружили две дивизии 13-й армии, а также отрезали от главных сил фронта группу Ермакова.

Только тогда командованию Брянского фронта стало ясно, что удар противника на левом крыле отнюдь не отвлекающий. И тем не менее в условиях сохранявшейся стабильности в центре и на правом крыле, полного затишья в полосах Западного и Резервного фронтов прорыв Гудериана не казался ему столь глубоким и опасным. Поэтому при докладе в Ставку начальник штаба фронта генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров обрисовал обстановку менее тяжелой, чем она была в действительности. А генерал Еременко приказал часть фронтового резерва использовать для того, чтобы остановить противника, развивавшего наступление к северо-востоку от Севска. Так закончился второй день боев.

На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление против войск Западного и Резервного фронтов основными силами группы армий «Центр». Одновременно с массированными ударами танков и пехоты по переднему краю обороны вражеская авиация нанесла удары по объектам тыла и командному пункту Западного фронта. Он был размещен рядом с железнодорожной

станцией Касня, на господствующей высоте, в ярко-белом с колоннами и большими зеркальными окнами старинном особняке князей Волконских, который очень красиво смотрелся на фоне окружающего леса. Все подъезды к дому были не только приведены в порядок, но и посыпаны желтым песком. Большая часть аппаратуры фронтового узла связи была развернута под легкими козырьками и в палатках рядом с усадьбой. Находившееся здесь антенное поле, оживленное движение автомашин и групп военнослужащих также не могло не привлечь внимания разведки противника. В результате налета пикирующих бомбардировщиков врага было убито и ранено 73 человека, полностью разрушено здание штаба и тем самым дезорганизовано управление войсками¹.

К исходу дня части 3-й танковой группы Гота преодолели полосу обеспечения Западного фронта и на стыке 19-й и 30-й армий прорвали главную полосу обороны на глубину 5—10 км. А 12 дивизий 4-й танковой группы Гепнера на участке к югу от Варшавского шоссе нанесли удар по частям 43-й армии Резервного фронта. К исходу дня их передовые части, продвинувшись на 40 км, нанесли удар уже по второму эшелону этого фронта — дивизиям 33-й армии комбрига Д.П. Онуприенко. К этому времени соединения 3-й танковой группы Гудериана вклинились в глубину обороны Брянского фронта почти на 120 км.

К вечеру 2 октября штаб группы армий «Центр» получил крайне обнадеживающие доклады от входивших в ее состав соединений: «2-я танковая группа: главные силы движутся на Дмитровск; 18-я танковая дивизия форсировала реку Сев между Севск и Кокушкино...

¹ Ходаренок М., Невзоров Б. Черный октябрь 41-го: под Вязьмой и Брянском Красная Армия потеряла сотни тысяч бойцов. // Независимое военное обозрение. — 2002. — № 20. — С. 5.

9-я армия: первые позиции противника везде про-
рваны. Внезапность удалась. Противник — слабый по
численности, но упорно сопротивляющийся, без силь-
ной артиллерийской поддержки.

4-я армия: противник упорный, но слаб прежде всего
по численности и в отношении артиллерии... Железно-
дорожные мосты юго-восточнее Буда неповрежденные
в наших руках...

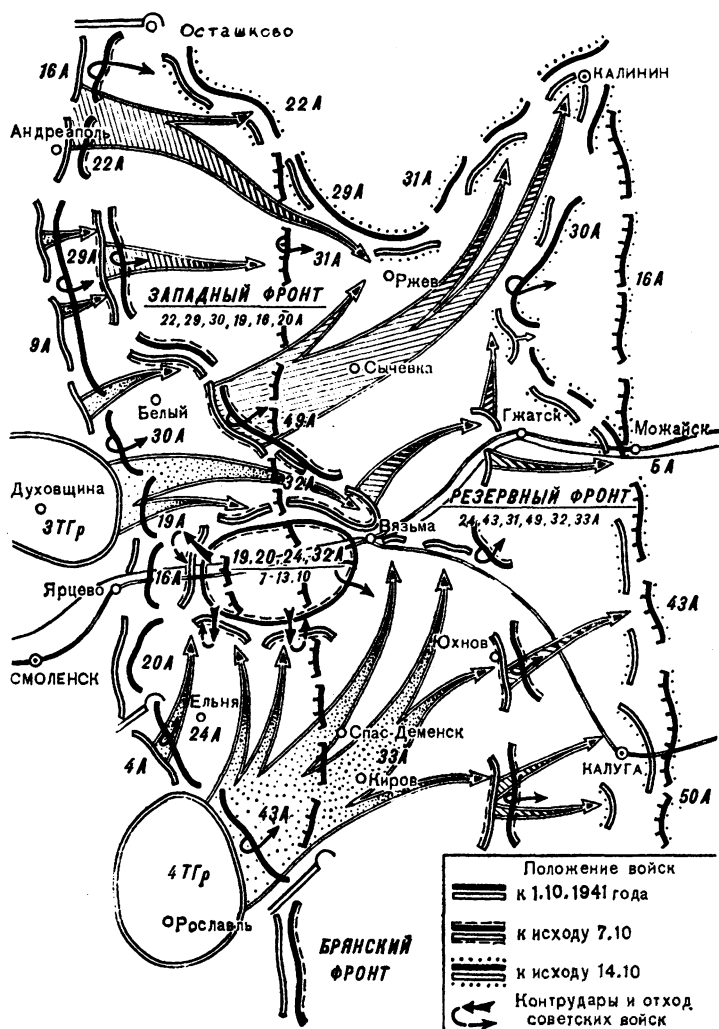
2-я армия: железнодорожный мост через Десну в 15
километрах юго-восточнее Дубровка не разрушен. 52-я
дивизия заняла мост через реку Десна...»

В отчете 3-й танковой группы о событиях того дня
также отмечалось: «...начавшееся 2 октября наступле-
ние оказалось для противника полнейшей неожиданно-
стью... Сопротивление противника оказалось гораздо
слабее, чем ожидалось. Особенно слабым было проти-
водействие артиллерии»¹.

Нанося удары танковыми группировками на избран-
ных направлениях, немецкое командование одновре-
менно стремилось сковать армии Западного и Резерв-
ного фронтов во всей занимаемой ими полосе и не дать
им возможности отойти ранее, чем танковые соедине-
ния выйдут в район Вязьмы. От этого, считало командо-
вание вермахта, зависел успех операции.

С началом наступления противника действия совет-
ских войск сводились именно к этому, то есть к упорному
удержанию оборонительных рубежей. Так, в журналах
боевых действий Западного и Резервного фронтов за
2 октября отмечалось, что противник развернул боевые
действия в полосах обороны 30, 19, 16, 20, 24 и 43-й ар-
мий. В этих документах подчеркивалось, что в полосе
обороны 16-й армии наступление врага было сорвано
уже в первой половине дня. Прочно удерживали рубежи

¹ *Исаев А.В.* «Котлы» 41-го. История ВОВ, которую мы не зна-
ли. — М., 2006. — С. 228.

Ход боевых действий в Вяземской оборонительной операции

на левом крыле Западного фронта соединения 20-й, а на правом — 29-й армий. А 22-я армия даже продолжала частные наступательные действия на своем правом фланге. Начальник штаба 24-й армии Резервного фронта генерал А.К. Кондратьев также записал в своем дневнике: «...на фронте нашей армии попытки врага атаковать наши части терпят провал».

По мнению советского командования, все эти факты свидетельствовали о том, что армии двух фронтов успешно ведут боевые действия по удержанию тактической зоны обороны. Поэтому им ставилась задача и в дальнейшем стойко оборонять занимаемые рубежи. Достигнутый немецкими войсками успех на стыке 30-й и 19-й армий и в полосе обороны 24-й армии командование Западного и Резервного фронтов рассматривало как временное явление, являющееся результатом упущений соответствующих командующих и командиров. Предполагалось, что прорывы противника возможно ликвидировать силами армейских резервов.

На следующий день командование Западного фронта предприняло меры по усилению правого фланга 19-й армии, передав ей из состава 16-й армии одну стрелковую дивизию, танковую бригаду, гаубичный артиллерийский полк РГК и батарею реактивных установок. Одновременно с целью ликвидации группировки противника, вклинившейся на стыке 30-й и 19-й армий, создавалась оперативная группа под командованием заместителя командующего войсками фронта генерал-лейтенанта И.В.Болдина. В нее вошли две стрелковые, две мотострелковые дивизии и две танковые бригады. Всего группа насчитывала около 30 тыс. человек, 300 орудий и минометов, 320 танков, из них до 90% — легких. Район сосредоточения группы назначался к западу от Канютина, однако генерал Конев не знал, что он уже захвачен противником. В результате соединения и части генерала

Болдина вступали в сражение с марша, в разное время и на различных направлениях.

В ходе контрудара в районе Холм-Жирковского показали образцы мужества и героизма бойцы и командиры 128-й танковой бригады. Они отразили три танковые атаки, поддержанные пехотой 6-й танковой дивизии врага, который потерял 5 танков сгоревшими и 38 подбитыми. Так, четыре танка 128-го танкового полка бригады под командованием капитана Таринова и три танка КВ под командой командира батальона Корпенко огнем с места во фланг противнику уничтожили 11 его танков. Комиссар 1-й роты 1-го батальона полка политрук Солдатов повел в атаку два танка КВ и в течение 20-минутного встречного боя уничтожил и подбил 5 немецких танков. При этом экипажи двух вражеских танков бросили машины и, не заглушив моторы, бежали¹.

Вместе с тем в условиях превосходства немецких войск в силах и средствах этот контрудар позволил лишь несколько задержать продвижение противника ценой больших потерь, но никак не остановить его. По этому поводу в сводке ОКХ от 3 октября отмечалось, что во второй половине дня части 3-й танковой группы «прорвались к Днепру восточнее Холм-Жирковского и захватили в неповрежденном состоянии два моста. Южнее города разгорелось танковое сражение с подошедшими русскими танковыми частями». Это означало, что противник нанес удар по 32-й армии генерал-майора С.В. Вишневого и вклинился в первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа обороны. Таким образом, враг не только прорвал оборону фронта на всю его оперативную глубину, но и создал реальную угрозу выхода в тыл Западного фронта.

Очень сложной была обстановка и в полосе Резерв-

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — М., 2006. — С. 186.

ного фронта, где с утра 3 октября противник возобновил наступление, нанося удары по соединениям 24-й и 43-й армий. К 15 часам глубина его продвижения в полосе 24-й армии составила 10—12 км. В свою очередь, 43-я армия к исходу дня оказалась рассеченной на две части, которые действовали севернее и южнее Варшавского шоссе. О напряженности боев свидетельствует оперативная сводка Резервного фронта от 3 октября, в которой говорится о колоссальных потерях, при которых «боевой состав каждого стрелкового полка 43-й армии не превышал 150 человек в каждом». В этот же день командующий 4-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Клюге докладывал в штаб группы армий «Центр»: «Корпус Гейера находится в 4 километрах от Ельни. В настоящий момент сильные контратаки противника. Пленные в один голос показывают, что им дан приказ безусловно держаться. До сих пор взято 2500 пленных»¹.

3 октября явственно нависала угроза окружения над войсками Брянского фронта. В тот день неожиданно для командования и штабов Брянского фронта и Орловского военного округа головной корпус Гудериана прорвался к Орлу и с ходу захватил город. Начальник штаба округа успел лишь прокричать по телефону начальнику штаба фронта генералу Захарову: «В Орел ворвались немецкие танки! Части гарнизона занять позиции у юго-западной окраины Орла не успели». По словам Гудериана, «захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи»². Позднее Еременко в «Отчете Военного совета Брянского фронта о боевых действиях войск с 1 октября по 7 ноября 1941 г.» так объяснил некоторые обстоятельства захвата Орла противником: «...штаб Ор-

¹ ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12462. Д. 115. Л. 204.

² *Сандалов Л.М.* На московском направлении. — С. 206.

ловского военного округа обороны города не организовал. Пять артполков с полным вооружением и несколько полков пехоты, находящиеся в распоряжении штаба... округа для обороны города, сопротивления немцам не оказали. В Орел без боя вошли 13—15 танков противника, а затем, несколько позднее, и мотопехота»¹. В руки врага попал без боя важный административный центр, крупный узел железнодорожных и шоссейных дорог, ставший плацдармом для дальнейших действий немецких войск. Противник получил также возможность использовать отличную шоссейную дорогу. Исходя из обстановки, вечером того же дня генерал А.И. Еременко обратился к начальнику Генерального штаба с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж, но маршал Шапошников, с присущей ему вежливостью, ответил, что в Ставке придерживаются другого мнения, что следует не маневрировать, а прочно удерживать занимаемые рубежи².

4 октября бои с неослабевающей силой велись на всех направлениях. Особенно напряженными они были в полосе Западного фронта. Если в полосе 19-й армии противник был задержан, то на других участках его ударные группировки продолжали развивать успех в направлении Вязьмы, охватывая советские войска, удерживавшие позиции между флангами прорыва в 100—110 км к западу от города. Вероятность их окружения превращалась в реальность. «В связи с создавшимся положением, — вспоминал маршал Конев, — я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта... а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам... Сталин выслушал меня, однако не принял никако-

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 219.

² Еременко А.И. В начале войны. — М., 1965. — С. 348.

го решения. Связь оборвалась, и дальнейший разговор прекратился... Я тут же по бодо доложил начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову более подробно о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создано на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало»¹.

А раз не последовало решения Ставки, Конев не мог взять на себя ответственность и самостоятельно отдать приказ войскам на отход. За этим, несомненно, последовало бы обвинение в трусости и паникерстве с далеко идущими последствиями. Что может случиться с попавшим в немилость вождя командующим, наглядно показала расправа над генералом Д.Г. Павловым. Но заплатить головой можно было и без отхода, просто за неудачи подчиненных войск. А потому и Конев, и Буденный не решались доложить в Ставку реальную обстановку, всячески смягчали ее и тем самым вводили командование Красной Армии в заблуждение относительно реального положения противника и своих объединений и соединений. С другой стороны, принять в тех условиях предложение Конева означало разрешить отход Западному фронту сразу на глубину 140—150 км. При таком глубоком отводе фронта пришлось бы пожертвовать выгодным для отражения ударов противника рубежом по восточному берегу Днепра. Понятно, что Шапошников не мог предложить подобное решение Сталину. Да и сам Верховный Главнокомандующий все еще не осознавал всю сложность обстановки и не видел нарастающую угрозу окружения главных сил трех фронтов. Не случайно

¹ Конев И. Начало Московской битвы. // Военно-исторический журнал. — 1966. — № 10.

именно в этот день за его подписью выходят три приказа, не имеющие никакого отношения к сложившейся обстановке, а именно: «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями», «О назначении политработников на командные должности», «О создании при штабах армий и дивизиях курсов по подготовке младшего и среднего командного состава»¹.

Германское руководство оценивало начало наступления как блестящий успех и считало, что судьба Москвы уже решена. По этому поводу 4 октября в берлинском Спортпаласе состоялся митинг. Впервые с начала нападения на СССР на трибуну вышел Гитлер. «В эти часы на Восточном фронте происходят грандиозные события, — заявил он. — Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов. Она приведет к окончательному уничтожению врага на Востоке. Я говорю об этом только сегодня, потому что могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется»².

С таким же оптимизмом оценивали обстановку и военные круги. «Операция «Тайфун» развивается почти классически, — записал в служебном дневнике начальник штаба сухопутных войск Гальдер. — Танковая группа Гудериана, наступая через Орел, достигла Мценска, не встречая никакого сопротивления. Танковая группа Гёпнера стремительно прорвалась через оборону противника и вышла к Можайску. Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого. Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149—152, 153—154, 155—156.

² Анфилов В.А. Столица выстояла под натиском гитлеровского «Тайфуна». // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 12.

перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника»¹.

5 октября генеральный штаб сухопутных войск вермахта отмечал: «На 4-й день нашего наступления противник все еще не начал отвод своих главных сил. Отступательные движения на отдельных участках фронта, а также слабое местами сопротивление следует расценивать как признаки локальной слабости, обусловленные различной боевой мощью вражеских соединений и по-разному складывающейся боевой обстановкой. В основном можно прийти к выводу, что противник намерен любыми средствами и используя все имеющиеся резервы удержать фронт и локализовать прорывы»². То, что советские войска продолжали удерживать фронт, было выгодно германскому командованию: ведь они занимали оборону между флангами участков прорыва 3-й и 4-й танковых групп, у них в тылу. Такое расположение группировок сил и средств Западного и Резервного фронтов способствовало их окружению, и немецкое командование ожидало, что в районе Вязьмы в него попадет значительное количество соединений Красной Армии.

В полосе Западного фронта наиболее упорные бои велись в районе Холм-Жирковского соединениями группы Болдина. В этот день в своем донесении в штаб фронта он отмечал: «Группа войск весь день 5 октября вела упорные бои, отражая контратаки противника и попытки окружения отдельных соединений, имея перед собой целиком 5-й армейский корпус и не менее одной танковой дивизии...

Понеся большие потери, в результате повторной

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. / Пер. с нем. Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). Кн. 2. — М., 1971. — С. 14.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 172—177.

контратаки и бомбежки 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада к исходу дня отошли в лес 1,5 километра южнее Холм, где приводят себя в порядок...

152-я стрелковая дивизия к 20.00 после упорных боев ворвалась одним батальоном в Игоревское и захватила значительные трофеи, но вводом резерва противника была оттуда выбита. В 17.00 до двух батальонов противника предприняли психическую атаку с оркестром, которая была отражена пулеметным и артиллерийским огнем, причинившим большие потери противнику...

128-я танковая бригада к исходу 5 октября оказалась окруженной пехотной дивизией противника. Потери в материальной части достигают 30%»¹.

Донесение Болдина — не первое свидетельство о психических атаках противника, когда немецкие солдаты шли в атаку под оркестр пьяными, в полный рост, несмотря на сильный ружейно-пулеметный огонь с советской стороны. В отражении упомянутой в донесении атаки приняли участие танкисты 127-й танковой бригады, оказавшиеся в ходе боя в окружении. Немецкие солдаты решили, что перед ними слабая, малочисленная группа красноармейцев, загнанная к тому же в лесные болота. Они шагали под музыку в полный рост. Танкисты подпустили их совсем близко, а затем сосредоточенным огнем буквально скосили первую цепь. Вторую и третью смяли танки. Уничтожив два батальона вражеской пехоты, бригада прорвалась из окружения и присоединилась к своим частям².

Учитывая угрозу прорыва противника к Вязьме со стороны Спас-Деменска, генерал Конев 5 октября в 18 часов 50 минут подписал директиву следующего содержания: «Командарму-16 Рокоссовскому немедленно

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 275—277.

² Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 253.

приказываю участок 16-й армии передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами прибыть форсированным маршем не позднее утра 6 октября в Вязьму... Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, имея в виду... дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов»¹. Командующему 16-й армией генерал-лейтенанту К.К. Рокоссовскому также сообщалось, что в районе Вязьмы в его подчинение поступят пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Выполняя приказ, штаб 16-й армии начал выдвижение в указанный район, не зная обстановки в глубине обороны фронта. Вот как вспоминал эти события сам Рокоссовский: «...все мы чувствовали, что произошли какие-то грозные события, а у нас в этот тревожный момент — ни войск, ни уверенности, что найдем войска там, куда нас посылают. Попытки связаться по радио со штабом фронта — безуспешны. Мы оказались в какой-то пустоте и в весьма глупом положении»². Во второй половине 6 октября штаб армии прибыл в Вязьму, не встретив по пути никаких войск и не имея связи со штабом фронта. Через некоторое время в город ворвались немецкие танки. Одновременно начальник штаба армии генерал Малинин доложил, что попытки отыскать какие-либо дивизии под Вязьмой тщетны. Вот так, передав свои войска 20-й армии и не встретив обещанные командующим войсками фронта, штаб 16-й армии сам оказался в окружении.

Как выяснилось впоследствии, пять стрелковых дивизий, предназначенных для Рокоссовского, входили в состав Резервного фронта и еще раньше по решению

¹ Конев И. Начало Московской битвы. // Военно-исторический журнал. — 1966. — № 10.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — М., 1968. — С. 52.

Ставки были направлены в полосу Брянского фронта. Но ни Конев, ни Рокоссовский об этом не знали. В течение нескольких дней штаб 16-й армии, подчиняя себе отходившие войска, осуществлял с боями выход из окружения. Он был завершен в ночь на 9 октября. После того как удалось установить связь со штабом фронта, генерал Рокоссовский получил приказ прибыть в район Можайска. Вот как он описывает события в штабе Западного фронта: «Нас ожидали Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск 16-й армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным»¹.

Этот эпизод наглядно показывает, какие взаимоотношения складывались между командованием Западного фронта и подчиненными ему военачальниками в сложной обстановке. В то время, когда в штабе фронта работала комиссия, возглавляемая Ворошиловым, кто-то должен был ответить за поражение. И можно представить, в каком свете представили Рокоссовского его начальники, спасая себя. Появление живого командующего 16-й армией, да еще и с полностью реабилитирующим его документом, по всей видимости, не входило в планы командующего войсками фронта и члена его Военного совета. Судя по реакции Ворошилова, виновный после этого был найден. Им стал, и не без оснований, И.С. Конев.

¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. — С. 61.

На Резервном фронте 5 октября обстановка стала просто катастрофической. В 15 часов 45 минут начальник Главного политического управления РККА, заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис докладывал Сталину из штаба фронта: «Части 24, 43 и 33-й армий отрезаны от своих тыловых баз... Связи с ними нет. Дорога на Москву по Варшавскому шоссе до Медыни, Малоярославца открыта. Прихожу к выводу, что управление войсками здесь потеряно»¹. Менее чем через час начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников получил следующее донесение из штаба Резервного фронта: «По непроверенным данным, разрозненные части 43-й армии продолжают отходить на север и северо-восток... Положение войск 43-й армии к 12.00 5 октября неизвестно. Связь по проводам и радио отсутствует. По данным авиации, Юхнов, Мосальск заняты противником. По донесению разведотдела ВВС 24-й армии... по шоссе и дороге на юго-запад до реки Понавка — танки в два ряда до тысячи штук.

Положение войск 33-й армии неизвестно. Связь с ней в течение суток отсутствует.

Положение на левом фланге Резервного фронта оказалось чрезвычайно серьезное. Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе закрыть нечем... Фронт своими силами задержать наступление противника на направлениях Спас-Деменск, Восток, Вязьма и Спас-Деменск, Юхнов, Медынь не может. Принятые фронтом мероприятия слабы по силе удара и запаздывают по времени...»²

В то же время в полосе Брянского фронта, чтобы остановить продвижение танковых колонн Гудериана в на-

¹ Московская битва в хронике фактов и событий. — М., 2004. — С. 156—157.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 204.

правлении Тулы, по распоряжению Ставки в районе Орла началась высадка частей 5-го воздушно-десантного корпуса под командованием подполковника И.С. Безуглого. Один из его батальонов высаживался в тот момент, когда аэродром находился под артиллерийским обстрелом противника. Десантники сразу же устремились к северо-восточной окраине города и, перерезав шоссе Орел — Мценск, организовали оборону по берегу р. Оптуха и удерживали этот рубеж до подхода 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова.

Еще 4 октября, как только 4-я бригада разгрузилась в Мценске, полковник М.Е. Катуков выслал на танках в сторону Орла две сильные разведывательные группы под командованием капитана В. Гусева и старшего лейтенанта А.Ф. Бурды. Танкисты взвода младшего лейтенанта Г.Ф. Овчинникова и старшего лейтенанта В.И. Рябова из группы Гусева прорвались в город и в трехчасовом бою уничтожили большое количество живой силы и техники врага. Остальные танки этой группы ночью из засады на Волховском шоссе сожгли около 10 танков и бронетранспортеров, захватили в плен несколько солдат противника.

Группа Бурды, устроив засаду на выходе из Орла, открыла огонь по смешанной колонне врага. Разгром охваченного паникой противника дерзкой атакой завершил танковый взвод лейтенанта А.И. Кукаркина. В этом бою разведчики уничтожили 10 танков, 2 тягача с орудиями, 5 автомашин с пехотой, 2 пулемета и до 90 солдат и офицеров.

6 октября бригада заняла оборону на рубеже Нарышкино, Первый Воин. Были организованы танковые засады в районе позиций мотострелкового батальона. Часть машин 1-го танкового батальона майора А.А. Рафтопулло расположилась в глубине обороны. Позиции бригады атаковали до 100 танков и мотопехота на бронетранспортерах и мотоциклах. Когда мотострелкам пришлось несколько отойти, на помощь им устремились танкисты.

Группа танков во главе со старшим лейтенантом Д.Ф. Лавриненко атаковала противника во фланг. В результате таких коротких атак на поле боя осталось 15 горящих вражеских машин. К вечеру по скоплениям врага нанес огневой удар гвардейский минометный дивизион. В тех жестоких схватках многие воины бригады проявили образцы героизма и боевой выучки. Лишь один экипаж танка старшего сержанта И.Т. Любушкина уничтожил 9 танков и до роты пехоты. С этого рубежа враг был отброшен в исходное положение.

8 октября противник предпринял атаку на рубеже Илькино, Шеино. Снова до сотни танков при поддержке авиации двинулись вдоль шоссе на Мценск. И опять на их пути встали танкисты полковника Катукова. Стойко держались батальон майора Рафтопулло и рота танков БТ-7 лейтенанта Самохина. От их огня горели десятки машин. Только в ходе одной внезапной контратаки, проведенной батальонным резервом под командованием начальника штаба батальона лейтенанта Воробьева, было уничтожено 11 немецких танков. Враг и здесь был остановлен, а затем отброшен назад.

В общей сложности в боях у Мценска части 4-й танковой бригады во взаимодействии с 11-й танковой бригадой подполковника В.А. Бондаря и другими частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса нанесли большие потери соединениям 24-го немецкого моторизованного корпуса, задержав его продвижение к Туле на две недели. Танкисты 4-й танковой бригады, потеряв 28 танков, уничтожили и подбили 133 танка. Кроме того, противник потерял: 2 броневые автомобили, 2 танкетки, 4 полевых, 6 дальнотанковых и 15 противотанковых орудий, 8 самолетов, 12 автомашин, 15 тягачей, 4 зенитных орудия и до полка пехоты¹.

После боев в районе Мценска в 4-й танковой дивизи-

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 226—227.

зии, входившей в группу Гудериана, осталось всего 38 танков¹. Именно о танковой бригаде Катукова пишет Гальдер в своем дневнике: «2-я танковая армия Гудериана, наступающая от Орла на Тулу, испытала мощный контрудар противника с северо-востока (в полосе наступления 4-й танковой дивизии)»². Не менее откровенен в своих воспоминаниях и Гудериан: «Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить»³.

В сложившейся обстановке Ставка, наконец-то осознав опасность окружения фронтов западного направления, приняла решение на отвод войск. В 19 часов 25 минут 5 октября начальник Генерального штаба передал генералу Коневу: «Ставка ВГК согласно Вашему предложению разрешила Вам сегодня ночью начать отход». Одновременно она приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Брянского и Резервного фронтов. При этом командующему войсками Резервного фронта маршалу Буденному категорически запрещалось оставлять на позициях противотанковую, корпусную и морскую артиллерию и приказывалось отвести ее на Можайскую линию обороны⁴. Но Ставка уже перешла тот временной рубеж, когда решение на отход войск могло спасти положение. Это было связано с недостатком информации, поступавшей от фронтов. Все их доклады о просочившихся мелких группах противника, о группах танков в

¹ *Исаев А. В.* Котлы 41-го. — С. 226.

² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. — С. 19.

³ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. / Пер. с нем. — Ростов н/Д, 1998. — С. 225.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 4. Л. 341.

20—30 единиц, о планируемых контрударах и контратаках только ввели Ставку в заблуждение. В результате Ставка и Генштаб слишком поздно увидели угрозу окружения наших войск и не смогли своевременно принять меры по ее устранению. А командующие войсками фронтов после своих обещаний восстановить утраченное положение в короткие сроки боялись даже поднимать вопрос об отводе войск на подготовленные рубежи в глубине. Таким образом, момент, когда это еще можно было сделать максимально быстро и относительно безопасно, был упущен. Отводить войска все равно пришлось. Но теперь уже в несравненно более тяжелой обстановке.

Согласно приказу Военного совета Западного фронта, подписанному 6 октября в 5 часов 45 минут, первыми должны были начать отход 19-я и 20-я армии, остальные — спустя сутки. Анализируя обстановку тех дней, Конев уже в послевоенное время справедливо отмечал: «Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения. Дело в том, что отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне он писал, «что необученные войска не способны отступать, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились»¹.

Отход 19-й и 20-й армий Западного фронта проходил

¹ Конев И. Начало Московской битвы. // Военно-исторический журнал. — 1966. — № 10.

в трудных условиях. Объединения и соединения оказались к нему не готовы, так как в подготовительный период само понятие «подвижная оборона» было исключено из лексикона командиров. Отступавшие первыми тыловые части отходили в беспорядке, что приводило к панике. Движение по дорогам было хаотичным, никто его не регулировал. Как следствие, около мостов, железнодорожных переездов и на перекрестках дорог образовывались пробки.

Поскольку артиллерия и все обозы имели только конную тягу, они не могли оторваться от противника, который превосходил их в подвижности. Его передовые отряды постоянно выходили на пути отхода советских соединений, наносили удары по штабам и коммуникациям. О том, как это было, сегодня можно судить только по сохранившимся воспоминаниям участников тех событий: «5 октября 166-я стрелковая дивизия 19-й армии получила приказ на отход к Днепру. Но танки противника оказались быстрее наших лошадей, не говоря уже о пехоте... Обескровленным частям и подразделениям пришлось вести бои в окружении. Гитлеровцы хорошо знали, что наши части понесли большие потери, что у нас на исходе боеприпасы, что мы лишены связи с командующим армией, да и оборона наша уже не представляла единого целого: во многих местах фашисты вклинились в боевые порядки дивизии. Поэтому самолеты противника 6 октября нас не бомбили, боясь нанести удар по своим. Трудно было определить, где чьи позиции — все перемешалось».

Особенно в трудном положении оказалась 24-я армия Резервного фронта. Ее оба фланга с самого начала отхода были открыты, для его осуществления оставался коридор шириной до 10 км. В результате в течение 6—7 октября 309-я и 103-я стрелковые дивизии были скованы противником и не смогли выполнить приказ командования об

Военные действия начались. Немецкая пехота на улицах Бреста

Поврежденная советская автомашина и ее водитель. Впереди плен...

Красноармейцы, захваченные в плен в районе Бреста

Расчет немецкого противотанкового орудия отражает контратаку советских легких танков на шоссе, ведущем в Минск

Немецкий пулеметный расчет на господствующей высоте

Доклад о текущей обстановке в штабе генерал-майора
К.К. Рокоссовского

Танкисты слушают боевой приказ

Советские танки выдвигаются на исходные позиции для атаки

Расчет немецкого противотанкового орудия меняет огневую позицию

Советские офицеры осматривают трофейный немецкий танк

Расчет миномета готовится к бою

Командир 2-й гвардейской стрелковой дивизии полковник
А.З. Акименко принимает гвардейское знамя

Противник вновь наступает. Колонна немецких бронев автомобилей движется на восток

Бой за очередную русскую деревню

Немецкие солдаты переносят раненого

Пулеметчики поддерживают огнем контратаку пехоты

Декабрь 1941 г. Гаубицы готовы к артиллерийской подготовке атаки

Пехотинцы одной из частей Западного фронта ведут наступление при поддержке танков

Танки с десантом на снях-волокушах входят в прорыв

Брошенная при отступлении немецких войск артиллерия

Стрелковое подразделение ведет бой за высоту

Танковый десант освободил еще один населенный пункт

Советские войска проходят через освобожденную деревню

Отступающие немецкие части

Немецкие артиллеристы отходят на новые огневые позиции

Немецкая самоходная артиллерийская установка в засаде

Артиллеристы противника в готовности к отражению атаки танков

Советские десантники осуществляют посадку в самолет

Маневр – это преимущество в бою. Немецкие танковые экипажи
расчищают дороги от снега

Пехота противника готовится к атаке под прикрытием танков

Немецкое подразделение в короткие минуты затишья

Бойцы 34-й стрелковой бригады полковника П.М. Акимочкина выбивают противника из Юхнова. 5 марта 1942 г.

отходе к Вязьме с целью ее прикрытия. Начавшая отход 19-я стрелковая дивизия была перехвачена противником в пути. К утру 7 октября только штаб армии, а также части 8-й, 222-й стрелковых дивизий и 144-й танковой бригады вышли в район северо-восточнее Семлево, из которого все дальнейшие пути отхода были закрыты противником. В последнем донесении 7 октября командующий 24-й армией генерал-майор К.И. Ракутин сообщил командующему войсками Резервного фронта: «Части 24-й армии, ведя ожесточенные бои в полосе обороны, окружены, атакованы с фронта и с флангов».

Не менее сложной была обстановка и в полосах 43-й и 33-й армий этого фронта. 6 октября начальник штаба Резервного фронта генерал Анисов в переговорах с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым сообщал: «33-я армия как организм... не существует. В Красном Лосмино есть ее командующий и член Военного совета. Штаба нет. Где — неизвестно. Средств связи также нет. Никаких данных в течение 5—6 октября о положении частей 33-й армии штаб фронта не имеет.

Высланные на пути отхода командиры и политработники управления фронта задержали пока немного и, как правило, без командного состава. Имеющимся резервом командного состава организуем подразделения и будем восстанавливать части. Необходима срочная присылка вооруженного пополнения, хотя бы тысяч 30—40».

Вполне оправданно недоумение Шапошникова на это сообщение: «Мне непонятно, для кого же присылать вооруженное пополнение, когда вы в своем докладе не назвали ни одного полка стрелкового или артиллерийского, ни одной дивизии и когда отходят красноармейцы без комсостава и, по-видимому, без вооружения и материальной части. Можно, конечно, потерять связь, но уже не до такой степени, чтобы через прерывчатый фронт противника нельзя было добраться до частей, которые,

без сомнения, где-то существуют и, по всей вероятности, дерутся... Неужели нет хоть какого-либо намека, где находятся дивизии 43-й и 33-й армий?»¹

Запись данных переговоров свидетельствует, что штаб Резервного фронта практически полностью утратил управление войсками и не знал, где, на каких рубежах и в каком состоянии находятся его армии. Более того, в штабе фронта не знали и то, где конкретно находится его командующий маршал Буденный, который выехал в Малоярославец и после этого на связь не выходил. Кстати, по словам Жукова, он нашел Буденного на окраине Малоярославца в райисполкоме, у которого находились две легковые автомашины. Непонятно, что делал командующий войсками фронта в отрыве от своего штаба и войск без средств связи? Складывается впечатление, что он скрывался и от Ставки, и от собственного штаба, чтобы избежать вопросов, на которые он просто не мог дать ответов².

На следующий день обстановка в полосе 43-й армии стала критической. Утром в штаб фронта было доставлено донесение из армии, в котором сообщалось: «Противник продолжает развивать наступление вдоль шоссе и вспомогательный удар — в направлении Вязьмы. Дивизии как боевые единицы не существуют, а есть небольшие деморализованные авиацией противника группы бойцов пехоты, спецподразделений и артиллерии. Командир 149-й стрелковой дивизии Захаров имеет только один саперный батальон.

Эти мелкие группы никем не управляются, расползлись по лесам и текут в тыл. Командованием создавались два раза сильные командирские группы для сбора отходящих в тылу, но остановить эту массу и закрепить

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 65. Л. 260—264.

² Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 332.

ся в обороне не удалось... В общем, положение катастрофическое. Нам абсолютно нечего выбросить для захвата важнейших направлений, а противник стремится перерезать Вяземское шоссе.

Дивизии понесли очень большие потери, особенно свирепствует авиация. Она делает систематические налеты группами по 20—25 самолетов. В общем, наша армия абсолютно не способна вести какой-либо бой, так как все оставшиеся стали какими-то очумелыми»¹.

А вот что в этот же день докладывал маршалу Буденному заместитель командующего войсками Резервного фронта генерал-лейтенант Богданов: «Изучив обстановку, установил, что Собенникову и Онуприенко (командующие 43-й и 33-й армиями. — В.А.) нечем и нечем управлять. У Собенникова осталась группа руководящих работников армейского аппарата. У Онуприенко из армейского аппарата никого нет. Где находятся соединения 43-й и 33-й армий, при всем желании установить не удалось. В направлении Гжатска текут транспорты и отдельные люди или мелкие группы людей этих армий. Проведенные мероприятия по задержанию отходящих из района Вязьмы, в целях создания отдельных отрядов, желательных результатов не дали...

Исходя из создавшейся обстановки, считаю необходимым Собенникова и Онуприенко оттянуть восточнее Гжатска, где они из отходящих людей могут создать ряд отрядов»².

К этому времени в районе Гжатска действовали отдельные разрозненные подразделения Западного фронта. Сюда же выдвигались и отходившие части 43-й армии Резервного фронта. Как те, так и другие не были объединены единым командованием, что приводило к парадоксальным ситуациям. Так, 8 октября на подступах

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 43. Л. 106.

² Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 294.

к городу представители политуправления Западного фронта задержали и направили на огневые позиции 4 орудия и машину с боеприпасами из 149-й стрелковой дивизии 43-й армии Резервного фронта. Что из этого получилось, свидетельствует доклад заместителя начальника политуправления Западного фронта бригадного комиссара Ганенко: «По пути на огневые позиции пушки задержал генерал-майор — начальник артиллерии 43-й армии. Он запретил использовать орудия для обороны города и приказал отвести пушки в тыл.

Наш представитель пытался убедить генерал-майора в его неправильных действиях, последний ответил: «Пусть Западный фронт ищет свою артиллерию, а артиллерию 43-й армии не трогать».

Представитель политуправления фронта еще раз пытался убедить генерала, но он грубо оборвал его и заявил: «Идите проводите политзанятия с красноармейцами, и вообще, если бы таких уполномоченных больше расстреливали, толку было бы больше»¹. Ну что ж, каждый выполняет свой приказ, за который он отвечает головой. И несдержанность и грубость — это еще не все аргументы, к которым могли прибегнуть эти люди, находящиеся в критической обстановке.

В который уже раз с начала войны советские войска вынуждены были отходить, испытывая чувство горечи и безысходности. В первые месяцы войны окружение, как проклятие, преследовало соединения и части Красной Армии. Общее настроение отступления как нельзя лучше отражено в дневниковой записи ополченца 17-й стрелковой дивизии академика Л.А. Кулика: «Дремучий лес. Октябрьская ночь. Узкая лесная дорога забита подводами, передками, орудиями, машинами, лошадьми, бойцами. На опушке бой: трещат винтовки и пулеметы,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2848. Д. 2. Л. 238—242.

оглушительно бухают орудия, снопами метеоритов просекают воздух очереди немецких трассирующих пуль; спереди гремит и затихает «ура», в тылу — организационная сумятица и бестолковые крики; стоны, первые белые повязки раненых и мешковатые тела убитых. И сквозь ажур ветвей с полуночного неба на все это льет свой зловещий красноватый свет планета Марс, символ древнего бога проклятой войны. Я иду навстречу ему с хлюпающей в сапоге кровью: «Я принес тебе, кровавый, свою жертву! Возьми ее и уйди с пути страны моей родной»¹.

В полосе Брянского фронта соединения Гудериана 6 октября захватили Брянск. В тот же день один из его передовых отрядов вышел в район командного пункта фронта, расположенного в 11 км юго-восточнее Брянска. По всей видимости, противник принял его за какое-то тыловое учреждение; танки и мотопехота тотчас же открыли огонь по домам и плохо замаскированным землянкам КП. Подразделения охраны штаба начали ответную стрельбу. Под прикрытием их огня были эвакуированы оперативный, разведывательный и шифровальный отделы. По объездной дороге они двинулись на новый КП, в Белев. Примерно через час вражеский отряд ушел к северо-западу. А командующий войсками фронта с этого момента оказался без своего штаба, потеряв управление войсками. Лишь на другой день генерал Еременко с адъютантом добрался до командного пункта 3-й армии. Последующее его руководство свелось в основном к управлению одной этой армией². В этой связи Ставка возложила временное командование войсками Брянского фронта на командующего 50-й армией генерал-майора М.П. Петрова и подтвердила всем трем ар-

¹ Московская битва в хронике фактов и событий. — С. 161.

² Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1998. — С. 221.

миям фронта их задачу отходить на восток за линию станция Ворошилово, Поныри, Льгов.

Обстановку, которая сложилась к этому времени в полосе Брянского фронта, ярко и лаконично характеризует запись в дневнике майора государственной безопасности И.С. Шабалина, приведенная в оригинале книги К. Рейнгардта «Поворот под Москвой» на немецком языке: «Невиданное еще в истории поражение. Противник обошел с тыла и окружил почти три армии, т. е. по крайней мере 240 тыс. человек, занимавших оборону по дуге почти 600 км... Огромные трудности. Очевидно, начнется бегство личного состава. За последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдаем города почти без боя. Командование фронта потеряло управление с первого дня немецкого наступления... Еременко со своим штабом вынужден был бежать, так как был атакован немецкими войсками. В Ставке считали, что он погиб. Командование фронтом с 6 октября временно возложено на Петрова. Он говорит: «Ну, теперь и меня скоро расстреляют!.. Меня временно назначили командовать целым фронтом... но ты же видишь, в каком положении находятся фронт и его армии. Я даже не знаю, что у этих двух армий (3-я и 13-я) есть и где они находятся»¹. Понятно, что в переведенном на русский язык издании данной записи попросту нет.

А вот как характеризовал обстановку при отходе в то время корреспондент газеты «Красная Звезда» В. Гроссман: «Я думал, что видел отступление, но такого я не то что не видел, но даже и не представлял себе. Исход! Библия! Машины движутся в восемь рядов, вой надрывный десятков одновременно вырывающихся из грязи грузовиков. Полям гонят огромные стада овец и коров, дальше скрипят конные обозы, тысячи подвод, крытых

¹ Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. Stuttgart. 1972. S. 64.

цветным рядом, фанерой, жестью, в них беженцы с Украины, еще дальше идут толпы пешеходов с мешками, узлами, чемоданами. Это не поток, не река, это медленное движение текущего океана, ширина этого движения — сотни метров вправо и влево»¹.

В свою очередь, подводя итог благоприятного для группы армий «Центр» развития событий, оперативный отдел ее штаба в сводке за 6 октября отмечал: «Фронт обороны противника прорван в трех местах. Ожидается полное окружение и уничтожение около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма. Сила сопротивления противника стала слабее, чем раньше. Все в больших масштабах вырисовываются явления разложения». На основании этой сводки Гальдер сделал вывод: «В целом можно сказать, что операция, которую ведет группа армии «Центр», приближается к своему апогею — полному завершению окружения противника»².

7 октября противник замкнул кольцо вокруг советских войск западнее Вязьмы. В окружение попали соединения и части 19, 20 и 32-й армий, оперативной группы генерала И.В. Болдина Западного фронта, а также остатки 24-й армии Резервного фронта. Всего здесь насчитывалось 31 соединение и 7 танковых бригад. Кроме того, еще 13 соединений и 2 танковые бригады были окружены в других районах — севернее, южнее и юго-восточнее Вязьмы. Таким образом, всего в районе Вязьмы были окружены 44 дивизии, 9 танковых бригад и 5 полевых управлений армий.

Окружение значительной части войск Западного и Резервного фронтов расценивалось германским руководством как преодоление последнего препятствия на

¹ Брейтвейт Р. Москва 1941. — М., 2006. — С. 194.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. — С. 19.

пути к победе в войне с СССР, которая связывалась с захватом Москвы. В отчете штаба ОКХ в то время отмечалось: «Противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы... окруженные советские войска будут уничтожены в ближайшее время... в районе Москвы противник располагает лишь частями НКВД и милиции без артиллерии и при очень малом количестве тяжелого оружия».

В этой связи Главкомандующий сухопутными войсками вермахта фельдмаршал Браухич 7 октября срочно вылетел в Смоленск, в штаб группы армий «Центр», где провел совещание с фельдмаршалом Бокком о плане дальнейших операций на московском направлении. В тот же день группе армий «Центр» был отдан приказ, в котором говорилось: «Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся перед своим уничтожением. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все могущие быть высвобожденными части должны немедленно приступить к преследованию избегнувших окружения частей противника с тем, чтобы не дать противнику возможности создать новый фронт обороны.

4-я и 9-я армии уничтожают окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма армии противника, по возможности быстрее высвобождают моторизованные части для выполнения новых заданий, заменяя их пехотными частями»¹. Одновременно 3-я танковая группа должна была вести наступление в направлении Калинина, а 4-я — вдоль Минской автомагистрали и Варшавского шоссе на Москву.

К 8 октября ситуация под Москвой была драматической. Враг создал 500-километровую брешь в обороне, а стратегических резервов в районе столицы не оказа-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 61—64.

лось, так как все они были задействованы для восстановления обороны на юго-западном направлении. Сталин вызвал из Ленинграда Г.К. Жукова. Жуков нужен был Сталину не в качестве советника. Верховному Главнокомандующему нужен был человек, способный быстро разобраться в обстановке и не отягощенный чувством вины за провал на фронте. Сталину необходим был решительный и волевой военачальник, который не остановится ни перед чем, чтобы выправить положение.

7 октября Жуков прибыл в Москву, и уже ночью он был в штабе Западного фронта. Вот что писал об этом сам маршал: «Здороваясь, я сказал, что приехал по поручению Сталина, чтобы разобраться с обстановкой и доложить о ней ему отсюда по телефону.

Булганин: «Я только что говорил со Сталиным, но ничего ему не мог доложить, так как сами еще не знаем, что происходит с войсками фронта, окруженными западнее и северо-западнее Вязьмы».

В эту минуту никого из них не хотелось расспрашивать, что произошло на фронте, так как видел, что они все потрясены событиями».

Изучив обстановку, Жуков пришел к выводу, что «фронта обороны на западном направлении фактически уже не было, образовалась ничем не заполненная большая брешь, которую нечем было закрыть, так как никаких резервов в руках командования Брянского, Западного и Резервного фронтов не было, нечем было и закрыть основные направления на Москву. Все пути на Москву, по существу, были открыты. Создалась крайне опасная обстановка, которой еще не было с самого начала войны, так как вопрос встал о Москве — столице нашей Родины»¹.

В 2 часа 30 минут он доложил Сталину: «Главная

¹ Авторский вариант главы труда Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» «Разгром немецких войск под Москвой». // Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — М., 1994. — С. 166.

опасность заключается в том, что почти все пути на Москву открыты, слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой бронетанковых войск противника. Надо быстро стягивать войска, откуда только можно, на Можайскую линию обороны»¹.

В такой тревожной и опасной обстановке, не исключавшей возможности падения столицы, Государственный Комитет Оборона был вынужден наряду с мерами по укреплению обороны на дальних подступах к городу принять 8 октября специальное постановление по подготовке к уничтожению 1119 предприятий и других объектов Москвы и Московской области. Параллельно с этим Ставка ВГК в спешном порядке проводила мероприятия по организации обороны на Можайской линии.

10 октября Ставка объединила Западный и Резервный фронты в один — Западный. Его командующим был назначен генерал армии Г.К. Жуков, а членами Военного совета — Н.А. Булганин, И.С. Хохлов и С.Н. Круглов. Прежний командующий войсками Западного фронта Колев стал заместителем Жукова. Одновременно был образован Московский резервный фронт под командованием генерал-лейтенанта П.А. Артемьева. Новый командующий находился тогда в Малоярославце. Когда противник нанес удар в направлении Боровска и прорвал оборону, Артемьев на бронетранспортере выехал к месту событий, чтобы выяснить обстановку, и наткнулся на вражеских солдат. Избежав более серьезных неприятностей, он по возвращении позвонил Сталину и доложил, что между немцами и Москвой нет никого. В ответ услышал: «Вас назначили командующим фронтом, а вы

¹ Суровые испытания. — С. 221.

превратились в командира взвода разведки. Поезжайте в Москву»¹.

И все же доклад Артемьева не остался без внимания. На особо опасный участок срочно направили несколько истребительных батальонов и артиллерийских батарей. Они сумели задержать противника на сутки. На следующий день Московский резервный фронт был расформирован, а его войска влились в состав Западного фронта.

Вместе с тем обстановка на западном направлении становилась критической. На правом крыле Западного фронта соединения и части 22-й и 29-й армий, ведя тяжелые арьергардные бои, отходили на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. Соединения 30-й армии, левый фланг которой оказался на направлении главного удара 3-й танковой группы противника, уже с первых дней операции вынуждены были вести боевые действия в полуокружении и окружении. Ее командующий генерал-лейтенант В.А. Хоменко потерял управление войсками, и они вынуждены были самостоятельно прорываться из окружения, неся большие потери в людях и технике. Вот что говорилось о положении этой армии в оперативной сводке Западного фронта от 9 октября 1941 г.: «Части армии продолжают выходить из окружения в северо-восточном и восточном направлениях.

251-я стрелковая дивизия, имея в своем составе до 500 человек, собирается в районе Александровка и в ночь на 10 октября выходит в район Сычевки. 250-я стрелковая дивизия в количестве около 500 человек из района Оленино будет переброшена в район Сычевки. Остатки 242-й и частично 250-й стрелковой дивизий (450—500 человек) сосредоточились в районе Гусево. 107-я мотострелковая дивизия продолжает вести бой в окружении в районе Скорино и выходит в направлении

¹ Печенкин А.А. В осажденной Москве. // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 12.

Босино. Остатки 162-й стрелковой дивизии сосредоточены в районе Баркова...»¹

Однако самые тяжелые испытания выпали на долю соединений и частей 16, 19, 20 и 32-й армий, а также оперативной группы генерала Болдина Западного и 24-й армии Резервного фронтов. Последняя осуществляла отход под непрерывными ударами вражеской авиации, под воздействием противника с фронта и с флангов. Отсутствие связи со штабом Резервного фронта и незнание обстановки вынуждали командующего армией генерала Ракутина действовать на свой страх и риск. К 9 октября все пути отхода 24-й армии оказались отрезанными, большая часть солдат и офицеров или погибла, или была пленена. Под Семлевым, в 20 км юго-западнее Вязьмы, погиб и командарм генерал-майор Ракутин.

Долгое время после войны о Ракутине не было сведений. Но однажды Константин Симонов получил письмо от минского журналиста А.А. Суслова, который служил в батальоне охраны штаба 24-й армии и видел Ракутина в последний день, а может, и в последний час его жизни. Вот что он сообщил: «Ракутин в период атаки был в полевой генеральской форме, в зеленой пограничной фуражке. Командарм поднял в атаку остатки полка 6-й дивизии народного ополчения и нас, оставшихся в живых солдат из батальона охраны штаба. Он шел во весь рост впереди атакующих, не обращая внимания на разрывы снарядов и мин. После неудачной атаки мы, оставшиеся в живых, отошли на прежние позиции и стали сжигать в ямах штабные документы...

После атаки я не видел больше генерала Ракутина. В окружении, а потом и в плену о нем говорили разное. Одни, что он был убит в той атаке, и после этого начался отход; другие, что он был смертельно ранен и застрелился; третьи, что он улетел на самолете в Москву. Тре-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 157. Л. 162—166.

тья версия сама собой отпадает, потому что самолеты наши в «кашу» сесть не могли...»

В 1946 г. в приказе Главного управления кадров Министерства обороны СССР № 0545 от 4 апреля было сказано: «Генерал-майор Ракутин Константин Иванович, бывший командующий 24-й армией на Западном фронте, погиб в октябре 1941 года...»¹ Только в 1996 г. на дороге Волочек — Семлево, в районе урочища Гаврюково, было обнаружено неизвестное захоронение советских воинов. На основании программного антропологического исследования было выявлено, что здесь находятся останки в том числе и генерала Ракутина. В том же году они были перезахоронены на военно-мемориальное кладбище в поселке Снегири Истринского района Московской области. Подвиг Ракутина в свое время не был отмечен наградами. Уже после войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г. он был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени. А в 1990 г. ему также посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

К моменту окружения советских войск западнее Вязьмы они представляли собой не единую группировку, а массу разрозненных соединений, частей, штабов и тылов, управление которыми постоянно нарушалось, и, кроме того, отсутствовали связь и взаимодействие между ними. Только к исходу 8 октября в районе в 25—30 км к северо-западу от Вязьмы сосредоточились соединения и части 19-й армии и группы генерала Болдина. К полудню следующего дня в район южнее города вышли дивизии 20-й армии. Всего в двух районах находились 17 стрелковых, 1 мотострелковая, 1 кавалерийская дивизии и 4 танковые бригады. Однако это были уже не те соединения, которые 2 октября начинали боевые дейст-

¹ Сечкин Г., Зайцев Н. Командарм. // Пограничник. — 1982. — № 6.

вия. В ходе жестоких боев все они понесли большие потери. В ряде случаев необходимо было, по существу, заново восстанавливать их боевой состав. Против окруженных под Вязьмой войск действовали 24 немецкие дивизии, создавшие внутренний фронт окружения протяженностью 320 км. На предполагаемых направлениях прорыва окружения противник сосредоточил 6 танковых дивизий, которые занимали позиции на оборудованном еще советскими войсками Ржевско-Вяземском рубеже. Но именно в этом направлении командующий войсками Западного фронта генерал Конев и планировал нанести удар находившимися в окружении группировками с целью прорыва из кольца.

Общее руководство прорывом возлагалось на командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Лукина. Решение объединить все войска в районе Вязьмы под единым командованием было единственно правильным. Фигура Лукина была достаточно авторитетна среди других командующих армиями. При этом, несомненно, учитывался его опыт ведения боевых действий в окружении под Смоленском и относительно удачный выход из него. Лукин получил приказ силами 19, 24, 32-й армий и группы Болдина прорваться на восток в направлении либо Сычевки, либо Гжатска, а командующему 20-й армией генерал-лейтенанту Ершакову было дано указание пробиваться на юго-восток. Прорыв планировалось осуществить без занятия войсками круговой обороны, в процессе отхода, под прикрытием арьергардов. При этом окруженные штабы, не зная обстановки, всецело полагались на командование фронта в выборе направлений ударов и, как впоследствии оказалось, прорывались именно там, где их ожидали изготовившиеся к бою на подготовленных рубежах танковые дивизии противника.

Отход и сосредоточение войск для прорыва из окру-

жения прикрывались огнем 200-го отдельного дивизиона морских орудий. В течение 8 октября за 10 часов почти непрерывной стрельбы артиллеристы дивизиона израсходовали свыше 5 тыс. снарядов 152-мм и 130-мм калибров, нанеся противнику значительный урон. Огонь корректировал командир дивизиона, с наблюдательного пункта которого были хорошо видны подходившие вражеские колонны. Командир 152-мм батареи старший лейтенант Г.Д. Фокин, выдвинувшись на самый берег Днепра, по телефону давал целеуказание, выбирая наиболее важные цели.

Перед наступлением темноты на КП дивизиона сообщили о прибытии на станцию Дорогобуж вражеского эшелона с живой силой и техникой. По станции немедленно открыли огонь четыре батареи, которые израсходовали свыше 100 снарядов. В полной мере испытали на себе огонь мощных дальнобойных орудий моряков и части 8-го немецкого армейского корпуса, подходившие к Днепру. В ночь на 9 октября материальная часть орудий, подземные укрытия, наблюдательные пункты и оборонительные сооружения в соответствии с приказом командующего 19-й армией были полностью выведены из строя. Моряки, расстреляв все снаряды, плакали, взрывая свои орудия. Совместно с частями 2-й стрелковой дивизии отряд моряков начал отход на Вязьму.

С утра 9 октября войска окруженной группировки под командованием генерала Лукина перешли в наступление. Но противник огнем артиллерии и ударами авиации отразил их атаку. Отчаянную попытку прорваться предприняла 45-я кавалерийская дивизия. Ее полки и эскадроны повел в бой сам командир генерал-майор Н.М. Дрейер. К сожалению, местность для конной атаки оказалась малоприспособленной. Долина р. Бебря была болотистая, а русло топкое. Кавалеристы под огнем врага начали искать брод для переправы. Его здесь не оказалось. С больши-

ми потерями части дивизии отошли на исходные позиции. Впоследствии генерал Лукин очень верно отметил: «Окружив нас, гитлеровцы вели тактику выжидания, сохраняя живую силу и средства. Они чувствовали, что снаряды не сегодня завтра у нас кончатся, и лишь отбивали наши попытки выйти из окружения»¹.

Еще два дня окруженные готовились к прорыву. Генерал Лукин вспоминал: «...наше положение значительно ухудшилось. Снарядов мало, патроны на исходе, продовольствия нет. Питались тем, что могло дать население, и кониной. Кончились медикаменты и перевязочные материалы. Все палатки и дома переполнены ранеными». За это время протяженность фронта окружения сократилась до 110 км, а оперативная плотность немецкой группировки, наоборот, увеличилась более чем в три раза, составив 3,7 км на одну дивизию. В результате и эта попытка прорыва была сорвана противником. 11 октября в штаб Западного фронта поступило донесение от генералов Болдина и Лукина следующего содержания: «Сегодня пробивались, не смогли пробиться. К 11 октября в 16.00 объединенными усилиями, собрав все в кулак, начнем выход из окружения. Из-за отсутствия горючего принял решение горючее из колесных машин перелить в тракторы и выводить живую силу, артиллерию и боевые машины»².

О том, как развивались события дальше, пишет генерал Лукин: «...я вызвал командиров на последнее совещание. Приказал собрать все имеющиеся снаряды, остался у нас последний залп гвардейских минометов. Назначил в прорыв 2-ю стрелковую дивизию народного ополчения, еще не потрепанную в боях. Ее командир генерал-майор В.Р. Вашкевич был грамотный генерал. У него в подчинении находился еще отряд моряков из

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 399.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 290.

800 человек. Назначил в прорыв и 91-ю стрелковую дивизию сибиряков.

Сообщил командующему фронтом, Б.М. Шапошникову, в Ставку ВГК о том, что... буду прорываться в направлении Гжатска на Богородицкое. В случае неудачи на этом участке буду прорываться к 20-й армии для совместных действий...»¹

По воспоминаниям генерала Вашкевича, 11 октября около 16 часов «катюши» дали первый и последний залп. В атаку поднялись назначенные для прорыва соединения 19-й и 32-й армий. Противник встретил наши войска плотным заградительным огнем. Около 18 часов, уже в темноте, подразделения 2-й стрелковой дивизии заняли деревню Пекарево. Поздно вечером они захватили деревню Спас и тем самым прорвали кольцо окружения врага. Фронт прорыва достигал 3 км.

В прорыве у села Богородицкое участвовали и моряки-артиллеристы 200-го отдельного артиллерийского дивизиона. Вот как описывал командир батареи тяжелых орудий Г.Д. Фокин один из наиболее тяжелых моментов боя: «У места прорыва... скопилось огромное количество наших войск. Лощина вдоль речушки Бебря была забита обозами, артиллерией, машинами, минометами. Справа и слева в лесу на высотах, а также впереди был враг. Минометами, пулеметами, артиллерией фашисты расстреливали наши войска. Из-за огромной скученности наших войсковых частей от каждого снаряда противника гибли десятки людей...

17 фашистских танков в развернутом по фронту строе вышли на наши войска и стали давить их гусеницами. Среди огромной плотно набившейся в лощину массы людей поднялась была паника... Моряки-артиллеристы... открыли по вражеским танкам огонь. Стрельбой в

¹ Лукин М. В Вяземской операции. // Военно-исторический журнал. — 1981. — № 9.

упор нам удалось уничтожить 4 больших танка, 2 танка повредить. Остальные повернули назад и бежали с поля боя»¹.

Вернусь к воспоминаниям Лукина: «...началась артиллерийская подготовка, дали залп «катюш», дивизия пошла в атаку и прорвала кольцо окружения. Ко мне стремительно вбегает командир 91-й стрелковой дивизии полковник И.А. Волков:

— Товарищ генерал! Прорыв сделан, дивизии уходят, выводите штаб армии!

Немедленно доношу об этом в штаб фронта. В прорыв вводится артиллерия, подтягиваются другие соединения. И.А. Волкову я сказал, что лично выходить не буду, пока не пропущу все или хотя бы половину войск.

— Идите, выводите свою дивизию, держите фланги.

Он не успел догнать свое соединение. Кольцо окружения замкнулось вновь...»²

Бой с переменным успехом продолжался всю ночь и следующий день. Наши части выбивали противника с его позиций, но он контратаками восстанавливал положение. И так несколько раз. Только с рассветом танковой контратакой враг смял заслоны и закрыл брешь. 12 октября Лукин доложил об обстановке, сложившейся к тому времени: «С утра... противник с танками перешел в контрнаступление на обоих фронтах. Из-за отсутствия снарядов пехота не выдерживает силы огня противника и отходит. Танков у нас остались единицы, кольцо окружения за сутки более суживается, брошены в бой последние резервы»³. Через несколько часов в штаб Западного фронта поступило последнее донесение: «Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 479.

² Лукин М. В Вяземской операции. // Военно-исторический журнал. — 1981. — № 9.

³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 298.

уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты буду стремиться прорваться к Ершакову. Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести, уничтожаем»¹.

О том, что советские части сражались в окружении с полным напряжением сил, свидетельствует и противник. Так, командир 7-й немецкой танковой дивизии, которая осенью 1941 г. встала на пути армии Лукина, генерал фон Функ отмечал: «Последовавшие затем (после окружения) бои относятся к числу самых тяжелых, какие только приходилось вести дивизии... Целые гренадерские взводы были уничтожены до последнего человека. Последние резервы быстро таяли, и приходилось неоднократно снимать войска с неатакованных участков и создавать импровизированные резервы. Едва удавалось заткнуть одну брешь, как возникала другая, еще большая»².

После неудачной попытки прорыва у Богородицкого генерал Лукин принял решение, действуя отдельными группами по трем параллельным маршрутам, прорваться на юг и сосредоточиться в районе Быкова, Селиванова, Покрова, в 7—18 км южнее Вязьмы, а в дальнейшем совместно с частями 20-й армии прорываться в восточном направлении.

Это решение имело скорее психологическое, чем практическое значение. Оно не вытекало из реальной обстановки, ибо Лукин не знал группировку врага. Прорыв в указанный им район давал окруженным шансов не более чем любое другое направление. Ведь оба «пятачка» были блокированы силами 16 развернутых в боевой порядок и 9 выведенных в резерв немецких дивизий, а внешний фронт окружения, где наступали еще 17 дивизи-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 97.

² Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 485—486.

зий, уже находился в 80—100 км к востоку от Вязьмы¹. И не случайно, что под воздействием противника в ходе движения какое-либо централизованное управление частями и подразделениями было окончательно утрачено. Части, выходявшие в район к югу от Вязьмы, не имели тяжелого оружия и боеприпасов. После стычек с немецкими подразделениями они стихийно разбивались на отдельные, не связанные между собой группы и отряды, чтобы ночами пробиваться на восток.

14 октября при выходе из окружения, будучи тяжело раненым, командуящий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин был пленен. В плену ему ампутировали правую ногу. Враг пытался склонить Лукина к сотрудничеству. После отказа он был брошен в лагерь смерти Маутхаузен, где Михаил Федорович продолжал мужественно и достойно держать себя. Освобожден из плена в мае 1945 г. После репатриации Лукин с мая по декабрь 1945 г. проходил спецпроверку в органах НКВД. В ноябре 1946 г. он был восстановлен в воинском звании.

Обстановка в полосе 20-й армии была также крайне тяжелой. Здесь вечером 10 октября ее соединения пытались прорвать фронт окружения, но их удар цели своей не достиг: пять дивизий армии перестали существовать. После этого генерал Ершаков доложил: «Имея в своем составе две дивизии и испытывая недостаток в огнеприпасах и горючем, продолжаем вести кровопролитные бои. Части армии готовятся к прорыву в направлении на Быково»².

На следующий день остатки 20-й армии вели бои в районе Панфилова, Селиванова, Пузанкова, Нового Двора. Деревня Селиваново в течение 10 и 11 октября несколько раз переходила из рук в руки. По свидетельст-

¹ Суровые испытания. — С. 223.

² Там же.

ву местных жителей, на поле у Селиванова (17 км южнее Вязьмы, ныне Поле Памяти у деревни Красные Холмы) тела погибших воинов лежали в три слоя. А в донесении 46-го моторизованного корпуса врага отмечалось: «Отбиты поддержанные танками попытки противника вырваться из котла. Противник понес большие потери. Только на участках двух рот насчитали 2000 убитых русских... Значительные вражеские силы заперты в лесу юго-западнее Селиваново»¹.

Попытка прорваться и на этот раз закончилась неудачей. 20-я армия как боевая единица перестала существовать. По состоянию на 17 октября, из ее состава вышло из окружения около 5 тыс. человек. В двадцатых числах октября сам командарм генерал-лейтенант Филипп Афанасьевич Ершаков попал в плен, в 1942 г. он погиб в немецком лагере для военнопленных. Не избежал плена и командующий 32-й армией генерал-майор С.В. Вишневский, который отказался воспользоваться одним из последних самолетов, присланным в район окружения. Он предпочел остаться, чтобы руководить своими частями при прорыве из окружения. Был освобожден из плена американскими войсками и после прохождения проверки в декабре 1945 г. возвращен на действительную службу в ряды Красной Армии.

14 октября в сводке ОКХ отмечалось: «Противник, окруженный войсками 4-й и 9-й армий западнее Вязьмы, полностью уничтожен. Четыре советские армии в составе около 40 стрелковых и 10 танковых дивизий или уничтожены, или пленены. По предварительным подсчетам, взято в плен свыше 500 тыс. человек, захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков, много другой военной техники». Несмотря на некоторые неточности, обусловленные боевой обстановкой и присущим противнику

¹ Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 511.

стремлением к преувеличению, картина действительно безотрадная и трагичная. Офицер штаба 8-го немецкого армейского корпуса передал свои впечатления от увиденного следующим образом: «...наступил мороз, и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автостраде на запад. Полны ужаса были трупные поля у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных лошадей, валялось имущество, пушки, танки». Для сотен тысяч советских солдат и офицеров трагедия плена стала черной реальностью. Вот что писал в своей прощальной записке, найденной вяземскими поисковиками, простой красноармеец С.М. Крутов: « ...Дорогие русские люди, соотечественники. Не забывайте нас. Мы, что могли бороться, боролись с фашистским псом. Ну, вот пришел конец, нас захватили в плен раненых. Истекаем кровью, и морят голодом, издеваются над нами, гонят нас насильно в Починки. А что дальше будет, не знаем. Много народу уже поумирало от голода и погигли. Кто найдет эту записку, пускай ее передаст в любые органы власти, в сельсовет или в колхоз, или в архив. Может быть, останутся люди живы кто-нибудь на русской земле. Не может быть, чтобы эти гады всех перебили. Кто после нас будет живой, пускай помнят, что люди боролись за свою Родину, любили ее, как мать»¹.

Военнопленные были согнаны в наскоро устроенные лагеря, такие как, например, лагерь «Дулаг-130», который находился в пригородах Рославля и был рассчитан на 30 тыс. человек. Тех, кто на марше пытался просить еду или падал от изнеможения, немцы убивали на месте. А те, кто дошел до лагерей, были помещены в переполненные холодные бараки, в которых они оставались почти без пищи и медикаментов. Пленные, многие из кото-

¹ Московская битва в хронике фактов и событий. — С. 169.

рых были ранены, умирали ежедневно сотнями. К началу декабря только в лагере «Дулаг-130» умерли 8500 человек. И еще 16 500 умерли до Нового года¹.

Разгром советских войск на московском направлении подвиг Гитлера вспомнить о судьбе Москвы. 15 октября командование группы армий «Центр» направило в войска его разъяснения следующего содержания: «Фюрер опять решил, что на капитуляцию Москвы не следует рассчитывать, если она даже и будет предложена противником. Моральное право на это мероприятие ясно всему миру. Так же как в Киеве взрывы со взрывателями замедленного действия повлекли тяжелые последствия для войск, в Москве и Ленинграде следует ожидать этого в еще большей степени... Следует ожидать серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен заходить в эти города. Кто попытается уйти из города к нашим линиям, должен быть расстрелян. Поэтому непрегражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться...

За мобилизацию немецких солдат на спасение русских городов от опасности пожара и кормление населения этих городов за счет германского государства ответственность снимается. Хаос в России будет тем больше, а наша администрация и использование занятых районов тем легче, чем больше русское население будет уходить в глубь страны.

Этот приказ фюрера должен быть доведен до сведения всех командиров... Следует как можно скорее отрезать город от его соединительных путей с внешним миром»².

С целью выполнения последнего пункта этих указа-

¹ Брейтвейт Р. Москва 1941. — С. 199.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 74—75.

ний немецкое командование поставило войскам новые задачи на продолжение наступления на московском направлении: «Противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки. Группа армий преследует противника.

2-я танковая армия с этой целью должна выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы она охватила Москву с юго-востока, а в дальнейшем также и с востока.

4-я армия с подчиненной ей 4-й танковой группой... должна выполнить окружение или охват Москвы с юга, запада и севера, прикрываясь с севера и северо-востока»¹.

Что мог противопоставить этому командующий войсками Западного фронта генерал армии Жуков? Во-первых, в целях более устойчивого управления войсками и во избежание захвата противником он отвел штаб фронта в Алабино, а затем в Перхушково. Учитывая поворот значительных сил противника на Калинин, Жуков приказал Коневу взять с собой группу офицеров штаба, необходимые средства связи и выехать для координации действий группы войск, действующих на калининском направлении.

По существу, в условиях ожесточенных боев создавался новый Западный фронт. На волоколамское направление Жуков направил штаб 16-й армии во главе с командующим генерал-лейтенантом К.К. Рокоссовским. В ее состав, кроме действовавших там войск, включались другие соединения и части. На Можайском направлении, вступив частью сил в сражение, продолжала формироваться и развертываться 5-я армия; на малоярославецком — создавалась 43-я армия под командованием генерал-майора К.Д. Голубева, а на калужском — 49-я армия генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина. 13 октября

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 77—82.

Военный совет Западного фронта приказал этим армиям перейти к жесткой обороне и не допустить прорыва вражеских сил к Москве.

В тот же день Жуков издал приказ, который ввиду важности его содержания приводится здесь полностью:

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат. Наши войска заставили фашистов прекратить предпринятое наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру — наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе мало обученный и всякий случайный сброд, пьяниц и дегенератов.

Наступил момент, когда мы должны не только дать решительный отпор фашистской аванюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все как один от красноармейца до высшего командира должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа. Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

Ни шагу назад! Вперед за Родину!»¹

Понятно, что в той сложной обстановке Жукову было

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 350—351.

не до выявления несоответствий в своем приказе. Вместе с тем они налицо. Если «случайный сброд, пьяниц и дегенератов» приходится останавливать путем применения расстрелов на месте, то как, какими мерами он собирается отражать удары, так сказать, «нормальных» войск противника?

Сложная обстановка на фронте, как в зеркале, отразилась и в самой Москве. 15 октября было принято постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», в соответствии с которым из города должны были быть эвакуированы иностранные миссии, Президиум Верховного Совета и Правительство СССР, Наркоматы обороны и Военно-морских дел, Генеральный штаб, за исключением небольшой оперативной группы, возглавляемой А.В. Василевским. В постановлении также указывалось, что «в случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — товарищу Берия и товарищу Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)»¹.

16 октября, когда началась эвакуация, неизбежно возникли организационные сложности. Они отражены в документе, впервые обнародованном в книге «Москва военная» (М., Мосгорархив, 1995). Это «Справка начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М.И. Журавлева о реагировании населения на приближение врага к столице».

В ней говорится об «анархистских проявлениях отдельной части рабочих, имеющих место 16 и 17 октября 1941 г. на ряде промышленных предприятий Москвы и Московской области». В авторском примечании к этой

¹ Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны. Документы и материалы 1941—1942. — М., 2001. — С. 70.

справке сказано: «16 октября 1941 года после принятия постановления ГКО (15 октября) из Москвы началась поспешная эвакуация в глубь страны ряда организаций и учреждений. Осуществлялось минирование крупнейших заводов, электростанций, мостов. Было принято решение продавать рабочим и служащим сверх нормы по одному пуду муки или зерна, выдать вперед месячную зарплату. Из-за нераспорядительности властей и отсутствия должной информации о намеченных мероприятиях предпринятые действия вызвали недоумение, недовольство и панику у части населения».

Далее в справке приводится такая информация: «16 октября 1941 года во дворе завода «Точизмеритель» имени Молотова в ожидании зарплаты находилось большое количество рабочих. Увидев автомашины, груженные личными вещами работников наркомата авиационной промышленности, толпа окружила их и стала растаскивать вещи. Раздались выкрики, в которых отдельные части рабочих требовали объяснения, почему не выданы деньги и почему, несмотря на решение правительства о выдаче месячного заработка, некоторым работникам выписаны деньги только за две недели».

В другом случае группа лиц из числа рабочих завода № 219 (Балашихинский район) 16 октября напала на проезжающие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легковых автомашин.

Отмечается и такой случай: «16 октября в связи с тем, что на заводе № 58 не была выдана зарплата, рабочие ходили толпами по цехам. Со стороны отдельных рабочих имели место выкрики «Бей коммунистов!» и другие. Группа рабочих обнаружила спирт и организовала пьянку».

В деревнях Петровское, Никулино, Свободино на-

блюдались попытки отдельных колхозников разобрать колхозный скот, подготовленный к эвакуации, и так далее.

В другом документе, включенном в книгу «Москва военная», в воспоминаниях начальника контрразведывательного отдела УНКВД Москвы и Московской области С.Н. Федосеева рассказывается о стихийном выступлении рабочих на заводе № 6 Наркомата вооружения СССР, крупнейшем предприятии, подготовленном к эвакуации. Случилось так, что заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать свои семейства со всем скарбом, мобилизовав для этого весь легковой транспорт предприятия. Все это происходило на глазах значительной части рабочих, вызвало их озлобление и послужило причиной стихийно возникшего митинга. Некоторые выступавшие на нем призывали не допустить закрытия завода и даже требовали остановить эвакуацию, чтобы «не остаться без дела».

Страсти еще больше разгорелись, когда кто-то из толпы выкрикнул, что завод вот-вот взлетит на воздух. В обстановке такого противоборства власти пошли на крутые меры. Экстренными органами НКВД было арестовано и предано суду военного трибунала 15 зачинщиков.

Общая картина дополняется и другими воспоминаниями, помещенными в той же книге. «16 октября 1941 года шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток в сторону Горького... Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди останавливают отправляющиеся к шоссе автомашины. Разбрасывают вещи, расшвыривая их по земле».

17 октября нервная обстановка в столице усили-

лась в связи с тем, что в течение нескольких часов не работали метро и наземный транспорт, закрылись пекарни, магазины, поликлиники, аптеки и другие важные учреждения социально-бытового назначения.

В тот же день по московскому радио выступили А.С. Щербаков и В.П. Пронин, призвавшие жителей столицы соблюдать организованность и дисциплину, укреплять оборону города.

Имеются свидетельства очевидцев разговора Сталина с членом Военного совета ВВС Западного фронта комиссаром 1-го ранга Степановым, докладывавшим обстановку по «ВЧ» и предложившим перевести штаб ВВС за восточную окраину Москвы. Сталин на это неожиданно спросил: «А у вас есть лопаты?» Недоумевая, Степанов уточнил, какие нужны лопаты. Сталин ответил, что какие найдутся, ему все равно. Потом произнес заповнившуюся тираду: «Вот что, товарищ Степанов. Возьмите лопаты и дайте каждому вашему товарищу по лопате в руки. Пусть они начинают рыть себе под Москвой братскую могилу. Отступления не будет. Вы пойдете на запад изгонять врага, а я останусь в Москве и буду руководить военными операциями фронтов»¹.

С 20 октября постановлением ГКО в Москве было введено осадное положение: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии товарищу Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта товарища Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсан-

¹ Печенкин А.А. В осажденной Москве. // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 12.

тов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора товарища Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие»¹.

В соответствии с принятыми решениями началось наведение порядка. В сводке военной комендатуры от 21 октября 1941 г. сообщалось: «Доношу, что за истекшие сутки с 20.00 19 октября до 20.00 20 октября задержано 1530 человек, из них: провокаторов — 14 человек, дезертиров — 26 человек, нарушителей порядка — 15 человек. Прочих нарушителей — 33 человека. Отставших от частей — 1442 человека. Отправлены в маршевые части через Московский пересыльный пункт — 1375 человек.

Осуждено: к тюремному заключению на разные сроки — 7 человек, к высшей мере наказания — расстрелу — 12 человек.

Комендант гарнизона г. Москвы генерал-майор Синилов».

¹ Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны. — С. 74—75.

Он же докладывал наркомун внутренних дел и начальнику гарнизона города Москвы, что с «21 до 24 часов 20 октября произведена оперативная проверка домовладений, вокзалов, ресторанов, гостиниц и других мест концентрации граждан города. В обходах и облавах участвовало 2500 бойцов и командиров войсковых частей, 3017 работников милиции. В результате операции по городу задержано 283 человека. Из них: дезертиров — 26 человек, нарушителей паспортного закона — 244 человека, за проституцию — 13 человек. Все задержанные — проверяются»¹.

Если под Вязьмой все уже было кончено, то в районах действий 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта продолжались кровопролитные бои. Только 9 октября соединения 2-й немецкой армии смогли соединиться со 2-й танковой группой Гудериана северо-западнее Брянска, о чем штаб ОКХ лаконично отметил в своей сводке: «Брянский котел закрыт». Теперь группировка Брянского фронта была рассечена на две части: северную — 50-я армия в районе Брянска, Дятькова и южную — 13-я и 3-я армии в районе Трубчевска, Суземки, Навли. Для борьбы с окруженными советскими войсками противник задействовал 20 дивизий из 22, имевшихся в составе двух армий.

Генерал Еременко так и не смог наладить управление войсками, а 13 октября во время налета немецкой авиации он был ранен. Ночью на самолете Еременко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров.

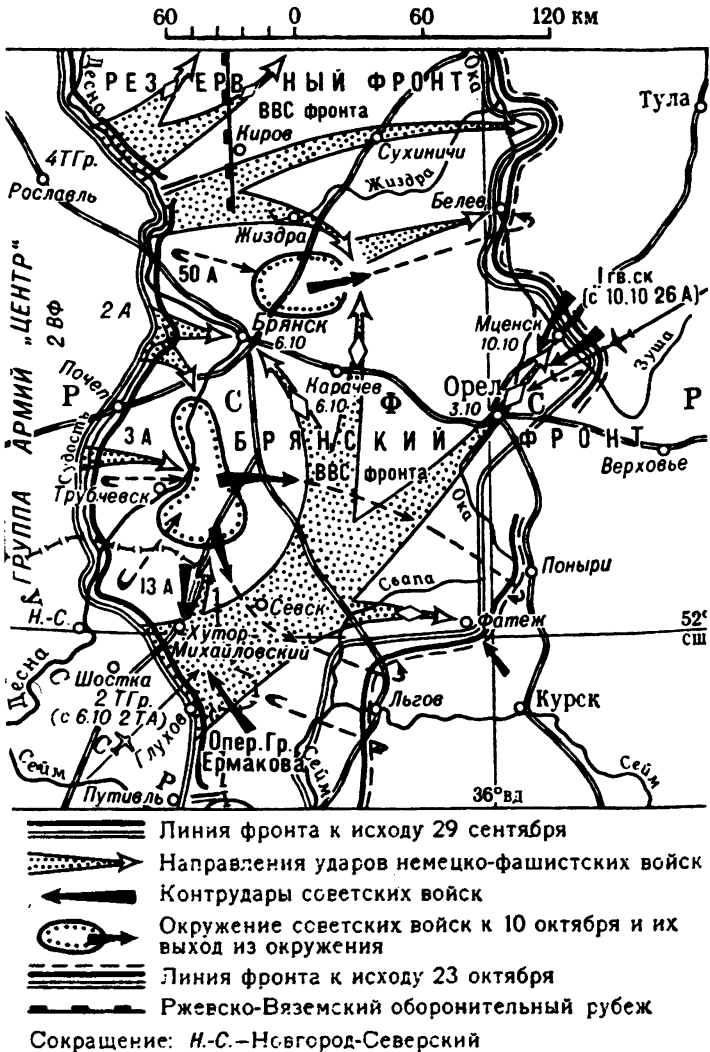
Слабым местом у противника оказалось направление к северо-востоку от Брянска: там еще имелись значительные разрывы в его боевых порядках. Через них начали прорываться соединения 50-й армии. Однако 10 октября начальник Генерального штаба маршал Шапош-

¹ Печенкин А.А. В осажденной Москве. // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 12.

ников потребовал не отклоняться от намеченной для них директивой Ставки оси отхода. Командующему армией генерал-майору М.П. Петрову пришлось изменить маршрут. В последующие пять суток его армия пробивалась в юго-восточном направлении. Но именно здесь противник имел значительное преимущество в силах и средствах.

К исходу 13 октября соединения 50-й армии сосредоточились в районе в 25 км северо-восточнее Брянска для подготовки переправы через р. Рессета. Генерал Петров решил одновременными ударами основных сил с фронта, а обходящего отряда с тыла сбить противника, а затем форсировать реку. Обходящий отряд, возглавляемый самим командармом, приступил к выполнению задуманного им маневра. Через некоторое время в тылу врага разгорелся бой. Отзвуки его явились сигналом для наступления главных сил. Неся большие потери от огня противника, войска все-таки переправились через Рессету. Им удалось продвинуться к югу еще на 5—7 км. Но обходящий отряд был рассечен на отдельные группы. Его части понесли большие потери, а сам командующий получил тяжелое ранение. Таким образом, осуществить прорыв на этом направлении не удалось. 18 октября штаб ОКХ констатировал в своей сводке: «В ходе уничтожения 50-й русской армии взято в плен 55 105 человек, захвачено трофеев: 477 орудий, 21 танк, 1065 автомашин, много другого оружия и технического имущества».

Первое время командующий 50-й армией Герой Советского Союза генерал-майор Михаил Петрович Петров числился пропавшим без вести. В отчете генерала Еременко о ходе боевых действий Брянского фронта, составленном в ноябре 1941 г., говорилось, что о командующем 50-й армией до сих пор ничего не известно. Как оказалось, после ранения на р. Рессета Петров не только не мог двигаться, но от потери крови почти все время находился без сознания. В связи с этим он был оставлен

Орловско-Брянская оборонительная операция
30 сентября — 23 октября 1941 г.

в деревне Голынка под надзором врача и медсестры. Однако после возникновения угрозы обнаружения командарма немецкими войсками он был перенесен на носилках на заброшенный лесопункт в 7 км от деревни. Здесь он через 10 дней скончался и был похоронен. В 1956 г. его останки перенесены в Брянск¹.

Остатки 50-й армии и ее штаб во главе с полковником Л.А. Пэрном пробившись из окружения в другом, северо-восточном направлении, именно там, где до 10 октября, то есть до вмешательства начальника Генерального штаба, они успешно продвигались. 20 октября они вышли в район Белева. О том, в каком состоянии находились соединения армии после выхода из окружения, свидетельствует следующий документ: «За период отступательных боев армия понесла серьезные потери в личном составе до 70—80% и в особенности тяжелые потери в материальной части. Некоторые соединения вышли, потеряв полностью матчасть, обозы, средства связи, и как боевые единицы перестали существовать (279, 278, 290, 260, 258-я стрелковые дивизии). Эти дивизии и на сегодняшний день в организационном, боевом и численном составе не представляют боевых организмов, легко могут быть сведены в одну и то неполную дивизию.

Более сохранившими свой боевой и численный состав являются 194, 217 и 154-я стрелковые дивизии. Но... 217-я дивизия не имеет артиллерии, 154-я — имеет только 6 орудий и 194-я — имеет 15 орудий (все горные). Для борьбы с танками нужна полевая артиллерия с бронбойными снарядами. В данное время в армии имеется около 90 полевых орудий, из которых 58 орудий имеется горных с осколочным снарядом. Станковые и ручные пулеметы и минометы имеют только 194-я и 413-я стрел-

¹ Еременко А.И. В начале войны. — С. 381.

ковые дивизии, в остальных дивизиях они почти отсутствуют...»¹

Юго-западнее Навли, в тылу 3-й армии генерала Я.Г. Крейзера, противник еще 11 октября перерезал пути отхода и закрыл ей все выходы на восток. Двое суток ее соединения вели тяжелые бои по прорыву окружения, в ходе которых была нарушена связь штаба армии с большинством дивизий. В принципе, зная общее направление и рубеж выхода, они продолжали действовать самостоятельно. Оставшиеся под управлением командарма 137-я и 269-я стрелковые дивизии, а также 42-я танковая бригада с 17 по 20 октября вели бои в полном окружении в 6—20 км севернее Дмитровск-Орловского. Положение войск было катастрофическим: в труднопроходимых болотах застрял весь автотранспорт, кончилось горючее, встали танки. Под почти непрерывным артиллерийско-минометным обстрелом и при часто повторявшихся атаках врага спасти машины было невозможно. Военный совет армии принял решение об их уничтожении.

В ночь на 21 октября части 3-й армии, пройдя по сплошному болоту, вырвались из окружения через не занятый противником коридор шириной всего в 500 метров. На рассвете 23 октября в район севернее поселка Поньри вышла из окружения основная группа, а южнее — остатки дивизий в составе около 3 тыс. человек. Заняв участок тылового рубежа обороны Брянского фронта, 3-я армия начала восстанавливать свою боеспособность.

Соединения 13-й армии генерала А.М. Городнянского к исходу 13 октября пробились в район в 50 км северо-западнее Льгова. Пять суток шли тяжелые бои. Гудериан бросил против 13-й армии 34-й армейский и 48-й моторизованный корпуса, которые перехватили пути к р. Сва-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 8. Л. 1—8.

па, а на ряде участков оттеснили войска группы Ермакова, оборонявшиеся на ее левом берегу. К этому времени горючее было полностью израсходовано. Вот что писал о событиях тех дней бывший член Военного совета армии генерал М.А. Козлов: «Противник, разгадав направление нашего прорыва, организовал сильную оборону вдоль дороги Рыльск — Дмитриев. К этому времени непрерывный дождь с мокрым снегом сделал дорогу непроходимой. И тут, к несчастью, кончилось горючее. По нашему запросу нам начали сбрасывать горючее на парашютах, но его было мало, — в условиях бездорожья оно быстро расходовалось. Почти весь автотранспорт, сосредоточенный в одном месте, стоял с пустыми баками. Противник, несомненно, это знал и, подтянув силы, начал наступать... После всестороннего анализа сложившейся обстановки и тяжелых раздумий Военный совет 17 октября принял решение уничтожить автотранспорт и другое имущество, чтобы его не использовал враг... Артиллеристы гаубичного полка, выпустив все снаряды по скоплениям противника, последним выстрелом приводили орудия в негодность... Кроме того, по акту были уничтожены возимые рации, документы и деньги финансового отдела армии. Артиллеристы, связисты, танкисты, шоферы, вооружившись винтовками, превратились в пехоту. В час ночи 17 октября наши части прорвали оборону немцев на дороге Рыльск—Дмитриев, а немецкий автотранспорт, который тоже стоял из-за бездорожья, был уничтожен»¹.

Для оказания помощи прорывавшимся частям командующий войсками фронта приказал группе Ермакова нанести четыре одновременных удара по врагу, а авиации фронта — уничтожать его с воздуха. Встречными ударами соединениям 13-й армии 18 октября уда-

¹ *Сандалов Л.М.* На московском направлении. — С. 223—224.

лось прорвать окружение и переправиться на восточный берег Свапы. «Промокшие, истощенные от недоедания, ведя бои днем и ночью, — пишет М.А. Козлов, — воины 13-й армии вышли из окружения в составе 10 тыс. человек, все с винтовками, при 32 станковых и 34 ручных пулеметах, со 130 автоматами ППШ и 11 пушками»¹. К 22 октября армия заняла оборону в 45 км северо-западнее Курска.

Сражения под Вязьмой и Брянском завершились. Исход их для советских войск оказался катастрофическим: в окружение попали 7 из 15 управлений армий, 64 дивизии из 95, 11 танковых бригад из 13, 50 артиллерийских полков Резерва Главного Командования из 64. Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы. В окружении советские войска потеряли около 6 тыс. орудий и минометов, свыше 830 танков. Западный, Резервный и Брянский фронты как оперативно-стратегические объединения фактически перестали существовать. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок 20 октября записал в своем дневнике: «Тяжелое впечатление производят крайне слабо охраняемые колонны из десятков тысяч русских пленных, тянущиеся пешим маршем в направлении Смоленска. Будто живые покойники, бредут эти несчастные, изможденные голодом люди по дорогам. Многие так и гибнут на них от голода и потери сил». Но не сострадание к пленным движет фельдмаршалом, его больше всего заботит то, что «необходимо усилить охрану пленных, в противном случае мы своими руками наплодим партизан»².

За период с 1 по 17 октября соединения и части групп армий «Центр» потеряли, по подсчетам германских

¹ *Сандалов Л. М.* На московском направлении. — С. 227.

² *Лопуховский Л. Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. — С. 544.

историков, 50 тыс. солдат и офицеров. Точные цифры советских потерь до настоящего времени не установлены и с учетом того, что многие документы были уничтожены в окружении, вряд ли когда-либо станут известны. По некоторым данным, число убитых, раненых и пропавших без вести советских воинов составляет 252,6 тыс. человек. Если согласиться с немецкими данными о том, что под Вязьмой и Брянском они захватили 673 тыс. пленных, то общие потери войск превысят 925 тыс. человек. По другим источникам, наши безвозвратные потери равны 855,1 тыс., санитарные — 104,1 тыс., общие — 959,2 тыс. человек. Высказывается также мнение, что войска трех фронтов только в октябре под Москвой лишились совокупно почти миллиона солдат и офицеров. Таким образом, абсолютно точных сведений о потерях до сих пор нет. Разница между вышеназванными итогами довольно значительная. Однако все три цифры ужасающе велики.

Поражение наших войск в первой половине октября по своим масштабам и последствиям далеко превзошло июньский разгром основных сил Западного фронта в Белоруссии и гибель Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. В третий раз с начала войны была прорвана стратегическая оборона советских войск. В результате войскам Западного и Резервного фронтов пришлось отступить на 250—300 км, а войска Брянского фронта были отброшены на 360—390 км. В окружении оказалась крупнейшая за все последующие годы войны группировка. Линия фронта оказалась всего в 100—110 км от столицы. Это был, пожалуй, самый тяжелый и трагический момент минувшей войны.

К не знающему прецедента разгрому, как обычно и бывает в подобных случаях, привел целый комплекс причин. На 30 сентября 1941 г. противник превосходил войска западного направления в силах и средствах, манев-

ренных возможностях, в уровне боевой и оперативной подготовки, господствовал в воздухе и владел на тот момент стратегической инициативой. Тем не менее руководство советских фронтов имевшимися в его распоряжении войсками было в состоянии предотвратить столь неудачный для него исход оборонительной операции. Помешали этому главным образом ошибки, допущенные в организации и ведении обороны лично Верховным Главнокомандующим, Ставкой, Генеральным штабом и командованием Западного, Резервного и Брянского фронтов.

Верховный Главнокомандующий, Ставка и Генеральный штаб должны были определить замысел оборонительной операции, поставить предельно конкретные задачи войскам, организовать стратегическое взаимодействие и управление. Однако в полном объеме и, самое главное, в комплексе этого в сентябре 1941 г. сделано так и не было.

Дорого обошлись ошибки и в оперативном построении войск. Количество войск позволяло разместить имеющиеся силы и средства на местности в два оперативных эшелона: первый — войска Западного и Брянского фронтов, второй — Резервный фронт. В этом была бы несомненная оперативная логика, и подобное построение создавало удобства для управления войсками. Однако на деле все было сделано так, чтобы максимально затруднить его. Трудно найти не только логику, но и задатки оперативно-стратегической мысли при анализе построения обороны и определения боевого состава Западного и Резервного фронтов. Возможно, что ответ кроется в субъективной области. Ну не могли просто передать в подчинение командующего войсками Резервного фронта прославленного маршала Советского Союза С.М. Буденного войск меньше, чем практически нико-

му не известному командующему войсками Западного фронта генерал-лейтенанту И.С. Коневу.

Дело не только в плохо подготовленной на всех фронтах обороне. Вот на какое обстоятельство обратило внимание командование противника. В одном из донесений о ходе боевых действий в операции «Тайфун» отмечалось: «...русские войска, действовавшие по обе стороны Вязьмы, оказались измотанными во время предшествующих многодневных атак в направлении Смоленска». Сталин был постоянным сторонником наступательных действий. И даже тогда, когда все указывало на то, что противник вот-вот нанесет удар, войска фронтов продолжали нести потери в бесплодных попытках улучшить оперативное или тактическое положение.

Просчеты советского командования, допущенные в подготовительный период, в первую очередь в определении направлений главных ударов группировок противника и предполагаемого характера их действий, самым пагубным образом отразились на ходе боевых действий Западного, Резервного и Брянского фронтов. Создав подавляющее превосходство в силах и средствах на направлениях своих ударов, противник в короткие сроки прорвал оборону советских войск, и его танковые соединения устремились в оперативную глубину. Ставка не смогла своевременно оценить угрозу глубокого прорыва немецких подвижных группировок, а потому ее решение на отвод войск было запоздалым и уже не отвечало обстановке, так как противник упреждал их в выходе на назначенные рубежи отхода.

Отсутствие стратегических резервов на западном направлении не позволило Ставке оказать войскам, ведущим боевые действия в окружении, реальной помощи. В этой связи окруженные группировки не могли надеяться на деблокирующий встречный удар и осуществляли прорыв собственными силами при остром недостатке у

них оружия, боевой техники, боеприпасов, горючего и продовольствия. Для одновременного решения двух задач — деблокады окруженных войск и воссоздания фронта на подступах к Москве — сил и времени не было. В сложившейся обстановке попытка использовать войска, прибывавшие на западное направление, для нанесения встречного удара с целью вывода из кольца окруженных соединений, не имела шансов на успех. Наспех собранные соединения и части, несомненно, потерпели бы поражение, и неизвестно, выстояла бы в этом случае Москва. Москвой советское руководство пожертвовать не могло, а потому в жертву были принесены окруженные войска. Позднее, уже после войны, Г.К. Жуков так оценил значение боев в районе Вязьмы: «...Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, главные силы противника были задержаны в самые критические для нас дни. Мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные воинами окруженной группировки, не оказались напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

Сразу же после образования вяземского и брянского котлов противник устремился к Можайской линии обороны. Командующий 4-й армией фельдмаршал Клюге основные усилия сосредоточил вдоль Минской автомагистрады, Киевского и Варшавского шоссе. Значительная часть дивизий этой армии находилась до этого или во втором эшелоне, или в резерве, или на пассивных участках фронта. Они обошлись почти без потерь, а потому их боевой потенциал оставался высоким.

Еще 10 октября бои начались на малоярославецком направлении, 11-го — на калужском, 13-го — на можайском, 16 октября — на волоколамском. Сплошного

фронта обороны на них не было. Встречая очаги сопротивления, немецкие соединения обходили их, продолжая движение к Москве. Главные события в те дни развернулись на Можайском направлении — кратчайшем пути к столице. Развитая здесь дорожная сеть позволяла группе армий «Центр» расширить фронт наступления, совершать маневр для удара по флангам и тылу советских войск. Эти обстоятельства и определили выбор направления главного удара 4-й немецкой армии. Сюда фельдмаршал Бок направил четыре корпуса.

Утром 14 октября после артиллерийской и авиационной подготовки 10-я танковая дивизия противника вместе с полками СС «Дойчланд» и «Фюрер» перешла в наступление. «Дивизия СС и танковая дивизия, — отмечалось в описании боев 4-й танковой группы, — под Можайском наступают с таким подъемом, будто у них позади не четыре месяца тяжелейших боев, а длительный отдых...»¹ Но в итоге 12-дневных ожесточенных боев противник смог лишь вытеснить советские войска с Можайского УРа, а все его попытки развить успех и продвинуться в сторону Москвы вдоль Минской автомагистрали оказались бесплодными.

Фельдмаршал Бок решил перенести направление главного удара с запада на северо-запад. 4-я танковая группа получила задачу перегруппировать соединения на 65 км к северу, а затем выйти на шоссе Волоколамск — Москва. Но в этот же день по приказу генерала Жукова 5-я армия нанесла контрудар, в результате которого ее соединения подошли к восточной окраине Дорохова и блокировали узел дорог. Тем самым они на десять суток задержали маневр 40-го моторизованного корпуса противника, нарушили планы немецкого командова-

¹ Суровые испытания. — С. 230.

ния и оказали помощь 16-й армии, оборонявшейся под Волоколамском.

Бои на участке Волоколамского укрепрайона начались 16 октября ударом двух танковых дивизий врага по левому флангу армии генерала Рокоссовского. За пять дней наступления немецким дивизиям удалось прорвать оборону на фронте шириной 20 км и углубиться на 12—15 км, но, потеряв 34 танка, они приостановили атаки. Наступление было возобновлено только 24 октября. После семидневных упорных боев противник все-таки овладел Волоколамском и Скирманово, но это был его последний успех. На рубеже 4 км восточнее Волоколамска, Рождественна (7 км южнее Новопетровского) фронт был стабилизирован. Таким образом, к концу октября на Можайской линии обороны враг был остановлен. В 70—110 км к западу от Москвы наступило временное затишье.

Приближавшаяся зима заставила германское командование искать способы овладения Москвой до наступления морозов. По мнению начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера, Красная Армия была не в состоянии удержать сплошной фронт, а стремление сохранить за собой Москву и Кавказ поставит ее перед необходимостью отойти вплоть до Волги. План дальнейших действий группы армий «Центр» заключался в том, чтобы двумя подвижными группировками нанести удар по флангам Западного фронта и, обойдя столицу с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее ее, в районе Орехово-Зуева, Коломны. Охватить Москву с севера должны были соединения смежных флангов 4-й и 9-й армий, а с юга — 2-я танковая армия.

Советское Верховное Главнокомандование, верно определив намерения противника нанести удары из районов Волоколамска и Серпухова, потребовало в первую очередь укрепить эти направления. Одновременно с

этим 14 ноября командующий войсками Западного фронта Г.К. Жуков получил указания Ставки: упреждающими ударами сорвать наступление противника. Контрудар 49-й армии вылился в шестидневные ожесточенные бои с небольшим территориальным успехом и огромными с обеих сторон потерями. Положительным в нем было лишь одно: соединения правого фланга 4-й немецкой армии не смогли принять участие в планируемом наступлении на Москву. Контрудар 16-й армии представлял собой совершенно неподготовленное наступление именно в тот момент, когда противник уже изготoвился к нанесению своего удара, имея превосходство в силах и средствах. В результате 58-я танковая дивизия армии потеряла 139 танков (70,2% общего количества), 17-я кавалерийская дивизия — 75% личного состава, при общем продвижении в 31 км. О том, как нещадно громилась 17-я кавалерийская дивизия, свидетельствует запись в отчетных документах 4-й немецкой танковой группы: «Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот... три шеренги всадников двинулись на нас... По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... Вскоре сплошное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади... Трудно разобрать, где всадники, где кони... В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов...

И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь... Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее,

чем первой...»¹ В результате этот контрудар не улучшил, а лишь усугубил положение советских войск.

15 ноября группа армий «Центр» возобновила наступление на Москву. За 20 дней враг продвинулся на 80—110 км, но к 5 декабря в его действиях наступил кризис. В ходе тяжелых оборонительных сражений и боев, длившихся 67 дней, Красная Армия остановила ударные группировки противника и, выиграв время, обеспечила сосредоточение крупных резервов на московском направлении.

¹ Суровые испытания. — С. 241.

Глава 4

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ (Ржевско-Вяземская наступательная операция 8.01—20.04.1942 г.)

К началу декабря 1941 г. войска немецкой группы армий «Центр», наступавшие на Москву, растянулись по фронту более 1000 км. С севера над ее левым крылом и тылом нависали силы Калининского фронта, южнее Москвы вражеская группировка была охвачена левофланговыми армиями Западного и правофланговыми армиями Юго-Западного фронтов. К этому времени все дивизии группы «Центр» были втянуты в сражение. Ее командующий фельдмаршал фон Бок неоднократно докладывал вышестоящим инстанциям об угрожающем состоянии наступавших армий. Так, в донесении Главнокомандующему сухопутными войсками вермахта фельдмаршалу Браухичу 1 декабря 1941 г. он сообщал, что войска не в состоянии вести планомерные наступательные действия.

Несмотря на тяжелое положение, складывавшееся для немецких войск под Москвой, Гитлер даже 6 декабря, когда началось контрнаступление советских войск, на совещании главного командования указывал на превосходство вермахта над Красной Армией и требовал от фон Бока продолжать выполнять ранее поставленные наступательные задачи. Но требования, не подкрепленные реальным усилением войск, уже не могли изменить

обстановку — к 5 декабря наступление немецких войск на московском направлении повсеместно было остановлено.

С другой стороны, советское командование, внимательно учитывая изменения в состоянии противника, своевременно определило признаки, которые указывали на возможности перехода от обороны в наступление без оперативной паузы. Замысел контрнаступления заключался в том, чтобы одновременными ударами армий Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки немецких войск, действовавшие севернее и южнее Москвы, и снять угрозу ее захвата. Принятое решение было связано с определенным риском, так как фронты не располагали крупными резервами, способными рассечь вражескую оборону на всю ее глубину и нарастить усилия в ходе операции. Более того, войска фронтов западного направления не обладали превосходством в силах и средствах над врагом, за исключением авиации. Отсутствие численного превосходства советских войск над противником, за исключением направлений главных ударов, в некоторой степени компенсировалось внезапностью начавшегося контрнаступления.

Ранним утром 5 декабря нанесли неожиданный удар по врагу войска левого крыла Калининского фронта. На следующий день в контрнаступление перешли ударные группировки Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Ожесточенные сражения развернулись от Калининна до Ельца в полосе шириной около 1000 км. В первый день левофланговые 29-я и 31-я армии Калининского фронта переправились через Волгу, создав угрозу коммуникациям 9-й немецкой армии генерала А. Штрауса, которая удерживала Калинин. Успешно действовала 31-я армия под командованием генерала В. А. Юшкевича. Преодолевая упорное сопротивление противника, ее

ударная группа за пять дней продвинулась на глубину до 12 км, перерезала железную дорогу Калинин — Клин и вышла к шоссе к дороге Калинин — Тургиново.

Основные события развернулись в полосе Западного фронта. На его правом крыле 30-я и 1-я ударная армии генералов Д.Д. Лелюшенко и В.И. Кузнецова нанесли удары на Клин с севера, востока и юго-востока, создав угрозу тылу 3-й и 4-й танковых групп врага. 20-я армия генерала А.А. Власова овладела Красной Поляной и стала развивать наступление на Солнечногорск. 16-я армия под командованием генерала К.К. Рокоссовского разгромила противника в крупном узле сопротивления Крюково и продолжала наступать на Истру. На левом крыле фронта 10-я армия генерала Ф.И. Голикова успешными ночными действиями освободила города Михайлов и Серебряные Пруды и совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом П.А. Белова стала стремительно продвигаться на сталиногорском направлении.

Уже 7 декабря начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «События этого дня опять ужасающи и постыдны... Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения»¹. На следующий день после докладов командующих танковыми объединениями Г. Рейнгардта, Э. Гепнера и Г. Гудериана о том, что удары Красной Армии усиливаются и подчиненные им войска прекратили продвижение, главное командование все-таки вынуждено было принять та-

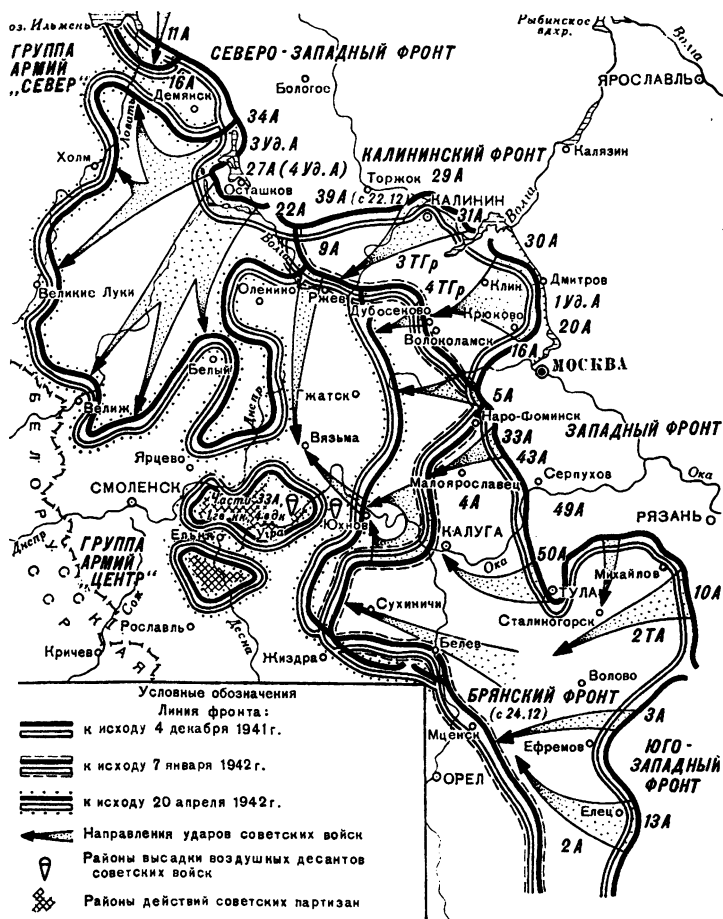
¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. / Пер. с нем. Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). Кн. 2. — М., 1971. — С. 103.

кое решение — 8 декабря последовала директива на переход немецких войск к обороне на всем Восточном фронте (кроме Севастополя). Спустя неделю серьезные поражения группы армий «Центр» и отход ее соединений вынудили Гитлера в дополнение к этой директиве издать приказ, в котором он требовал от войск «с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции» и держаться любой ценой, чтобы выиграть время для переброски резервов «с родины и запада».

К исходу 7 января 1942 г. армии Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного (с 24 декабря — Брянского) фронтов разгромили ударные соединения группы армий «Центр», находившиеся на ближних подступах к Москве, нанесли первое во Второй мировой войне крупное поражение германским вооруженным силам, отбросили противника на 100—250 км на запад и вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль. Было нанесено поражение 15 танковым и моторизованным и 23 пехотным дивизиям врага. Общие потери группы армий «Центр» за декабрь 1941 г. составили 103,6 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными¹.

Вместе с тем ожесточенность борьбы с сильным противником в трудных условиях многоснежной зимы, слабая техническая оснащенность Красной Армии, нехватка танков, орудий, боеприпасов, недостатки и ошибки командиров всех степеней в управлении наступавшими войсками обусловили большие потери фронтов в ходе контрнаступления, особенно в личном составе. За декабрь 1941 г. Западный фронт потерял убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести 220 062

¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. / Пер. с нем. — М., 1980. — С. 279.

Контрнаступление под Москвой и общее наступление Красной Армии на западном направлении (5 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.)

человека, Калининский — 68 346, Брянский — 24 549 человек¹.

Несмотря на это, в начале января 1942 г. советское Верховное Главнокомандование, оптимистично оценивая итоги контрнаступления под Москвой, считало необходимым использовать создавшееся положение для перехода в общее наступление на всех стратегических направлениях советско-германского фронта. Проект плана общего наступления Красной Армии обсуждался на заседании Ставки Верховного Главнокомандования 5 января с участием И.В. Сталина, В.М. Молотова, Б.М. Шапошникова, К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, Н.А. Вознесенского, Г.К. Жукова. После краткой информации начальника Генерального штаба маршала Шапошникова о положении на фронтах и замысле дальнейших действий Сталин сказал: «Немцы сейчас в растерянности от поражения под Москвой и плохо подготовились к зиме, сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку... Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...»² Его полностью поддержали Ворошилов и другие члены Ставки.

Однако не все участники совещания согласились с таким способом достижения политических и стратегических целей. Против одновременного наступления всех фронтов в январе 1942 г. высказался генерал армии Жу-

¹ Андроников Н.Г. Первый рубеж решающих побед. // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 1.

² Авторский вариант главы труда Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» «Разгром немецких войск под Москвой». // Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — М., 1994. — С. 184.

ков. В послевоенных мемуарах он сформулировал свои возражения следующим образом: «На западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска... в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным». На остальных же направлениях, где «войска стоят перед серьезной обороной противника», без «наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери». Жуков, оценив все нюансы и изменения в стратегической обстановке, безусловно, предлагал наиболее целесообразное решение, ибо оно сулило в конечном счете достижение целей зимней кампании. Несмотря на то что его аргументы не были приняты во внимание, Жуков был лишен выбора и вынужден был принять решение Ставки к исполнению, но тем самым он брал на себя ответственность за проведение предстоявшей операции.

Против одновременного наступления на всех стратегических направлениях выступил и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) Н.А. Вознесенский. Он, как никто из присутствующих, знал, в каком состоянии находится народное хозяйство страны, какие трудности выпали на долю военной промышленности. «Мы сейчас, — заявил он, — еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов...»¹

Сталин же, настроенный слишком оптимистично, кратко подвел итог заседания: «Надо быстрее перемалявать немцев, чтобы они не смогли наступать весной».

¹ Мазуркевич Р.В. Планы и реальность. // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 2.

Решение Ставки продолжать операцию без оперативной паузы имело все признаки того огульного наступления, которое Сталин сам раскритиковал в 1929 г. Он говорил тогда: «Не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций, без использования резервов для развития успеха и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, то есть без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления». Однако, став Верховным Главнокомандующим, Сталин сам за был то, чему ранее поучал других.

Тем самым в январе 1942 г. Ставка ВГК приняла более чем сомнительный, нереальный план ведения войны. Советские войска ни на одном направлении не имели ни количественного, ни качественного превосходства над противником. Уровень подготовки командующих и штабов, степень материального обеспечения войск были недостаточными для выполнения задач наступления. Приняв решение на разгром врага на всех стратегических направлениях, не удалось создать достаточно сильных группировок ни на одном из них.

Главный удар намечалось нанести на западном направлении. Замысел стратегической операции и задачи фронтов, изложенные в директиве Ставки от 7 января, заключались в том, чтобы нанести удар по сходящимся на Вязьму направлениям силами Калининского и Западного фронтов, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр».

На 1 января 1942 г. в войсках Калининского, Западного и Брянского фронтов насчитывалось 1 млн 245 тыс. человек, около 8,7 тыс. орудий и минометов и 571 танк (в том числе 198 тяжелых и средних). Для их поддержки выделялось 554 боевых самолета. Противостоявшая им

немецкая группа армий «Центр» в составе 9, 4 и 2-й полевых, 2, 3 и 4-й танковых армий насчитывала 1 млн 569 тыс. человек, около 13 тыс. орудий и минометов, 1100 танков. Ее поддерживала авиационная группа «Восток», имевшая 615 самолетов¹.

Переход в наступление планировалось осуществить без оперативной паузы в боевых действиях, в результате чего войскам практически не выделялось времени для его подготовки. Ударная сила соединений была ослаблена их низкой укомплектованностью людьми, танками, артиллерией. Так, например, средняя укомплектованность стрелковых дивизий 29-й армии Калининского фронта составляла 5565 человек, 30-й армии — 4900 человек, а 31-й армии — 5044 человека. Не намного лучше было положение и на Западном фронте. 5-я армия имела среднюю укомплектованность дивизий 5189 человек, 20-я армия — 5320 человек, 50-я армия — 4375 человек². В танковых бригадах имелось по 15—20 танков, из них 80—90% легких, устаревших систем, а в артиллерийских полках — по 11—13 орудий. В 112-й танковой дивизии Западного фронта на 8 января 1942 г. имелся всего один танк Т-34 и пять танков Т-26³.

Крайне тяжелое положение складывалось с боеприпасами. «Подача боеприпасов Западному фронту по минимальному январскому плану срывается, — телеграфировали Г.К. Жуков и И.С. Хохлов в Ставку. — За первую декаду января фронту подано: 50-мм мин — 16 процентов, 82-мм — 1 процент, артвыстрелов — 20—30 процентов, вследствие чего армии вынуждены большую часть

¹ Битва под Москвой. — М., 1989. — С. 219.

² *Исаев А.В.* Наступление маршала Шапошникова. — М., 2005. — С. 93.

³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — М., 1964. — С. 314.

минометов и часть артиллерии снять с позиций и вывести в тыл»¹.

Значительные сложности имелись в тыловом обеспечении боевых действий. Быстрое продвижение советских войск во второй половине декабря — первой декаде января, разрушение противником железных и шоссейных дорог, а также мостов на грунтовых дорогах привели к значительному отставанию тылов. Все это вызывало сбои в снабжении войск боеприпасами и горючим. Большой помехой были сложные метеорологические условия. Обильные снегопады, морозы и частые вьюги снижали маневренные возможности войск, практически исключали их передвижения вне дорог. Снежный покров достигал в поле 60, а в лесу — 90—100 сантиметров. Учитывая все эти обстоятельства, командующий войсками Западного фронта генерал армии Г.К. Жуков требовал от Военных советов армий: «Прекратить разгильдяйство в расходовании боеприпасов, горючего и продовольствия, добываясь самой жесткой экономии и хозяйского расчета»².

Проблемы, с которыми сталкивались советские войска, были хорошо известны и противнику. Так, в разведывательной сводке 9-го немецкого армейского корпуса от 10 января отмечалось: «Несмотря на регулярное пополнение частей свежими силами, боеспособность их весьма невелика, тем более боеспособность самого пополнения, состав которого... направляется на фронт подчас без всякой подготовки. За последнее время неоднократно замечается, что в плен попадают освобожденные досрочно заключенные. Это доказывает, что русские... стремятся при помощи людской массы, но без материальной части добиться решающих результатов.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3406. Д. 140. Л. 8.

² Разгром немецких войск под Москвой. Ч. 3. — М., 1943. — С. 141.

В силу больших потерь в материальной части русская артиллерия значительно ослабла...»¹

Такие условия изначально предопределяли значительные трудности для войск в выполнении поставленных задач, да и, в общем, ставили под сомнение перспективы запланированного наступления. Вот что пишет об этом в то время командующий 16-й армией Западного фронта К.К. Рокоссовский: «Продолжать наступление имевшимся к тому времени у нас силами с расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя. Наступил момент, когда и нашему верховному командованию надлежало подумать об извлечении пользы из одержанных результатов и начать серьезную подготовку к летней кампании 1942 года.

К великому сожалению, этого не произошло, и войска, выполняя приказ, продолжали наступать. Причем командованию фронта была поставлена задача: «изматывать» противника, не давая ему никакой передышки. Вот это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добываясь выравнивания сил, что и делали мы до перехода в контр-наступление. Но чтобы «изматывать» и ослаблять его наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу да еще в суровых зимних условиях, я этого никак понять не мог, видя в том грубейшую ошибку... Почему же наше Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб да и командование фронта продолжают бесцельные наступательные операции?.. Почему... мы не используем отвоеванное у врага время для подготовки вооруженных сил к предстоящим на лето операциям, а продолжаем изматывать не столько врага, сколько себя в бесперспективном наступлении?»²

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2552. Д. 168. Л. 37.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2.

Войска немецкой группы армий «Центр», понесшие в ноябре—декабре 1941 г. большие потери, особенно в тяжелом вооружении, также испытывали значительные трудности. В начале января ее командующий фон Клюге не располагал реальными возможностями, чтобы противостоять продолжавшемуся наступлению советских войск. В течение декабря группа армий получила в составе маршевых рот и батальонов всего 40,8 тыс. человек пополнения, тогда как ее потери составили 103,6 тыс.¹.

Почти во всех частях отмечались случаи заболевания сыпным тифом и обморожения. Только за первые десять дней января количество обмороженных на Восточном фронте составило 25 990 человек. Наблюдалось заметное снижение боеспособности соединений и частей. Так, например, в суточном донесении 4-й армии от 1 января 1942 г. отмечалось: «В результате непрерывных боев и сильных холодов боеспособность войск падает. Недалеко время, когда боеспособность дивизий упадет настолько, что они не выдержат тяжести боев по причине нехватки людей, если не будет поступать хорошо оснащенное для зимних условий пополнение»². Аналогичным по содержанию было и сообщение из 9-й армии: «Боевой состав и физические силы иссякают и уже достигли внушающего опасения уровня»³.

Неудачи в боевых действиях, высокие потери, суровая погода — все это пагубно воздействовало на настроения немецких военнослужащих и подрывало их моральный дух. Штаб 9-й армии в январе 1942 г. передал в группу армий «Центр» донесение командующего 3-й

¹ Мягков М.И. Вермахт у ворот Москвы 1941—1942. — М., 1999. — С. 146.

² Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 2. — М., 2001. — С. 249.

³ Там же. С. 369.

танковой армией о боевом и численном составе 6-й танковой дивизии, в котором отдельным разделом были представлены сведения о моральном состоянии войск. В нем, в частности, отмечалось: «В результате непрерывных, тяжелых боев, холодов и неслыханного напряжения солдаты настолько измотаны, что все чаще офицеры оружием заставляют их подняться в атаку... Офицеры напрягают все свои силы, и большая их часть уже выбыла из строя. Становятся все более частыми физические и нервные срывы...»¹

В такой обстановке немецкое командование принимало экстренные меры, чтобы восстановить боеспособность своих армий на Восточном фронте. 8 января в войска были направлены указания Гитлера, в которых он отмечал, что «единственным способом, с помощью которого можно надежно нанести поражение русским, является ожесточенное сопротивление. Оно в данном случае будет стоить наступающему больших потерь в живой силе, чем обороняющемуся...». Группе армий «Центр» указывалось: «Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого оружия и материальной части...» Ей надлежало «заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл... войск»². В течение января в распоряжение группы армий «Центр» предполагалось перебросить в район Витебска пять пехотных дивизий и значительное количество авиации. Одновременно была предпринята рокировка войск вдоль фронта. Отступившие от Москвы соединения 3-й и 4-й танковых армий закрепились в конце декабря 1941 г. на рубежах рек Лама и Руза на Можайском и Гжатском на-

¹ Мягков М.И. Вермахт у ворот Москвы... — С. 213.

² Мазуркевич Р.В. Планы и реальность. // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 2.

правлениях. Они использовали ранее построенные советскими, а затем и немецкими войсками укрепления на обоих берегах рек. Плотность обороны немецких войск на этих направлениях составляла 8 км на одну дивизию, на других направлениях этот показатель достигал 25—30 км.

И все-таки у противника на центральном участке Восточного фронта имелось немало слабых мест. Вследствие этого немецкий исследователь Рейнгардт с полным основанием мог утверждать, что, «несмотря на все меры, принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий нельзя было бы спасти, если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник...»¹. К сожалению, в результате распыления резервов на всем советско-германском фронте Ставка Верховного Главнокомандования так и не смогла использовать имеющиеся у нее преимущества.

Главную ударную группировку Калининского фронта, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев, составляли 39-я и 29-я армии, а также 11-й кавалерийский корпус. Еще 6—7 января их соединения прорвали оборону противника западнее Ржева и рассекли 6-й немецкий армейский корпус на две части, отбросив одну на восток, к Ржеву, а другую — к станции Оленино. С утра 8 января 39-я армия под командованием генерала И.И. Масленникова вела наступление в направлениях Ржева и Вязьмы. Отражая контратаки противника, ее главные силы к вечеру 10 января достигли рубежа в 35 км юго-западнее Ржева. Однако то, что противник по-прежнему удерживал Ржев, создавало угрозу нанесения удара по флангу армии. Учитывая это, Ставка в ночь на 11 января потребовала от командующего войсками Кали-

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1998. — С. 287—288.

нинского фронта генерала Конева «в течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть Ржевом».

Далее в директиве указывалось: «Ставка рекомендует максимально использовать для этой же цели имеющиеся в этом районе артиллерийские, минометные и авиационные силы и громить всю город Ржев, не останавливаясь перед серьезными разрушениями города»¹. Документ был подписан Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным.

Была ли военная целесообразность в разрушении города, Верховного явно не волновало, как не волновала его и судьба местного населения, кстати сказать, своего населения. Отношение Сталина к своему народу в полной мере характеризует его более ранний приказ, от 17 ноября 1941 г., в котором «отец народов» требует:

«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 километров в глубину от переднего края и на 20—30 километров вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20—30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника... Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 6. Л. 20.

² Там же. Л. 51.

Возможно, что такие действия могли создать трудности для оккупантов. Но сколько советских людей, как правило, женщин и детей лишалось последнего прибежища? Такие решения — в духе Сталина.

Вопрос о том, в чью пользу склонится чаша весов в противоборстве на северном фланге группы армий «Центр», сводился к тому, за кем останутся транспортные сообщения. Контролируя узлы железных и автомобильных дорог, немецкое командование имело возможность снабжать свои соединения необходимыми материальными средствами, активно маневрировать войсками. Однако наличие разрыва в полосе обороны 9-й армии северо-западнее Ржева означало, по сути, полное прекращение снабжения для 23-го, 27-го армейских и 48-го моторизованного корпусов. И не случайно 12 января 1942 г. командующий 9-й армией генерал Штраус отмечал в телеграмме в штаб группы армий, что, «не получая снабжения, 23-й армейский корпус не может долго сражаться, а может только умереть». Штраус требовал немедленного отхода и высвобождения сил для закрытия бреши северо-западнее Ржева, подчеркивая, что «нельзя допустить, чтобы приказ об отходе был отдан тогда, когда израсходованы последний патрон и последняя канистра горючего и когда съеден последний кусок хлеба»¹. Еще более определенно в связи с этими событиями высказался в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Гальдер: «К юго-западу от Ржева положение становится все более угрожающим. В нашем тылу находится уже от трех до четырех дивизий противника. 23-й армейский корпус должен быть отведен. Обстановка на Валдайской возвышенности чрезвычайно напряженная. Общее положение, таким образом, отличается неустойчивостью. По сообщению

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 2. — М., 2001. — С. 350.

фон Клюге, для того, чтобы его войска смогли выйти из боя под Ржевом, необходимо начать отход. Фюрер, хотя и признает необходимость отхода, однако никакого решения не принимает. Подобное руководство ведет к уничтожению сухопутной армии»¹.

12 января штаб 9-й немецкой армии, опасаясь окружения, переместился в Вязьму. В тот же день стрелковые соединения советской 29-й армии завершили в районе Оленина окружение семи немецких дивизий, а введенный в сражение 11-й кавалерийский корпус начал продвигаться к Вязьме.

Вместе с тем дальнейшие события показали, что поставленные Ставкой задачи превышали возможности 29-й и 39-й армий, которые за предшествующий период контрнаступления понесли значительные потери. К тому же на подступах к Ржеву немецкому командованию за счет сокращения линии фронта и переброски новых частей удалось значительно усилить оборону. В какой обстановке приходилось сражаться на западных подступах к городу, вспоминает бывший комиссар 183-й стрелковой дивизии генерал В.Р. Бойко: «Действовать приходилось в условиях многоснежной зимы. Враг, хотя и отступал, но оказывал ожесточенное и упорное сопротивление на каждом рубеже... встречал атакующие цепи ослабленных соединений сосредоточенным артиллерийско-минометным огнем. Цепи залегали в рыхлый глубокий снег и не вставали, пока вражеский огонь не прекращался. Следовал бросок на десяток-другой метров, затем снова громыхали орудия неприятеля, прижимая к земле бойцов... Атаки не получали развития... Снова и снова дивизии 39-й и 29-й армий поднимались в атаку со снежной целины, с опушек лесов, с окраин селе-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. — С. 175—176.

ний и каждый раз попадали под сосредоточенный артиллерийско-минометный огонь. И отходили»¹.

В итоге советским войскам освободить этот город с ходу не удалось. Генералу Коневу пришлось, перегруппировав силы, нацелить 29-ю армию только на Ржев, а 39-ю — на Вязьму. Не привел к изменению положения и ввод в сражение подвижной группы фронта — 11-го кавалерийского корпуса, ибо сил и средств у нее было мало: 5800 человек, 84 орудия и миномета, 27 противотанковых ружей².

39-я армия оказалась в сложном положении. Авиация противника, установив выдвижение ее головных дивизий западнее и юго-западнее Ржева, начала наносить по ним бомбоштурмовые удары. 12 января в переговорах с командующим войсками Калининского фронта командующий армией генерал Масленников докладывал: «Ни одного нашего истребителя я не видел. По существу, никакого прикрытия с воздуха нет. Несем большие жертвы из-за отсутствия истребительной авиации. 355-я сд в основном на 50 процентов уничтожена только авиацией. Конский состав артиллерии и обозов расстрелян авиацией противника. Конной артиллерии осталось в строю около 60 процентов, артиллерии на мехтяге — около 75 процентов. Если враг еще в течение трех суток такими темпами нас будет бомбить, я останусь без орудий»³.

К тому же армия, не имея достаточных ввозимых запасов продовольствия, почти сразу же была вынуждена перейти на снабжение из местных ресурсов, которые уже были основательно истощены немецкими войсками. Два неполных автомобильных батальона в составе около

¹ Ионов П.И. Наступает Калининский фронт. // Военно-исторический архив. — 2006. — № 6.

² Суровые испытания. — С. 288.

³ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 326. Л. 242—243.

300 автомашин и гужевой батальон могли перевезти только одну четверть суточной потребности войск. С выходом наступавших соединений в районы Осуги и Сычевки тылы армии сильно растянулись; при этом они базировались на одну грунтовую дорогу, которая в некоторых местах проходила в 3,5—4 км от противника и постоянно подвергалась обстрелу. Стрелковые полки, понесшие потери, насчитывали всего по 600—650 человек, а маршевые роты пополнения, предназначенные для армии, отстали¹.

В результате продвижение армии к югу происходило с большими трудностями: полоса наступления постоянно расширялась, между дивизиями образовались значительные промежутки. Все это побудило командующего войсками Калининского фронта задержать на целую неделю продвижение к Вязьме с севера подвижной группы, возглавляемой генералом Г.Т. Тимофеевым. Этим не преминул воспользоваться противник.

22 января соединения 9-й немецкой армии, в командование которой вместо ушедшего в отставку генерала Штрауса вступил генерал Модель, при активной поддержке 8-го авиакорпуса нанесли контрудар западнее Ржева по войскам Калининского фронта. Растянутость полос наступления, незащищенность коммуникаций, по которым шло снабжение частей 29-й и 39-й армий, а также 11-го кавалерийского корпуса, усталость и большие потери не позволили им отразить удар немецких войск. 23 января связь между 6-м и 23-м немецкими корпусами была восстановлена. Тем самым ударная группировка Калининского фронта к исходу 25 января была отрезана от главных сил. К концу месяца прорвавшиеся советские части оказались примерно в таком же положении, в каком были до недавнего времени соединения 9-й немец-

¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — С. 325.

кой армии. 27 января Гитлер отправил в штаб генерала Моделя следующую телеграмму: «Солдаты 9-й армии! Разрыв вашего фронта ликвидирован... Если в ближайшее время вы по-прежнему будете выполнять свой долг, то будет уничтожено большое число русских дивизий»¹.

Резкое изменение обстановки в полосе Калининского фронта не осталось без внимания Ставки. Не вникая, как обычно, в детали и причины произошедшего, Сталин обвинил в случившемся командование фронта и армий. В директиве от 31 января он отмечал: «Противник своим вторжением к западу от Ржева, между войсками 30-й и 29-й армий, отрезал войска 29-й и 39-й армий от их путей подвоза, ввиду чего приходится снабжать их по воздуху, и это в тот момент, когда враг разбит и почти окружен.

Неповоротливость и халатность 29-й, а отчасти уже и 30-й армий в деле ликвидации этого противника и попустительство этому со стороны командования Калининского фронта являются позором для нас»². Прорыв приказывалось ликвидировать силами фронта к исходу 3 февраля 1942 г. При этом не учитывалось, что во фронте к тому времени имелось всего 35 танков; артиллерийские полки РКК насчитывали в своем составе от 6 и лишь в отдельных случаях до 18 орудий в каждом; количественный состав подавляющего большинства стрелковых дивизий не превышал 3000—3700 человек; нужных резервов в распоряжении фронтового командования не было, так как никаких дополнительных сил ему переброшено быть не могло; в армиях запасы боеприпасов всех видов иссякали, и на фронтовых базах их почти не оставалось, а отдельных видов вовсе не было; не хватало продовольствия и горюче-смазочных материалов.

В последующие дни 29-я армия под командованием

¹ Мягков М. И. Вермахт у ворот Москвы... — С. 162.

² ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 6. Л. 33.

генерала В.И. Швецова отражала удары противника с востока и запада. Она предпринимала многочисленные попытки пробиться к северу, где наносила встречный удар 30-я армия генерала Д.Д. Лелюшенко. Однако все они были безуспешными. В этой связи Г.К. Жуков, назначенный 1 февраля Главкомандующим войсками вновь восстановленного западного направления, докладывал в Ставку: «До 2 февраля Лелюшенко наступления не организовал, вступал в бой на широком фронте, с ходу пачками бросал войска без надлежащей артиллерийской поддержки. В результате, истощив и до этого слабые дивизии, успеха не имел»¹.

Более двух недель соединения 29-й армии вели боевые действия в окружении. Об ожесточенности этих боев свидетельствует, в частности, донесение группы армий «Центр» в штаб вермахта: «Высоты западнее станции Манчалово, где велись бои с окруженными русскими частями, удалось захватить только после жесточайших атак, поддержанных сильнейшим огнем артиллерии. Эти высоты противник оборонял с исключительным мужеством, используя хорошо развитую и отлично замаскированную линию обороны, которая имела окопы глубиной до 2,5 метра и пулеметные гнезда, соединенные между собой ходами сообщения. Их замерзшие брустверы не могли разбить даже снаряды 210-мм мортир»².

В середине февраля стало ясно, что удерживать занимаемые рубежи бессмысленно, так как никакого оперативного значения действия окруженных войск в сложившейся обстановке не имели, а дальнейшее нахождение в тылу противника могло привести лишь к их полному уничтожению. В ночь на 18 февраля командующий войсками Калининского фронта генерал Конев от-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 12. Л. 2—3.

² Суровые испытания. — С. 298.

дал приказ командующему 29-й армией на выход из окружения, потребовав «выводить войска организованно. Если не удастся вывести материальную часть артиллерии, станковые пулеметы, минометы, таковые зарыть в лесу, отметить на карте места»¹.

Получив разрешение от командующего войсками фронта, окруженная группировка, рассредоточившись на отдельные группы и действуя одновременно на нескольких направлениях, начала выход из окружения. Через два дня Конев докладывал Сталину, что «на участке 30-й армии вышло около 200 человек. В район 252-й стрелковой дивизии 39-й армии пробилась часть 185-й и 381-й стрелковых дивизий, а также армейские части во главе с генералом Швецовым; всего до 3500 бойцов и командиров, которые приводят себя в порядок»².

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге незамедлительно доложил фюреру о достигнутом успехе: «9-я армия генерала Моделя в течение четырех недель жестоких наступательных боев в непривычных погодных условиях нанесла тяжелое поражение 39-й и полностью уничтожила 29-ю русские армии. Всего с 21 января ликвидировано шесть и разбито четыре дивизии, взято в плен 4833 и убито 26 647 человек, захвачено и уничтожено 187 танков, 1037 орудий и минометов... огромное количество стрелкового оружия и снаряжения»³.

Следует отметить, что утверждение о том, будто 29-я армия была полностью уничтожена, не соответствует действительности: три ее дивизии в окружение не попали, а продолжали вести боевые действия северо-западнее и севернее Ржева. Не являются бесспорными и цифры потерь советских войск. Но бесспорно другое: поте-

¹ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. В общем наступлении. — М., 1994. — С. 79.

² Суровые испытания. — С. 298.

³ Там же.

ри эти и в самом деле были значительными, а участь окруженных трагичной. Вместе с тем доклад Клюге отнюдь не отражал реального положения дел в той же 9-й немецкой армии. А между тем в ее оперативной сводке за 22 февраля отмечалось: «Успехи последних боев были достигнуты с большими жертвами. Наличный состав 86-й пехотной дивизии снизился до недопустимой величины. Так, например, в 1-м батальоне 184-го пехотного полка численность трех стрелковых рот в общей сложности составляет: 2 офицера, 8 унтер-офицеров и 47 рядовых. Во 2-м батальоне 184-го пехотного полка: 3 офицера, 4 унтер-офицера, 33 рядовых. 3-й батальон — расформирован»¹.

Что касается 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса из состава ударной группы Калининского фронта, то и их наступление успеха не достигло. В конце февраля соединения корпуса предприняли последнюю попытку соединиться в районе Вязьмы с наступавшими навстречу им передовыми частями Западного фронта. Однако разделявшие их 5—6 км так и не были преодолены. К 1 марта 11-й кавалерийский корпус имел в своем составе 4298 человек и 1536 лошадей, то есть, по существу, представлял собой слабое стрелковое соединение. Нарушить такими силами сообщение противника по шоссе и железной дороге Вязьма — Смоленск было невозможно. Наступление Калининского фронта завершилось, так и не достигнув своей конечной цели.

Западный фронт, действуя в полосе шириной 500 км, наносил одновременно три удара. На правом крыле — силами 1-й ударной, 20-й и 16-й армий, в центре — 5-й и 33-й армий, на левом крыле — силами 43, 49, 50, 10-й армий и группы генерала П.А. Белова.

Учитывая неудачные попытки прорыва заблаговре-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 140. Л. 448.

менно подготовленной обороны противника на р. Лама разрозненными усилиями 1-й ударной, 20-й и 16-й армий в конце декабря — начале января, Ставка приказала командующему войсками Западного фронта создать на этом направлении ударную группировку. В нее вошли 20-я армия генерала А.А. Власова, а также переданные ей из 1-й ударной и 16-й армий 2-й гвардейский кавалерийский корпус, кавалерийская дивизия, танковая и четыре стрелковые бригады, пять лыжных батальонов, пять артиллерийских полков и два дивизиона реактивной артиллерии.

Оборона противника к этому времени была усилена. В опорных пунктах находилось по 5—6 дзотов, 2—3 танка, до 10 противотанковых орудий и большое количество пулеметов. Все блиндажи соединялись ходами сообщения, приспособленными для боя. Передний край плотно прикрывался проволочными заграждениями и минными полями. Но решительное сосредоточение сил и средств на участке прорыва позволило добиться почти тройного превосходства над противником.

Наступление 20-й армии началось 10 января 1942 г. Шел сильный снег, ухудшивший условия ведения огня артиллерией. Авиация вообще не действовала. Положение усугублялось еще и тем, что наступление возобновилось на том же направлении, где велись напряженные бои с 20 декабря по 7 января, поэтому достигнуть внезапности наступления было невозможно, что сказалось на ходе прорыва.

В 9.30 соединения армии перешли в атаку. На главном направлении наступала 352-я стрелковая дивизия. В связи с тем что в артиллерийских группах было мало тяжелых орудий, разрушить и подавить дзоты, огневые точки в дотах и строениях не удалось. Первая атака успеха не имела. Через два часа атака была повторена, и полки дивизии ворвались в деревню Тимонино, превращен-

ную противником в мощный узел обороны. Штурмуя дзот за дзотом, подразделения медленно продвигались вперед. Из-за глубокого снежного покрова и низкой эффективности огневого поражения противника прорыв принял форму последовательных атак с длительными промежутками между ними. Все это не могло не сказаться на общей глубине продвижения войск, в первый день наступления она составила всего 2—3 км.

В течение ночи противник усилил опасное для него направление. Атаки в течение следующего дня дали незначительный результат. Продвижение подразделений затруднял и глубокий снег, по которому танки шли медленно и несли потери. Так, танковый полк 1-й гвардейской танковой бригады в ходе боя в районе Тимонина потерял три танка из имевшихся семи¹.

Во второй половине дня 11 января и в ночь на 12 января артиллерия была приближена к боевым порядкам пехоты, ее огонь сосредоточен по наиболее важным опорным пунктам. Это позволило дивизии при поддержке соседей к исходу 12 января углубиться в оборону противника на 6—7 км. В результате были созданы условия для ввода в сражение подвижной группы армии — 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, усиленного одной кавалерийской дивизией, одной танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. 13 января подвижная группа, атакуя в пешем и конном строю, сбила заслоны противника и вырвалась вперед.

Вот как вспоминал об этих боях генерал И.А. Плиев: «Узлы сопротивления противника падали по-разному. Андреевское было захвачено одновременным ударом с трех сторон. Здесь сержанты Игорь Чудковский и Иван Кривоглазов доказали, что шесть вражеских танков не сильнее двух комсомольцев. Они подожгли три танка, а

¹ Разгром немецких войск под Москвой. — С. 60.

остальные обратили в бегство. Взятие деревни Бухолово — это не только блестящий обходный маневр, осуществленный 20-й кавалерийской дивизией полковника Арсеньева, но и дерзкая атака автоматчиков с тыла, и умелое наращивание усилий. Бой у Красного Села — это серия тактических маневров, направленных на то, чтобы форсировать крутобережную реку Рузу и открыть этим путь на крупный узел сопротивления противника — Середу, очень важный в оперативном отношении пункт»¹.

Об освобождении села Середка рассказал в своей книге «На московском направлении» бывший начальник штаба 20-й армии генерал Л.М. Сандалов.

«В установленное время, — пишет он, — без сигнала почти одновременно из леса вырвались эскадроны 4-й гвардейской кавалерийской дивизии и быстро исчезли в темноте. Снежный покров поглощал дробный гул копыт. Это была по-настоящему казачья атака — лихая и стремительная. Первыми в Середку ворвались эскадроны 37-го кавалерийского полка старших лейтенантов Ильи Бурунова и Ивана Картечкина. Артиллерийские батареи сразу открыли заградительный огонь по западной окраине села. Все это произошло в считанные минуты. Так был взят крупный опорный пункт немцев Середка. Улицы и окраины селения были покрыты трупами вражеских солдат и офицеров. Однако и наши потери из-за лобовой атаки противника были очень большими».

В той обстановке даже частный успех мог сыграть значительную роль в общем ходе операции. И не случайно Гальдер в тот день записал в своем дневнике: «У Волоколамска пехота и танки противника осуществили глубокий, представляющий серьезную опасность прорыв. Здесь должны быть брошены в бой оставшиеся части 5-й и 7-й танковых дивизий, поскольку имеется приказ удер-

¹ Битва под Москвой. — С. 232.

живать данный рубеж. Возможно, что противник расширит масштабы своих наступательных действий...»¹

Однако подвижная группа не обладала достаточной ударной силой, так как не имела необходимого количества танков и с большим трудом совершала маневр по глубокому снегу. «Густота населенных пунктов и глубокий снежный покров не позволяли обходить укрепленные узлы немцев. В связи с чем приходилось вести бои за каждую деревню, за каждый участок местности. Это вызывало задержку наступления. Попытки же просачивания между укрепленными пунктами привели к большим потерям (особенно в конском составе) и не дали положительных результатов», — такой итог действий подвижной группы подвел генерал Плиев.

Тем не менее к 15 января прорыв в обороне немецких войск на р. Лама был расширен до 15 км по фронту и до 20 км в глубину. У войск правого крыла Западного фронта появилась возможность развить успех в направлении Гжатска и выйти на фланг 4-й танковой армии противника.

Понимая, что дальнейшая борьба на занимаемых рубежах неминуемо ведет к потере управления войсками и их гибели, фельдмаршал Клюге 14 января 1942 г. направил совершенно секретное донесение Гальдеру. Он предлагал немедленно отвести войска, так как только этот шаг позволял закрыть бреши в оперативном построении группы армий «Центр» и улучшить снабжение войск. По выражению Клюге, отвод являлся «единственно возможной мерой, способной спасти положение»².

Вопрос крушения фронта группы армий «Центр» ставился вопросом времени. Этот факт начинал осознавать и сам Гитлер. Принимая во внимание сложившуюся

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. — С. 173.

² Мягков М. И. Вермахт у ворот Москвы... — С. 156.

ситуацию и рассчитывая на быстрое завершение строительства тыловых позиций, он 15 января отдал следующий приказ: «В связи с тем что не удалось ликвидировать прорыв противника севернее Медыни и западнее Ржева, командующему группой армий «Центр» разрешается отвести 4-ю армию, 4-ю и 3-ю танковые армии на рубеж восточнее Юхнова, восточнее Гжатска, восточнее Зубцова, севернее Ржева. При выборе нового рубежа обороны необходимо строго соблюдать требование о том, чтобы шоссейная дорога Юхнов — Гжатск — Зубцов — Ржев не попадала в зону воздействия противника...»¹

Ставя задачу группе армий «Центр», фюрер не забыл упомянуть, что «это первый случай в этой войне, когда я отдаю приказ на отход крупного участка фронта. Я надеюсь, что отступление будет происходить в форме, достойной немецкой армии»². «Достойная форма» отступления немецких войск была определена им в том же приказе. Она заключалась в том, чтобы «все населенные пункты поджигать, печи взрывать»³.

Переоценив факт отхода противника, 18 января, в самый разгар сражения, Ставка Верховного Главнокомандования специальной директивой в адрес командования Западного фронта приказала к исходу 19 января вывести в ее резерв 1-ю ударную армию. Такое решение коренным образом ухудшало положение на правом крыле Западного фронта. Его ударная сила была резко ослаблена. Полоса наступления 20-й армии, ставшей теперь правофланговой, увеличилась в два раза, а это изменило обстановку и соотношение сил с противником.

Несомненно, в данном случае Верховное Главнокомандование допустило крупную ошибку, которая ре-

¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. — С. 299.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 92.

³ Там же.

шающим образом повлияла на завершение совместной операции Калининского и правого крыла Западного фронтов по разгрому северного крыла группы армий «Центр» противника. Вывод из сражения целой армии в тот момент, когда требовалось максимально нарастить усилия и развить успех, был явно ошибочным решением. И вновь причина этого — слишком оптимистическая оценка Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным общей обстановки на фронте и, главное, недооценка сохранившейся еще боеспособности немецкой группы армий «Центр».

Известная доля ответственности за это ложится также и на командование Западного фронта, которое, зная истинное положение дел, не сумело доказать Верховному Главнокомандующему нецелесообразность его решения. Попытки командующего войсками Западного фронта Жукова в переговорах с Генеральным штабом добиться пересмотра решения или хотя бы его отсрочки были безуспешны.

Одновременно 21 января с правого крыла Западного фронта было снято управление 16-й армии во главе с генерал-лейтенантом К.К. Рокоссовским и спешно переброшено на левое крыло — в район Сухиничей, где немецкое командование предприняло сильный контрудар из района Жиздры.

Преждевременное ослабление правого крыла фронта, решительно снизившее его наступательные возможности, как и следовало ожидать, привело к постепенному «затуханию» наступления 20-й армии. После овладения районами Князьи Горы, Спас-Вилки, Куклово к 23 января ее соединения завязали упорные бои за укрепленные опорные пункты противника, который с каждым днем усиливал сопротивление, проводя многочисленные контратаки. Неоднократные попытки обойти вражеские опорные пункты для развития наступления в глуби-

не закончились неудачно. 28 января командующий 20-й армией генерал А.А. Власов в переговорах с командующим войсками фронта Г.К. Жуковым, объясняя причины медленного наступления, докладывал: «На участке Пустой Вторник, Аржаники противник вдоль дорог имеет ряд блиндажей; кроме того, этот район минирован и охраняется, к этому рубежу очень трудно подойти, так как совершенно отсутствуют дороги, а снежный покров достигает свыше 60 сантиметров и совершенно недоступен для действий артиллерии»¹.

Однако аргументы Власова никоим образом не повлияли на решение Жукова, который ответил: «А что бы сказал Суворов на вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 сантиметров снега, остановился бы или нет?.. Я убежден, что успех может быть достигнут только прорывом по местности, не имеющей населенных пунктов, хотя бы вне дорог»².

А далее в стиле руководства не только Жукова, но и многих других советских военачальников, делались оргвыводы: «Должен вам сказать, что Военный совет фронта и Ставка Верховного Главнокомандования ожидали от 20-й армии большего, и нам очень неприятно видеть 20-ю армию в таком положении. Я думаю, все это произошло потому, что указание, которое вам твердилось о прорыве кулаком, вы не выполнили, игнорировали. Видимо, посчитали указание для себя недостаточным авторитетным, кабинетным — и это ваша ошибка»³.

Несмотря на нелицеприятные для Власова выводы, Жуков и сам прекрасно понимал, что наступательные возможности войск исчерпаны. Уже на следующий день он докладывал И.В. Сталину: «За декабрь и 15 дней янва-

¹ Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — М., 1994. — С. 108.

² Там же.

³ Там же. С. 109.

ря Западный фронт потерял убитыми 55 166 человек, ранеными и больными 221 040 человек, а всего за 45 дней напряженных боев фронт потерял 276 206 человек.

За это время пополнения получено около 100 000 человек, из них в январе, на 28 января, получено только 19 180 человек из занаряженных 112 000.

Большинство дивизий и стрелковых бригад сейчас настолько обескровлены, что не представляют никакой ударной силы. Многие дивизии имеют по 200—300 штыков, а стрелковые бригады и стрелковые полки по 50—100 штыков.

В таком состоянии дивизии и стрелковые бригады Западного фронта дальше оставаться не могут и не способны решать наступательные задачи»¹.

Таким образом, успешно начавшаяся и имевшая хорошие перспективы наступательная операция 20-й армии при поддержке соединений 1-й ударной и 16-й армий имела, в общем, ограниченные результаты. За две недели напряженных боев она продвинулась на 40—50 км и, выйдя к подготовленному оборонительному рубежу противника, вынуждена была остановиться. В результате 20-я армия не смогла соединиться с 39-й армией Калининского фронта с целью окружения группировки противника на северном фланге группы армий «Центр».

В центре оперативного построения Западного фронта вели наступление 5-я и 33-я армии. 14 января 5-я армия генерала Л.А. Говорова освободила Дорохово, а 17 января — Рузу. Продолжая наступление, ее соединения вскоре вышли на подступы к Можайску. 20 января город был освобожден. Перед освободителями Можайска открылась тяжелая картина. Город лежал в развалинах. На площадях и улицах стояли виселицы с казненными советскими патриотами. В руки советских воинов попал

¹ Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — С. 109—110.

приказ немецкого командования об «очищении» Можайска от беженцев и коренного населения и о сожжении его.

Развивая успех, соединения 5-й армии 22 января овладели Уваровкой — последним крупным опорным пунктом немецких войск на территории Московской области. 26 января армия заняла станцию Батюшково и вышла на рубеж Быково, Курьяново, Семеновское. В итоге 5-я армия в течение трех недель продвинулась на 80—90 км, но так же, как и 20-я армия, вынуждена была затем остановиться из-за недостатка сил. В ее стрелковых дивизиях в результате понесенных потерь оставалось по 2,5 тыс. человек. Имея полосу наступления шириной до 45 км, армия была не в состоянии с ходу прорвать оборону противника.

В течение февраля соединения 5-й армии вели тяжелые бои на р. Воря, пытаясь прорвать оборону врага. Ее 144-я стрелковая дивизия решала задачу обеспечения правого фланга ударной группы армии. С этой целью ее командир генерал-майор М.А. Пронин направил к Минской автостраде боевую группу из состава 612-го стрелкового полка во главе с батальонным комиссаром И.А. Калиниченко.

На рассвете группа перехватила Минскую автостраду у отметки 152-й километр, прикрывшись снежным валом. Но вот появилась колонна немецких танков, двигавшаяся с большой скоростью. По команде Калиниченко в колонну полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Бойцы открыли огонь из 76-мм полковых пушек и противотанковых ружей. Противник открыл ответный огонь, но, потеряв 10 танков, был вынужден откатиться назад. Вскоре по шоссе снова двигалась лавина немецких танков. На сей раз они поддерживались ударами вражеской авиации.

Об одном из эпизодов боя этой группы стало извест-

но в 1958 г., когда работник совхоза «Некрасово» Уваровского района обнаружил в заросшем дупле гильзу патрона, а в ней узкую полоску бумаги. На ней было написано: «Нас было 12 послано на Минское шоссе преградить путь противнику, особенно танкам. И мы стойко держались. И вот уже нас осталось трое: Коля, Володя и я — Александр. Но враги без пощады лезут. И вот еще пал один — Володя из Москвы. Но танки все лезут. Уже на дороге горят 19 машин. Но нас двое. Мы будем стоять, пока хватит духа, но не пропустим до подхода своих.

И вот я один остался, раненный в голову и руку. И танки прибавили счет. Уже 23 машины. Возможно, я умру, но, может, кто найдет когда-нибудь мою записку и вспомнит героев. Я из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья. Ваш Александр Виноградов. 22 февраля 1942 г.»¹.

Южнее 5-й армии действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, имевшая задачу наступать в обход Можайска с юга и к 15 января овладеть Вереей. Наступление ее происходило в иных условиях, чем у соседей справа. Если армии правого крыла фронта наносили в основном фронтальные удары на устоявшихся прямолинейных направлениях, то 33-й армии приходилось довольно резко менять направления своих ударов, совершая сложные перегруппировки.

После овладения 4 января Боровском наступление армии в направлении Вереи, вследствие упорного сопротивления противника, развивалось медленно. Ввиду этого командование армии, перегруппировав силы, нанесло по Верее два удара: с юга, вдоль р. Протва, и с востока. 19 января Верея была освобождена.

В этой обстановке в стыке 33-й и 43-й армий между Крюково и Дошино образовался слабо занятый врагом

¹ Московская битва в хронике фактов и событий. — М., 2004. — С. 359.

коридор шириной до 40 км. Г.К. Жуков решил выдвинуть через него соединения 33-й армии. В директиве от 17 января он поставил армии задачу: «Одновременно с ликвидацией противника в Верее главными силами армии с утра 19 января 1942 года форсированными маршами выходить в район Дубна, Замытское, имея дальнейшей задачей, в зависимости от обстановки, удар на Вязьму или обход ее с юго-запада...»¹ Таким образом, вторая задача ослабленной 33-й армии, соединения которой еще продолжали вести упорные бои в районе Вереи, ставилась на глубину 120—130 км.

Выполняя указания командующего войсками фронта, М.Г. Ефремов создал ударную группировку в составе 338, 329, 113 и 160-й стрелковых дивизий, которые без отдыха, пополнения личным составом и материальными средствами вели непрерывное наступление с 18 декабря 1941 г. Армия, действуя в условиях снежной зимы, была недостаточно оснащена лыжами и лыжными установками для артиллерии, а также автомашинами и конным транспортом.

Следует также отметить, что при постановке 33-й армии очень значительной по глубине задачи командование Западного фронта даже не организовало обеспечение флангов ее ударной группировки. Усилия соседей справа и слева нацеливались по расходящимся направлениям: 5-й армии — на Гжатск, 43-й — на Юхнов. Впоследствии, уже после войны, Жуков в беседе с главным редактором «Военно-исторического журнала» генерал-лейтенантом Н.Г. Павленко заявил: «Вопрос обеспечения флангов — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева. Что должен был делать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 3—4.

Завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того, чтобы у него был тыл обеспечен. Он этого не сделал...»¹. Но генерал М.Г. Ефремов, видя в отличие от командования фронта угрозу флангам, как раз-то и ставил эти, по терминологии Жукова, «распорки». На фланги ударной группировки он выделил все, что было возможно в той обстановке: стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии, стрелковый батальон из 338-й стрелковой дивизии, стрелковый батальон из 93-й стрелковой дивизии, два стрелковых батальона из 9-й гвардейской стрелковой дивизии, а также другие подразделения. Кроме того, Ефремов, исходя из обстановки, 28 января запросил Военный совет соседней 43-й армии о выделении части ее сил для совместных действий по отражению возможного удара противника, грозившего перерезать коммуникации ударной группы 33-й армии. В ответ на его запрос Военный совет 43-й армии сообщил: «Все силы и средства 43-й армии направлены на юго-запад с целью овладения Юхновом. Никаких сил вам выделено быть не может».

Что касается Жукова, то вызывает сомнение то, что генерал армии, накануне войны — начальник Генерального штаба Красной Армии, не был знаком с положениями учебного пособия академии Генерального штаба Красной Армии издания 1938 г. «Работа штаба армии», в котором отмечалось: «...обеспечение открытого фланга каждого соединения лежит на вышестоящей инстанции. Командующий фронтом по отношению к армии выполняет это обязательство при помощи боевой авиации и мощных подвижных соединений»².

По сути дела, ударные соединения армии бросались в

¹ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г.: операция или имитация? // Военно-исторический архив. — 1998. — № 3.

² Там же.

глубокий тыл противника без дополнительного усиления и какого-либо обеспечения их действий со стороны фронта. Командование фронта заботилось только о том, что постоянно приказывало 33-й армии быстрее выдвигаться вперед на запад. Так, 26 января 222, 110 и 160-й стрелковым дивизиям была поставлена задача за два дня пройти с боями по бездорожью около 100 км. 93-й и 113-й стрелковым дивизиям за это же время необходимо было пройти 60—80 км. Можно ли было выполнить такие задачи в той обстановке? Как отмечалось впоследствии в отчете Оперативного управления Генерального штаба «Операция 33-й и 43-й армий на вяземском направлении»: «Все ограничилось голой постановкой грандиозной задачи, оторванной от конкретной действительности... Фронт только одним заботится, что торопит армию к огульному, ничем не обеспеченному движению вперед»¹.

30 января, то есть через два дня после того, когда должен быть выполнен, но не выполнен предыдущий приказ, Жуков поставил 33-й армии новую задачу: «Ударной группой армии без задержек наступать в направлении Красный Холм, Соколово, куда выйти не позднее 1 февраля 1942 года. В дальнейшем, взаимодействуя с группой Белова, овладеть Вязьмой, охватывая ее с юго-запада.

Всемерно ускорить выдвижение вперед 329-й и 9-й гвардейской стрелковых дивизий. Ударной группой не топтаться перед слабым заслоном противника. Сил вам дано много, и только от стремительности их действий зависит конечный успех. Вам быстрее выехать в 113-ю стрелковую дивизию, откуда управлять ударной группой»². Таким образом, вслед за брошенными в необес-

¹ Отчет Оперативного управления Генерального штаба «Операция 33-й и 43-й армий на вяземском направлении». // ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 5—6.

² ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 8—9.

печенный прорыв дивизиями 33-й армии туда же спешно направляется и ее командующий — генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. В этой связи вновь хочется обратиться к послевоенным высказываниям Жукова, в частности, к следующему: «...я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую». Сразу же возникает вопрос: а кто же, как не Жуков, организовал все эти «действия»? Ведь не сам же генерал Ефремов, по своей личной инициативе, принял решение с четырьмя истощенными до предела дивизиями, без танков, без лыжных батальонов и необходимого количества боеприпасов в условиях бездорожья начать безоглядное наступление в направлении Вязьмы. Нет! Сам он этого сделать без приказа не имел права, он лишь, как и подобает военному человеку, четко выполнял приказ вышестоящего командования, в данном случае командующего войсками Западного фронта генерала армии Жукова.

К тому же, как и ранее, соединениям 33-й армии ставилась непосильная задача. В сложных условиях они должны были с боями за 1—1,5 суток преодолеть расстояние от 25 до 90 км. Выполняя эту задачу, дивизии ударной группы армии оторвались от ее остальных сил на 75—80 км. Однако и на этот раз командование фронта не приняло никаких мер по авиационной поддержке наступающих в отрыве войск и обеспечению их флангов.

Но даже тогда, когда такая возможность появилась, генерал армии Жуков по непонятной причине не использовал ее. Так, согласно приказу штаба Западного фронта от 1 февраля 1942 г. 9-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся ранее в районе Шанского Завода, начала движение к Вязьме по пробитому ударной группой коридору и 2 февраля находилась уже в районе деревни Замытское. Здесь ее командиру, генерал-майору А.П. Белобородову, «стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью под-

рубить основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее»¹. Дивизия, имея в своем составе около 10 тыс. человек, то есть больше, чем вся ударная группа 33-й армии, была способна сорвать попытку противника нанести удар под основание вклинения этой группы и тем самым не допустить ее окружения. Однако этого не произошло. 2 февраля дивизия была передана в состав 43-й армии.

Ошибка командующего войсками Западного фронта Г.К. Жукова, не использовавшего своевременно эту полнокровную дивизию для отражения флангового удара противника в образовавшемся коридоре, — очевидна. Только спустя 1,5 суток, когда время уже было упущено, им была сделана явно запоздалая попытка оставшимися в наличии частями 9-й гвардейской стрелковой дивизии восстановить положение. Дивизия, ведя наступление с ходу в полосе до 10 км, без должной артиллерийской подготовки, понесла тяжелые потери и, естественно, успеха не имела. Коммуникации вырвавшихся далеко вперед соединений ударной группы 33-й армии были перерезаны. Однако командование фронта недооценило этот факт и в первые дни мер по восстановлению прерванных коммуникаций не приняло. Это позволило противнику подтянуть дополнительные силы и средства и надежно закрыть брешь в своем оперативном построении. После этого наконец-то последовала реакция со стороны главнокомандующего западным направлением и одновременно командующего войсками Западного фронта генерала армии Г.К. Жукова. От командующего 43-й армией генерала Голубева он потребовал до 4 февраля восстановить положение. Батальон, который оборонял фланги прорыва, генерал Жуков приказал «вернуть обратно, виновных в сдаче этого особо важного

¹ *Белобородов А.П. Всегда в бою. — М., 1979. — С. 135.*

пункта арестовать, судить и расстрелять на месте независимо от количества»¹. Генералу Ефремову приказывалось «ускорить взятие Вязьмы, используя время, пока противник еще слаб».

Потеря Вязьмы, а также тех питающих коммуникаций, что проходили через город, имела бы катастрофические последствия для всей группы армий «Центр». Удержание ее стало фактором стратегического значения. Вот почему фельдмаршал Клюге приказал в первую очередь без всякого промедления стягивать войска к Вязьме, а уж только потом заняться ликвидацией брешей в оперативном построении. Выполняя этот приказ, противник сосредоточил под Вязьмой до шести дивизий. Соединения ударной группы 33-й армии, начавших атаку Вязьмы, он встретил хорошо организованной системой огня всех видов и контратаками пехоты, поддержанной танками и авиацией.

4 февраля генерал Ефремов докладывал в штаб фронта: «Населенные пункты в 10—12 километрах южнее, юго-восточнее и юго-западнее Вязьмы немцы превратили в опорные пункты с большим количеством огневых средств (минометы, пулеметы, артиллерия).

Сведения о наличии около 200 танков на участке Вязьма, Лосмино подтверждаются. Танки замаскированы в снежных нишах по дороге Вязьма — Лосмино.

Противник стремится на ряде участков отрезать пути подвоза и эвакуации. Части вынуждены вести бой в ближайшем тылу и расходовать много сил на обеспечение флангов. ВВС противника держит под постоянным воздействием боевые порядки, тылы и дороги армии.

Армия продолжает выполнять задачу по овладению Вязьмой днем и ночью»².

¹ Суровые испытания. — С. 295.

² Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. — С. 185.

В тот же день командующий 33-й армией отдал приказ командирам дивизий ударной группы, в котором потребовал: «Все тылы, все канцелярии превратить в действующую силу против врага. Все мобилизуйте, и враг будет разгромлен, враг нами окружен... Требую от всех понимания одного — у нас выход один — это наступление вперед на Вязьму, и другого выхода быть не может. Трусов, отступающих, паникеров — расстреливать на месте»¹.

Убедившись в том, что выполнить поставленную задачу имевшимися слабыми силами не удастся, генерал Ефремов 5 февраля обратился в штаб фронта с просьбой: «Скорее, как можно быстрее отправьте положенное пополнение дивизиям... Усилить, необходимо усилить ударную группировку армии»². На этот запрос поступает ответ Жукова, который трудно поддается комментарию: «Меньше истерики. Держите себя более спокойно»³.

А между тем положение с людьми в группе Ефремова близко к катастрофическому. 7 февраля представитель Генерального штаба в 33-й армии подполковник Н.Н. Борисенко в своем докладе наркому обороны И.В. Сталину отмечает: «Товарищ Ефремов с опергруппой армии находится в деревне Желтовка. В четырех километрах — противник. Нервозности не проявлял. Войска ударной группы армии держит в руках. Связь с 113, 160, 338 и 329-й стрелковыми дивизиями бесперерывно имеется...

Привожу численность личного состава полков 113-й стрелковой дивизии по состоянию на 6 февраля 1942 года. 1288-й стрелковый полк: пехота — 53 человека, в спецподразделениях — 214 человек, в тылах — 188 че-

¹ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. — С. 186.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 157. Л. 5.

³ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г.: операция или имитация? // Военно-исторический архив. — 1998. — № 3.

люк. 1290-й стрелковый полк: пехота — 56 человек, в спецподразделениях — 286 человек, в тылах — 159 человек. 1292-й стрелковый полк: пехота — 80 человек, в спецподразделениях — 256 человек, в тылах — 174 человека. В других дивизиях аналогично»¹.

Но и после этого доклада пополнение в ударную группу 33-й армии направлено не было. Зато командующему армией была поставлена новая задача, теперь уже на прорыв из окружения. При этом ему предлагалось самостоятельно согласовать свои действия с действиями 43-й и 49-й армий, которые по замыслу командования Западного фронта должны нанести встречный удар. Ефремов вполне обоснованно доложил, что сил для нанесения удара с целью прорыва из окружения у него нет. Но есть возможность усилить его группировку за счет прохода к нему через не занятые противником промежуточные лыжных частей. И вновь это предложение, как, впрочем, и все предыдущие, не нашло поддержки у Жукова, который ответил Ефремову: «Мы не можем нормально питать вас, а вы предлагаете еще подать к вам части. Это несерьезно с вашей стороны»².

Лишь 14 февраля генерал армии Жуков в переговорах с командующим 43-й армией генералом Голубевым проявляет беспокойство положением группы Ефремова: «...нам очень важно быстрее пробиться к Ефремову, короче говоря, очистить его тыловые пути, подать ему боеприпасы и вывести оттуда 1000 человек раненых... Поэтому действовать надо быстрее, чтобы не поставить Ефремова под изолированное положение, это надо сделать обязательно... Поймите, что за это расплачиваются люди жизнью, которые, умирая, не могут сказать вам

¹ Митягин С. Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г.: операция или имитация? // Военно-исторический архив. — 1998. — № 3.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 157. Л. 358.

спасибо... Сейчас примите все меры к тому, чтобы... части вошли бы в связь с Ефремовым»¹.

После этого совсем непонятно, почему руководящий боевыми действиями в тяжелой обстановке и делающий все возможное и невозможное командующий 33-й армией генерал Ефремов еще до завершения операции обвиняется в том, что попал в окружение. 21 февраля Жуков подготовил для отправки Ефремову зашифрованную телеграмму следующего содержания: «Как показало следствие, никто, кроме командующего 33-й армии, не виновен в том, что его коммуникации противник перехватил»².

Рассматривая боевые действия 33-й армии, нельзя не обратить внимания и на такой факт. 28 января 1942 г. Жуков подписал теперь уже скандально известную боевую характеристику на командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Вот ее содержание: «Генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич командует 33-й армией с конца октября 1941 года. Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведенных армией операциях неизменно нуждался в постоянном, жестком руководстве со стороны командования фронтом, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится все время подстегивать, за что имеет выговор в приказе.

Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа»³.

¹ Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — М., 1994. — С. 123—124.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 157. Л. 560.

³ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г.: операция или имитация? // Военно-исторический архив. — 1998. — № 3.

Однако вся предыдущая служба Ефремова показывает, что к этому времени это был опытный, компетентный военачальник. Ефремов Михаил Григорьевич родился 27 февраля 1897 г. в городе Тарусе. Некоторое время работал в Москве на фабрике Рябова гравером-инструментальщиком и одновременно учился на Пречистенских вечерних рабочих курсах. В 1915 г. призван в армию, где закончил учебную команду 55-го запасного полка и школу прапорщиков в Телави на Кавказе.

В дни Октябрьской революции М.Г. Ефремов в Москве вступил в 1-й Замоскворецкий красногвардейский отряд. С февраля 1918 г. он в Красной Армии. Командовал ротой, батальоном, 13-м пехотным Астраханским полком. С 1919 г. — член Коммунистической партии. В 1920 г. при освобождении Баку возглавлял группу бронепоездов. Эта операция, вошедшая в историю как Бакинский рейд, считалась классической операцией по действиям в глубоком тылу противника и вплоть до Великой Отечественной войны изучалась курсантами военных училищ и слушателями военных академий. Опыт Бакинского рейда получил широкую известность в стране, так как к ней были причастны С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, которые после Гражданской войны стали видными государственными деятелями. И.В. Сталин также успех этой операции связывал со своей деятельностью, как уполномоченный представитель ЦК ВКП (б) на Южном фронте.

В дальнейшем Ефремов командовал бригадой, дивизией, корпусом. За революционные заслуги был трижды награжден орденом Красного Знамени, одним орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина, а также Почетным революционным оружием. В 1930 г. окончил Военно-политическую академию (особый факультет единоначальников), а в 1933-м — Военную ака-

демию РККА имени М.В. Фрунзе. С мая 1937 г. командовал последовательно войсками Приволжского и Забайкальского военных округов. В 1938 г. Ефремов находился под следствием по делу командующего войсками Ленинградского военного округа П.Е. Дыбенко. В ходе следствия он опроверг все предъявленные ему обвинения. По предложению К.Е. Ворошилова и А.И. Микояна свое согласие разобраться в его деле дал лично Сталин. В ходе длительного разговора в присутствии Сталина, Ворошилова, Микояна и следователя НКВД Ефремов, не унижаясь и не показывая страха, обвинил следователей НКВД в использовании подложных документов. Все закончилось фразой Сталина: «Товарищ Ефремов! Мы верим вам! Продолжайте работать так же честно, как работали до сих пор. Мы решили поручить вам возглавить новый Орловский военный округ...» После этого Сталин со словами: «А этому обвинительному делу место не в архиве», — бросил папку с делом Ефремова в корзину для бумаг¹.

После этого Ефремов последовательно возглавлял войска Орловского, Северо-Кавказского и Закавказского военных округов. С января 1941 г. назначен первым заместителем генерал-инспектора пехоты Красной Армии. В начале Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант, он непродолжительное время командовал 21-й армией, войсками Центрального фронта, был заместителем командующего войсками Брянского фронта. 19 октября 1941 г. вступил в командование 33-й армией, действовавшей в районе Наро-Фоминска.

Следует обратить внимание, что приведенная ранее характеристика была написана, невзирая на то что 2 января 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за ликвидацию нарo-фоминского прорыва про-

¹ Гунченков И.Ф. Солдатский подвиг командарма. — Калуга, 2005. — С. 91.

тивника и успешные действия армии в ходе контрнаступления под Москвой Ефремов был награжден орденом Красного Знамени, к которому командарм был представлен Военным советом того же Западного фронта. Вызывает недоумение то обстоятельство, что подписана она Жуковым буквально через несколько дней после того, как он отдает армии Ефремова приказ на проведение важнейшей операции по окружению и уничтожению группы армий «Центр». Тогда какими же надо было руководствоваться профессиональными и нравственными критериями, чтобы посылать на ее выполнение военачальника, «с крайне ограниченным оперативным кругозором»? Все эти несоответствия вызывают много вопросов, однозначные ответы на которые, по всей видимости, уже не будут найдены никогда.

Вместе с тем уже в последних числах февраля командование группы армий «Центр» начало активные действия против ударной группы 33-й армии, прилагая все усилия, чтобы не дать ей прорваться на восток и соединиться с 43-й и 49-й армиями. О взятии Вязьмы никто уже не помышлял, так как имевшимися ослабленными силами в условиях отсутствия поддержки со стороны командования Западного фронта эта задача была невыполнима. Теперь уже надо было принимать срочные меры для спасения окруженных под Вязьмой частей 33-й армии.

В начале марта была предпринята первая попытка прорыва группы генерала Ефремова из окружения. 2 марта в 7 часов утра ее части начали наступление в направлении деревни Шеломцы. К 12 часам до этого населенного пункта оставалось всего 500 метров, но преодолеть их изможденные и малочисленные полки 160-й стрелковой дивизии не смогли. В связи с этими событиями Ефремов в своем донесении в штаб Западного фронта отмечал: «Я один веду бой на фронте более 90 километров

больше месяца, имея совсем слабые силы. Численность вам известна. Последние силы направлены на Шеломцы... У меня же нет даже роты в резерве... Словом, я нахожусь в обстановке тяжелой. Поймите, у меня только 3 тысячи тяжелораненых и нет боеприпасов, не говоря уже о продовольствии и фураже...»¹ А что же командующий войсками фронта? Он ограничивается лишь ни к чему не обязывающим ответом: «Поймите, что противнику еще тяжелей, тем более в нашей стране, где его подстерегает месть у каждого куста. В этой сложной обстановке рождается победа. Противник скоро будет смят и раздавлен, но вы сейчас должны активизировать свои действия»².

Наносившие встречный удар дивизии 43-й армии перешли в наступление только 4 марта. Несвоевременность перехода в наступление 43-й армии представитель Генерального штаба в 33-й армии подполковник Борисенко охарактеризовал следующим образом: «Голубев Ефремова просил наступать на Шеломцы в 7.00 2 марта, а сам топчется на месте. Ефремов считает это подлостью». К 10 марта до соединения с ударной группой 33-й армии соединениям 43-й армии оставалось преодолеть 2 км. Однако и здесь не хватило последнего усилия.

Не смогла добиться успеха и 49-я армия. В этом смысле весьма показателен доклад ее командующего генерала Захаркина командующему войсками фронта: «У меня имеются два средних танка, которые находятся у шоссе восточнее Кувшиново. Ожидаем шесть танков, они не прибыли, должны прибыть в Мятлево. Медлительность действий происходит вследствие упорного

¹ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г.: операция или имитация? // Военно-исторический архив. — 1998. — № 3.

² Там же.

огневого сопротивления противника и труднодоступной местности. Местность чрезвычайно лесистая.

Кроме того, дивизии имеют весьма малочисленный состав. Вчера прибыло пополнение, которое сегодня вводится уже в строй»¹. Хочется подчеркнуть, что речь идет не о роте или батальоне, а об армии, в которой после прибытия выделенных фронтом боевых машин должно насчитываться 8 танков! Конечно же, прорвать подготовленную оборону немецких войск одни ослабленные стрелковые дивизии были не в состоянии. Противник, перегруппировав на это направление дополнительные силы, отбросил наступавшие навстречу друг другу части двух армий и вновь расширил разделявший их коридор до 7—8 км.

Вот объективная оценка тех событий, приведенная в отчете Оперативного управления Генерального штаба: «...благодаря успешно проведенной операции противником разъединяющий коридор увеличился с 2 до 7—8 километров. С этого дня положение частей Западной группировки 33-й армий с каждым днем стало ухудшаться.

Несмотря на то что обстановка требовала объединенных усилий 43-й и 49-й армий на этом направлении, но этого не было сделано, армии продолжали вести бои каждая на своем направлении без тесного взаимодействия»².

Данный отчет вызывает интерес прежде всего своей беспристрастностью и объективностью, когда вещи называются своими именами, невзирая на должности и звания. В то же время говорить об объективности докладов командующего войсками фронта генерала армии Жукова нельзя. Первое, что бросается в глаза и вызывает естественное недоумение при чтении его докладов Сталину, — это странные по содержанию донесения о

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1433. Л. 187.

² Отчет Оперативного управления Генерального штаба...// ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 29.

действиях 33-й армии. В большинстве случаев доклады начинаются почему-то с боевых действий Восточной, то есть не попавшей в окружение, группировки армии, которые существенного значения, тем более на фоне стремительно ухудшающейся обстановки в Западной группировке, не имели.

Так, в донесении от 5 марта 1942 г. о 33-й армии указывается, что «положение частей армии без существенных изменений. Напряженные бои идут в районе разъезда Угрюмово», то есть речь идет о Восточной группировке. Вместе с тем именно в эти дни части Западной группировки силами 160-й стрелковой дивизии вели упорнейшие бои за опорный пункт противника Шеломцы, находящийся в середине коридора, разъединяющего части Ефремова и 43-ю армию. Это, конечно, был кульминационный момент всей операции — захватив этот населенный пункт и соединившись с частями 43-й армии, дивизии Ефремова вышли бы из окружения.

12 марта, когда стало ясно, что операция по прорыву коридора проваливается, доклад опять начинается с Восточной группировки 33-й армии, части которой «в течение дня вели методический огонь на разрушение огневых точек...», Западная группировка армии «удерживала занимаемые позиции...».

Но и это еще не все. 23 марта 1942 г. три дивизии — 113, 160 и 338-я, — голодные, с минимальным количеством только стрелковых боеприпасов, ведущие ожесточенные бои с наступающим со всех сторон противником, неожиданно получают от командующего войсками фронта вот такую «оценку» своих действий: «в результате слабого сопротивления трех дивизий Ефремова и оставления ими района Шеломцы и сдачи ряда пунктов... положение группы значительно осложнилось...»¹ Далее

¹ Митягин С.Д. Тайна шпыревского леса. — М., 2006. — С. 34.

Ефремову даются совершенно оторванные от реальной обстановки указания: «...необходимо организовать оборонительные действия так, чтобы ни в коем случае не допустить сдачи занимаемой территории и не допустить сужения района действия группы...»

Между тем положение Западной группы 33-й армии под Вязьмой становилось просто трагическим. Ее потери с 1 по 20 марта составили 1343 человека убитыми, 3079 ранеными и 1151 человек пропавшими без вести. Немецкое командование бросило против группы Ефремова части семи дивизий. К 28 марта противнику удалось сузить кольцо окружения до размеров 10 на 25 км. 30 марта Жукову поступило очередное донесение о крайне тяжелом положении Западной группы 33-й армии. В нем генерал Ефремов сообщал: «С рассветом авиация противника действует группами и одиночными вылетами. Она бомбит расположение войск в Стуколово, Тетерино, Цынеево, Аракчеево, Дмитровке, Александровке. Если есть возможность, прошу помочь авиацией». На этом документе Жуков собственноручно оставил следующую резолюцию: «Худякову. Немедленно пошлите одно звено к Ефремову, чтобы поднять их настроение»¹. Да, одним звеном самолетов оказать помощь окруженным войскам, конечно же, невозможно, и командующий войсками фронта прекрасно понимал это. Но разве главное в той критической обстановке заключалось в «поднятии настроения» сражавшихся из последних сил людей?

Но и в такой обстановке части группы продолжали мужественное сопротивление. В течение ночи на 28 марта они отбили атаки противника в районе деревень Морозово и Манулино. 2 апреля немецкое командова-

¹ Митягин С. Д. Тайна шпыревского леса. — С. 77.

ние предъявило генералу Ефремову и командирам 113, 160 и 338-й стрелковых дивизий ультиматум о сдаче:

«Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окруженной 33-й Красной Армии и подчиненных ей 113, 160 и 338-й стрелковых дивизий.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что советское правительство не сумело оценить значения германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг нее кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Так же и в будущем, этим трем храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии...

Генерал Ефремов! Командиры! Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идет навстречу своему уничтожению. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить вас от неизбежной гибели...

Германское верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает вам сдаться...»¹ Ответа на свой ультиматум немецкое командование не получило.

Говоря о положении окруженных войск, противник был недалек от истины. 23 марта в штаб фронта поступило очередное донесение генерала Ефремова: «Части 33-й армии несут значительные потери. Положение стало крайне тяжелым. Артиллерией маневрировать невозможно, лошади падают, обессилели. Нет фуража, горючего к тракторам также нет.

Положение с продовольствием чрезвычайно тяже-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 338. Оп. 5879. Д. 27. Л. 453—454.

лое. В сутки красноармейцы получают 100 граммов хлеба и 200 граммов конины. Сухари выдают раненым.

Несмотря на ваше запрещение не поднимать вопроса о выброске вооруженного пополнения, я вынужден все же просить дать десантом хотя бы 1000 человек пополнения в целях усиления боеспособности, выигрыша времени до присоединения и тем самым спасти раненых (свыше 3000 человек) и материальную часть.

Повторяю, противодействовать наступлению противника нечем. С пассивных участков, которых почти нет, все использовано... Все возможности исчерпаны. Прошу помощи от Вас»¹.

А вот что сообщал начальнику Управления особых отделов НКВД начальник Особого отдела Западного фронта комиссар государственной безопасности 3 ранга Л. Цанава: «За последнее время положение частей ударной группы 33-й армии стало еще более затруднительным. Отрезанность ее от баз снабжения чрезвычайно осложнила положение со снабжением боеприпасами, продовольствием и лишила возможности частям группы пополняться личным составом.

В результате такого положения значительная часть артиллерии законсервирована из-за отсутствия горючего и боеприпасов.

Потери с 1 февраля 13 марта составляют: убитыми— 1290 человек; ранеными — 2531 человек.

Пополнение личным составом не производится. Особенно напряженное положение со снабжением частей группы продовольствием. Питание личного состава состоит из небольшого количества разваренной ржи и конины. Соли, жиров и сахара совершенно нет. В 338-й стрелковой дивизии личному составу выдается разва-

¹ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г. ...

ренная рожь и жидкий суп. 13 и 14 марта бойцы 1297-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии получили по 60 граммов сухарей и бульон из конины. На почве недоедания участились случаи заболевания бойцов. В 160-й стрелковой дивизии зарегистрировано более 40 случаев кишечно-желудочных заболеваний. В 338-й стрелковой дивизии имеются бойцы, у которых от недоедания появилась опухоль. В ночь на 15 марта 1942 года в 1138-м стрелковом полку умерли от истощения два бойца. На посту от истощения замерз боец из артподразделения. В отряде подполковника Кириллова из 160-й стрелковой дивизии с 10 по 15 марта 1942 года имело место 6 случаев освобождения санитарной частью бойцов от несения службы вследствие сильного истощения»¹.

Следовательно, архивные документы показывают, что растиражированные в послевоенные годы данные о ежедневной поставке авиацией Западного фронта окруженным частям и соединениям 33-й армии по 80—90 тонн различных грузов не более чем красивый миф. Они, наоборот, свидетельствуют об отсутствии необходимой помощи окруженной группировке армии практически всеми видами материальных средств. Ее снабжение осуществлялось только по воздуху и обеспечивало потребности войск в материальных средствах не более чем на 5—10%².

С каждым днем кольцо окружения вокруг Западной группировки 33-й армии неумолимо сжималось. 4 апреля с аэродрома, расположенного у деревни Дмитровка, за линию фронта вылетел последний самолет. По свиде-

¹ Митягин С. Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г. ...

² Мельников В. М. Материально-техническое обеспечение войск в Московской наступательной стратегической операции (6.12.1941—20.04.1942 гг.). Особенности материального и медицинского обеспечения соединений и частей, оказавшихся в окружении. // Военно-исторический архив. — 2006. — № 4.

тельству бывшего командира партизанского отряда «Народный мститель» В.И. Ляпина, партизаны которого вошли в состав 1134-го стрелкового полка, командующему 33-й армией генерал-лейтенанту Ефремову было предложено вылететь этим самолетом, но он наотрез отказался, предпочтя остаться со своими войсками до конца¹.

В этот же день противник возобновил наступление. Все больше сжимая кольцо окружения, он к 8—10 апреля рассек окруженную группировку. 1288-й стрелковый полк с командованием и штабом 113-й стрелковой дивизии был отрезан в районе Горбы, а 160-я стрелковая дивизия — западнее Пескова (38 км юго-восточнее Вязьмы). 1288-му полку 12 апреля удалось прорваться через немецкие боевые порядки и соединиться с главными силами дивизии. В тот день генерал Ефремов получил от командования фронта приказ на выход из окружения. Встречный удар должны были наносить 43-я и 49-я армии.

После завершения этой трагичной по своей сути операции начальник штаба ударной группировки 33-й армии полковник С.И. Киносян, эвакуированный, будучи больным, из окружения самолетом, составил подробное «Описание операции 33-й армии по овладению городом Вязьма с 20 января по 20 апреля 1942 года».

В этом отчете, отметив неукомплектованность личным составом и слабое вооружение окруженных частей армии, он сделал следующие выводы:

«Выход ударной группы армии на восток навстречу с 43-й и 49-й армиями был организован без учета времени года (весенняя распутица, большой разлив рек), что изматывало личный состав и создавало невероятные трудности в преодолении исключительно вброд этих водных рубежей... Не были учтены прошлые действия 43-й и 49-й

¹ Митягин С. Д. Тайна шпыревского леса. — С. 225.

армий, которые в течение двух месяцев вели безуспешные бои на этих же направлениях и с той же задачей».

Командующий войсками Западного фронта практически не внес никаких корректив в их малорезультативные попытки прорваться к Ефремову. Армии не получили ощутимого усиления. Авиационная поддержка Ефремова была неудовлетворительной, велась в основном малочисленными группами, чаще — одиночными самолетами.

В результате, как отмечает полковник Киносян, «ударная группа 33-й армии поставленную Главкомом задачу в директиве выполнила — вышла на рубеж Мосеевки, Жары, где должна была соединиться с частями 43-й и 49-й армий, но в результате прекращения ими наступательных действий и невыполнения поставленной Главкомом задачи части 33-й армии, израсходовав последние огнеприпасы, без питания, окончательно ослабли и все же продолжали вести упорные бои, но, не получив поддержки с востока, конечной цели — соединения со своими частями — не достигли»¹.

В ночь на 14 апреля части 33-й армии с исходного рубежа Шпырево, Жолобово (38 км юго-западнее Вязьмы) начали свой самостоятельный выход из окружения. В голове колонны главных сил шли генерал М.Г. Ефремов, начальник артиллерии армии генерал П.Н. Афросимов, другие офицеры, а замыкали ее подводы с тяжелоранеными под охраной арьергардов полков. Арьергард всей группы составляла 113-я стрелковая дивизия.

На рассвете противник обрушил огонь на двигавшиеся войска. В тот день особо сильно пострадали обозы. В лесу южнее деревни Шпырево немецкие танкисты настигли колонну с ранеными, всего 2193 человека. Их сопровождали 60 врачей, 107 человек среднего меди-

¹ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г. ...

цинского персонала, 204 возчика, главным образом подростки из окружающих деревень и сел. Охраняла обоз рота красноармейцев в составе 93 бойцов и командиров.

Разыгралась страшная трагедия. Немецкие танки врезались в подводы и в течение трех часов крушили повозки, коней и людей. Здесь под гусеницами немецких танков погибло более 2600 человек, в том числе и медицинский персонал, который до последней минуты защищал раненых с оружием в руках. Кроме того, были уничтожены обе радиостанции. Радиосвязь Ефремова со штабом фронта прекратилась.

В последующие дни немецкие части наращивали силу своих ударов. Под их воздействием отходившим войскам пришлось рассредоточиться на отдельные группы и отряды, которые пробивались самостоятельно. 16 апреля арьергард западной группировки — 113-я стрелковая дивизия, находясь в районе Шпырева, на удалении 12—14 км северо-восточнее колонны главных сил, начал форсирование реки Угра. Но, как только передовые подразделения приблизились к ее берегу, противник открыл сильный пулеметно-минометный огонь. Дивизия с боем начала форсирование реки. В ходе боя был ранен командир 113-й стрелковой дивизии полковник К.И. Миронов. Обязанности комдива принял на себя начальник артиллерии дивизии полковник В.С. Бодров. На восточный берег Угры успела переправиться группа около 300 человек. Противник, чтобы сорвать переправу частей, перенес огонь на реку. Мины разбили взбухший пористый лед. Главные силы 113-й стрелковой дивизии были вынуждены под огнем вернуться обратно, а переправившаяся группа укрылась в лесу.

На следующий день она была окружена немецкими автоматчиками с тремя танками. В ходе боя группе уда-

лось прорваться. Но противник продолжал преследование ее. Вражеские автоматчики шли буквально по пятам. Добивали раненых. Вскоре путь прорвавшимся перекрыли еще несколько танков. Снова бой. Отряд разделился на две группы. Бодров повел своих людей на прорыв через лес западнее Абрамово. Группа во главе с начальником штаба 113-й стрелковой дивизии подполковником Н.С. Сташевским пробивалась на юг. И та и другая группы вскоре были рассеяны. Сташевский погиб. Полковнику же Бодрову повезло больше. Он собрал своих людей и, продолжив движение на юго-восток, вывел группу в лес севернее Шлыкова. С наступлением темноты она лесами двинулась в сторону фронта. При подходе к линии фронта группа была обнаружена и вновь окружена. Начался бой. Густой цепью немцы вышли на поляну и стали быстро приближаться. Автоматчики группы Бодрова подпустили цепь на 50 шагов и открыли прицельный огонь. Противник, не ожидая такого мощного и организованного отпора, спешно отошел. Группа, воспользовавшись паузой, пошла на прорыв и быстро вышла на нейтральную полосу. Там по ней был открыт пулеметный, минометный и артиллерийский огонь не только немцами, но и своими. Особенно тяжело группе было преодолевать проволочные заграждения. И тем не менее до переднего края 43-й армии в районе Бочарова она добралась. Шестьдесят человек... из них 29 раненых¹.

В эту же ночь в полосе обороны 238-й стрелковой дивизии 49-й армии вышла группа в составе 10 красноармейцев во главе со старшим помощником начальника оперативного отдела штаба 33-й армии майором Толстиковым. В своем объяснении он написал: «Связь с Ефремовым потерял в лесу восточнее Ново-Михайловки. Командарм был здоров. Больше связи с ним не имел».

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 192—193.

Командование Западного фронта в те дни принимало меры к тому, чтобы вывезти генерал-лейтенанта Ефремова из окружения. В треугольник Юхнов, станция Угрюмово, Вязьма посылались самолеты, летчики которых были оповещены, что «экипаж, которому удастся установить связь с частями Ефремова, будет немедленно представлен к высшей государственной награде — званию Героя Советского Союза». Командующий 43-й армией генерал-лейтенант К.Д. Голубев отдал приказание усилить количество разведывательных групп и обещал командира группы, который найдет Ефремова и выведет его, представить к званию Героя Советского Союза¹. Но все попытки оказались тщетными. Достоверных сведений о судьбе командарма установить тогда не удалось.

На самом деле в бою возле деревни Слободка Ефремов был тяжело ранен и потерял возможность передвигаться. Не желая попасть в плен, Михаил Григорьевич 19 апреля застрелился. Его похоронили в Слободке, в 10 км от переднего края 43-й армии. По свидетельству местных жителей, тело генерала Ефремова было доставлено в Слободку советскими военнопленными. Возле могилы были выстроены с одной стороны — немецкие солдаты, а с другой — пленные и местное население. Начальник штаба немецкого корпуса полковник Шмидт призвал своих солдат сражаться за Германию так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов. Когда тело командарма опускали в могилу, немцы отдали честь и произвели ружейный салют².

Почему противник с таким почетом хоронил генерала Ефремова? Воспитывал своих солдат на примере русского героя? Следующий день был 20 апреля — день рождения Гитлера. Полковник Шмидт преподнес Гальдеру, начальнику Генерального штаба сухопутных войск

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 197—198.

² Капусто Ю.Б. Последними дорогами генерала Ефремова. — М., 1992. — С. 43.

вермахта, в качестве подарка к дню рождения фюрера сообщение о гибели и похоронах генерала Ефремова.

Вместе с тем до апреля 1943 г. генерал-лейтенант Ефремов числился пропавшим без вести. Тогда после появления сведений о его захоронении по указанию Сталина была создана специальная комиссия, которая в результате проверки направила Верховному Главнокомандующему донесение: «Генерал-лейтенант Ефремов М.Г. организовал группу бойцов и командиров для выхода из окружения. Во время одного из боев с противником в районе деревни Малое Устье генерал-лейтенант Ефремов М.Г. был тяжело ранен в бок и, не имея возможности самостоятельно передвигаться, застрелился и был похоронен в деревне Слободка Темкинского района Смоленской области.

Путем раскопки могилы и опознания трупа установлено... что Ефремов М.Г. получил тяжелое ранение в седалищную кость, лишился возможности передвигаться и, не имея уверенности на спасение от пленения, 19 апреля 1942 года покончил жизнь самоубийством — выстрелом из личного оружия в правый висок...»¹

В период выхода из окружения также героически погибли, разделив участь основной части бойцов и их командарма, начальник артиллерии армии генерал майор П.Н. Офросимов и командир 113-й стрелковой дивизии генерал-майор К.И. Миронов, получивший это звание за несколько дней до гибели². Места их захоронения остались неизвестными.

¹ Митягин С.Д. Боевые действия под Вязьмой в январе — апреле 1942 г. ...

² Мельников В.М. Материально-техническое обеспечение войск в Московской наступательной стратегической операции (6.12.1941—20.04.1942 гг.). Особенности материального и медицинского обеспечения соединений и частей, оказавшихся в окружении. // Военно-исторический архив. — 2006. — № 4.

Лишь немногие отдельные группы 33-й армии смогли прорваться из окружения. Отряд из 600 человек под командованием подполковника Кириллова влился в партизанский отряд майора В.В. Жабо. Сюда же пробился командир 338-й стрелковой дивизии полковник В.Г. Кучинев с группой из 33 человек, а отряд в количестве 450 человек во главе с командиром 160-й стрелковой дивизии полковником Н.Н. Якимовым соединился с частями 4-го воздушно-десантного корпуса. Самую крупную группу, которой удалось прорваться из окружения, возглавил комиссар 113-й стрелковой дивизии А.И. Коншин. Вместе с ним вышло около 800 человек.

Слов признательности от командующего войсками Западного фронта генерала армии Жукова эти люди ни тогда, ни после войны не услышали. За него это сделали офицеры Оперативного управления Генерального штаба, готовившие уже упомянутый отчет: «Западная группировка 33-й армии честно и доблестно дралась до конца своего существования. При недостатке в боеприпасах и продовольствии, она 2,5 месяца дралась в полном отрыве от своих войск, нанося большой урон в живой силе противнику и сковывая его большие силы своими действиями»¹. Что касается генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, то историческая справедливость в отношении его, хоть и через много лет после войны, была восстановлена — Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. ему присвоено звание Героя Российской Федерации посмертно.

Одновременно с этими событиями вели наступление и войска левого крыла Западного фронта. Здесь в начале января в результате успешного наступления 43, 49, 50, 10-й армий и группы генерала П.А. Белова между 4-й полевой и 2-й танковой немецкими армиями на рубеже

¹ Отчет Оперативного управления Генерального штаба...// ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 50.

Юхнов, Белев образовался оперативный разрыв в 100—150 км, который продолжал расширяться. Сплошного фронта не было ни у противника, ни у наступавших советских войск. Боевые действия велись вдоль дорог за узлы вражеской обороны и населенные пункты.

Командующий войсками Западного фронта поставил перед войсками левого крыла следующие задачи: разгромить соединения 4-й немецкой полевой армии, перехватить железную дорогу Вязьма — Брянск в районе Киров, Людиново. В дальнейшем наступать в общем направлении на Вязьму, чтобы во взаимодействии с войсками Калининского фронта окружить основные силы группы армий «Центр». При постановке задач генерал армии Жуков, наряду с указаниями по поддержанию взаимодействия, требовал «прекратить лобовые атаки и действовать главным образом обходами и охватами. Укрепленные противником строения сжигать, выгоняя этим немцев на холод, в поле, где и уничтожать их охватывающими ударами в первую очередь лыжных отрядов»¹.

Перейдя в наступление, соединения 43-й армии генерала К.Д. Голубева 10 января прорвали оборону противника на р. Лужа и, развивая успех вдоль Варшавского шоссе, вышли на подступы к городу Медынь — крупному узлу сопротивления врага. О том, какую роль играл этот город в системе обороны 4-й немецкой армии, красноречиво свидетельствует донесение ее штаба от 12 января 1942 г.: «Медынь блокирована с севера и северо-запада. Находящиеся там силы не могут удержать город. В случае прорыва под Медынью, что неизбежно, противник по шоссе прорвется до Юхнова, и нет возможности выставить против него ни одного немецкого солдата. Тем самым 4-я армия оказывается под угрозой разгро-

¹ Битва за столицу. Сборник документов. Т. 2. — С. 29.

ма... С потерей станции Медынь прекращается всякое снабжение армии. Крах 4-й армии неизбежен»¹.

Подступы к Медыни были укреплены заранее. Противник взорвал или заминировал мосты, создал большое количество различных заграждений, подготовил к разрушению дороги. Генерал К.Д. Голубев принял решение охватить город с разных сторон. В результате к вечеру 13 января немецкий гарнизон города был окружен. Видя безнадежность дальнейшего сопротивления, немецкие части в ночь на 14 января стали мелкими группами пробиваться в направлении Мятлева. Многие из них в ночном бою были уничтожены. Уже к утру город был полностью освобожден. Отступая, соединения противника оставили в Медыни 6 танков, 23 артиллерийских орудия, более 600 автомашин и много другой техники².

Овладение Медынью позволяло нанести удар во фланг юхновской группировки противника. Однако малочисленные соединения армии с большим трудом преодолевали сопротивление немецких войск и лишь к 29 января овладели Мятлевым и вышли на рубеж р. Изверь. На этом продвижение 43-й армии, по существу, закончилось. Охват юхновской группировки противника с севера оказался для нее непосильным.

49-я армия генерала И.Г. Захаркина, переходя в наступление с рубежа р. Суходрев, наносила главный удар в направлении Кондрово, Юхнов с задачей совместно с 43-й армией уничтожить кондровскую группировку врага.

Командование 4-й немецкой армии стремилось, удерживая позиции у Кондрова и Полотняного Завода, не допустить выхода советских войск на Варшавское шоссе. Населенные пункты в этом районе были превращены в очаги сопротивления с блиндажами и дзотами.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 565. Л. 151.

² Разгром немецких войск под Москвой. — С. 112.

Промежутки между ними простреливались, на основных направлениях были оборудованы ледяные валы.

Соединения армии, преодолевая упорное сопротивление противника, 18 января овладели Полотняным За-
водом, а 19 января — Кондровом, откуда продолжили наступление, отбрасывая немецкие войска на запад, к Варшавскому шоссе. Однако все попытки развить успех не принесли результата. Одной из причин этого были недостатки в организации наступления. На них не без раздражения указывал командующий войсками фронта: «Невыполнение задач 49-й армией, большие потери в личном составе объясняются исключительно личной виновностью командиров дивизий, до сих пор грубо нарушающих указание товарища Сталина и требование приказа фронта о массировании артиллерии для прорыва, о тактике наступления на оборону в населенных пунктах. Части 49-й армии много дней преступно ведут лобовые атаки на населенные пункты Костино, Острожное, Богданово, Потапово и, неся громадные потери, не имеют никакого успеха.

Каждому элементарно военнограмотному человеку должно быть понятно, что вышеуказанные села представляют очень выгодную и теплую оборонительную позицию. Местность перед селами — с полным обстрелом, и, несмотря на это, на одном и том же месте продолжают преступно проводимые атаки, а как следствие тупости и недисциплинированности горе-организаторов, люди расплачиваются тысячами жизней, не принеся Родине пользы»¹.

А вот что докладывал о причинах безуспешных действий армии представитель Генерального штаба майор В.С. Кондратенко в своем рапорте: «Неукомплектованность частей людьми, вооружением и неудовлетвори-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1085. Л. 78.

тельное использование поступающего маршевого пополнения, которое без подготовки часто с ходу бросается в бой. В результате большие потери при малых успехах, ибо ни командный состав, ни бойцы обстановки не знают, командиры не знают своих бойцов, а бойцы — командиров. Оборона противника из-за недостатка боеприпасов и отсутствия точных данных о ее построении остается неподавленной. Все это приводит к наступлению на «авось» и быстрой потере управления боем. Бойцы, подвергаемые огню автоматов, минометов и орудий, залегают. Продвижение останавливается»¹.

В итоге с 8 по 31 января 49-я армия продвинулась с рубежа р. Суходрев до Варшавского шоссе северо-восточнее Юхнова на 55—60 км. Это продвижение к Юхнову с востока хотя и было замедленным, но все же существенно способствовало наступлению 43-й и 50-й армий.

На направлении главного удара левого крыла Западного фронта наступали 50-я армия, 1-й гвардейский кавалерийский корпус и 10-я армия генералов И.В. Болдина, П.А. Белова и Ф.И. Голикова. В начале января соединения группы Белова вышли на подступы к Юхнову и завязали бои за город, который станет одним из ключевых пунктов зимней кампании 1942 г. Уже 2 января они захватили юхновский аэродром и вели бои в нескольких километрах от Варшавского шоссе. В этот момент Г.К. Жуков принял решение, которое до сих пор является предметом спора историков. 4 января он приказал 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу прекратить наступление на Юхнов и выйти в тыл мосальской группировке противника.

Часто высказывается мнение, что этот поворот сыграл роковую роль во всей Ржевско-Вяземской операции Западного и Калининского фронтов. Так, П.А. Белов в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1433. Л. 348.

своих мемуарах «За нами Москва» отмечает, что, по его мнению, «нужно было прежде всего окружить и разгромить немецкие войска в районе Юхнова, занять или блокировать этот город. После этого наши дивизии могли бы двигаться на Вязьму, не опасаясь за свой тыл. Обстановка требовала действовать именно таким образом». В подтверждение своей правоты Белов цитирует немецкого военного историка Типпельскирха, который пишет: «Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения... Этот корпус (имеется в виду 1-й гвардейский кавалерийский. — В.А.) достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал двигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах». Белов считает также, что овладение Юхновом силами его корпуса не вызывало сомнений.

С другой стороны, в оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии от 3 января 1942 г. положение кавалерийского корпуса Белова характеризуется следующим образом: «Опергруппа Белова вела упорные бои с крупными силами противника». Более того, группа вышла к Юхнову уже к исходу 30 декабря и последующие дни, вплоть до приказа о повороте на Мосальск, вела безуспешные бои на подступах к нему. При этом кавалерия должна была выполнять несвойственные ей задачи, то есть штурмовать город, а не развивать успех в оперативной глубине. В такой обстановке Г.К. Жуков принял обоснованное на его взгляд решение: «1. Уничтожение Юхновской группировки противника возлагается на 50-ю армию. 2. Группа Белова, не задерживаясь под Юхновом, уничтожает во взаимодействии с частями 10-й ар-

мии мосальскую группировку противника и выходит на Вязьму, обходя Юхнов с запада»¹.

Как бы там ни было, но генерал Белов приступил к выполнению задачи по разгрому мосальской группировки противника. На это корпус затратил 7 суток. За это время противник значительно усилил свою оборону на Варшавском шоссе, и выгодный момент для ввода группы генерала Белова в прорыв был упущен. Кроме того, за время выдвижения 50-й армии к Юхнову немецкие войска и здесь нарастили оборонительную группировку за счет сил, отходивших от Калуги и Малоярославца. В результате соединения армии захватить Юхнов не смогли, бои приняли позиционный характер, 4-я немецкая армия сумела сохранить свои коммуникации, а освобождение города произошло только 4 марта 1942 г.

В то время как 50-я армия вела позиционные бои под Юхновом, 1-й гвардейский кавалерийский корпус предпринимал попытки перерезать Варшавское шоссе. Первые неудачи в выполнении этой задачи вызвали негативную реакцию со стороны командующего войсками фронта. 14 января Белову был доставлен офицером связи пакет из штаба фронта. В нем находилось письмо Жукова: «Товарищ Белов! Мне совершенно непонятны последние действия вверенной Вам группы. Больше того, мне, прямо скажу, стыдно за Вас перед товарищем Сталиным за невыполнение в течение четырнадцати суток поставленной задачи... По-товарищески скажу — мне надоело Вас уговаривать, понукать и внушать. Я Вас поднял в глазах правительства, в глазах армии. Представил к двум высшим орденам, к званию генерал-лейтенанта, а Вы вместо благодарности правительству и Военному совету фронта, видимо, зазнались и не желаете выполнять даже категорических приказов, срывая

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 205. Л. 39.

план операции. Видимо, считаете это Вашим правом. Ошибаетесь! Если так пойдет дальше, пеняйте на себя и только на себя. Несмотря на мое хорошее к Вам отношение, которым Вы, видимо, злоупотребляете, я Вас не пощажу, мне государство дороже, чем Белов.

Последний раз Вас предупреждаю и категорически требую: немедленно перейти Варшавское шоссе всеми силами и выйти западнее Вязьмы, перерезав железную дорогу и все грунтовые пути...»¹

К середине января в составе группы П.А. Белова было пять кавалерийских и две стрелковые дивизии, одна танковая бригада и пять лыжных батальонов. Общая численность войск группы составляла около 28 тыс. человек, 124 орудия полевой артиллерии, 30 противотанковых пушек, 8 танков.

В последующие дни группа Белова пыталась пересечь Варшавское шоссе и продвинуться к Вязьме, но безуспешно. Ночью шоссе непрерывно освещалось ракетами, на любое продвижение к нему противник отвечал контратаками, иногда поддерживавшимися танками. Населенные пункты у шоссе по несколько раз переходили из рук в руки. Командование группы пыталось менять тактику, наступая то днем, то ночью, то на одном участке, то на другом. Все эти попытки пробиться через шоссе оканчивались неудачей. Густую сеть населенных пунктов, имеющих огневую связь друг с другом, нельзя было обойти. Прорывы лыжников или кавалеристов немедленно локализовывались контратаками немецких подразделений.

Борьба за Варшавское шоссе заставила потратить несколько дней, которые были использованы противником для принятия контрмер. О них 13 января Ф. Гальдер докладывал Гитлеру: «Продвижение противника до

¹ Митягин С.Д. Тайна шпыревского леса. — С. 44.

Вязьму займет приблизительно восемь дней. Русские будут испытывать трудности в снабжении. В течение этих восьми дней в Вязьму подойдут части 246-й пехотной дивизии, а возможно, также авангарды 330-й пехотной дивизии, которые будут переброшены сюда автотранспортом. Итого, следовательно, придут силы, в общей сложности равные одной дивизии. Таким образом, с учетом войск, находящихся на фронте, и 10-й танковой дивизии, в распоряжении будет иметься примерно 2—2,5 дивизии, чтобы остановить продвижение противника»¹.

Только в ночь на 27 января 2-я гвардейская кавалерийская дивизия смогла пробиться через Варшавское шоссе. В течение 28—29 января за ней последовали остальные кавалерийские дивизии группы. Однако южнее шоссе остались дивизионная артиллерия, тылы дивизий и корпусной госпиталь. Обеспечивавшие прорыв две стрелковые дивизии были выведены из состава группы П.А. Белова и стали подчиняться непосредственно штабу Западного фронта. Единственная танковая бригада также не вошла в прорыв, так как не успела получить новые танки. Поэтому все кавалерийские дивизии уже через 2—3 суток оказались в сложной обстановке.

31 января Белов докладывал командующему войсками фронта: «Район крайне беден продфуражем, а мои запасы кончились... Движение лесом без дорог происходит очень медленно. Днем движение невозможно вследствие активности авиации противника и полнейшего отсутствия наших истребителей». В связи с этим передвижение войск осуществлялось только по ночам, одновременно со всей остротой встал вопрос об эвакуации раненых, которых пришлось размещать по деревням.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. — С. 173—174.

К 2 февраля части группы Белова вышли на подступы к Вязьме. В ночь на 3 февраля началось наступление кавалеристов на город. Но ни командование корпуса, ни командование фронта не знали, что к тому времени противник с целью защиты основной коммуникации группы армий «Центр» перебросил в Вязьму 11-ю и 5-ю танковые дивизии. Из забитого вагонами с продовольствием, боеприпасами и автомашинами узла коммуникаций город Вязьма превратился в мощный район обороны, все деревни вокруг которого представляли собой занятые войсками опорные пункты. В каждом из них оборонялись от 100 до 300 человек с пулеметами, минометами и орудиями. Все дороги контролировались группами танков, в борьбе с которыми кавалерийские соединения из-за отсутствия артиллерии были бессильны. И не случайно, что бои за каждый населенный пункт носили ожесточенный характер, в которых части кавалерийской группы несли большие потери. Вот что вспоминал об этом Белов: «Каждый, даже самый небольшой успех мы завоевывали дорогой ценой. Только героизм и беззаветное мужество бойцов и командиров давали нам возможность хоть и медленно, но все-таки продвигаться вперед, тесня превосходящие силы противника. Однако уже чувствовалось, что наступательный порыв наших войск иссякает»¹.

Столкнувшись с прочной обороной и активными контратаками противника южнее Вязьмы, П.А. Белов обратился к Г.К. Жукову с предложением изменить направление наступления на деревню Семлево. Наступление кавалерийского корпуса на нее началось в 6.00 13 февраля. Зацепившись за окраины Семлева, продвинуться дальше кавалерийские части уже не смогли ввиду крайнего недостатка сил и средств. В своем донесении генерал Белов сообщал: «Потери были настолько велики, что

¹ *Белов П.А.* За нами Москва. — М., 1963. — С. 205.

в полках 1-й гвардейской кавалерийской дивизии оставалось по 10—15 человек, ведущих бой в пешем строю»¹.

В ночь на 17 февраля 1-й гвардейский кавалерийский корпус перегруппировался с целью обойти Семлево с запада. Смещение направления удара все дальше на запад приводило к растягиванию боевых порядков корпуса на широком фронте, а как результат, к уменьшению его ударной силы. Очередной этап наступления начался 18 февраля. Вначале оно развивалось успешно. Так, в ходе боя за деревню Стогово было уничтожено свыше 300 солдат и офицеров противника. К 20 февраля до железной дороги Смоленск — Вязьма оставалось всего 6—7 км. Однако вскоре контратаки немецких войск вынудили кавалерийские дивизии группы Белова отойти в исходное положение.

В конце февраля — первой половине марта соединения группы Белова вели тяжелые бои с целью деблокации попавших в окружение частей 329-й стрелковой дивизии и подразделений 250-го воздушно-десантного полка. К 14 марта эта задача была выполнена, однако соединения группы были до крайности измотаны. В составе пяти кавалерийских дивизий и 8-й воздушно-десантной бригады к тому моменту насчитывалось: 6252 человека, 5165 лошадей, 24 76-мм пушки, 11 45-мм пушек, две 37-мм пушки и 61 миномет калибра 50—120 мм. Из противотанковых орудий исправными были только две 37-мм пушки, остальные вышли из строя. К 16 марта все три легкие кавалерийские дивизии (41, 57 и 75-я) были расформированы, а их личный состав был обращен на доукомплектование 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий.

Во второй половине марта кавалерийский корпус П.А. Белова был вынужден развернуться на 180 градусов

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1469. Л. 36.

и вести бои в районе станции Угра. Активизация боевых действий противником в этом районе вынудила его отказаться от продолжения наступления на Вязьму. Действия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в рамках Ржевско-Вяземской наступательной операции, по существу, завершились.

В представленном командующему войсками Западного фронта генералу армии Г.К. Жукову донесении командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал П.А. Белов отмечал: «Слабый состав рейдирующей части корпуса, особенно в артиллерийском отношении, не позволил прорвать всю глубину обороны противника. Противник постоянно имел преимущество в технике. Он свободно маневрировал резервами по заранее расчищенным дорогам в глубине обороны. Части корпуса не могут прочно закрепить успех ввиду своей малочисленности и слабости в огневых средствах. Поэтому противник со своей техникой, особенно с танками, проникает в обороняемые нами населенные пункты... Вязьма не взята корпусом потому, что не по силам, железная дорога не захвачена корпусом, хотя и пересекалась, потому что противник превосходил в технике и силах. Корпус в наличном составе в состоянии делать набег, но не в состоянии удерживать захваченные населенные пункты»¹.

Признавая значительные недостатки в применении группы Белова, Оперативный отдел штаба фронта в то же время констатировал: «Несмотря на неоднократные попытки немецкого командования ликвидировать эту группу войск, нарушавших нормальную работу их тылов в продолжение длительного времени, корпус сумел прочно приковать к себе немецкие войска, находившиеся в районе Вязьма, Дорогобуж, Спас-Деменск. Противник вынужден был февраль и март затратить на то, чтобы

¹ Митягин С.Д. Тайна шпыревского леса. — С. 47.

не допустить расширения территории, занятой войсками группы Белова. По этой же причине немецкое командование ряд соединений, предназначенных для усиления передовых позиций фронта, вынуждено было держать в своем глубоком тылу исключительно для борьбы с группой Белова и разраставшимся партизанским движением. В этом смысле оперативное значение действий группы Белова в феврале и марте — велико»¹.

В ходе Ржевско-Вяземской операции для завершения окружения вяземской группировки противника Ставка запланировала выброску в районе юго-западнее Вязьмы воздушного десанта в составе 4-го воздушно-десантного корпуса.

Для десантирования выделялось 62 самолета (40 ПС-84 и 22 ТБ-3). Выброску главных сил планировалось осуществить в ночное время. Предполагалось, что через 2—3 суток с ним соединятся кавалеристы, а затем и дивизии 33-й армии, после чего десантников предусматривалось вывести из боя. Однако действия противника внесли существенные коррективы в этот план.

Первой 27 января десантировалась 8-я воздушно-десантная бригада. Действовавший в качестве передового отряда 2-й батальон был ошибочно выброшен в 15 км южнее назначенного района и был разбросан на большой площади. Сбор батальона происходил очень медленно. К концу дня 27 января было собрано только 318, а к утру 28 января — 476 человек из 648 десантировавшихся. Большую часть вооружения, боеприпасов, продовольствия, лыж и другого боевого имущества, сброшенных на парашютах, найти не удалось.

Разведывательная авиация противника почти сразу обнаружила исходный район для десантирования корпуса, и уже в ночь на 28 января на одном из аэродромов

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1469. Л. 68.

ударами бомбардировщиков было уничтожено 7 самолетов ТБ-3. В последующем налеты на аэродромы повторялись, в результате было выведено из строя еще несколько транспортных самолетов. В этих условиях командование фронта вынуждено было 31 января временно прекратить десантирование корпуса.

8-я воздушно-десантная бригада, выброшенная в тыл противника, приступила к выполнению боевой задачи. Уже в ночь на 29 января ее 2-й батальон атаковал противника в деревне Озеречня. Атака была проведена смело, стремительно. Весь гарнизон был уничтожен. Только убитыми враг оставил около 100 солдат и офицеров. Были захвачены первые трофеи — шесть автомобилей, зенитное орудие, несколько радиостанций и другое боевое имущество¹.

В период с 1 по 7 февраля 1942 г. бригада вела боевые действия по расширению района высадки. Враг стал ощущать нарастающую силу десантников, которые только на участке между станциями Реброво и Алферово восемь раз надолго выводили из строя железную дорогу. 7 февраля в район действий бригады начали выходить передовые подразделения 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Решением Г.К. Жукова 8-я воздушно-десантная бригада была подчинена командиру этого корпуса и действовала в его составе до окончания операции.

16 февраля Жуков поставил командиру 4-го воздушно-десантного корпуса новую задачу — десантировать корпус в район западнее Юхнова. Действуя с тыла, прорваться через боевые порядки частей противника и соединиться с 50-й армией для удара по юхновской группировке врага.

Первым в ночь на 18 февраля десантировался 4-й ба-

¹ Советские воздушно-десантные. — М., 1980. — С. 89.

тальон 8-й воздушно-десантной бригады. В последующие ночи проводилось десантирование частей 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад. В ночь на 23 февраля десантировались командование и штаб 4-го воздушно-десантного корпуса. Самолет, в котором находилось командование корпуса, в полете был атакован немецким истребителем, в результате чего был убит командир корпуса генерал-майор А.Ф. Левашов и ранено несколько офицеров штаба. Самолет не пострадал, командир экипажа в намеченном районе совершил посадку, высадил десантников и вернулся на свой аэродром. Командование корпусом принял начальник штаба корпуса полковник А.Ф. Казанкин.

В эту ночь десантирование частей корпуса было закончено полностью, и в соответствии с расчетами в тыл противника было выброшено и высажено 7373 человека и 1525 парашютно-десантных мягких мешков с боеприпасами, вооружением, продовольствием и различным имуществом. Однако и на этот раз выброска людей и грузов была проведена на большой площади, на значительном удалении от намеченных районов. Потери боеприпасов и другого боевого имущества значительно снизили боеспособность частей корпуса.

В ночь на 24 февраля корпус начал наступательные действия. Недостаток в артиллерии и минометах восполнялся внезапными ночными атаками подразделений, огнем с близкого расстояния и ударами холодным оружием в рукопашной схватке. Так действовал 25 февраля 4-й батальон 9-й воздушно-десантной бригады под командованием капитана Д.И. Бибикова в бою за деревню Куракино. В его подчинении было всего 88 десантников, но они успешно вели тяжелые бои с многократно превосходящими силами врага. Подразделение лейтенанта В.С. Долгова, удерживающее юго-западную окраину деревни, в течение дня отразило пять атак противника, не

отойдя ни на один метр. В конце четырехчасового боя десантники пошли в рукопашную и обратили противника в бегство. В ожесточенной схватке пал смертью храбрых лейтенант В.С. Долгов. Враг потерял в боях за Куракино до 500 солдат и офицеров¹.

С первого же дня боевых действий десантники на всех участках встретились с организованной обороной немецких войск, которая с каждым днем усиливалась. Подразделения противника располагались в основном в населенных пунктах, строили оборону ротными опорными пунктами на всех основных направлениях к Варшавскому шоссе. Огневые средства в опорных пунктах имели по несколько запасных позиций, позволяющих пулеметчикам, автоматчикам и расчетам отдельных орудий быстро перемещаться на любое угрожаемое направление.

Несмотря на столь сильную оборону, частям корпуса удалось на отдельных направлениях продвинуться на 20—25 км навстречу 50-й армии, овладеть рядом населенных пунктов и нанести противнику значительные потери.

На направлении дальнейшего наступления корпуса важным узлом сопротивления немецких войск был населенный пункт Ключи, с захватом которого открывался путь для соединения с частями 50-й армии. Деревня Ключи господствовала над окружающей местностью. Из нее выходило несколько дорог, связывающих этот сильно укрепленный пункт с рядом гарнизонов, прикрывающих непосредственные подходы к Варшавскому шоссе, важной дорожной магистральной. В ночь на 27 февраля после трехчасового боя 9-я воздушно-десантная бригада овладела Ключами. Только небольшой группе противника удалось вырваться из деревни, остальные были унич-

¹ Битва под Москвой. — С. 250—251.

тожены или пленены. Враг потерял только убитыми свыше 600 солдат и офицеров, полностью было разгромлено до двух пехотных батальонов и штаб пехотного полка, захвачены трофеи, в том числе 50 лошадей, 200 повозок и саней и много другого имущества.

Развивая с утра 27 февраля наступление в южном направлении, части корпуса вскоре подверглись сильным ударам авиации и контратакам пехоты и танков и вынуждены были перейти к обороне. Противник, сняв часть артиллерии, танков и пехоты с других участков фронта, бросил их против десантников.

В итоге февральских боев части 4-го воздушно-десантного корпуса в основном достигли рубежа, указанного командующим войсками Западного фронта. Но 50-я армия не смогла сломить сопротивление противника, прорвать его оборону на Варшавском шоссе и соединиться с ними. В течение нескольких дней бригады корпуса отражали сильные атаки пехоты и танков. Это стоило ему больших потерь. Только со 2 по 6 марта они составили 514 человек убитыми, 264 — ранеными и 34 человека — пропавшими без вести¹.

Весь март и первую декаду апреля 4-й воздушно-десантный корпус вел оборонительные бои. К этому времени он уже тесно взаимодействовал с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, образовав единую группировку. 12 апреля Г.К. Жуков отдал ей распоряжение о переходе в наступление для соединения с частями 50-й армии. Однако противник перебросил в восьмикилометровый коридор между частями этой армии и воздушно-десантным корпусом дополнительно к пехотным формированиям части 19-й танковой дивизии с задачей во что бы то ни стало воспретить соединение советских войск и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1470. Л. 16.

удержать за собой Варшавское шоссе. В результате дальнейшее наступление корпуса было остановлено.

Таким образом, цель Вяземской воздушно-десантной операции достигнута не была. Это было обусловлено рядом причин. Для переброски частей 4-го воздушно-десантного корпуса было выделено явно недостаточное количество военно-транспортной авиации. В результате десантирование войск было растянуто по времени, что позволило противнику выдвигать к районам приземления свои силы и средства и атаковать десантников еще в ходе их сбора, то есть в момент, когда десант является наиболее уязвимым.

По этой же причине некоторые виды оружия, и прежде всего артиллерия и минометы, частей и подразделений не были десантированы в тыл противника, хотя планом операции их выброска предусматривалась.

Не было должным образом организовано взаимодействие воздушного десанта с наступающими с фронта войсками. Слабо была организована его поддержка фронтовой авиацией. Недостаточно конкретно планировалось снабжение десанта всеми видами довольствия в ходе боевых действий. Как отмечалось в оперативно-тактическом очерке Оперативного отдела штаба Западного фронта: «Сложившаяся обстановка вызывала необходимость постепенного превращения почти всех выброшенных авиадесантных отрядов в обычные стрелковые войска, а некоторых и в партизанские отряды. Длительное пребывание отрядов в тылу врага на положении стрелковых частей ставило их зачастую в критическое положение: они не имели ни баз снабжения, ни собственных тылов. Специфичность организации и характера боевых действий авиадесантных отрядов не позволила им всегда успешно разрешать сложные боевые задачи — наземный противник оказывался сильнее их, поэтому они вынуждены были иногда ограничивать свою

роль сковывающими действиями на том или ином участке фронта»¹.

На заходящем крыле Западного фронта действовала 10-я армия генерала Ф.И. Голикова. Такое положение придавало особый характер ее действиям. В начале января 1942 г. армии удалось овладеть районом Сухиничей и блокировать в самом городе боевую группу только что прибывшей с запада 216-й немецкой пехотной дивизии. Ее снабжение осуществлялось только по воздуху. Ведя непрерывно бои в течение месяца в условиях зимнего бездорожья, армия наступала по отдельным направлениям. Ее дивизии двигались на запад, в основном вдоль дорог, не имея взаимной связи друг с другом. Интервалы между ними достигали 20—30 км и более. Общая ширина полосы наступления армии (от Мосальска до Жиздры) стала достигать к этому времени 110—120 км.

В директиве от 9 января 1942 г. командование Западного фронта приказало армии овладеть Кировом и выйти на железную дорогу Вязьма — Брянск, а затем содействовать развитию удара на Вязьму. Армия была весьма близка к выполнению поставленных перед ней задач: 9 января ее дивизии заняли Людиново, а 11 января — Киров.

В такой обстановке начались упорные бои с противником, стремившимся не допустить дальнейшего развития наступления армии. Начиная с 12 января он начал проводить контратаки в направлении на Сухиничи. Его авиация группами самолетов бомбила и обстреливала боевые порядки соединений и частей армии, а окруженный в Сухиничах немецкий гарнизон начал активную разведку на нескольких участках. Было очевидно, что немецкое командование, учитывая глубокий выход 10-й армии в район Кирова, ее растянутое по фронту положе-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1470. Л. 5.

ние, а также слабо прикрытый уступ между флангами Западного и Брянского фронтов, готовило контрудар.

Начиная с 15 января на левом фланге 10-й армии развернулись напряженные бои. Нанося сосредоточенный удар вдоль железной дороги Зикеево — Сухиничи, противник оттеснил растянутые по фронту части 322-й стрелковой дивизии к северо-востоку и стал продвигаться вперед. 19 января части дивизии были вытеснены из Людинова, и немецкие войска вновь овладели этим пунктом. Таким образом, за одну неделю обстановка на левом фланге армии сильно осложнилась.

За первые 7—8 дней наступления сосредоточенные на узком участке войска противника, используя свое фланговое положение и промежутки в оперативном построении 10-й армии, продвинулись вперед на 40—45 км. Растянувшиеся по фронту и попавшие под сильный фланговый удар части армии вынуждены были отойти к северу от Людинова, к северо-западу и северо-востоку от Жиздры и перейти к обороне.

21 января командующий войсками фронта Г.К. Жуков в переговорах с командующим 10-й армией Ф.И. Голиковым жестко потребовал не допустить дальнейшего отхода: «Почему части армии отходят без приказа и виновные в этом не несут ответственности, положенной по приказу фронта?.. Понятно ли Военному совету армии, что исключительная пассивность, отсутствие управления, беспечность привели к активности противника с целью вывода 216-й пехотной дивизии из Сухиничей, и второе — понятно ли Военному совету, что дальнейшие пассивные действия армии, игра в батальоны, игра в поддавки может развязать события и помешать нам в проведении главной операции фронта? Если это случится, то Военному совету не придется организовывать управление, на его месте будет другой, а Ваши наметки, исходящие из неуверенности, я осуждаю. С такими на-

строениями только в беспорядке отходят, а победы ждать не следует... Ни одного шага армия не может сделать назад от тех рубежей, на которых армия находится. За отход без приказа будем, невзирая ни на что, арестовывать, судить и расстреливать. Требуем, чтобы и Вы беспощадно расправлялись со всеми трусами и паникерами»¹.

Однако в чем нельзя было упрекнуть войска, так это в отсутствии стремления любой ценой выполнить поставленные задачи. Примеров их героических действий было множество. Вот лишь один из них. В ночь на 23 января действовавший в районе Сухиничей небольшой лыжный отряд 2-го мотострелкового полка отдельной мотострелковой бригады особого назначения под командованием капитана К.З. Лазнюка скрытно подошел к деревне Хлуднево, где находилось около 400 немецких солдат и офицеров с танками и артиллерией. Проведя разведку и сняв часовых, мотострелки внезапно ворвались в опорный пункт и забросали дома гранатами. В завязавшейся перестрелке был тяжело ранен капитан Лазнюк. Его заменил военком отряда лейтенант М.Т. Егорцев. Обладая численным превосходством, противник начал окружать отряд. Возле одного из сараев военком организовал круговую оборону. На предложение врага сдаться подразделение ответило огнем. За ночь оно уничтожило более 120 солдат и офицеров противника.

Утром сарай был обстрелян из минометов. Под минами погибли лейтенант Егорцев и многие бойцы. Командование принял заместитель политрука рядовой Л.Х. Паперник. Наступил момент, когда в живых остался он один. Подпустив поближе окружавших его немецких солдат, он взорвал их и себя гранатой. 21 июля 1942 г. Паперник был посмертно удостоен звания Героя Совет-

¹ Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. — С. 103—104.

ского Союза, а остальные воины отряда — ордена Ленина. Ныне возле деревни Хлуднево на возвышенном месте в честь 22 погибших героев-лыжников воздвигнут обелиск, на котором высечены их фамилии.

В то же время, не ожидая дальнейшего развития событий, Жуков 21 января приказал управлению и штабу 16-й армии: перейти в район Сухиничей, принять в свое подчинение соединения и части 10-й армии, организовать противодействие противнику и восстановить положение.

24 января генерал К.К. Рокоссовский со своим штабом уже находился в Мещевске и приступил к подготовке операции по восстановлению утраченного положения. В этот момент сюда прибыл заместитель командующего войсками Западного фронта генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. О дальнейших событиях в штабе армии пишет Рокоссовский: «Выслушав мой доклад (Кузнецов. — В.А.), в повышенном тоне заявил, что наши мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию...

До меня дошли любопытные сведения относительно «дебюта» Ф.И. Кузнецова после того, как он побывал у нас и был направлен Г.К. Жуковым в 61-ю армию. Ему так же, как и в 16-й, не понравились мероприятия, проводимые командармом М.М. Поповым. О своих претензиях он доложил по телеграфу комфронта. Тот незамедлительно отреагировал на его доклад, приказав ему вступить в командование 61-й армией. Ф.И. Кузнецов, пытаясь избежать столь неожиданного назначения, доказы-

вал, что М.М. Попов в состоянии выправить положение после полученных указаний, но его доводы не помогли ему избавиться от более ответственной самостоятельной должности. И пришлось ему вступить в командование 61-й армией... Не прошло и недели, как противник перешел в наступление и продвинулся на одном из участков 61-й армии до 30 километров. М.М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф.И. Кузнецов вообще выбыл из состава Западного фронта»¹.

В то время, когда штаб Рокоссовского осуществлял перемещение и готовил операцию, противник не прекращал активных действий и продолжал рваться к Сухиничам для деблокирования своих окруженных войск. Одновременно начала прорыв из окружения его сухиничская группировка. 27 января ей удалось соединиться с войсками, наступавшими навстречу.

С 24 часов 27 января в районе Сухиничей была создана новая, 16-я армия. В ее состав были переданы из 10-й армии пять стрелковых дивизий, одна танковая бригада и два лыжных батальона. 29 января соединения армии заняли Сухиничи. После этого Рокоссовский получил директиву командующего войсками фронта: «Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

Содержание этой директивы, а также неопределенность поставленной в ней задачи вызвали недоумение у командующего 16-й армией. Вот что пишет об этом он сам: «Для меня стало совершенно непонятным требование фронта. Наши войска нуждались в передышке... Наши силы были уже исчерпаны до предела. Командование фронта не могло не знать этого, а раз так, то оно не имело права требовать от войск того, чего те выполнить не

¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2.

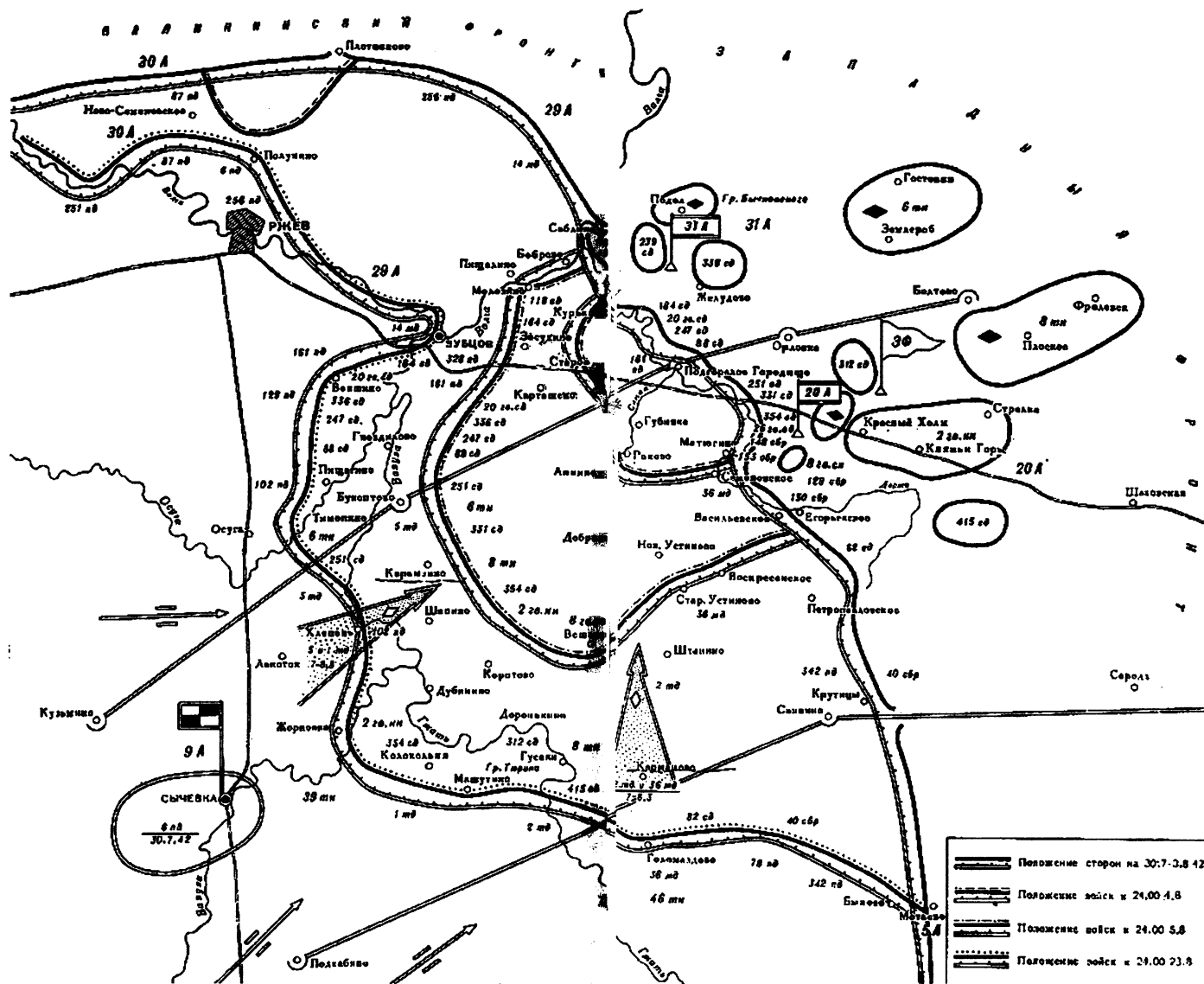
могли. Получалось, что Ставка и Генеральный штаб не хотели видеть настоящего положения дел, а командование фронтов, зная хорошо состояние войск, не желало доказывать несостоятельность наступательных мероприятий. Механически отписываясь директивами, явно невыполнимыми, оно перекладывало ответственность на командование армий»¹.

Рокоссовский подготовил и направил в штаб фронта обстоятельный доклад о состоянии его войск. На это был получен короткий и, как пишет Рокоссовский, «в резком тоне» ответ Жукова. В этой связи он, говоря о методах руководства Жукова, отмечает: «Не могу умолчать о том, что по отношению к подчиненным у Жукова преобладала манера в большей степени повелевать, чем руководить, В тяжелые минуты подчиненный не мог рассчитывать на поддержку с его стороны — поддержку товарища, начальника, теплым словом, дружеским советом. К этому мы уже привыкли и старались в случае необходимости обращаться к начальнику штаба фронта В.Д. Соколовскому.

Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой маневр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронта формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного»².

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2.

² Там же.

Погорело-Городищенская операция Западного фронта

Однако после ответа командующего войсками фронта Рокоссовскому ничего не оставалось, как продолжить наступление. Правда, Ставка передала из Брянского Западного фронту 61-ю армию, но это существенно изменить положения не могло. Одновременно с передачей этой армии фронту полоса его наступления увеличилась на 75—80 км. К тому же дивизии 61-й армии были втянуты в бои за овладение Белевом и Волховом. Новой задачи она, естественно, получить не могла, и вначале ее действия протекали, по существу, изолированно от остальных армий левого крыла Западного фронта.

Занимая к концу января полосу шириной 140—150 км, 61-я армия уже не имела сил продолжать наступление. Однако она сомкнула свой правый фланг с левым флангом 16-й армии. С этого времени обе эти армии обеспечивали левое крыло Западного фронта. Борьба с противником постепенно стала здесь принимать позиционный характер; обе стороны находились в непосредственном соприкосновении друг с другом и вели в основном огневые бои.

Результатом Ржевско-Вяземской операции явилось продвижение советских войск на витебском направлении на 250 км, на гжатском и юхновском — на 80—100 км, освобождение Московской, Тульской и ряда районов Калининской и Смоленской областей. Однако решить главную задачу — окружить, пленить или уничтожить ржевско-вяземскую группировку немецких войск — Красной Армии не удалось. В связи с этим на протяжении послевоенных десятилетий эта операция лицемерно именовалась «незавершенной». Но «незавершенных» операций не бывает, так как они, как и любое событие, имеют свои хронологические, исторические даты их начала и окончания. И в знак памяти сотен тысяч погибших наших воинов справедливо будет назвать эту операцию так, как это

было на самом деле, а именно — неудачной операцией советских войск.

Не углубляясь во все причины неудачного исхода Ржевско-Вяземской операции, приведу здесь выдержку из заключения, сделанного группой офицеров Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии сразу после ее завершения: «Неверный расчет времени и игнорирование условий, в которых действовали наши войска, привели к неправильному принятию решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена...

Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить гжатско-вяземскую, юхновскую, спас-деменскую, мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями... И получалось так, когда ударная группировка одной армии наступает, то второй — стояла на месте, а потом менялись ролями. А командование Западным фронтом продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся вразнобой, и не вмешивалось в их дела до тех пор, пока окончательно операция на этом направлении не была сорвана.

Западный фронт не создавал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха. Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной бумагой, кото-

рая не отражала действительного положения войск, и не представляли собой ценного оперативного документа. Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск...

Управление войсками, действовавшими на этом направлении, со стороны Западного фронта было слабым. Особенно это резко сказывалось в отсутствии достаточных резервов у командующего Западным фронтом, который не мог без них влиять на ход операций...»¹

Несмотря на все меры, предпринимаемые командованием Красной Армии, продолжить наступление своих сил на западном направлении зимой и весной 1942 г., оттеснить войска немецкой группы армий «Центр» с их оборонительных рубежей оно было не в состоянии. Западный и Калининский фронты не располагали уже теми силами, которые были у них в начале контрнаступления под Москвой. Пополнение фронтов нередко бросалось в бой без подготовки, с ходу и несло большие потери. За освобождение каждого населенного пункта приходилось платить дорогой ценой. Напротив, немецкие войска, закрепившись на оборонительных позициях, могли теперь не только отражать атаки советских войск, но и сами наносили контрудары. Естественно, эти удары были недостаточно мощными и не могли привести к крупному успеху, но тем не менее они изматывали соединения Красной Армии, создавали предпосылки для уничтожения отдельных вклинившихся в немецкую оборону частей.

В феврале—марте 1942 г. ситуация в полосе действий какого-либо соединения, будь то немецкого или советского, могла быстро измениться. Бои носили хотя и локальный, но ожесточенный характер. Атаки частей Красной Армии сменялись контратаками частей вермах-

¹ Отчет Оперативного управления Генерального штаба...// ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1509. Л. 47—49.

та, и наоборот. При этом ни одна из сторон не могла уже добиться решительного перевеса над противником. Вместе с тем группа армий «Центр» противника, обороняясь в тяжелых зимних условиях, находилась в более выгодном положении, чем войска Западного и Калининского фронтов. А потому и потери противоборствующих сторон отличались значительно. Для Красной Армии Ржевско-Вяземская операция превратилась в одну из самых кровопролитных операций Великой Отечественной войны. В ходе ее она потеряла 776 889 человек, из них безвозвратно — 272 320 человек, 957 танков, 7296 орудий и минометов, 550 боевых самолетов¹. В то же время, по данным немецкой стороны, за январь — март 1942 г. потери группы армий «Центр» составили около 54 800 человек убитыми и пропавшими без вести и около 120 тыс. — ранеными.

В этой связи возникает вопрос: соответствовала ли цена, которую заплатила Красная Армия за продвижение на запад в ходе общего наступления на западном направлении, тому результату, который был достигнут ее войсками к апрелю 1942 г.?

Успех группы армий «Центр» противника в обороне в конце зимы — начале весны 1942 г. во многом был достигнут благодаря хорошему управлению ее войсками, опыту тех германских генералов, которые реально оценивали обстановку на фронте и грамотно использовали силы своих частей и соединений. Напротив, советское командование переоценило первые результаты контр-наступления под Москвой и в дальнейшем не смогло переломить всевозрастающее сопротивление немецких войск. Тем не менее в документах германского командования подчеркивалось, что руководство Красной Армии

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993. — С. 176, 369.

имело «смелый план» наступательной операции. Но план этот, не обеспеченный необходимыми силами и претворяемый в жизнь без учета реальных возможностей войск, в сложившихся условиях реализован быть не мог. Но и противник потерял зимой и весной 1942 г. значительную часть опытных солдат и офицеров, найти равноценную замену которым как по качеству, так и количеству было невозможно. Потери в технике и вооружении также не покрывались существующими поставками. В наиболее многочисленной группировке немецких войск на Восточном фронте — группе армий «Центр» к весне 1942 г. практически не осталось дивизий, способных вести наступление большого масштаба. В итоге германскому командованию пришлось отказаться от новых операций на московском направлении.

Глава 5

СРАЖЕНИЯ ЗА РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Как известно, Ржевско-Вяземский выступ образовался в конфигурации советско-германского фронта в результате наступления советских войск на западном направлении в январе — апреле 1942 г. и с тех пор находился под пристальным вниманием обеих противоборствующих сторон. Германское верховное главнокомандование, планируя военные действия на предстоящее лето и реально оценивая возможности своих вооруженных сил, пришло к выводу о невозможности ведения наступления одновременно на всех стратегических направлениях. Поэтому главная цель, поставленная перед вермахтом в директиве ОКВ № 41, подписанной Гитлером 5 апреля, заключалась в том, чтобы «окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». Для этого планировалось, «сохраняя положение на центральном участке», то есть на московском направлении, на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. Как писал впоследствии немецкий генерал Варлимонт: «...Гитлер хотел сосредоточить основные усилия на крайних флангах широко растянутого фронта. Разница состояла лишь в том, что большие потери, которые понесла сухопутная армия и которые не удалось целиком восполнить, вынуждали его ставить перед собой последовательно одну

цель за другой, начиная с южного участка, с Кавказа. Москва как цель наступления... пока совершенно отпала».¹

Что касается советской стороны, то Генеральный штаб Красной Армии, оценивая возможный характер действий противника, важнейшими направлениями его наступления рассматривал ленинградское, московское, воронежское и донбасско-ростовское, но предполагал, что основные события развернутся на московском направлении. Однако главная стратегическая идея летней кампании заключалась отнюдь не в обороне, а в наступлении. Еще в марте, при обсуждении ее плана, начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников высказал предложение на ближайшее время ограничиться только ведением обороны. Но, по свидетельству Г.К. Жукова, это предложение вызвало резкую реакцию со стороны Сталина, который возразил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Нам самим надо нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника»².

Эти указания Верховного Главнокомандующего были взяты за основу при разработке «Основных положений плана Генерального штаба Красной Армии на летнюю кампанию 1942 года» и «Замысла наступательных операций». «Не ждать удара противника, — говорилось в пояснительной записке к замыслу, — а самим нанести мощный встречный или даже упреждающий удар... Истребив основные свежие резервы противника, перейти в решительное наступление на всем фронте»³. А на карте была обозначена и стратегическая цель к концу 1942 г. —

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. — М., 1998. — С. 322.

² Там же. — С. 326.

³ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 21. Л. 38—40.

выход на западную границу СССР. При этом на западном направлении предусматривался разгром ржевско-вяземско-гжатской группировки врага войсками Калининского, Западного и частью сил Северо-Западного фронтов.

Однако сложившаяся летом 1942 г. обстановка, когда инициативу вновь захватил противник, заставила советское командование отказаться от реализации этих далеко идущих планов. 16 июля, в то время, когда ударные группировки немецких войск уже рвались на Кавказ и к Сталинграду, Ставка поставила Калининскому и Западному фронтам задачу на проведение частной наступательной операции, получившей впоследствии название «Ржевско-Сычевская». Замыслом этой операции предусматривалось ударом Калининского фронта с севера на Ржев и Западного фронта от Погорелого Городища на Сычевку срезать верхний, северо-восточный угол Ржевско-Вяземского выступа, «очистить от противника территорию к северу от реки Волга в районе Ржев, Зубцов и территории к востоку от реки Вазуза в районе Зубцов, Погорелое Городище, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза»¹. Своими активными действиями фронты должны были сковать силы немецкой группы армий «Центр» на западном направлении и не допустить их переброски на юг.

Командующий войсками Калининского фронта генерал-полковник И.С. Конев решил главный удар нанести 30-й армией генерал-майора Д.Д. Лелюшенко на участке Ново-Семеновское, Плотниково в направлении Дешевки, Рамено, Полунино, Ржев, овладеть которым планировалось к исходу второго дня операции. В армию входили 10 стрелковых дивизий, 3 стрелковых и 8 танко-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 207—209.

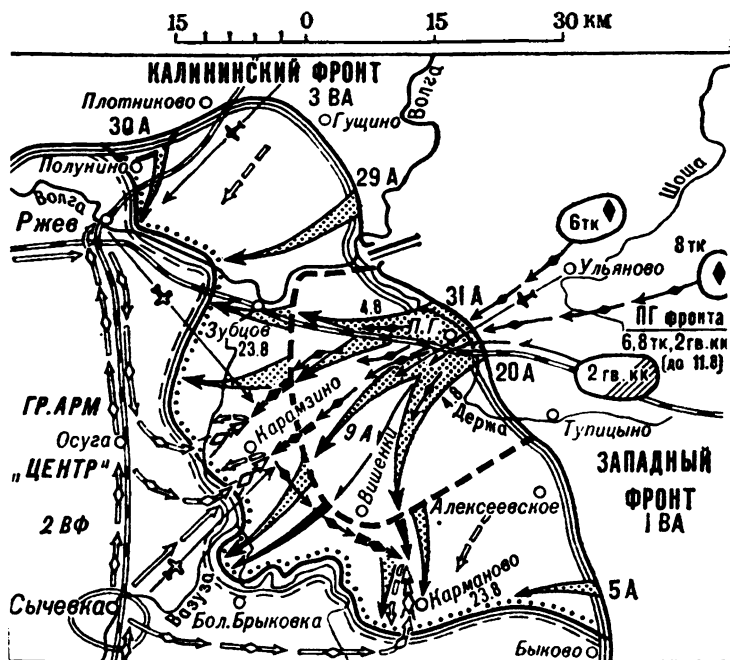
вых бригад, насчитывавших около 390 танков. В центре ударной группировки оборону противника должны были прорвать три стрелковые дивизии — 379-я с 28-й танковой бригадой, 16-я гвардейская с 256-й танковой бригадой и 2-я гвардейская с 143-й танковой бригадой. Вспомогательный удар наносился 29-й армией генерал-майора В.И. Швецова на удалении 15 км от главного силами трех усиленных стрелковых дивизий¹.

Противник, оборонявшийся перед 30-й и 29-й армиями, располагал восемью пехотными и тремя танковыми дивизиями, входившими в 9-ю немецкую полевую армию. Оборона была глубокой, строилась системой опорных пунктов с окопами полного профиля, прикрытых минными полями и проволочными заграждениями. Около 90 дзотов и более 100 артиллерийских и минометных батарей были готовы встретить наступление соединений Красной Армии на этом участке фронта.

Наступление войск Калининского фронта началось 30 июля в неблагоприятных условиях. Противник, определив день перехода 29-й и 30-й армий в наступление, привел свои войска в боевую готовность. Сплошная облачность, дождь, превратившийся в сплошной ливень, затруднили проведение авиационной подготовки. По сути дела, авиация участия в ней не приняла. За весь день она смогла сделать 86 самолето-вылетов, но из-за низкой облачности удары ее были малоэффективными.

Лучших результатов достигла артиллерийская подготовка, продолжительность которой составила 1,5 часа. Огонь вели сотни орудий разных калибров. Плотность орудий и минометов на участке прорыва 30-й армии составляла 140, а 29-й армии — 117 единиц на 1 км. Передний край обороны противника потонул в сплошном огне. После одновременного залпа 10 дивизионов

¹ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 65. Л. 5—6.

- ==== Линия фронта к исходу 29 июля
- ← Направления ударов советских войск
- - - Положение советских войск к исходу 5 августа
- ↔ Встречное сражение 7-10 августа
- ==== Линия фронта к исходу 23 августа

Сокращения: П.Г.—Погорелое Городище, ПГ—подвижная группа

Ржевско-Сычевская наступательная операция
30 июля — 23 августа 1942 г.

реактивных установок на всем участке прорыва, пехота и танки перешли в наступление.

Вот что писал о начале наступления севернее Ржева командующий артиллерией Калининского фронта генерал-полковник Н.М. Хлебников: «Мощь огненного удара была столь велика, что немецкая артиллерия после нескольких неуверенных попыток ответить огнем на огонь замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены. Только жалкие остатки фашистских частей отошли на вторую полосу обороны»¹.

Несмотря на это, к исходу дня только две дивизии 30-й армии вклинились в оборону 256-й и 87-й дивизий противника на 4—5 км, а остальные прорвали лишь первую позицию. Поддержать пехоту было нечем, так как танки и артиллерия не смогли одолеть бездорожья и отстали. Настланные саперами дороги-лежневки под тяжестью транспорта и орудий на полметра и более уходили в раскисшую землю. Артиллеристы впрягали до десятка лошадей, чтобы вытащить увязшие в грязи пушки. Но и лошади тонули, и подчас их самих приходилось вытаскивать веревками.

Для наращивания силы удара командующий 30-й армией ввел подвижную группу. Но слабое артиллерийское обеспечение ввода ее в сражение привело к незначительным результатам. К тому же легкие танки из-за грязи в низинах не могли продвигаться и становились хорошей мишенью для вражеской артиллерии.

Таким образом, в первый день наступления в обороне противника была образована брешь шириной 9 км с наибольшим продвижением в центре — на 6 км. На угрожаемое направление немецкое командование подвело

¹ Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. — М., 1974. — С. 180—181.

резервы и не только стабилизировало фронт, но и на исходе дня предприняло ряд контратак. Попытки углубить и расширить прорыв на второй и третий день наступления дали незначительные результаты. До Ржева оставалось всего 6 км. В те дни никто не предполагал, что для преодоления этих километров потребуется месяц кровопролитнейших боев и что Ржев будет освобожден не 31 июля или 1 августа 1942 г., как планировалось, а только 3 марта 1943 г.

Подводя итог первых трех дней наступления, генерал-полковник Конев в своем докладе Верховному Главнокомандующему отмечал: «Передний край оборонительной полосы противника и его глубина на участке прорыва представляют собой прочно оборудованный рубеж, насыщенный сооружениями и препятствиями полевого типа... Перед огневыми точками проволочные заграждения в 2—3 ряда... Танкодоступные участки заминированы противотанковыми минами...

Боевые действия проходят в исключительно трудных метеорологических условиях. Сильные дожди, которые не позволили полностью использовать авиацию и танки, сорвали также подвоз боеприпасов... В результате темпы наступления резко снизились, что позволило противнику усилить второй оборонительный рубеж...

Наши потери: подбито и сожжено 17 танков и 6 орудий, убито и ранено 7200 человек...»¹ Остается добавить, что приведенные потери касались не всего фронта, а только 30-й армии.

Вплоть до 7 августа, не стихая ни на мгновение, велись бои севернее Ржева. По нескольку раз в сутки танковые и стрелковые части шли в атаку или отбивали неоднократные контратаки врага. 16-я и 2-я гвардейские дивизии, а с 5 августа и 52-я стрелковая дивизия вели

¹ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 249. Л. 117—119.

ожесточенные бои за овладение деревнями Полунино, Галахово и Тимофеево, 348-я дивизия — за овладение Кокошилово и Косачево, 343-я дивизия — за Бураково, 111, 379 и 78-я дивизии — за Харино, Мурылево, Горбово, Федорково, 220-я дивизия — за Бельково и Свиньино.

Об ожесточенности боев, которые вели в эти дни части 30-й армии, можно получить представление, но, конечно, далеко не полное, на примерах штурма 220-й стрелковой дивизией навсегда исчезнувших деревень Бельково и Свиньино. Здесь за четыре дня наступательных боев 220-я стрелковая дивизия потеряла 877 человек убитыми и 3083 ранеными.

9 августа атаку возглавил сам командир 220-й дивизии, полковник Станислав Гилярович Поплавский — в будущем Герой Советского Союза, генерал армии, первый заместитель министра обороны Польской Народной Республики. Он сам вспоминал об этом эпизоде так: «Меня вызвал к телефону командующий войсками фронта И.С. Конев, находившийся на КП 30-й армии. «Почему не используете приданную вам танковую бригаду?» — спросил он. «Почти все танки застряли в болотах», — ответил я. «Так вытаскивайте их и сами ведите в атаку, а за ними подтянете пехоту!» К повторной атаке удалось подготовить только четыре машины. Выполняя приказ командующего в буквальном смысле, я сел в ведущий танк».

Головной танк с Поплавским быстро достиг западной окраины Белькова. Немецкие подразделения артиллерийским и минометным огнем отсекали пехоту от трех танков, которые двигались еще по нейтральной полосе. Танк с комдивом при развороте провалился одной гусеницей в глубокую траншею и прочно осел на грунт. К нему начали подбираться небольшие группы врага, решив захватить экипаж живым. Командир танковой роты, на-

ходившийся в этом танке, вызвался добраться к своим, но по дороге погиб. До наступления темноты три члена экипажа и комдив Поплавский отбивали неоднократные атаки. Только глубокой ночью удалось подобраться к танку и вывести экипаж и раненого комдива в расположение дивизии¹.

Яркую, но страшную картину поля перед деревнями Бельково и Свиныно рисует бывший командир минометного взвода 114-го отдельного стрелкового батальона Л.М. Вольпе, прибывший сюда в первых числах августа: «Перед фронтом батальона лежала большая, пересеченная оврагами и руслами каких-то ручьев поляна — километра четыре в глубину и шесть в ширину. На другом конце поляны в бинокль хорошо просматривались развалины деревень Бельково и Свиныно. На них мы и вели наступление... Мне пришлось пройти через всю войну, но такого количества убитых наших бойцов не довелось уже видеть никогда. Вся поляна была усеяна телами убитых, порывы ветра доносили трупный запах, дышать было нечем»².

Только 12 августа к исходу дня стрелковые полки 220-й дивизии выбили противника из деревень Бельково и Свиныно. Еще более кровопролитный характер носили бои, которые вели в 6—7 км севернее Ржева дивизии ударной группировки 30-й армии у деревень Полунино, Галахово и Тимофеево. Они представляли собой мощные узлы сопротивления. Здесь противником была подготовлена классическая полевая оборона: сплошные минные поля, густая сеть дзотов, колючая проволока в 3—4 ряда. Из соседних деревень Федорково и Горбово немецкие пехотные и артиллерийские подразделения вели по наступающим на Полунино фланговый огонь.

¹ Хетагуров Г.И. Исполнение долга. — М., 1977. — С. 103.

² Герасимова С.А. Битва за ржевско-вяземский плацдарм. // Вопросы истории. — 2000. — № 4—5.

В течение восьми дней 16-я гвардейская стрелковая дивизия, 28-я и 35-я танковые бригады с привлечением дополнительных сил пытались овладеть этим мощным узлом сопротивления врага, но безуспешно. Командир 6-й пехотной дивизии, части которой обороняли Полунино, генерал Гроссман в своей книге «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта» отмечал, что атаки русских следовали ежедневно, часто до семи атак в день. Немецкие солдаты выдерживали в своих «норах» в пылающей деревне ураганный артиллерийско-минометный огонь и бомбардировки с воздуха, а затем отражали бесчисленные атаки, отсекая пехоту от танков. В этом им надежно помогала артиллерия, которая стреляла, насколько хватит боеприпасов. Позади пехоты стояли противотанковые и зенитные боевые группы. Русские танки уничтожались самоходной артиллерией и группами ближнего боя, которые «бросались на них при первом удобном случае»¹.

А участник летних боев под Ржевом писатель А. Цветков в своих фронтовых записках вспоминает, что когда танковую бригаду, в которой он сражался за деревни Полунино и Галахово, после тяжелых потерь перебросили в ближний тыл, в район деревни Дешевка, то, выйдя из машины и оглядевшись, наши танкисты пришли в ужас: вся местность была покрыта трупами солдат. Трупов было так много, что как будто их кто-то скопил и свез сюда, как траву. «Беда нагрянула со всех сторон: третьи сутки не пьем, не едим, — пишет А. Цветков. — Кругом зловоние и смрад. Многих тошнит, многих рвет. Так невыносим для организма запах от тлеющих человеческих тел»².

Многострадальное Полунино было освобождено

¹ Гроссман Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. — Ржев, 1996. — С. 67—68.

² Герасимова С.А. Битва за ржевско-вяземский плацдарм. // Вопросы истории. — 2000. — № 4—5.

только 21 августа, после того как в должность командира 16-й гвардейской стрелковой дивизии вступил ее начальник артиллерии полковник П.Г. Шафранов. До этого все атаки на оборону противника в деревне Полунино велись только с севера. Это направление считалось единственно доступным для атакующей пехоты и танков, так как с запада к деревне примыкало болото, которое на топографической карте было помечено как непроходимое.

Однако разведчики сумели притащить «языка» именно через это болото. Шафранов сам пошел разведать, проходимо ли оно. Он взял с собой командиров полков и батальонов и шестерых солдат. Они должны были ознакомиться с маршрутами, по которым поведут потом стрелковые роты. Топких мест не обнаружили. Мало того, оказалось, что и конные упряжки 45-мм орудий смогут здесь пройти.

Командир дивизии приказал провести обычную артиллерийскую подготовку, командирам 35-й танковой бригады и 46-го гвардейского стрелкового полка «обозначить» атаку на северную опушку Полунина. В это время 43-й и 49-й гвардейские стрелковые полки быстро и скрытно для врага вышли через болото к южной окраине деревни. Атака обходивших полков была стремительной и для противника совершенно неожиданной. Крупный опорный пункт, почти три недели сдерживавший наше продвижение, удалось взять в течение двух-трех часов. Противник оставил на месте боя всю боевую технику и тяжелое оружие. Гвардейцы потеряли лишь одно орудие подбитым да еще одну сорокапятку, поглощенную все-таки болотом¹.

Сегодня именно в Полунине расположено самое крупное братское захоронение на территории Ржевско-

¹ Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. — С. 185.

го района — в нем покоится прах более 12 тыс. советских солдат и офицеров.

В создавшейся обстановке, приостановив наступление, командование 30-й армии 7—9 августа произвело перегруппировку войск с целью изменения направления главного удара. Было принято решение наступать левым флангом армии в направлении Грибеево, аэродром, Опоки, Ржев. В левофланговую группу вошли 6 стрелковых дивизий, 3 стрелковых и несколько танковых бригад. Для развития успеха наступления была создана танковая группа в составе 28-й и 240-й танковой бригад, 753-го легкого артиллерийского полка — всего 5 тяжелых, 12 средних и 5 легких танков. Ее возглавил командир 28-й бригады полковник К.А. Малыгин. Группа должна была быть введена в прорыв в полосе 274-й стрелковой дивизии после овладения ею деревней Теленково.

10 августа, в тот день, когда в 9-ю немецкую армию вернулся из отпуска по ранению ее командующий генерал-полковник В. Модель, 30-я армия Калининского фронта начала второй этап наступления на Ржев. С первых минут наиболее ожесточенные бои развернулись в полосах наступления 375-й и 274-й стрелковых дивизий в районах деревень Жеребцово, Теленково, Грибеево.

В полосе 375-й дивизии генерал-майора Н.А. Соколова артиллерийская подготовка началась в 5 часов 45 минут продолжительностью один час. Но ожидаемого результата она из-за ограниченного количества боеприпасов не принесла. Так как плотность огня была низкой, подавить все огневые точки противника не удалось. Несмотря на это, атакующие подразделения полков первого эшелона при поддержке танков 143-й танковой бригады с ходу овладели первой траншеей противника и вышли ко второй. Но в этот момент танки остановились перед болотом и минными полями. Они отстали от пехоты и стали поддерживать ее огнем с места. А после силь-

ного налета бомбардировщиков и вовсе отошли в исходное положение. Вся тяжесть боя легла на пехоту. Во второй половине дня подошедшие резервы 6-й немецкой пехотной дивизии полностью остановили дальнейшее продвижение.

В ночь на 11 августа саперы сумели проникнуть в тыл противника и заминировать железную дорогу у Грибеева. Взрыв на полотне явился сигналом для атаки. Батальон капитана А.В. Николаева захватил насыпь железной дороги, уничтожил пять дзотов и несколько блиндажей с немецкими солдатами, окружил до роты автоматчиков и почти полностью истребил их. Капитан Алексей Васильевич Николаев в этом бою был дважды ранен, но не ушел с поля боя. Батальон в течение дня восемь раз был контратакован, но все контратаки врага отбил.

Во второй половине дня 11 августа противник атаковал правый фланг 1243-го стрелкового полка. Несколько вражеских танков прорвались через боевые порядки и подошли к наблюдательному пункту командира полка майора А.С. Ратникова. В бой с танками вступили все, кто был здесь. Подбили две машины. Вражеские автоматчики, прорвавшиеся за танками, были полностью уничтожены, но погиб командир полка Алексей Спиридонович Ратников, был ранен комиссар полка П.П. Хабаров.

Полк возглавили и вновь повели в атаку капитан Николаев и батальонный комиссар И.А. Малютин. Оставив на поле боя 6 танков и свыше 300 трупов, немецкие подразделения откатились назад.

Из-за левого фланга 1243-го стрелкового полка вернулся второй эшелон дивизии — 1245-й полк под командованием майора И.А. Деващенко. Он разгромил противника в районе Грибеева и полностью овладел деревней. Как пишет бывший начальник политотдела 375-й

дивизии С. Айнутдинов: «...из 33 домов в Грибееве не осталось ни одного — все было сметено огнем»¹.

Развивая наступление, части дивизии к вечеру 14 августа завязали бой у опушки рощи северо-восточнее Ржева, а утром 16 августа вышли непосредственно на городские окраины. Отдельные подразделения ворвались в военный городок, захватили несколько казарм. Но дальше продвинуться не смогли. Враг превратил каждый каменный дом, каждую казарму в крепость. В подвалах и нижних этажах были расставлены минометы и орудия, на крышах и вышках — пулеметы. Все кругом было заминировано и обнесено проволочными заграждениями в три-четыре ряда. Все огневые точки и здания, приспособленные к обороне, были связаны между собой траншеями. Бои в районе военного городка приняли затяжной характер.

В полосе 274-й дивизии полковника В.П. Шульги, едва пехота перешла в атаку по решению командующего 30-й армией генерала Лелюшенко, в бой была брошена танковая группа полковника Малыгина. Для выхода на рубеж перехода в атаку ей требовалось преодолеть по сооруженной саперами гати болотистый ручей. Но прошел первый танк, и переправы как не бывало. Бойцы рубили кусты, перегораживали ими ручей и в течение дня неоднократно восстанавливали переправу. Лишь к вечеру все танки группы были готовы к вводу в прорыв и перешли в атаку. Противник встретил наступавших сильнейшим огнем из Теленкова. Теленково в конце концов взяли, но дальнейшее продвижение вперед шло медленно. Как пишет Малыгин в своей книге «В центре боевого порядка»: «Мы «грызли» оборону врага, освобождая одну деревушку за другой, несли потери, и только благо-

¹ В боях за Ржев. — М., 1973. — С. 29.

даря невероятным усилиям ремонтников бригада сохраняла боеспособность»¹.

Малыгина дополняет донесение в Ставку генерала И.С. Конева от 11 августа: «Доношу, что бои за Ржев по-прежнему носят исключительно напряженный характер, противника приходится буквально выживать и истреблять в его дзотах и траншеях. Особо ожесточенные бои шли на участке главной группировки, где происходило буквально перемалывание живой силы противника»².

Развивая наступление, части 274-й дивизии совместно с введенной из резерва армии 371-й стрелковой дивизией и танковой группой полковника Малыгина вышли к деревне Демкино. Бои за ее овладение велись четыре дня, с 15 до 18 августа. Ветеран 274-й стрелковой дивизии А.П. Шибаршин вспоминает об этих боях: «Я, право, не помню, сколько погибло нас в тех атаках, но наш стрелковый батальон вышел с развернутым знаменем, и мы пошли за своими командирами. Прямо на окопы немцев. По нас ударили немецкие пулеметы в лоб и с флангов. Когда падал подкошенный пулей боец со знаменем, у него его брал другой. Нас в том сражении осталось не больше десятка человек».

Во время ночного боя за Демкино несколько десятков мирных жителей пытались прорваться из деревни Мосягино к наступающим частям Красной Армии. В эту деревню оккупанты согнали для отправки в Германию несколько сотен жителей окрестных деревень. В ночь на 19 августа часть узников, перейдя реку Бойню, ползком пробиралась по оврагу от мосягинской церкви в сторону деревни Воробьево. Заметив их, враг открыл убийственный огонь. Наши бойцы видели, как вражеские мины ложились среди женщин и детей. Доносились крики и сто-

¹ Малыгин К.А. В центре боевого порядка. — М., 1986. — С. 59.

² ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 249. Л. 145.

ны. Когда красноармейцы ворвались в лощину, то перед их глазами предстала страшная картина. Вперемешку лежали десятки убитых и раненых. Женщины оплакивали своих погибших детей.

Враг тогда же получил суровое возмездие. Неподалеку от деревни Зеленичено в заросшем овраге сосредоточился немецкий батальон. Когда он был обнаружен, по нему открыли сосредоточенный огонь артиллерия и реактивные установки, произвели налет штурмовики. Батальон был уничтожен. Во время артобстрела была сбита колокольня и разрушена мосягинская церковь. Под обломками колокольни были погребены немецкие наблюдатели, корректировавшие огонь своих батарей.

Овладев деревнями Архарово, Пудово, Мосягино, Першино, Варюшино, Кошелево и северной частью пригородного аэродрома, левофланговые дивизии 30-й армии к вечеру 21 августа вышли к Волге на рубеже Варюшино, Голышкино. В тот же день на левый берег Волги от деревни Варюшино до города Зубцова вышла и 29-я армия. Попытки трех стрелковых дивизий 30-й армии с ходу форсировать Волгу восточнее Ржева не удались. Отдельным группам по 10—15 человек удавалось высадиться на правом берегу, но противник большими силами сбрасывал их в реку, наши бойцы или гибли, или возвращались вплавь назад. 21 августа наступление 30-й армии было приостановлено для перегруппировки сил и восстановления боеспособности понесших большие потери соединений и частей. Достаточно сказать, что за август армия потеряла 82 441 человека, из них 19 096 убитыми¹. Было потеряно 188 танков, из них 12 KB и 72 Т-34.

В полосе Западного фронта его командующий генерал армии Г.К. Жуков принял решение одновременным ударом 31-й и 20-й армий с рубежа Алешево, Васильев-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 422. Л. 174.

ское прорвать вражескую оборону на р. Держе и, разгромив зубцовско-кармановскую группировку противника, достичь рубежа рек Вазузы и Гжати. После этого 31-й армии предстояло наступать с юга на Зубцов, содействуя войскам Калининского фронта в освобождении Ржева. 20-я армия должна была развивать удар в направлении Сычевки.

31-й армии было придано шесть танковых бригад, насчитывавших 294 танка. Три бригады использовались в первом эшелоне в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, другие три — составили армейскую подвижную группу под командованием генерал-майора Бычковского. 20-я армия получила на усиление пять танковых бригад — всего 263 танка. Две из них придавались дивизиям первого эшелона. Остальные три танковые и одна самокатно-мотоциклетная бригады были сведены в армейскую подвижную группу, которой командовал Герой Советского Союза полковник П.М. Арман.

Развитие успеха наступления обеих армий было возложено на фронтовую подвижную группу, в которую вошли 6-й и 8-й танковые и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса. Ей предстояло войти в прорыв на второй день операции в стыке между двумя армиями. В 6-м корпусе имелось 169, а в 8-м — 165 танков.

В полосе наступления 31-й и 20-й армий оборонялись две пехотные и две моторизованные дивизии 46-го танкового корпуса 9-й немецкой армии. В глубине обороны были сосредоточены три танковые дивизии. Передний край обороны противника проходил по восточным окраинам населенных пунктов, по дорогам между ними, по восточным опушкам лесов и роц и по западным берегам рек. Наиболее сильный опорный пункт враг создал в Погорелом Городище, в котором все каменные дома и подвалы были превращены в доты с двумя-тремя амбразурами. Между ними были открыты сплошные

траншеи полного профиля. Перед передним краем, в 20—100 метрах, были установлены проволочные заграждения в несколько рядов и минные поля. Гарнизоны опорных пунктов противника состояли из одной-двух рот и усиливались танками.

Как и на Калининском фронте, коррективы в спланированную операцию внесла погода. Проливные дожди, поднявшие уровень воды в р. Держа, правом притоке Волги в 40 км восточнее Ржева, с 40—70 сантиметров до 2—3 метров и превратившие ее в бурный широкий поток, который снес не только построенные на ней мосты, но и настилы на бродах и гати на подходах к ним, вынудили командование Западного фронта перенести наступление 31-й и 20-й армий на 4 августа.

В 6 часов 15 минут утра 4 августа в районе поселка Погорелое Городище началась мощная полуторачасовая артиллерийская подготовка. В 7 часов 45 минут ударные группировки 31-й и 20-й армий генералов В.С. Поленова и М.А. Рейтера, преодолев по штурмовым мостикам, на плотках, лодках и вброд р. Держу, перешли в наступление. Так началась в рамках Ржевско-Сычевской операции Погорело-Городищенская операция Западного фронта.

«На участке прорыва 118-й дивизии 31-й армии, — вспоминает командир этой дивизии генерал-лейтенант А.Я. Веденин, — на каждом километре артиллерийскую подготовку вели 300 орудий и реактивных минометов. Шипящими раскаленными кометами разрезали темноту реактивные снаряды «катюш». Здесь впервые были применены крупные снаряды реактивной артиллерии — «андрюши». Это была лавина огня и стали... Плавилась колючая проволока. Горела сама земля. Враг обезумел от ужаса. Многие из оставшихся в живых немцев действительно сошли с ума... И вот сигнал к атаке. За огненным валом нашей артиллерии ринулись в бой отделе-

ния, взводы, роты». К исходу дня соединения ударной группировки 31-й армии прорвали вражескую оборону на 9-километровом участке и продвинулись на глубину 7—8 км. В первый же день в прорыв вошла танковая группа генерала Бычковского.

В полосе 20-й армии части 251-й стрелковой дивизии полковника Б.Б. Городовикова, обойдя Погорелое Городище с юга, окружили до двух батальонов 161-й немецкой пехотной дивизии и после полудня ворвались в город. В результате ожесточенных боев, переходивших в рукопашные схватки, гарнизон Погорелого Городища при попытке прорваться через мост на р. Держа у юго-западной окраины города частью был уничтожен подразделениями 923-го стрелкового полка, а 87 солдат и офицеров противника сдались в плен. В городе и на станции были захвачены богатые трофеи оружия и боеприпасов, войсковые оклады, инженерное имущество, а также 400 новых мотоциклов, присланных на укомплектование 36-й моторизованной дивизии¹.

Газета «Красная Звезда» в те дни сообщала: «Политика истребления русского населения проводилась в Погорелом Городище систематически и методично. В октябре 1941 года здесь проживало 3076 человек. Из этого числа фашистскими палачами 37 человек расстреляны, 94 сожжены живьем за сопротивление «эвакуации» в германский тыл и 60 человек увезено в рабство в Германию. 1980 человек умерли от голода и болезней. В живых осталось 905 человек».

331-я стрелковая дивизия полковника П.Ф. Берестова форсировала р. Держа в районе Ботино, совместно с 17-й танковой бригадой прорвала передний край обороны противника и к 14 часам овладела населенными пунктами Губинка и Михалкино. В Губинке были захвачены

¹ *Сандалов Л.М.* Погорело-Городищенская операция. — М., 1960. — С. 57.

документы штаба 336-го пехотного полка 161-й пехотной дивизии, а также полковые склады вооружения, имущества и продовольствия. Более 20 офицеров и солдат были пленены. Пленные офицеры показали, что командир 161-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Рекке из-за неожиданного разгрома дивизии застрелился¹.

354-я стрелковая дивизия полковника Д.Ф. Алексева форсировала р. Держа в районе Галахово и к 17 часам овладела Кондраковым. В это же время в прорыв начала вводиться подвижная группа полковника Армана. Таким образом, к исходу 4 августа соединения ударной группировки 20-й армии прорвали оборону противника и на отдельных участках продвинулись на глубину 8—11 км. Командование Западного фронта решило использовать благоприятную обстановку и ввести в сражение с утра 5 августа подвижную группу. Докладывая в Ставку об успехах своих армий, Жуков сообщал: «Для предупреждения отставания отдельных подразделений и для борьбы с трусами и паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военными советами армий командиры. В итоге всех предпринятых мер войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника»².

На следующий день боевые действия развернулись на путях отхода врага — вдоль грунтовых дорог, тропинок, лесных просек. Бои вели авангардные и передовые части, составленные из танковых, стрелковых и артиллерийских подразделений. Отступая ко второй оборонительной полосе, противник пытался выиграть время для подхода из тыла своих резервных дивизий и вывоза в тыл техники и складов. Цепляясь за выгодные в тактическом отношении пункты и рубежи, располагаясь на них в

¹ *Сандалов Л.М.* На московском направлении. — М., 1970. — С. 295.

² *Щерстнев В.Д.* Командармы. — Смоленск, 2006. — С. 272.

наскоро вырытых окопах, отходившие немецкие подразделения поспешно организовывали оборону и задерживали на продолжительное время растянувшиеся вдоль дорог советские части. Вражеская авиация со второй половины 5 августа стала проводить налеты по нашим колоннам с ближних аэродромов. Советская истребительная авиация, еще не перебазировавшаяся вперед, могла при вылетах прикрывать войска лишь в течение 10—15 минут, что не обеспечивало надежного прикрытия наземных войск с воздуха.

Вечером 5 августа вновь пошли сильные дожди. Начавшие было подсыхать дороги быстро портились, подвоз боеприпасов и горючего войскам задерживался. И только конный транспорт соединений и армейские гуже-транспортные роты с большим трудом пробивались к авангардам. Части подвижной группы передвигались медленно, с частыми остановками. В танковых подразделениях, выдвигавшихся с затемненными фарами или без света, застрявшие в грязи или на неисправных мостах отдельные машины создавали пробки.

К вечеру второго дня наступления общая глубина вклинения ударных группировок 31-й и 20-й армий в оборону противника составила 30 км. Передовые части 20-й армии вышли на подступы к рекам Вазуза и Гжать, где встретили организованное сопротивление выдвигавшихся оперативных резервов немецкой группы армий «Центр». Резервные войска противника выдвигались и на зубцовское направление для действий против 31-й армии. В частности, против ее левофланговых соединений развертывались 102-я и 129-я пехотные дивизии.

Уже к полудню 6 августа командующий 20-й армией генерал Рейтер стал получать тревожные донесения. «Не доходя 2—3 километров до Вазузы, части дивизии атакованы частями 5-й танковой и 523-й пехотной дивизи-

зией противника, — озабоченно докладывал по телефону полковник Городовиков. — Правофланговый полк потеснен назад».

«При подходе к Вазузе дивизия вступила во встречный бой с частями 1-й танковой и 6-й пехотной дивизий противника», — доложил по радио полковник Берестов.

«Наступление корпуса на Карманово развивается медленно, — докладывал по телефону командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Захаров. — 36-ю моторизованную дивизию противник усилил 2-й танковой дивизией». Стало ясно, что встречными боями на подступах к рекам Вазуза и Гжать и в кармановских лесах завязалось встречное сражение 20-й армии и подвижной группы Западного фронта с 9-й армией и оперативными резервами группы армий «Центр». Начиналось оно в неблагоприятных для Западного фронта условиях. Быстрым выдвиганием оперативных резервов на рубеж рек Вазуза и Гжать противник упреждал наши войска в захвате плацдармов на них и мог полностью остановить дальнейшее наступление.

В течение 7 августа танковые корпуса подвижной группы фронта вели бои совместно с дивизиями 20-й армии далеко не в полном составе и преимущественно только танками. Многие подразделения корпусов отстали и разрозненно, главным образом одиночными машинами, подходили к частям 251-й и 331-й стрелковых дивизий. Темпы наступления были далеки от запланированных, и это вызывало недовольство командующего войсками фронта генерала армии Жукова, который в своем боевом приказе отмечал: «Наши части, особенно левофланговая группировка 20-й армии, действуют исключительно пассивно и, не продвигаясь вперед, дают врагу время на организацию сопротивления. Особенно преступно действуют 6-й и 8-й танковые корпуса, группа Армана и группа Бычковского, которые, болтаясь в тылах

пехоты, неся потери, не выполнили до сих пор ни одной поставленной задачи»¹.

Успех встречного сражения для наших войск мог быть обеспечен только при условии захвата плацдармов за реками Вазуза и Гжать, быстрого вывода на этот плацдарм корпусов подвижной группы и основных сил 20-й армии. Наконец-то 8 августа части 251, 331 и 354-й дивизий сумели форсировать эти реки и захватить небольшие плацдармы на противоположном берегу. Вслед за ними приступили к переправе корпуса подвижной группы. Командир 6-го танкового корпуса, впоследствии генерал армии, Гетман вспоминал: «Вазуза оказалась довольно серьезной водной преградой. Ширина ее достигала 80—90 метров, а глубина превышала 2 метра. Бродов в полосе нашего наступления было мало, да и те затопило после дождей. Словом, наведение переправ в сложившихся условиях само по себе было делом нелегким. Но его к тому же резко осложняло противодействие противника. Его авиация не раз пыталась бомбить как боевые порядки корпуса, так и участки, где нами наводились переправы... Еще более действенным в этом отношении был отчаянный минометный и пулеметно-автоматный обстрел, который вели гитлеровцы с западного берега, пытаясь помешать нашим саперам»². Попытка переправиться вброд привела к тому, что некоторые танки при переправе застряли в реке. Построенный в ночь на 9 августа саперными частями корпуса мост под тяжелые грузы оказался непрочным, после прохода по нему танков 200-й танковой бригады он развалился и был снесен водой, а понтонно-мостовой батальон со своими тяжелыми машинами застрял на грязных дорогах в тылу.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1987. Л. 6.

² Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. — М., 1973. — С. 56.

Эффект внезапности был утрачен. Условия местности и слабое управление войсками обусловили то, что действия танковых группировок уже не были объединены единым замыслом. Части и подразделения обеих сторон вступали в бои не там, где это предусматривалось командованием, а там, где они видели противника. С утра 9 августа — на шестой день операции — встречные бои достигли своей кульминации. В течение дня 6-й, 8-й танковые и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса совместно с 251, 331 и 354-й стрелковыми дивизиями в упорных встречных боях с 5, 6, 1-й танковыми, 253, 161 и 6-й пехотными дивизиями противника расширили на 2—3 км плацдармы на западном берегу Вазузы и Гжати. Но из-за большой растянутости по дорогам и разобщенности действий нарушался главный принцип применения танковых войск — их массирование на направлении главного удара с целью наращивания усилий и развития успеха. Бригады подвижных групп армий и фронта вынуждены были вести бои небольшими группами совместно с пехотой или мотопехотой, они несли значительные потери в людях и в материальной части, не получая должного боевого эффекта.

В ночь на 10 августа командование Западного фронта, оценив обстановку, пришло к выводу, что продолжение наступления на Сычевку при сложившемся соотношении сил не даст желаемых успехов. Исходя из этого было принято решение основные силы 20-й армии направить на разгром группировки противника в районе Карманова. Одновременно ей ставилась задача удерживать и расширить захваченные на Вазузе и Гжати плацдармы. В свою очередь, немецкое командование, убедившись, что контрудар на Погорелое Городище не привел к запланированным результатам, приняло решение отбросить переправившиеся советские части за эти ре-

ки и перейти на их рубеже к жесткой обороне. С переменным успехом бои велись здесь до 14 августа.

Особенно тяжелым был день 15 августа. С утра противник контратаковал полки 354-й стрелковой дивизии, бросив в бой части 1-й танковой дивизии. 1201-й и 1199-й полки под ударами врага отошли на правый берег Гжати. На плацдарме, на левом берегу, в междуречье Гжати и Вазузы, остались 11-й кавалерийский и 1203-й стрелковый полки, которые с трудом удерживали занимаемые рубежи.

В тот день 1203-й полк под командованием полкового комиссара И.А. Митаишвили отбил три атаки врага. Огнем противотанковых ружей и орудий прямой наводки было подбито 19 танков, уничтожено до батальона противника. На четвертый раз противник предпринял психическую атаку. Сплошными цепями шли вражеские солдаты на 3-й батальон, которым командовал старший лейтенант Коршак. Бойцы и командиры проявили большую выдержку. Когда до врага оставалось 150—200 метров, подразделения батальона открыли сосредоточенный огонь из всех видов оружия, а затем поднялись со штыками наперевес в контратаку. Немецкие подразделения не приняли штыкового боя, обратились в бегство, оставив около 200 солдат и офицеров убитыми.

В течение трех дней 1203-й стрелковый и 11-й кавалерийский полки удерживали плацдарм. С каждым днем их положение становилось все более трудным. Ранним утром 18 августа противник после 30-минутной артподготовки нанес сильный удар по правому флангу 11-го кавалерийского полка, потеснил его и отрезал 2-й батальон 1203-го полка. Одновременно был нанесен огневой удар по опорному пункту на высоте 210,3, где располагался штаб 1203-го полка. После этого его атаковали 12 танков. Офицеры штаба вместе с батареей лейтенанта

Гимаева подбили четыре танка, остальные отошли назад, атака врага захлебнулась.

В ходе повторной атаки до двух взводов немецких автоматчиков все же ворвались в район наблюдательного пункта командира полка. Митаишвили получил тяжелое ранение в ногу. Положение спасли разведывательный взвод и остатки роты автоматчиков, которые броском вышли в район НП, массированным огнем и смелой атакой уничтожили врага. Но к этому времени немецкие танки обошли фланги и вышли в тыл. Положение стало еще тяжелее. Штаб полка оказался разделенным на две части. Одна группа офицеров во главе с военным комиссаром полка батальонным комиссаром Н.М. Пазаевым отбивала атаки с фронта. Другая вместе с И.А. Митаишвили отражала нападение с тыла. Одновременно танки противника вышли на огневые позиции 2-го дивизиона 921-го арtpолка. Но здесь артиллеристы уничтожили 8 танков, а остальные прекратили атаку.

После ранения И.А. Митаишвили командование полком принял на себя батальонный комиссар Н.М. Пазаев. Тяжелый бой продолжался пять часов. Полк был вынужден оставить высоту 210,3 и отойти к деревне Тончарово, где удалось закрепиться. К 12 часам дня противник потерял 18 танков и до 300 солдат и офицеров. Тяжелыми были и потери 1203-го полка. 2-му батальону из окружения вырваться не удалось. Его воины сражались до конца. Командир батальона старший лейтенант Ф.Г. Шведченко лично подбил 4 танка, вел огонь из пулемета и вместе с расчетом был раздавлен вражеским танком. Там же, у высоты 210,3, сражались до последнего снаряда и погибли под гусеницами танков расчеты двух противотанковых орудий и бронейбойщики 1-го взвода роты противотанковых ружей полка¹.

¹ Павлов И.Н. От Москвы до Штральзунда. — М., 1963. — С. 39—41.

После краткой передышки противник в тот же день вновь атаковал остатки 1203-го полка, бросив в бой 20 танков и батальон пехоты. При поддержке дивизионной артиллерии и эта атака врага была отбита. Полк прочно закрепился на левом берегу р. Гжать, удерживая небольшой плацдарм в районе Черникова.

С каждым днем наступление ударной группировки Западного фронта затухало. К 23 августа относительным успехом стало лишь овладение частями 8-го гвардейского стрелкового и 8-го танкового корпусов мощным узлом сопротивления противника Кармановом. На этом летняя операция войск западного направления закончилась. К позитивным ее результатам следует отнести то, что в ходе боевых действий были скованы основные силы немецкой группы армий «Центр», что не позволило перебросить крупные силы врага, в том числе 39-й и 46-й танковые корпуса, с центрального направления на юг. Оценивая неожиданный удар на Сычевку, немецкий военный историк Типпельскирх пишет, что «прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на Южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контр-удара».

Конечно же, шедшие в бой на Ржев и Сычевку, умиравшие за сотни деревень солдаты и офицеры не знали о стратегических замыслах Ставки. И незначительный оперативный успех Калининского и Западного фронтов в Ржевско-Сычевской операции был оплачен десятками тысяч их жизнью.

По официальной версии Генерального штаба, приведенной в статистическом исследовании «Гриф секретности снят...», потери советских войск в операции в пе-

риод с 30 июля по 23 августа 1942 г. составили 193 683 человека, из них 51 482 — безвозвратно¹.

Если в полосе Западного фронта после 23 августа активные боевые действия в основном прекратились, на Калининском фронте, в полосе его 30-й армии, действовавшей на ржевском направлении, с 24 августа бои вспыхнули с новой силой. На третьем этапе штурма Ржева главный удар наносился правым флангом армии силами 2-й и 16-й гвардейских, 78, 215, 379-й стрелковых дивизий и трех танковых бригад в направлении деревень Федорково, Ковынево, Поволжье. Была поставлена задача форсировать Волгу западнее Ржева на участке Дом отдыха Семашко, Поздырево и продолжить наступление на правом берегу, охватывая Ржев с юго-запада. С севера и северо-запада наступление на город должны были вести три, а с востока — две стрелковые дивизии.

24 августа в 6 часов утра после получасовой артподготовки, залпа двух дивизионов реактивной артиллерии и удара бомбардировочной и штурмовой авиации по деревням Федорково, Горбово, Ковынево, Лазарево и другим наступление началось. Ровно в 7 часов утра над наступающими частями и подразделениями появились со стороны Ржева десятки вражеских самолетов. «Юнкерсы», образовав круг, начали массированную бомбардировку. Некоторые танки разрушались прямым попаданием бомб. Об этой бомбардировке рассказал башенный стрелок 339-го батальона 153-й танковой бригады сержант Б.Г. Мельников: «Юнкерсы» и тяжелые бомбардировщики шли группами, каждая по 25 машин, под прикрытием истребителей. На подходе к нашему расположению самолеты начали перестраиваться в цепочку. Сначала бомбежку начали пикировщики Ю-87... Самоле-

¹ Гриф секретности снят. Потери советских Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993. — С. 225.

ты, образовав над нами круг, начали зловещий хоровод. Все подбитые под Федорковым танки оказались в этом кругу. Началось что-то невообразимое... Земля надсадно стонала. Все заволочло дымом и пылью, и в этой темной мгле ярко вспыхивали все новые и новые разрывы. Самолеты снижались и опять уходили вверх по спирали, как гигантская карусель, грохочущее колесо смерти... Одна группа самолетов, отбомбившись, улетела, появилась другая. И все повторилось...»

В ходе артиллерийской подготовки не удалось уничтожить все огневые точки первой линии обороны врага, и он оказывал яростное сопротивление. Только одна 153-я танковая бригада, укомплектованная американскими танками М-3, потеряла 15 боевых машин из имевшихся 55. После нескольких безрезультатных атак командир 16-й гвардейской стрелковой дивизии полковник П.Г. Шафранов решился на смелый и необычный шаг: несмотря на возражения представителя командующего фронтом, он посадил на танки 35-й танковой бригады расчеты станковых пулеметов, поставив перед ними задачу: достигнув вражеской обороны, покинуть танки и пулеметным огнем прижать пехоту противника к земле, чтобы дать возможность наступать нашим стрелковым подразделениям. Такая необычная тактика блестяще себя оправдала: противник не выдержал сплошного пулеметного огня, и вскоре первая линия его обороны была прорвана. 16-я гвардейская дивизия в первый день наступления продвинулась в глубину вражеской обороны до 3 км и овладела деревнями Федорково и Бердихино.

В эти дни наша артиллерия и реактивные установки вели обстрел Ржева. Город горел, 24 и 25 августа на месте города стояла стена огня. 25 и 26 августа 16-я гвардейская и 359-я стрелковая дивизии при поддержке танков овладели деревнями Ковынево, Лазарево, Строево,

Поволжье и вышли к Волге в 5—6 километрах западнее Ржева.

Командование группы армий «Центр» постоянно общалось в штаб сухопутных войск о напряженной обстановке у Ржева, требовало подкреплений. На совещании в ставке Гитлера начальник Генерального штаба сухопутных войск Гальдер просил разрешить командующему 9-й армией Моделю отступить, так как потери немцев у Ржева были огромны. Так, в одном из полков за неделю сменилось восемь командиров. Но Гитлер ответил Гальдеру бранью и требовал любой ценой удержать Ржев. 24 августа Гальдер записал в своем дневнике: «На докладе у фюрера. Неприятный конфликт по поводу оценки обстановки в районе Ржева, где я отмечаю возможность полного израсходования введенных сил»¹.

26 августа 1942 г. командовавший войсками Калининского фронта И.С. Конев вступил в командование Западным фронтом, сменив Г.К. Жукова, вступившего в должность заместителя Верховного Главнокомандующего и убитого под Сталинград. Командующим войсками Калининского фронта был назначен генерал-лейтенант М.А. Пуркаев. Поскольку наступление Западного фронта на сычевском направлении в целом завершилось, появилась возможность передать ему войска, сражающиеся за Ржев. 30-я армия перешла по приказу Ставки ВГК в состав Западного фронта. И.С. Конев продолжил начавшееся месяц назад сражение, стремясь довести его до логического завершения — овладения Ржевом.

В 4 часа утра 29 августа под прикрытием дымовой завесы штурмовые группы 16-й гвардейской и 379-й

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. / Пер. с нем. Т. 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942). Кн. 2. — М., 1971. — С. 328.

стрелковой дивизий форсировали Волгу на лодках, плотах, вброд по горло в воде. Вражеские блиндажи находились менее чем в ста метрах, а первые траншеи метрах в двухстах от реки. Наши бойцы быстрым и сильным ударом выбили врага из траншей и дзотов, разминировали прибрежные участки, уничтожили на берегу огневые точки. 379-я дивизия закрепилась в северной части излучины у села Знаменское, а 16-я гвардейская — в южной части, севернее деревни Редькино.

В последние дни августа и начале сентября 1942 г. несколько стрелковых дивизий вели бои в ржевском Городском лесу, а 2-я гвардейская дивизия — на северо-восточной окраине Ржева, 375-я и 220-я дивизии — у военного городка. Неоднократные атаки наших стрелковых частей отражались авиацией, артиллерийским и пулеметным огнем противника из зданий, приспособленных к круговой обороне. 30-я армия вновь несла большие потери. Так, только за один день, 31 августа, они составили 1800 человек убитыми и ранеными. В 220-й дивизии в начале сентября погибли командиры 653-го и 673-го стрелковых полков подполковник И.А. Курчин и майор А.С. Абрамов, комиссары этих полков В.И. Лыткин и И. Нелюбов, комиссар 600-го артполка П.В. Васильев.

Решительного успеха удалось добиться лишь 21 сентября, когда штурмовые группы 215, 369 и 375-й стрелковых дивизий, преодолев проволочное заграждение и две линии окопов, ворвались в северную часть города. В стык 215-й и 369-й дивизий немедленно была введена в бой 2-я гвардейская дивизия. Целый день шел ожесточенный бой в северо-восточных кварталах Ржева. Хорошо вооруженные штурмовые группы, ликвидируя очаги сопротивления противника и очищая дома, медленно продвигались вперед. Каждый дом был превращен врагом в крепость, приспособленную к круговой обороне. Улицы были перегорожены различными препятствия-

ми — надолбами, проволочными заграждениями, а ходы сообщения в полный рост с перекрытиями связывали всю систему неприятельской обороны. К исходу 21 сентября 369-я дивизия овладела 17-м и 18-м кварталами, 2-я гвардейская — 24-м кварталом и очищала 23-й и 25-й кварталы, 125-я дивизия вела бои в 22-м и 23-м кварталах города.

Утром 22 сентября бой в городе возобновился. Немецкое командование вводило свежие силы. В тяжелых непрерывных уличных боях от противника было очищено более десяти кварталов города. Но враг неоднократно бросался в контратаки, отдельные дома и целые кварталы по несколько раз переходили из рук в руки. Ежедневно немецкая авиация бомбила позиции советских войск. В штабах лежали карты с квадратами города, но порой от улиц не было следа, бои шли за крохотный клочок земли, опутанный колючей проволокой, израненный осколками снарядов и мин. В сентябре на окраинах и улицах города 30-я армия потеряла убитыми 4052 человека, 13 297 человек были ранены и 30 пропали без вести¹.

Писатель Илья Эренбург, посетивший 30-ю армию в сентябре 1942 г., так описал свои впечатления в книге «Летопись мужества»: «С бугра хорошо виден Ржев, вернее сказать, то, что осталось от Ржева. Отдельные развалины больших каменных домов придают ему видимость города...

Наши части занимают северную окраину Ржева, около тридцати кварталов. Здесь нет ни одного уцелевшего дома. Но немцы укрепили каждый метр земли. Дзоты и окопы в городе. Долгие и жестокие бои идут за квартал, за десяток квадратных метров, за каждый блиндаж...»²

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1149. Л. 185.

² Эренбург И.Г. Летопись мужества. — М., 1983. — С. 170.

Уличные бои на окраинах Ржева закончились только в первой половине октября. Как отмечал корреспондент английской газеты «Санди таймс» А. Верт: «Бои под Ржевом были из числа самых тяжелых, какие когда-либо приходилось вести советским войскам. Они атаковали сильно укрепленные позиции немцев и несли гораздо большие потери, чем немцы, военные действия носили такой ожесточенный характер, что пленных было очень мало». Еще задолго до их завершения Ставка приступила к планированию новой наступательной операции на западном направлении, получившей кодовое наименование «Марс».

Разработка замысла этой операции и ее подготовка осуществлялись Ставкой и Генеральным штабом одновременно с подготовкой операции «Уран» по разгрому противника под Сталинградом. По решению Сталина координация действий советских фронтов на сталинградском направлении возлагалась на начальника Генерального штаба А.М. Василевского, а на западном — на заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова. И если с оценками «Урана» все всегда было однозначно, то «Марс» до настоящего времени вызывает прямо противоположные, полярные суждения.

Так, президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев считает, что «операция «Марс» не являлась обычной в классическом понимании стратегической операцией. Ее проведение было подчинено интересам обеспечения успеха контрнаступления под Сталинградом. В этих целях войска на Ржевско-Вяземском выступе вели как оборонительные, так и наступательные операции. С некоторыми допущениями можно утверждать, что они сыграли примерно такую же роль, как Верден в 1916 году, сковавший главные силы германской армии и позволивший подготовить наступа-

тельные операции англо-французских войск на других направлениях»¹.

С другой стороны, некоторые отечественные и зарубежные историки полагают, что это была самостоятельная стратегическая операция. А потому при ее изучении пользуются привычными подходами и критериями, рассматривая боевые действия в ней с точки зрения искусства применения сил и средств в конкретных условиях, вне связи с другими участками советско-германского фронта. К примеру, американский военный историк Дэвид Глантц свою оценку этой операции дает уже в названии своей книги: «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 года» (М., 2006). По мнению Глантца, операция «Марс» по уровню подготовки, по количеству привлекаемых сил и средств была не менее, а может быть, и более значительной, чем операция «Уран».

Как бы то ни было, долгие годы замалчивая операцию «Марс», советская историография допустила непростительную ошибку. Как по отношению к людям, которые в ней участвовали, так и в отношении истории войны в целом. Из цепочки операций советских войск в Великой Отечественной войне выпало звено, весьма важное как по масштабу происходивших событий, так и по влиянию на общую обстановку на советско-германском фронте.

Замысел операции «Марс» состоял в том, чтобы встречными ударами войск правого крыла Западного фронта с рубежей на реках Вазуза и Осуга, на которых они находились после летне-осенних боев, и войск Калининского фронта, охватывающих Ржевский выступ с севера и северо-запада, окружить группировку 9-й немецкой армии и уничтожить ее по частям.

¹ Гарева М.А. «Марс» и другие «марсиане». // Военно-исторический журнал. — 2003. — № 10.

Решение командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева состояло в том, чтобы, нанеся главный удар силами 20-й и 31-й армий южнее города Зубцов, перерезать железную дорогу Сычевка — Ржев и, повернув главные силы в северном направлении, во взаимодействии с 30-й армией и армиями левого крыла Калининского фронта окружить и уничтожить ржевско-сычевскую группировку противника. Через неделю в наступление должны были перейти 5-я и 33-я армии с задачей разгромить гжатскую группировку противника и выйти на ближние подступы к Вязьме. Кроме того, намечался удар 29-й армией. В общей сложности замыслом командования Западного фронта предусматривалось образование в обороне противника восьми брешей. Подобное дробление сил произошло и на Калининском фронте генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева. Его 41-я и 22-я армии наносили удар с запада Ржевского выступа, в полосе южнее Белого и в полосе реки Лучесы далее к северу. Одновременно 39-я армия вводилась в сражение на широком участке фронта, у вершины выступа, с целью ограничить свободу передвижения немецких войск и захватить Оленино, а также участок железной дороги Оленино — Ржев. Одновременно Калининский фронт силами 3-й ударной армии предпринимал наступление на Великие Луки и Новосokolьники.

Оценивая решение фронтов на операцию «Марс», начальник военной академии имени М.В. Фрунзе генерал армии А.И. Радзиевский, принимавший участие в этой операции в должности начальника штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, отмечал: «В силу того, что в общей сложности создавалось 13 ударных группировок, большинство из них, за исключением зубцовской Западного фронта и оленинской Калининского фронта, оказались небольшого состава — три-четыре дивизии с механизированным или танковым корпусом.

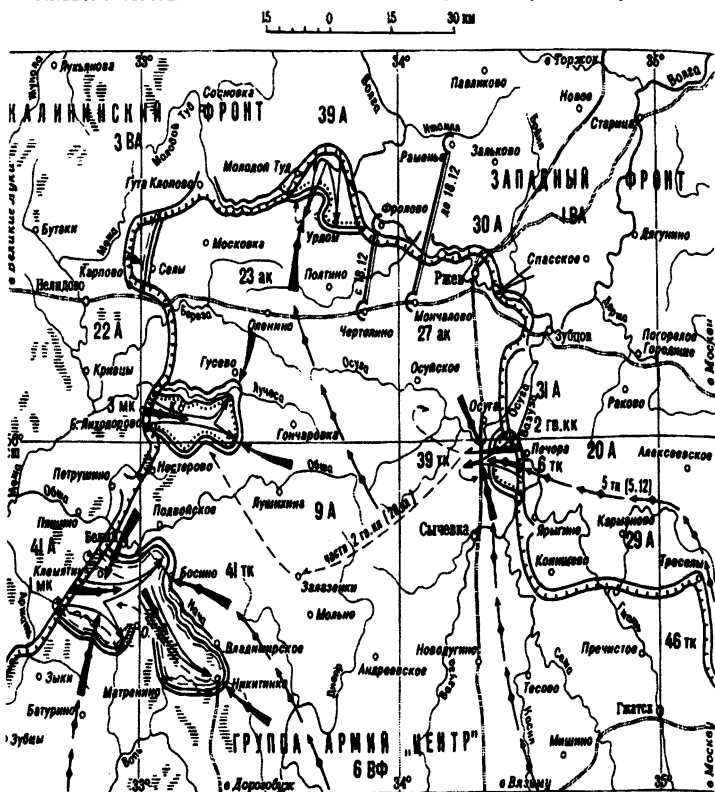
Множественность ударов, из которых более половины были сковывающими, привела к распылению огневых средств... В целом решение на операцию было отмечено пассивностью и отсутствием целеустремленности. Не найдено было главное — обоснованный порядок разгрома противника. Эта операция в общем стратегическом плане носила вспомогательный характер, но проводиться должна была предельно активно, уверенно и с решительной целью. Фронты использовали свои возможности на 50%: в плане большой стратегии это недопустимо»¹.

Ко всему прочему, немецкое командование задолго до начала наступления знало о многих передвижениях войск фронтов и довольно точно вскрыло состав ударных группировок и направления их ударов. В приказе по 9-й армии за 16 ноября отмечалось: «Противник еще не начал ожидаемых атак... Наступление, возможно, будет осуществляться против северного фланга 9-й армии с двух сторон — с востока на Сычевку и из района юго-западнее Зубцов, а также с запада на Белый». На основании этого вывода командование 9-й армии создало сильные резервы в дивизиях и корпусах и было готово парировать прорывы. Оперативные резервы группы армий «Центр» также были выдвинуты на угрожаемые направления — в районе Сычевки находились три, а против 22-й и 39-й армий — две танковые дивизии.

Наступление в полосе Калининского фронта началось 25 ноября. Главный удар наносила 41-я армия генерал-майора Г.Ф. Тарасова, насчитывавшая 116 тыс. человек и 300 танков. Она должна была прорвать оборону немецких войск южнее Белого, расширить прорыв в западном и северном направлениях и соединиться с 20-й армией Западного фронта у основания Ржевского вы-

¹ Радзиевский А.И. Прорыв. — М., 1979. — С.49; Он же. Развитие теории и практики прорыва. Ч. 1. — М., 1977. — С. 222.

РЖЕВСКО-СЫЧЕВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 25 ноября—20 декабря 1942 г.

Линия фронта и исход 24 ноября	Линия фронта и исход 30 ноября
Направления ударов советских войск	Линия фронта и исход 20 декабря
Непроступы немцами-финскими войсками	Сокращения: К - Нарская, Д - Смоленск

Операция «Марс» 25 ноября — 20 декабря 1942 г.

ступа. В армию входили пять стрелковых дивизий, 1-й механизированный корпус генерал-майора М.Д. Соломатина, 47-я и 48-я механизированные бригады и 6-й сталинский добровольческий стрелковый корпус генерал-майора С.И. Поветкина. Говорить о добровольчестве корпуса можно лишь условно. Его 150-я стрелковая дивизия, 74, 75, 78, 91-я стрелковые бригады и другие подразделения были сформированы летом 1942 г. в Сибири из так называемого спецконтингента — из раскулаченных, ссыльных, членов их семей и бывших заключенных. Выбор у них был невелик: умереть от каторжного труда в ссылке или погибнуть на фронте. Второй вариант был предпочтительнее потому, что имелся мизерный шанс уцелеть. Выбравшись из концлагерей и мест лишения свободы, «враги народа» были счастливы, что наконец-то попадут на фронт. Они знали, что большинство из них сложит свои головы, но эта смерть давала надежду освободить себя от бесчестья. Кроме того, семьям погибших «врагов народа» обещали восстановление в правах. Между тем этот корпус более чем на треть состоял из коммунистов и комсомольцев, так как спецконтингент требовал к себе удвоенного внимания партии. В его рядах находилось 160 секретарей райкомов и парткомов.

В полосе наступления армии оборону занимала 2-я авиаполевая дивизия, подготовленная намного хуже линейных частей вермахта. Вместе с тем получение информации о советском наступлении побудило командование 9-й немецкой армии принять целый ряд мер по подготовке мобильных резервов и выдвигению их на вероятные направления атаки. Еще 31 октября была образована из двух мотопехотных батальонов дивизии «Великая Германия» мобильная боевая группа. Она была переброшена в район северо-восточнее Белого. 1-я танковая дивизия 19 ноября снялась со своей позиции восточнее Сычевки, то есть в полосе Западного фронта, и

направилась также в район Белого, на западный фас Ржевского выступа.

Артиллерийская подготовка на участке прорыва 41-й армии началась в 6 часов 25 ноября. Орудия и минометы подавляли оборону противника в течение трех часов, после последнего залпа реактивных установок пехота 6-го стрелкового корпуса и назначенных для прорыва дивизий поднялась в атаку. Первая линия обороны противника была прорвана на участке между деревнями Симоновка и Демаши с ходу, и стрелковые подразделения устремились в долину реки Вишенка ко второму оборонительному рубежу. Крутые западные берега реки заставили и пехоту, и танки сбавить ход, но наступление продолжалось: батальоны 75-й бригады преодолели замерзшую реку и двинулись вверх по пологим восточным берегам долины к деревне Цицино. Здесь сопротивление усилилось, ожесточенный бой у деревни продолжался час, и вскоре после полудня она была окружена. К ночи передовые батальоны бригады продвинулись в глубину обороны на 1 км.

74-я стрелковая бригада при поддержке танков разгромила подразделения 2-й авиаполевой дивизии противника в опорных пунктах Емельяново и Шипарево. Южнее 17-я гвардейская стрелковая дивизия захватила Шевнино. На левом фланге участка прорыва 150-я стрелковая дивизия штурмовала немецкие укрепления у Клемятина и вступила в ожесточенный бой за Дубровку и Будино. Однако дальнейшее продвижение замедлилось, а местами наступавшие части были совсем остановлены контратаками подошедших резервов противника. Одновременно командование 9-й немецкой армии начало выдвигание на угрожаемое направление четырех танковых дивизий.

В создавшейся обстановке, когда главная полоса обороны врага еще не была прорвана, а части 6-го

стрелкового корпуса встретили сильное сопротивление и создалась угроза срыва начатого наступления, командующий 41-й армией приказал ввести в сражение 1-й механизированный корпус, чтобы завершить прорыв вражеской обороны. Уже через несколько месяцев в учебном пособии Высшей военной академии имени Ворошилова подобные действия рассматривались как пример неудачного применения крупных танковых соединений. В нем, в частности, отмечалось: «1-й механизированный корпус, получив самостоятельную задачу прорыва фронта и разгрома противника на всю глубину, имел перед собой не слабую, а упорную, долговременную оборону, опирающуюся на сильные противотанковые узлы сопротивления, взаимодействующие между собой... Продвигаясь с большим напряжением, части корпуса наталкивались на мощные узлы сопротивления». Начав выдвигание в ночь на 26 ноября, механизированные и танковые бригады корпуса в течение дня завершили совместно с частями 6-го стрелкового корпуса прорыв обороны противника и приступили к развитию успеха. Однако на левом фланге 150-я стрелковая дивизия и 219-я танковая бригада втянулись в затяжные бои за населенные пункты Дубровка и Батурино. Командующий армией принял решение усилить это направление 19-й механизированной бригадой. Сопротивление немецких войск у Дубровки было сломлено. Но Батурино, несмотря на ожесточенную борьбу и огромные потери, оставалось у противника. К этому времени 150-я стрелковая дивизия потеряла почти половину бойцов, а 219-я танковая бригада — половину своих пятидесяти танков. Теперь и 19-я механизированная бригада, и сопровождающий ее танковый полк несли такие же потери, почти не продвигаясь вперед. Отрыв двух бригад от выполнения основной задачи значительно ослаблял корпус генерала Соломатина и лишал его возможности проявить се-

бя как крупное механизированное соединение. Он стал действовать теперь в одноэшелонном построении на разобщенных направлениях.

Продвижение танковых частей вперед было связано с большими трудностями. Как писал М.Д. Соломатин: «Дорог, которые бы допускали свободное движение автотранспортных средств, не было. Все мосты на переправах противник при отходе уничтожал. Глубокий снежный покров и вьюга сильно сковывали движение. Специальных машин для расчистки снежных заносов и прокладки колонных путей в корпусе не было. Для этой цели использовались танки Т-34. Они шли уступом один за другим, чтобы проложить путь для автомашин с мотопехотой и буксируемой артиллерией. В ряде случаев мотопехота двигалась за танками в пешем порядке, что очень изнуряло ее и ограничивало маневр на поле боя.

Отсутствие дорог, сплошные леса и сильная снежная вьюга затрудняли ориентирование. Танковые подразделения, особенно действовавшие впереди, сбивались со своих направлений. Наступавшие части нередко выходили на маршруты своих соседей, что создавало большие трудности в управлении войсками и снижало темп наступления»¹.

Несмотря на все трудности, корпус упорно продвигался на восток. Особенно удачно действовала 37-я механизированная бригада. В ее первом эшелоне наступал 3-й танковый полк под командованием майора Е.М. Павленко. Этот полк, двигаясь лесными просеками, рано утром 27 ноября внезапно ворвался с десантом мотопехоты в деревню Чечеринка, в которой располагались штаб 33-го танкового полка, комендатура и до батальона пехоты противника. Немецкий гарнизон не ожидал, что в такую сильную пургу советские танкисты могут появиться-

¹ Соломатин М.Д. Красноградцы. — М., 1963. — С. 23.

ся в деревне. Когда они, ведя огонь из пушек и пулеметов, на большой скорости ворвались на улицу деревни, солдаты и офицеры противника в панике, полураздетые начали выскакивать из домов, попадая под град пуль и снарядов или под гусеницы танков. Вскоре вся улица протяжением около километра оказалась заваленной трупами вражеских солдат и офицеров, разбитыми и горящими автомашинами и повозками, трупами лошадей. На следующий день, пройдя лесными дорогами, полк неожиданно ворвался в деревню Матренино и уничтожил 10 танков, артиллерийскую батарею и до 300 вражеских солдат и офицеров¹.

Развивая наступление, 1-й механизированный корпус перерезал шоссе Белый — Владимирское, по которому шло снабжение немецких войск в Белом. На шестой день операции, 1 декабря, продвижение частей 41-й армии на всех участках прорыва было остановлено противником. В течение нескольких дней они с большим трудом отражали контрудары и контратаки немецких танковых и пехотных группировок. К этому времени в сражение были введены все армейские резервы — 91-я стрелковая и 47-я механизированная бригады в районе Белого и 48-я механизированная бригада — на правом фланге вклинения 1-го механизированного корпуса. Сложившееся равновесие, когда обе стороны не могли изменить ход борьбы в свою пользу, нарушили подошедшие немецкие танковые дивизии.

6 декабря встречными ударами от Белого и р. Нача 12-я немецкая танковая дивизия прорвала оборону 91-й стрелковой и 47-й механизированной бригад. Большая часть 47-й бригады была окружена и потеряла почти все танки. Прикрывать южный фланг наступления корпуса М.Д. Соломатина стало некому.

¹ Соломатин М. Д. Красноградцы. — С. 23.

Немецкий контрудар не заставил себя ждать. Основу контрударной группировки составила 19-я танковая дивизия, насчитывавшая 65 танков. Подавляющее большинство этих танков, за исключением десяти с длинноствольными орудиями, было устаревших типов. Однако в отсутствие серьезного заслона на фланге корпуса М.Д. Соломатина даже масса легких танков несла смертельную опасность. В намеченной противником полосе наступления на почти пятикилометровом рубеже оборонялась только 78-я стрелковая бригада. 7 декабря 19-я танковая дивизия начала свое наступление. Как писал очевидец, «19-я выступила в тумане, по сугробам высотой 40 сантиметров... без артподготовки. Не обращая внимания на очаги сопротивления слева и справа... дивизия вступила в бой с упорно обороняющимся противником, которому не удалось остановить ее залпами реактивных орудий»¹. На второй день наступления она перерезала основную дорогу снабжения подвижной группы 41-й армии, а на третий день — вступила в контакт с наступающими из района Белого частями 1-й танковой дивизии. Кольцо окружения вокруг частей 6-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов замкнулось. Как писал впоследствии генерал Соломатин, «остановить наступление танковых группировок противника, наносивших встречный удар, не удалось, и они к 20 часам 7 декабря заняли Шипарево, Цицино, Дубровку, соединившись в районе Цицино и отрезав тем самым наши войска, находившиеся юго-восточнее этих пунктов»². В окружение попали 19, 35, 37 и 48-я механизированные бригады, 74-я и остатки 91-й стрелковой бригады. В обстановке, когда противник не успел еще создать плотного кольца окружения, успех выхода из него мог

¹ *Гланц Д.* Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 года. — М., 2006. — С. 300.

² *Соломатин М.Д.* Красноградцы. — С. 30—31.

быть обеспечен только немедленными действиями. Поэтому командир корпуса запросил у командарма генерала Тарасова разрешение вырваться из котла. Но над тем довлели указания Пуркаева и Жукова, и он приказал Соломатину удерживать занимаемые позиции «любой ценой». Становилось очевидным, что без поддержки извне корпус был обречен.

До 14 декабря по периметру окружения шла ожесточенная борьба между несколькими окруженными бригадами и частями 1, 12, 19 и 20-й танковых дивизий врага. Наконец вечером 14 декабря М.Д. Соломатин получил от Г.К. Жукова, который в это время находился на КП 41-й армии, разрешение на прорыв. К этому времени возможности корпуса к сопротивлению иссякли. Для минометов и танков осталось по 5—6 снарядов, для пулеметов и автоматов — по 10—15 лент или дисков, для винтовок — не более 5 патронов. К рассвету 16 декабря потрепанные части 6-го стрелкового и 1-го механизированного корпусов прорвались из окружения. Согласно составленному по итогам операции отчету командира 1-го механизированного корпуса, его потери за 20 дней боев составили 2280 человек убитыми и 5900 ранеными. Из этого числа в окружении убито 1300 человек, ранено около 3500 человек¹. Из 224 танков, имевшихся в корпусе к началу наступления, остались единицы. 6-й стрелковый корпус из 37 500 человек потерял 25 400, из них: убитыми — 5400, ранеными — 16 000, пропавшими без вести — 4000. Сегодня только на мемориальном кладбище у деревни Плоское под Белым захоронено 12 500 воинов-сибиряков, это больше, чем все нынешнее население района.

Неудача наступления стала фатальной для карьеры командующего 41-й армией генерала Г.Ф. Тарасова. Он

¹ *Исаев А.В.* Когда внезапности уже не было. — М., 2006. — С. 277.

был отстранен Жуковым от командования армией после окружения 1-го механизированного корпуса. Возможность реабилитировать себя была предоставлена ему несколько позже: в феврале — марте 1943 г. он возглавлял 70-ю армию. Однако и здесь наступление было в целом неудачным, Тарасов вновь был смещен и погиб в Венгрии осенью 1944 г. в должности заместителя командующего 53-й армией. Действия М.Д. Соломатина были признаны адекватными обстановке, и он сохранил должность командира механизированного корпуса до конца войны.

Второй удар в полосе Калининского фронта нанесли 22-й армией генерал-майора В.А. Юшкевича, насчитывавшей 80 тыс. человек, 270 танков, 7 артиллерийских и 3 противотанковых полка. Оборону противника планировалось прорвать силами 238-й и 185-й стрелковых дивизий полковников И.В. Карпова и М.Ф. Андрищенко на стыке двух немецких пехотных дивизий. После этого в прорыв должен был войти 3-й механизированный корпус генерал-майора М.Е. Катуква. К исходу третьего дня наступления он должен был перерезать шоссе Оленино — Белый, после чего частью сил наступать на север навстречу 39-й армии и частью — на юг к Белому для соединения с 41-й армией. Армия должна была вести наступление по узкой извилистой долине р. Лучесы, которую с обеих сторон обступали густые леса. Двадцать километров до шоссе Оленино — Белый нужно было пройти по узкому коридору, не имея возможности для маневра.

Ударная группировка 22-й армии перешла в наступление в 9 часов утра 25 ноября после полуторачасовой артподготовки. Наступавшая на правом фланге участка прорыва 238-я стрелковая дивизия с 49-й танковой бригадой за день боя вклинилась в глубину обороны противника всего на 2 км и вышла на подступы к Толкачам. В по-

лосе 185-й дивизии два ее стрелковых полка прорвали первую позицию, но увязли в бою за несколько деревень в открытом поле на южном берегу р. Лучеса. В полдень в бой вступила 1-я гвардейская танковая бригада полковника В.М. Горелова. Это позволило продвинуться на 1 км. Но силы дивизии к северу от реки не смогли прорвать передний край вражеской обороны и поддержать атаку. Тем не менее командование 9-й немецкой армии уже вечером того же дня начало выдвигать в район прорыва один батальон моторизованной дивизии «Великая Германия», который выдвинулся в долину Лучесы и занял оборону на подступах к деревне Старухи.

На рассвете 26 ноября после очередной короткой артподготовки стрелковые подразделения двух дивизий при поддержке двух танковых бригад, развернутых по-роттно, возобновили наступление. После нескольких атак 238-я дивизия овладела опорным пунктом Толкачи. На берегах Лучесы полки 185-й стрелковой дивизии форсировали замерзшую реку и вышли к населенному пункту Грива. На подступах к деревне противник встретил их смертоносным огнем автоматов, пулеметов и минометов. Танки 1-й гвардейской танковой бригады отстали от пехоты на переправе через реку, и без их поддержки в полдень атака замерла перед неприступными укреплениями населенного пункта.

Тем временем усиленный 1319-й стрелковый полк дивизии прорвался через немецкие позиции к югу от реки и медленно двинулся вперед, по обе стороны от дороги на Старухи. На полпути к цели его остановила яростная контратака только что подоспевшей немецкой моторизованной пехоты. Продвижения всего на километр удалось достичь ценой больших потерь танков.

Рано утром 27 ноября 22-я армия наконец-то добилась первых успехов. В этот день в сражение были введены все бригады 3-го механизированного корпуса.

Удалось продвинуться до окраин деревни Старухи и овладеть небольшим предмостным плацдармом на северном берегу реки, южнее Гривы. Но к ночи многообещающая атака опять заглохла, натолкнувшись на непреклонное сопротивление противника. Генерал Юшкевич решил изменить направление главного удара и в течение ночи перегруппировать все бригады мехкорпуса на правый фланг.

Но и на этот раз в ходе операции незамедлительно возникли проблемы. Во-первых, сильный снегопад мешал ночной перегруппировке, и подразделения безнадежно перепутались на занесенных снегом лесных тропах. Поэтому атака, запланированная на рассвет, началась только после полудня. Танковые части смяли немецкие укрепления у Карской, но на крутых берегах речушки к западу от Гончарово попали под сильный огонь противника, засевшего в деревне. Зловещим знаком было то, что в число защитников деревни входила не только пехота, с которой советские войска уже имели дело, но и танковые гренадерские части. В район боевых действий подошли новые немецкие резервы — два гренадерских батальона дивизии «Великая Германия».

Убедившись, что обе ударные группы не достигли успеха, Юшкевич направил им на помощь резервы. Его 114-я стрелковая бригада и 39-й отдельный танковый полк с тридцатью новыми танками выдвинулись вперед, чтобы поддержать атаку на следующий день. Рано утром 29 ноября участок фронта вдоль Лучесы взорвался огнем: обе стороны атаковали почти одновременно на всем участке, яростное сражение затянулось на весь день. Бронетехника 49-й танковой бригады майора В.С. Черниченко и пехота 10-й механизированной бригады полковника И.В. Мельникова, а также 238-я стрелковая дивизия сокрушили немецкие укрепления у Гончарова и устремились на запад через леса, прямо навстречу

контратакующему 1-му батальону немецких гренадерских резервов. Противник развернул батарею 50-миллиметровых противотанковых орудий для стрельбы прямой наводкой по атакующим средним танкам Т-34 и тяжелым KV-1, но снаряды просто отскакивали от их брони, и вскоре огонь батареи прекратился. В бой вступили 88-миллиметровые зенитные орудия. Потеряв 15 танков, подразделения бригад остановились у деревни Смольково, всего в 8 км от цели наступления 3-го механизированного корпуса — дороги на Оленино.

На левом фланге разгорелись еще более напряженные бои. Уцелевшие сорок танков 1-й танковой и 3-й механизированной бригад полковников В.М. Горелова и А.Х. Бабаджаняна при поддержке моторизованной пехоты атаковали Старухи и позиции 2-го батальона гренадерского полка у Лучесы. Потери с обеих сторон были огромными, советские войска лишились половины танков, от немецкого 2-го батальона остался только усиленный взвод. Немецкий участник тех событий вспоминал: «Невозможно описать то, что пехотинцы, саперы, артиллеристы и наблюдатели выдержали среди снега и льда на передовой. Пришлось формировать из транспортных колонн и тыловиков отряды, чтобы закрыть хотя бы некоторые из разрастающихся брешей»¹.

Обе стороны были одинаково измотаны, и с наступлением ночи Юшкевич готов был остановиться, но Жуков приказал продолжать атаки во что бы то ни стало. С рассвета 30 ноября удары наносились по всему участку от Гривы до Смолькова. В результате брешь в обороне противника достигла 12 км, но почти половина из 270 танков уже превратилась в обугленные остовы, численность механизированной пехоты заметно снизилась, потери в стрелковых дивизиях превышали 50%. Но и противник,

¹ Глантц Д. Крупнейшее поражение Жукова... — С. 308.

понимая, что успешная оборона Белого и Оленина будет напрасной в случае прорыва советских войск на Лучесе, бросал на передний край все, что было возможно. Артиллеристы, саперы, служащие тыла, повара и даже русские добровольческие вспомогательные части НВ направлялись на усиление пехоты.

Следующий день, 1 декабря, с точки зрения немецкой стороны, был самым трудным днем за все время боевых действий в долине Лучесы. В немецком отчете за этот день отмечалось: «На рассвете, после особенно мощной артподготовки, три русские дивизии начали наступление по всему фронту от Гривы на востоке до Богородского, Большого Борятино на юго-востоке. Атаки русских следовали в таком порядке: в 9.00 — на Большое Борятино, в 10.30 — на Богородицкое и в то же время — восточнее, на Гороватку, в 12.00 — на Богородицкое. В 17.00 были предприняты еще две атаки. Русские сумели прорвать оборону и двинулись вперед, но по танкам ударили наши противотанковые пушки. Несмотря на ожесточенный ближний бой, в ходе которого было почти полностью истреблено штурмовое саперное подразделение, остановить противника не удалось»¹.

3 декабря расстояние до основной цели, немецкой коммуникационной артерии Оленино — Белый, уже сократилось с пяти километров в долине Лучесы до менее двух к югу, у открытого немецкого фланга. Поэтому именно на нем генерал Юшкевич сосредоточил свое внимание и основные силы. В сущности, ударная группировка 22-й армии уже прекратила свое существование. В непрерывных боях было потеряно более 200 из 270 танков, и хотя прибыло несколько новых, общая численность изменилась не намного. К 3 декабря совместно с пехотой действовали лишь танковые роты, а самым

¹ Гроссман Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта.— С. 112.

большим из танковых частей был 39-й полк с двадцатью машинами. Потери пехоты тоже были высоки, они превышали 60%. В распоряжении командующего уже не было крупных сил, необходимых для очередного мощного удара, осталось только перемещать части с дальнего левого фланга. Однако, неукоснительно следуя указаниям командующего войсками Калининского фронта генерала Пуркаева, он попытался собрать и ввести в сражение силы, способные прорваться к стратегически важному шоссе «любой ценой». Юшкевич не знал одного: его очередное, запланированное на 7 декабря наступление уже упреждено противником.

Ранним утром 6 декабря боевая группа, основу которой составляла 129-я пехотная дивизия, усиленная гренадерскими батальонами, отдельными подразделениями других соединений и всего тремя танками и двумя самоходными орудиями, нанесла контрудар в районах Новой Боярщины, Голышкина и Большого Борятина. Контрудар оказался совершенно неожиданным для советских войск и сорвал их подготовку к наступлению. Они потеряли 19 танков, 18 автомашин, 14 противотанковых пушек, но самое главное, были отброшены от шоссе Белый — Ленино на 6 км.

Но и после этого никто и не думал изменить задачу 22-й армии. Генералу Юшкевичу не оставалось ничего другого, кроме как с утра 7 декабря возобновить наступление. В 8.30 утра редкие цепи пехоты, поддержанные последними танками, вновь двинулись на штурм немецких укреплений. Как и следовало ожидать, все атаки захлебнулись, счет потерь катастрофически вырос. И тем не менее атаки продолжались вплоть до полного изнеможения войск. Юшкевич неоднократно запрашивал разрешения остановить уничтожение армии, но ему отказывали. Наконец, когда последние надежды на продвижение вперед улетучились, Жуков приказал прекра-

тить наступление. Незадолго до этого в командование 22-й армией вступил генерал-майор М.Д. Селезнев. Поздно вечером 12 декабря он получил приказ вывести из боя 3-й механизированный корпус генерала Катукова и собрать его остатки в тылу для отдыха и переоснащения. Это событие ознаменовало финал советских попыток сокрушить оборону немецких войск в долине Лучесы. Кровавопролитные бои в полосе 22-й армии, по всей видимости, не без указаний сверху, описаны в журнале ее боевых действий одной фразой: «В ноябре—декабре армия вела в основном боевые действия с целью разведки противостоящих сил противника в районе Оленино»¹. Практически полностью потерять только что сформированный механизированный корпус — в операции «Марс» означало, оказывается, сходить «в разведку»! Интересно, какие аргументы после этого смогут привести сторонники версии «отвлекающего удара» в ее защиту?! После такой объективной в кавычках оценки боевых действий искать в армейских документах сведения о людских потерях не приходится. Что касается дальнейшей судьбы генерала Юшкевича, то он вновь возглавил 22-ю армию в марте 1943 г., а через год вступил в командование 3-й ударной армией. С октября 1944 г. и до конца войны Юшкевич являлся командующим войсками Одесского военного округа.

Еще один удар в полосе Калининского фронта нанесли 39-я армия генерал-майора А.И. Зыгина. Целью ее действий являлось сковывание немецких резервов и содействие наступлению 22-й армии. Таким образом, в операции Калининского фронта 39-й армии отводилась второстепенная роль. Конкретно задача армии заключалась в овладении большаком Молодой Туд — Ржев на участке Урдом, Зайцево и потом во взаимодействии с

¹ ЦАМО РФ. Ф. 376. Оп. 10803. Д. 97. л. 84.

22-й армией и ударной группой Западного фронта — населенным пунктом Оленино¹. В полосе наступления армии на широком 42-километровом фронте занимала оборону 206-я немецкая пехотная дивизия. Ее оборона строилась системой отдельных опорных пунктов, промежутки между которыми достигали нескольких километров. На направлении главного удара армии действовали 158, 135 и 373-я стрелковые дивизии с 28-й и 81-й танковыми бригадами. Во втором эшелоне сосредоточивалась 348-я стрелковая дивизия. Помимо главного удара предполагалось нанесение двух вспомогательных ударов на правом и на левом флангах армии. Для первого назначались 100-я стрелковая бригада и полк 186-й стрелковой дивизии, для второго — 136-я стрелковая бригада при поддержке двух полков 178-й стрелковой дивизии и трех танковых полков. Развить успех здесь планировалось силами 101-й стрелковой и 46-й отдельной механизированной бригад.

Как и в других армиях Калининского фронта, наступление в полосе 39-й армии началось 25 ноября. После завершения артподготовки возглавляемые саперами, несущими длинные доски и бревна, передовые стрелковые роты с рубежа Тронино, Сельцо Доброе, Первомайское бросились к замерзшей р. Молодой Туд, перешли ее по льду и вверх по изрытому воронками дальнему берегу устремились к лесу. Вслед за ними начали движение в атаку основные силы батальонов трех стрелковых дивизий. На правом фланге, в полосе 158-й стрелковой дивизии, едва колонны 28-й танковой бригады полковника Малыгина приблизились к реке, на противоположном ее берегу вновь появились передовые роты, выбитые из леса мощным вражеским огнем. Танки преодолели реку и без сопровождения пехоты углубились в лес.

¹ *Малыгин К.А.* В центре боевого порядка. — С. 70.

Здесь они сразу вызвали на себя массированный огонь уцелевших немецких опорных пунктов. Атака стоила бригаде десяти танков. Прекрасно зная, какая участь ждет бронетехнику, вступившую в бой без поддержки пехоты, Малыгин приказал своим батальонам вернуться к реке и воссоединиться с пехотой, но та все равно не смогла подняться, прижатая к земле пулеметным огнем. Генерал Зыгин, обеспокоенный большими потерями, приказал отвести бригаду обратно за реку¹.

Атака не удалась не только на правом фланге. Действия 135-й стрелковой дивизии полковника В.Г. Коваленко и 373-й стрелковой дивизии полковника К.И. Сазонова по тем же причинам завершились провалом. Несмотря на поддержку 81-й танковой бригады полковника Д.И. Кузьмина, пехоту остановил мощный огонь противника, и атакующим пришлось отступить обратно за реку.

Неожиданный успех был достигнут на второстепенных направлениях. На правом фланге, в верховьях р. Молодой Туд, между одноименным населенным пунктом и небольшим притоком Дубенка, впадавшим в реку с востока, 100-я стрелковая бригада при поддержке одного полка 186-й дивизии на рассвете форсировала реку. Сломив сопротивление противника на стыке 253-й и 206-й пехотных дивизий, атакующие продвинулись на 5 км в леса к северу от Дубенки, почти до самой дороги Молодой Туд — Оленино. Возможную катастрофу противника предотвратили срочно переброшенные сюда передовые подразделения моторизованной дивизии «Великая Германия».

На левом фланге армии 136-я стрелковая бригада при поддержке стрелкового полка 178-й стрелковой дивизии и двух отдельных танковых полков нанесла удар в направлении Зайцева, продвинулась на 4 км, дошла до

¹ Малыгин К. А. В центре боевого порядка. — С. 70.

окраин Трушкова, где к ночи резервы 206-й немецкой пехотной дивизии, наконец, остановили ее.

Генерал Зыгин хотел развить успех на флангах, но, когда он попросил разрешения перебросить туда основные силы, командующий войсками фронта отказал ему и потребовал следовать первоначальному плану. Генерал Пуркаев помнил о первоочередной задаче 39-й армии — оказывать неослабевающее давление на противника и сковывать как можно больше его резервов, чтобы облегчить выполнение задачи 22-й и 41-й армиями. Таким образом, выполнение общешфронтовой задачи заставляло генерала Зыгина сосредоточивать усилия не там, где наметился успех, как это требует военное искусство, а там, где его, наоборот, не было. Фланговым группировкам при этом рассчитывать на усиление не приходилось.

В 10 часов 26 ноября подразделения 158-й стрелковой дивизии и 28-й танковой бригады форсировали Молодой Туд и закрепились в лесах на противоположном берегу реки. К ночи они с боями продвинулись на 2 км и вышли к деревне Бортники. 81-я танковая бригада и 135-я дивизия под шквальным огнем противника также преодолели реку у деревни Казаково. К исходу дня они тоже продвинулись на 2 км и после тяжелых боев захватили деревню Палаткино. Немецкая пехота при поддержке танков неоднократно предпринимала контратаки, но вернуть деревню так и не смогла. Второй оборонительный рубеж немецкого 301-го гренадерского полка 206-й дивизии был прорван.

Но на правом фланге армии 100-я стрелковая бригада подверглась мощной контратаке, оставила Шарки, отошла к р. Молодой Туд и оказалась под угрозой окружения. Несмотря на трудное положение бригады, Зыгин отдал ей приказ продолжать бои на достигнутом рубеже. На левом фланге 136-я стрелковая бригада и поддерживающие ее танки нанесли удар в направлении Зайцева,

но не смогли уничтожить немецкие укрепления вокруг деревни Трушково.

После этого генерал Пуркаев вновь подтвердил требование оказывать на противника максимальное давление. На следующий день дивизии главного направления ввели в бой полки второго эшелона, но перелома в сражение это не внесло, к вечеру противник вновь стабилизировал положение. Зато на правом фланге случилось то, что и должно было случиться. Оставшаяся без усиления 100-я стрелковая бригада была окружена двумя батальонами дивизии «Великая Германия». К ночи к востоку от р. Молодой Туд в лесах держалось лишь несколько разобщенных подразделений, в целом же танковым гренадерским частям противника удалось восстановить первоначальную линию обороны на этом участке. Одновременно сильным контратакам врага подверглась и 136-я стрелковая бригада на противоположном фланге.

Не обращая внимания на фланги, командующий армией решил продолжать наступление в центре в направлении населенного пункта Урдом. Последовавшие за этим бои продолжались без перерывов два дня, но, несмотря на все старания трех стрелковых дивизий и двух танковых бригад, к ночи 29 ноября 206-я пехотная дивизия противника осталась на прежних рубежах. Два дня боев стоили командирам дивизий почти половины солдат, а танковым бригадам, объединенным под командованием полковника Малыгина, — более половины бронетехники. Несмотря на это, 30 ноября все эти ослабленные силы при поддержке введенной в сражение из второго эшелона 348-й стрелковой дивизии были брошены в очередную атаку на Урдом. Танки КВ дошли до окраин населенного пункта и под шквальным огнем противника принялись методически уничтожать одну огневую точку за другой. Ценой почти половины оставшейся бронетехники к ночи две бригады Малыгина и сопровож-

дающая их пехота сумели выбить врага из разрушенного Урдома. Но противник по-прежнему удержался у дороги к востоку и западу от населенного пункта. Мало того, ожесточенная борьба до предела истощила силы ударной группировки 39-й армии. Притянуть к себе резервы 9-й немецкой армии она уже не могла.

В такой обстановке, не отказавшись, в общем, от продолжения наступления, Г.К. Жуков приказал сместить участок прорыва на левый фланг 39-й армии, ближе к Ржеву. К назначенному на 7 декабря наступлению должна была присоединиться 30-я армия Западного фронта. На новый участок прорыва были переброшены три стрелковые дивизии из этой армии. Перегруппировка производилась также внутри полосы 39-й армии. На ее левый фланг перемещались одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады.

Второй этап наступления 39-й армии начался 7 декабря, когда перегруппировавшиеся советские войска нанесли мощный удар по немецким укреплениям у Трушкова на стыке 14-й моторизованной и 251-й пехотной дивизий противника. Наступление развивалось успешно, ослабленные в предыдущих боях части 14-й моторизованной дивизии начали отход, и к полудню наступающие захватили деревню Гончуки в глубине немецкой обороны, в 3 км к югу от Трушкова. 10 декабря генерал Зыгин ввел в сражение получившие новые танки 28-ю и 81-ю танковые бригады. Оборона была прорвана, и бригады продвинулись к лесам юго-западнее Гончуков.

Однако к этому времени на участок 14-й моторизованной дивизии прибыл 18-й пехотный полк 6-й пехотной дивизии. Этот полк во время всего советского наступления перебрасывался с одного участка на другой, вступая в бой в решающие моменты сражения. До этого он уже успешно действовал в полосах 41-й и 22-й армий. Как отмечалось в отчете 6-й немецкой пехотной дивизии,

«это было уже третье введение 18-го полка в бой в ходе зимних сражений за выступ 9-й армии»¹. Прибыв на новое для него направление, 18-й полк сразу же перехватил коммуникации прорвавшихся к югу от Гончуков танков.

Атаки соединений 39-й армии возобновились в полдень 13 декабря после интенсивной четырехчасовой артподготовки. Прорыва обороны достигнуть не удалось, но были деблокированы окруженные остатки двух танковых бригад. К этому времени наступление на всех других направлениях операции «Марс» практически провалилось. Стремясь добиться успеха хотя бы на одном из них, представитель Ставки генерал армии Жуков выдавал желаемое за действительное. В этот день он прислал генералу А.И. Зыгину и члену Военного совета В.Р. Бойко именные часы с гравировкой: «Награждаю Вас часами за взятие города Оленино и желаю дальнейших успехов. Генерал армии Г.К. Жуков. 13.12.42»². Как известно, поселок Оленино был освобожден только 4 марта 1943 г.

После этого командующий 39-й армией просто не мог не возобновить атаки. Его части сражались, как и прежде, героически, но продвижение вперед было мучительно медленным. Тяжелые бои продолжались до 17 декабря, а затем начали утихать по мере снижения боеспособности атакующих советских войск. Жуков отдал измученной 39-й армии приказ перейти к обороне только 23 декабря. На тот момент обессиленные остатки советских войск находились почти в 20 км от железной дороги и шоссе Оленино — Ржев. После окончания операции командующий 39-й армией генерал Зыгин продолжал возглавлять ее до сентября 1943 г., когда был назначен

¹ Гроссман Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. — С. 106.

² Это было на ржевско-вяземском плацдарме. — Ржев, 2002. — С. 38.

командующим 4-й гвардейской армией. В том же месяце он погиб при форсировании Днепра. Командующий войсками Калининского фронта генерал Пуркаев в апреле 1943 г. принял под свое командование Дальневосточный фронт. Будучи генералом армии, командовал 2-м Дальневосточным фронтом в ходе советско-японской войны.

Наиболее сильная группировка советских войск в операции «Марс» создавалась в полосах наступления 31-й и 20-й армий Западного фронта. Здесь на одном участке прорыва сосредоточивалось 14 стрелковых дивизий, до 100 орудий и минометов и до 20 танков на 1 км фронта. Главная роль в наступлении отводилась 20-й армии генерал-майора Н.И. Кирюхина, которая включала семь стрелковых дивизий, 1-ю гвардейскую Московскую мотострелковую дивизию, 8-й гвардейский стрелковый корпус, восемь танковых бригад, 53 артиллерийских полка — всего 114 тыс. человек, 1310 орудий и минометов, 317 танков. Армия имела задачу прорвать оборону противника на участке Васильки, Печора, перерезать железную дорогу Сычевка — Осуга, овладеть Сычевкой и, действуя совместно с подвижной группой Западного фронта, соединиться с войсками Калининского фронта.

Особенностью ударной группировки стрелковых соединений 20-й армии было их разделение на две группы. Первая — 326, 251 и 42-я гвардейская стрелковые дивизии — располагалась на западном берегу Вазузы, и в процессе наступления им не требовалось преодолевать реку. Напротив, 247-я и 331-я стрелковые дивизии должны были в первый день наступления форсировать Вазузу. Ширина реки была 40—70 метров при глубине от 0,8 до 1,5 метра. К началу наступления намерз лед, который, однако, не достиг толщины, позволяющей передвигаться по нему танкам.

После прорыва обороны в сражение вводились 8-й гвардейский стрелковый корпус, 1-я гвардейская мотострелковая дивизия и подвижная группа полковника Н.А. Кропотина, включавшая три танковые бригады. В полосе армии должна была также действовать подвижная группа фронта под командованием генерал-майора В.В. Крюкова. Она состояла из 6-го танкового корпуса, 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и 1-й гвардейской мотострелковой бригады. Группа предназначалась для решения основной задачи наступления: после прорыва немецкой обороны она должна была продвигаться на северо-восток с целью окружения ржевской группировки противника. К началу наступления в 6-м танковом корпусе было 166 танков, из них 18 КВ, 85 Т-34, 30 Т-70 и 33 Т-60. В состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса входили три кавалерийские дивизии, отдельный конно-артиллерийский дивизион, отдельный истребительно-противотанковый дивизион и минометный полк.

На направлении наступления ударной группировки Западного фронта занимали оборону части 102-й пехотной и 5-й танковой дивизий противника. Буквально за несколько дней до перехода советских войск в наступление сюда также прибыла 78-я пехотная дивизия, которая должна была сменить на переднем крае 5-ю танковую дивизию. Наиболее прочные укрепления располагались на узком четырехкилометровом участке между реками Осуга и Вазуза. Немецкие подразделения располагались в ряде опорных пунктов в окрестностях крупных деревень. Между ними размещались дзоты с плотностью 10—15 единиц на кв. км. Эти позиции были соединены ходами сообщений. Южнее, вдоль берега Вазузы, наиболее сильно были укреплены Зеваловка и Хлепень. На расстоянии 4—5 км от переднего края находился второй оборонительный рубеж. Его основу составляли батальонные районы в деревнях Малое Петраково, Большое и

Малое Кропотово, Подосиновка и Жеребцово. Подходы к ним прикрывались полосами препятствий, противотанковыми и противопехотными минными заграждениями.

25 ноября в 7 часов 50 минут артиллерия открыла огонь по обороне противника. Однако еще до рассвета начал бушевать резкий юго-западный ветер. Тяжелые серые тучи низко проносились над заснеженной равниной. Крупные хлопья мокрого снега слепили глаза и закрывали горизонт. Артиллерийские наблюдатели тщетно пытались рассмотреть места разрывов снарядов и мин, но их практически не было видно. Корректировка огня фактически прекратилась. Однако артиллерия продолжала вести огонь, который перестал быть прицельным и велся по площадям. Как докладывал начальник штаба Западного фронта генерал Соколовский: «Снежный буран в первый день наступления свел почти на нет артподготовку, так как видимость была от 100 до 200 метров. Ввиду этого огневая система противника в необходимой мере нарушена не была, и пришлось в ходе наступления тратить дополнительные снаряды»¹. Несмотря на это, после полуторачасовой артподготовки дивизии 31-й и 20-й армий перешли в наступление.

На равнине между реками Осуга и Вазуза в атаку перешли 88, 239, 336-я стрелковые дивизии, 32-я и 145-я танковые бригады 31-й армии генерал-майора В.С. Поленова. Вот как отражена эта атака в документах 102-й немецкой пехотной дивизии: «В 9.30 бурые массы русской пехоты появились из мест сбора в лесах. Танки, 25 рокочущих, изрыгающих пламя чудовищ, покатались вперед, поддерживая пехотинцев. Волна за волной русские надвигались на 102-ю пехотную дивизию. Немецкие солдаты уже были наготове. Стоя в окопах, они стре-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 228. Л. 193.

ляли поверх брустверов по вражеским полчищам, движущимся по голой равнине. Пулеметные очереди косили русских... В 11.40 им потребовалась передышка. Когда же они возобновили атаку, на этот раз в условиях легкого снегопада, солдаты 102-й дивизии опять отразили ее. Немногие добирались до немецких окопов и попадали в плен. К концу дня немецкие войска по-прежнему твердо держали оборону»¹.

В течение дня три стрелковые дивизии армии потеряли 50% людей. От двух поддерживающих танковых бригад тоже почти ничего не осталось. В советском отчете о боевых действиях лаконично сообщалось: «Части левого фланга 31-й армии успеха не имели и не могли содействовать продвижению наших правофланговых дивизий». Командующий армией предпринял еще несколько тщетных попыток атаковать позиции 102-й пехотной дивизии, но, несмотря на это, играть в наступлении активную роль 31-я армия прекратила в первый же день.

Правофланговые 326, 251 и 42-я гвардейская стрелковые дивизии 20-й армии, поддержанные 93, 80 и 255-й танковыми бригадами, также были встречены организованным артиллерийским и пулеметным огнем противника. К 11.40 атака захлебнулась, несколько подразделений, прорвавшихся в глубину, были окружены. Как отмечалось в отчете о боевых действиях танковых войск Западного фронта: «93-я танковая бригада по достижении Холм-Березуйский была встречена организованным артогнем противотанковой артиллерии. Идущая за танками пехота под минометным и ружейно-пулеметным огнем залегла в 400 метрах от переднего края... Понеся потери, с наступлением темноты бригада отошла на исходные позиции... 80-я танковая бригада после семича-

¹ Глантц Д. Крупнейшее поражение Жукова... — С. 127.

сового огневого боя севернее Гредякино, понеся потери 10 танков Т-34, один танк Т-70 и 7 танков Т-60, успеха не имела и с наступлением темноты вышла в район исходных позиций... 255-я танковая бригада при атаке в направлении Гредякино попала на свои минные поля, в результате чего подорвалось на минах 18 танков. Атака успеха не имела, и бригада также отошла на исходные позиции»¹.

Только на одном участке соединения 20-й армии добились успеха. 247-я стрелковая дивизия генерал-майора Г.Д. Мухина совместно с 240-й танковой бригадой достигла противоположного берега Вазузы еще в начале наступления, а к полудню отбила у противника деревни Зеваловка и Кузнечиха. Одновременно пехота 331-й стрелковой дивизии полковника П.Ф. Берестова при поддержке 11-й танковой бригады захватила деревню Пруды, но была остановлена шквальным огнем и контратакой противника у северной окраины расположенного у реки населенного пункта Хлепень. Эпизоды этого боя приведены в «Описании боевых действий на рубеже реки Вазуза», составленном Военным советом 20-й армии: «Дело дошло до рукопашной схватки. Красноармеец Степан Трофимов из 1104-го стрелкового полка, видя угрожающее положение сложившейся обстановки и невозможность вести огонь, так как немцы были всего в 15—20 метрах, схватил за конец ствола ружье ПТР и с возгласом «Вперед, за мной!» бросился в рукопашный бой и, размахивая длинным ружьем вокруг себя, лично сбил с ног трех немецких солдат, получив ранение в правую руку. В этой схватке красноармеец Буханцев Александр, подхватывая на лету бросаемые немцами гранаты, посылал их обратно врагу. Четыре таких гранаты верну-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 50660. Д. 7. Л. 111—112.

лись к немцам, уничтожив нескольких солдат. Буханцев остался невредим»¹.

Неудача на правом фланге 20-й армии срывала план ввода в прорыв подвижной группы фронта. Потеря времени грозила тем, что немецкое командование сумеет перебросить в полосу наступления армии дополнительные резервы. Поэтому командующий войсками фронта генерал Конев принял решение использовать для ввода в прорыв 6-го танкового и 2-го гвардейского кавалерийского корпусов плацдарм, захваченный 247-й стрелковой дивизией, то есть то направление, куда уже начали выдвигаться 8-й гвардейский стрелковый корпус, 1-я гвардейская мотострелковая дивизия и три танковые бригады подвижной группы 20-й армии. При этом уже выдвинувшиеся в исходный район на правом фланге армии две танковые бригады 6-го танкового корпуса должны были вернуться на восточный берег Вазузы и осуществить перегруппировку в центр оперативного построения. Все это означало, что за какие-нибудь 24 часа, преимущественно в темное время и под почти непрерывным изматывающим огнем противника, свыше 200 танков, 30 тыс. пехотинцев и 10 тыс. кавалеристов должны были выдвинуться вперед всего по двум дорогам, и без того разбитым постоянным воздействием артиллерии.

К чему это привело, свидетельствуют документы Западного фронта: «Ответственные офицеры штаба 20-й армии, руководившие переправами, настолько мало понимали обстановку, что продолжали переправу на западный берег реки обозов и тылов частей и в то же время оставляли на восточном берегу боевые части фронтового эшелона развития успеха... Получилось беспорядочное сборище людей, лошадей, танков, машин и обозов.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 337. Оп. 6631. Д. 56. Л. 17.

Авиация противника на низких высотах безнаказанно бомбила боевые порядки и тылы армии. На территории в 10—12 квадратных километров скопилось огромное количество боевых частей, обозов и транспортных машин сразу трех корпусов — 6-го танкового, 2-го гвардейского кавалерийского и 8-го гвардейского стрелкового — и тылы трех дивизий 20-й армии. Никакого руководства тыловыми частями не было. Весь тыловой район на западном берегу реки Вазуза был забит болтающимися людьми»¹.

В этот день, 26 ноября, на правом фланге армии только 42-я гвардейская стрелковая дивизия ценой больших потерь в людях и технике прорвалась к Гредякино, захватила несколько строений на ее окраине и выбила противника из Кобылина. В центре введенный в сражение 8-й гвардейский стрелковый корпус втянулся в тяжелые бои за Жеребцово и Арестово, но успеха не добился. Его 148-я и 150-я стрелковые бригады предприняли безуспешную атаку на Хлепень. Бои за этот населенный пункт велись в течение пяти последующих дней. Система инженерных сооружений в сочетании с естественными препятствиями превратили село в мощный узел сопротивления противника. В центре немецкого опорного пункта располагалась древняя каменная церковь. Во всех направлениях от нее были прорыты траншеи, всю деревню покрыли дзоты с круговым обстрелом. Противник не без оснований считал село неприступным узлом сопротивления. После того как все фронтальные атаки двух бригад были отражены, было принято решение применить мелкие штурмовые группы.

Взвод автоматчиков под командованием младшего лейтенанта Никитина атаковал дзоты к северо-западу от церкви и отвлек на себя огонь противника. В это время

¹ ЦАМО РФ. Ф. 337. Оп. 6631. Д. 56. Л. 20.

взвод младшего лейтенанта Дорофеенко и группа в составе 12 человек, возглавляемая старшим политруком Габовым, быстро форсировали реку, забросали церковь гранатами, ворвались в здание и закрепились в нем. В течение суток небольшое подразделение удерживало церковь, а когда главные силы бригад перешли наконец в наступление, нанесло удар по врагу с тылу. Выскочив из церкви, автоматчики блокировали блиндажи и дзоты противника, расстреливали из автоматов заматававшихся в панике вражеских солдат и офицеров. Враг не выдержал комбинированного удара с фронта и с тыла и поспешно начал отходить, потеряв 60 пулеметов, 100 автоматов, 250 винтовок, 5 раций и более 300 человек убитыми. Но после этих боев в 148-й и 150-й стрелковых бригадах, кроме штабов и подразделений обеспечения, не осталось почти никого¹. Всего в период с 25 по 30 ноября 8-й гвардейский стрелковый корпус потерял 6059 человек, из них 1116 убитыми и 197 пропавшими без вести. При этом было освобождено три населенных пункта — Хлепень, Холм и Пруды.

Лишь к 15 часам 26 ноября 6-й танковый корпус под командованием полковника Армана сосредоточился на плацдарме и начал наступление в трех направлениях на незнакомой местности, практически без разведки противника и поддержки артиллерии. «Вместо ввода в прорыв, — отмечается в учебном пособии Высшей военной академии имени Ворошилова, — корпус самостоятельно рвал оборонительную полосу противника, даже не организовав взаимодействие с общевойсковыми частями, действующими впереди него... В результате корпус напоролся на развитую противотанковую систему обороны и понес большие потери». Уже в первый день они составили до 60% имевшихся танков. Только один батальон

¹ ЦАМО РФ. Ф. 337. Оп. 6631. Д. 56. Л. 24.

22-й танковой бригады прорвался за полотно железной дороги Ржев — Сычевка в районе деревни Ложки, здесь сосредоточилось всего 20 танков, остальные были уничтожены огнем немецкой противотанковой артиллерии.

На третий день наступления, 27 ноября, командующий 20-й армией принял решение расширить захваченный в первый день плацдарм. На него переправились 1-я гвардейская Московская мотострелковая дивизия и выделенная ей из группы Кропотина 31-я танковая бригада. В сгущающихся сумерках, не дожидаясь, когда подтянутся поддерживающие танки, командир дивизии генерал-майор В.А. Рвякин с ходу бросил свои части в бой за немецкие опорные пункты Никоново и Малое Кропотово. Атаковав Никоново без надлежащей поддержки танков, его 3-й гвардейский стрелковый полк вскоре был вынужден отступить под разящим автоматным и минометным огнем противника. Тем же вечером полк возобновлял атаки дважды, в отчаянной схватке погибла ровно половина из 3000 солдат полка. Та же участь постигла 1-й гвардейский стрелковый полк, атаковавший неприступный опорный пункт Малое Кропотово. Проволочные заграждения и минные поля ломали строй наступавших батальонов, огонь пулеметов и минометов безжалостно сокращал численность пехоты. Без поддержки танков и артиллерии эти атаки были самоубийственными, обреченными на полное поражение с огромными потерями. Утратив, по сути, боеспособность, оба полка вынуждены были отступить.

В этот день с плацдарма начали действовать дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса с задачей соединиться с 6-м танковым корпусом. 3-я гвардейская кавалерийская дивизия атаковала опорные пункты противника Подосиновку и Жеребцово на второй полосе его обороны. Но эти атаки, проводимые без артиллерийской поддержки, привели лишь к излишним потерям. 6-й

же танковый корпус в течение дня, израсходовав почти все боеприпасы и горючее, оставался неподвижным на позициях у дороги Ржев — Сычевка. Он был отрезан от пехоты и кавалерии и находился вне зоны досягаемости артиллерии. Кроме того, все населенные пункты на флангах прорыва корпуса продолжали оставаться у противника. Одновременно немецкое командование начало выдвижение на угрожаемый участок 9-й танковой и одного полка 129-й пехотной дивизий.

Находившийся в это время в штабе Западного фронта генерал армии Жуков требовал, чтобы Конев и Кириухин сломили сопротивление противника той же ночью совместным ударом пехоты и танков и на следующий день расширили прорыв. В новом приказе он потребовал силами 20-й армии овладеть немецкими опорными пунктами на флангах прорыва, в то время как кавалерия генерала Крюкова ночным маршем выйдет к 6-му танковому корпусу. Тот, в свою очередь, должен был в полночь выдвинуться вперед и пересечь шоссе Ржев — Сычевка.

Для 2-го гвардейского кавалерийского корпуса эта ночь принесла катастрофические последствия. В первой половине ночи 20-я кавалерийская дивизия, имея в первом эшелоне два кавалерийских полка, в конном строю проскочила по ложине между Большим и Малым Кропотовом, уничтожила у отметки 204,8 батарею противника и вышла к линии железной дороги, где была встречена огнем. 103-й кавалерийский полк с ходу в конном строю атаковал пехоту противника, изрубил до роты, рассеял остальных и ворвался в совхоз Никишкино. 124-й кавалерийский полк с боем овладел Белохвостовом.

Однако 22-й кавалерийский полк, находившийся во втором эшелоне дивизии, при движении по той же ложине был освещен ракетами и прожекторами противника, попал под его перекрестный огонь, понес большие потери и, несмотря на неоднократные попытки прорваться,

был вынужден отойти в исходное положение. 3-я гвардейская кавалерийская дивизия получила приказ на прорыв с большим опозданием и при движении по освещенной, простреливаемой противником узкой лощине между Малым Кропотовым и Подосиновкой понесла большие потери в людях, лошадях и материальных средствах. 10-й гвардейский кавалерийский полк, следовавший во втором эшелоне, оторвался от главных сил, попал под сильный огонь с высоты 203,7, несколько раз пробовал прорваться в разных направлениях и в конце концов был почти полностью уничтожен перекрестным огнем южнее Жеребцова в районе Лопатки, Сидорово, Софьино, Юрьевка. После выхода частей 20-й и 3-й гвардейской кавалерийских дивизий за линию дороги Ржев — Сычевка противник подтянул резервы и огнем отражал все попытки остальных сил этих дивизий пробиться на запад¹.

К утру 28 ноября 2 гвардейский кавалерийский корпус был разорван на две части: два полка 20-й кавалерийской дивизии и полтора полка 3-й гвардейской кавалерийской дивизии прорвались за линию железной дороги, 4-я гвардейская кавалерийская дивизия и остальные части 3-й и 20-й дивизий, понесшие тяжелые потери, оставались в исходном положении. Как отмечалось в вышедшем в 1944 г. Сборнике материалов по изучению опыта войны: «Хотя между этими обеими группами и поддерживалась связь, тем не менее 2-й гвардейский кавалерийский корпус и вся конно-механизированная группа как единое оперативно-тактическое соединение перестали существовать»².

На четвертый день наступления в полосе 20-й армии

¹ Ввод в прорыв конно-механизированных групп. // Сборник по изучению опыта войны. № 9. Ноябрь—декабрь 1943 г. — М., 1944. — С. 145.

² Там же. С. 146.

сложилась весьма странная обстановка. С одной стороны, эшелон развития успеха прорвался дальше второй линии немецкой обороны. С другой стороны, связь между ним и основными силами армии практически отсутствовала, противник огнем из не занятых наступающими опорных пунктов второй полосы обороны блокировал линии снабжения подвижной группы генерала В.В. Крюкова. Лучше всего ситуацию характеризует предпринятая в ночь на 29 ноября попытка провести в прорыв через промежутки между опорными пунктами автомашины с горючим и продовольствием для 6-го танкового корпуса. Были собраны 33 машины в колонне под прикрытием мотоциклетного полка 1-й мотострелковой бригады и 10 танков 200-й танковой бригады. За мотоциклетным полком также следовала оперативная группа штаба 6-го танкового корпуса. Когда ночью колонна двинулась на запад, ее остановил огонь из Малого Кропотова и Подосиновки. На рассвете 29 ноября комиссар 6-го танкового корпуса П.Г. Гришин доложил по радиации о положении корпуса Военному совету Западного фронта: «Ночью 29 ноября тыловые службы не смогли прорваться... Провизия и топливо кончились, боеприпасы заканчиваются. Просим как можно скорее расчистить коридор для тыловых служб или доставить все необходимое по воздуху»¹. На запад через железную дорогу прорвались только 3 танка. К утру 29 ноября за полотном железной дороги находилось 23 танка — все, что осталось от 6-го танкового корпуса.

29 ноября стрелковые соединения 20-й армии возобновили атаки по всей полосе ее наступления. На правом фланге 42-я гвардейская и 251-я стрелковые дивизии перерезали тыловые коммуникации немецкого танкового батальона в Гредякине и отбросили немецкую

¹ *Глантц Д.* Крупнейшее поражение Жукова... — С. 230.

пехоту к Василькам. Но за этот успех пришлось заплатить жизнью множества пехотинцев и семью уничтоженными танками.

В центре оперативного построения 16-й гвардейский кавалерийский полк 4-й гвардейской кавалерийской дивизии полковника Г.И. Панкратова и подразделения 247-й стрелковой дивизии генерал-майора Г.Д. Мухина атаковали Малое Кропотово и Подосиновку. Когда погибли лошади, кавалеристы последовали за пехотой в цепи. За один день было убито 490 кавалеристов и 149 лошадей, пехота понесла еще более тяжелые потери. К концу дня обе деревни по-прежнему оставались у противника.

Одновременно стрелки 1-й гвардейской мотострелковой дивизии при поддержке девяти танков 31-й танковой бригады полковника В.Е. Григорьева атаковали населенный пункт с востока. В истории дивизии бой за Малое Кропотово впоследствии описывался так: «...атаки оказались безуспешными. Ни огонь артиллерии с закрытых позиций, ни стрельба полковых орудий прямой наводкой подавить многочисленные дзоты и вкопанные в землю танки не смогли. Понесся значительный урон в пехоте и потеряв восемь танков, гвардейские полки зарылись в снег»¹. За три дня боев дивизия генерала Рвякина потеряла 60% из своих 9 тыс. солдат. Но, несмотря на это, она получила приказ атаковать и на следующий день.

Почти в то же время только что введенная в бой 20-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора И.Ф. Дударева предприняла две безуспешные атаки: первую — с востока на Никоново, вторую — на Большое Кропотово. Не смогли внести перелом в сражение и остатки 6-го танкового корпуса. 30 ноября они атаковали Малое Кро-

¹ Кузнецов П.Г. Гвардейцы — москвичи. — М., 1962. — С. 188.

потово с запада. Оставшиеся несколько танков двигались на последних литрах горючего и в захваченной деревне сразу же были вкопаны в землю с пустыми баками в качестве неподвижных огневых точек. Уже через 30—40 минут с востока в Малое Кропотово вошел стрелковый полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии. Связь между подвижной группой фронта и частями 20-й армии была восстановлена. Однако обстановка изменилась буквально в течение нескольких часов. В сражение вступили выдвинувшиеся резервы противника — 18-й полк 6-й пехотной дивизии. Контратаковав Малое Кропотово, он при поддержке подразделений 5-й танковой дивизии вновь овладел деревней. В ходе боя были уничтожены последние 5 танков 6-го танкового корпуса. В этом бою погиб командир 200-й танковой бригады Герой Советского Союза полковник В.П. Винокуров. Последним актом трагедии конно-механизированной группы Западного фронта стал разгром 124-го кавалерийского полка 20-й кавалерийской дивизии на железной дороге в районе населенного пункта Ложки. Здесь в бой против полка вступил немецкий бронепоезд. По свидетельству очевидца с немецкой стороны, «бронепоезд пронесся прямо через вражеский кавалерийский полк, рассекая его на восточную и западную половины, он громил русских всадников, рвущихся к мосту через Осугу, мчался то в одну, то в другую сторону, стреляя во врага из двадцати минометов и двадцати четырех пулеметов... Железная дорога была отбита, ночью по ней уже прошли поезда служб снабжения»¹. Через несколько дней прорвавшиеся в глубину обороны противника кавалеристы 2-го гвардейского кавалерийского корпуса были окружены. Эта группа, объединенная под командованием полков-

¹ Гроссман Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта.— С. 100.

ника Курсакова, вышла из окружения в полосе 22-й армии Калининского фронта только 6 января 1943 г.

Обескровленную 20-ю армию Жуков продолжал бросать в сражение еще пять дней. Он отдавал приказы об атаках, посылая советскую пехоту на смерть, словно наказывая армию и ее командующего за поражение. Кавалерия генерала Крюкова, а также пехота 20-й гвардейской, 1-й гвардейской мотострелковой и 247-й стрелковой дивизий предпринимали одну тщетную атаку за другой, устремляясь по усеянным трупами полям к Большому и Малому Кропотову и Подосиновке, но не добивались успеха. Командиры гибли на поле боя, возглавляя свои войска: 30 ноября погиб командир 20-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Дударев, 1 декабря — командир 31-й танковой бригады полковник Григорьев, 3 декабря — командир 1-й гвардейской мотострелковой дивизии генерал Рвякин¹. Только 5 декабря 20-я армия получила приказ на переход к обороне. Через три дня генерал Кирюхин был отстранен от должности, а в командование армией вступил генерал-лейтенант М.С. Хозин. Вначале Кирюхин был назначен заместителем командующего 29-й армией, а в феврале 1943 г. — командиром 24-го стрелкового корпуса. В сентябре 1943 г. корпус под его командованием успешно форсировал Днепр, за что Кирюхину было присвоено звание Героя Советского Союза. С сентября 1944 г. и до конца войны занимал должность заместителя командующего 38-й армией.

8 декабря Западный фронт получил директиву Ставки на продолжение наступления. На этот раз ему ставилась задача «в течение 10—11 декабря прорвать оборону противника на участке Большое Кропотово, Ярыгино и не позже 15 декабря овладеть Сычевкой, 20 декабря вывести в район Андреевское не менее двух стрелковых

¹ Глантц Д. Крупнейшее поражение Жукова... — С. 244.

дивизий для организации замыкания совместно с 41-й армией Калининского фронта окруженного противника». В соответствии с решением командующего войсками фронта главный удар, как и прежде, наносила 20-я армия совместно с правофланговыми соединениями 29-й армии. 20-я армия усиливалась шестью стрелковыми дивизиями и 5-м танковым корпусом генерал-майора К.А. Семенченко. В корпусе насчитывалось 160 танков, в том числе 21 танк КВ и 46 — Т-34. В первой декаде декабря был пополнен людьми и техникой и 6-й танковый корпус, который теперь возглавил полковник И.И. Ющук. Корпус успел получить 101 танк, из них 7 танков КВ и 67 — Т-34.

На направлении главного удара армии в первом эшелоне должны были наступать пять стрелковых дивизий. 336-я стрелковая дивизия с 20-й танковой бригадой, имевшей 21 танк, наносила удар на Большое Кропотово. 30-я гвардейская и 415-я стрелковые дивизии совместно с 6-м танковым корпусом нацеливалась на овладение Малым Кропотовом. 243-й дивизии совместно с 5-м танковым корпусом ставилась задача на овладение Сычевкой. На левом фланге 247-я стрелковая дивизия, усиленная 9-й гвардейской и 18-й танковыми бригадами — всего 38 танков, должна была наступать на Жеребцово и Юровку. Наступление ударной группировки с юга обеспечивалось действиями 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Таким образом, к началу наступления в полосе 20-й армии была сосредоточена мощная войсковая группировка, насчитывавшая 320 танков и 2500 орудий и минометов.

Против вазузского плацдарма в декабре оборонялись 78-я пехотная и 9-я танковая дивизии противника, а в ближайшем тылу находилась выведенная из первой линии 5-я танковая дивизия. Кроме того, в резерв 9-й армии прибывала 2-я танковая дивизия, насчитывавшая

54 танка. Тем самым ввод в сражение командованием Западного фронта дополнительных сил был в значительной степени парирован немецким руководством вводом 9-й танковой дивизии, которая заняла оборону в Малом и Большом Кропотове — узлах сопротивления, остановивших советское наступление на первом этапе операции. Уже то, что наступление планировалось на тех же направлениях и, по сути, в той же группировке, обрекало его на неудачу. Но неумолимая Ставка и ее представитель генерал армии Жуков требовали только одного — наступать во что бы то ни стало. К тому времени, когда наступление наносившей встречный удар 41-й армии Калининского фронта безнадежно провалилось, у Жукова оставалась последняя надежда вдохнуть новую жизнь в затухающий «Марс».

Второй этап наступления на Вазузе начался 11 декабря. Хотя командование Западного фронта провело ряд новых мер (сузило полосы действий дивизий до 1,5—2 км, на направлении главного удара повысило плотность артиллерии до 130 орудий и минометов на 1 км), но отсутствие внезапности повторного удара в условиях, когда боеспособность войск была ослаблена из-за неудачи первого наступления, не позволило добиться успеха.

Причиной потери внезапности явилось и то, что в повторном наступлении для уничтожения прочных огневых точек противника перед артиллерийской подготовкой были применены штурмовые отряды и группы. Слабо поддержанные огнем артиллерии, они не оправдали возлагаемых на них надежд, но своими действиями позволили немецкому командованию определить начало артиллерийской подготовки и принять решение на отвод своих войск с переднего края. Эффективность артиллерийской подготовки оказалась низкой. Между ее окончанием и началом атаки опять образовался большой

разрыв, что свело почти на нет эффект огневого подавления вражеской обороны. Атака успеха не имела, несмотря на настойчивые попытки ее повторения. Более того, противник сосредоточил по наступающим цепям ответный артиллерийский огонь, и вскоре поле боя было усеяно погибшими солдатами и подбитыми танками.

На правом фланге участка прорыва в направлении Большого Кропотова в наступление перешли 30-я гвардейская стрелковая дивизия и 20-я танковая бригада. Пехота, отсеченная от танков плотным ружейно-пулеметным огнем, залегла на подступах к деревне и больше в атаку не поднялась. Оставшись один на один с противотанковой артиллерией противника, 20-я бригада потеряла 3 КВ, 2 Т-34 и 3 Т-60 и с большим трудом смогла отойти из зоны огня на исходные позиции¹.

В центре оперативного построения передний край обороны противника атаковали подразделения 30-й гвардейской, 415-й и 243-й стрелковых дивизий, поддержанные бригадами 6-го танкового корпуса. 22-я танковая бригада, наступающая южнее Малого Кропотова вслед за пехотой 415-й дивизии, прорвала оборону противника к западу от деревни. Наступление проходило под сплошным пулеметным и артиллерийско-минометным огнем противника. Потеряв почти половину из имевшихся 55 танков, бригада под покровом темноты отступила на исходные позиции. В то же время 100-я танковая бригада во взаимодействии с 6-й мотострелковой бригадой, насчитывавшей всего 170 человек, нанесла удар к северу от Подосиновки, но попала под сильный фланговый обстрел из Малого Кропотова и также была вынуждена отступить, понеся большие потери. 200-я танковая бригада, экипажи которой остались в тылу ждать прибытия новых машин, в 15 часов получила 23

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 50660. Д. 7. Л. 131.

танка и сразу же была брошена в бой для наращивания силы удара 100-й бригады. К тому времени ее механики-водители имели всего по 5 часов практики вождения танков. За день боя три стрелковые дивизии и две танковые бригады продвинулись на 500—1000 метров, но так и не смогли занять ни единой укрепленной деревни противника.

На левом фланге первыми устремились в атаку полки 243-й и 247-й стрелковых дивизий. Однако вскоре их передовые цепи вынуждены были залечь под шквальным огнем. Атака захлебнулась почти по всей линии прорыва. Тогда в бой были введены бригады 5-го танкового корпуса. Им пришлось буквально прогрызать оборону врага. Танковые атаки сменялись яростными контратаками немецких подразделений. Отдельные высоты и наиболее выгодные рубежи по несколько раз переходили из рук в руки. И всякий раз на поле боя оставались подбитые и сожженные танки, исковерканные орудия — обе стороны несли тяжелые потери.

70-я танковая бригада с пехотинцами 1-го батальона 5-й мотострелковой бригады на броне танков атаковали две деревни — Подъяблоньку и Жеребцово. Встретившись с сильным сопротивлением, их атаки захлебнулись с огромными потерями.

24-я и 41-я танковые бригады, наступая вместе с пехотой в сторону Подосиновки, были встречены шквальным огнем противотанковых пушек и пулеметов из целой сети дзотов и блиндажей. Огонь противника заставил пехоту 2-го батальона майора Ф.Я. Гашкова из 5-й мотострелковой бригады, наступающую на броне танков двух танковых бригад, спешиться, и Гашков повел солдат в свою последнюю атаку на огневые точки врага. Командование батальоном принял старший лейтенант К.К. Дитюк, но, несмотря на его героические действия, наступление не достигло цели. Для штурма Подосинов-

ки пришлось объединить усилия всех трех танковых бригад и 247-й стрелковой дивизии.

Деревня трижды переходила из рук в руки. В ней не осталось ни одного целого дома, ни одной постройки. Только после многочисленных атак наши танкисты и мотострелки овладели Подосиновкой. Однако к исходу дня противник успел подтянуть резервы — 46 танков и самоходных орудий и 30 автомашин с пехотой. После артподготовки он перешел в контратаку. На этот раз его поддерживала авиация: едва одна группа самолетов, отбомбившись, улетала за дымный горизонт, как заходила на бомбежку другая.

Танки встретили бойцы 1-го мотострелкового батальона майора К.А. Огневого. В них полетели гранаты и бутылки с горючей смесью, и вскоре три бронированные машины были подожжены. Остальные стали разворачиваться и покидать поле боя. За ними начала отходить пехота. И тогда Огневой поднял людей в атаку. После его ранения атаку возглавил командир 1-й роты капитан П.В. Юшков. Завязался рукопашный бой. На помощь пришли мотострелки 3-го батальона во главе с майором С.Г. Зыренковым. В ожесточенной схватке был ранен командир 5-й мотострелковой бригады подполковник Г.Г. Скрипка. Его заменил начальник штаба бригады майор А.И. Хайленко¹. Но беззаветный героизм солдат и офицеров не смог компенсировать преимущество противника — к вечеру деревня была оставлена.

Ожесточенная борьба на уничтожение врага велась на всем участке 5-го танкового корпуса. Однако к концу дня оказалось, что советским войскам удалось отвоевать всего несколько сотен метров. Но заплатить за них пришлось дорогую цену. По данным из журнала боевых действий, корпус потерял 17 танков КВ, 20 танков Т-34 и

¹ Кочетков А.Д. Двинский танковый. — М., 1989. — С. 12.

11 танков Т-70. Вдобавок 5-я мотострелковая бригада потеряла «50% личного состава, в том числе 95 человек начальствующего состава, 320 младшего комсостава и 412 рядовых, всего 827 человек»¹.

Успеха смогла добиться только 247-я стрелковая дивизия, которая овладела Жеребцовом. Но две ее танковые бригады потеряли 17 танков. Южнее 8-й гвардейский стрелковый корпус нанес удар по немецким укреплениям между Жеребцовом и Талицей, но не сумел выбить с позиций солдат немецкой 78-й пехотной дивизии. Здесь нет ничего удивительного — понесший огромные потери в предыдущих боях, корпус был спешно доукомплектован неподготовленным пополнением. В отчетах о ходе боевых действий 8-го гвардейского стрелкового корпуса фигурирует почти бесконечный перечень проблем. Так, в записи от 11 декабря отмечается, что «два танка КВ и один Т-34 из 24-й танковой бригады с хода открыли огонь из пушек и пулеметов по боевым порядкам 150-й бригады, дивизиона и даже НП командира корпуса. Огонь был прекращен после сигнала бойцов». А о подготовке бойцов сказано следующее: «Новое пополнение, полученное в ходе боев, в большинстве своем бойцы нерусской национальности, имеет слишком плохую военную подготовку и совсем не обучено новым боевым порядкам. Причем обучать их не представляется возможности. Например, 12 декабря в 148-ю бригаду прибыло 230 бойцов нового пополнения, 14 декабря они были введены в бой. Вследствие того, что они нарушали боевые порядки, плохо маскировались, не дойдя до исходного положения, понесли потери: 20 убитыми и 75 ранеными». Далее в отчете говорится о том, что бойцы из нового пополнения в бою сбивались в небольшие группы, прятались или стояли на месте.

¹ *Глантц Д.* Крупнейшее поражение Жукова... — С. 330.

На следующий день, 12 декабря, уцелевшие танки 5-го и 6-го танковых корпусов нанесли удар севернее Подосиновки. Им предстояло пробить брешь между немецкими опорными пунктами и повести за собой пехоту. К 13 часам Подосиновка вновь была взята нашими войсками. Но из-за несогласованности действий своя же реактивная артиллерия нанесла огневой удар по восточной окраине деревни, уничтожив 7 танков 5-го танкового корпуса. Несколько танков все-таки прорвалось к вожденной цели наступления — железной дороге. Но, как и прежде, успехи советских войск оказались мимолетными. Противник отсек огнем сопровождающую пехоту, отрезал прорвавшиеся танки от основных сил и уничтожил их. Два танковых корпуса лишились большей части танков и личного состава. В журнале боевых действий 5-го танкового корпуса зафиксированы эти прискорбные потери: «24-я бригада: КВ — 4, Т-70 — 4; 41-я бригада: Т-34 — 9; 70-я бригада: Т-34 — 6; 5-я мотострелковая бригада — 395 человек»¹.

Сражение достигло наивысшего накала, смертельная схватка велась с предельным напряжением сил и ожесточенностью. Об этом, в частности, свидетельствует одно из боевых донесений 5-го танкового корпуса, в котором сообщалось: «Отбито 15 атак противника. Взято в плен до 60 немцев — солдат и офицеров, которые в силу исключительно тяжелых напряженных боев и сильного артогня противника выведены в тыл не были. У последних были отобраны документы, а сами расстреляны»².

Уже на третий день наступления командование было вынуждено объединить оставшиеся танки 5-го и 6-го танковых корпусов в две сводные бригады — 41-ю и 22-ю. Первая имела в своем составе 38, а вторая — 27 танков.

¹ Глантц Д. Крупнейшее поражение Жукова... — С. 332.

² Там же.

То же самое пришлось проделать с танковыми бригадами поддержки пехоты. 20-я и 9-я гвардейская танковые бригады передали свои исправные танки 18-й танковой бригаде и были выведены в тыл. В ходе наступления 13 декабря повторился сценарий развития событий в предыдущие дни: неподдавленная система огня немецких опорных пунктов Подосиновки и Малого Кропотова препятствовала продвижению пехоты. От сводной 22-й танковой бригады к вечеру осталось 6 Т-34 и 2 Т-60. 41-я танковая бригада оставила на поле боя 14 боевых машин.

14 декабря в сражение была введена 379-я стрелковая дивизия, перегруппированная из полосы 5-й армии. Ей были переданы 24 танка, оставшиеся от 5-го танкового корпуса. Попытки дивизии в последующие дни овладеть Подосиновкой штурмовыми группами успеха не имели. Наконец 18 декабря последовал приказ о прекращении наступления. Операция завершилась.

Как отмечалось в отчете об обстановке на участке 9-й немецкой армии на 15 декабря: «Разочарованный поражением по всем секторам, располагая почти неограниченными силами, противник вновь попытался найти слабое место в обороне... и форсировал прорыв. Атаку возглавляли крупные танковые подразделения. Предпринятая на узком участке между Жеребцово и Кропото-во, она сопровождалась сверхчеловеческими усилиями с целью прорыва нашей обороны. Но за такой короткий период и на таком узком участке атака привела только к потерям танков, превышающим потери в летних боях под Ржевом. За 48 часов на участке шириной всего 4 километра было уничтожено 300 танков. Этот оборонительный бой не только имел местное значение и существенно ослабил танковые соединения противника, но и подтвердил то, что уже было доказано в танковом сражении под Ржевом: что массовое применение танков не ре-

шает участь тех, кто им противостоит. Это был триумф боевого духа над материальной частью»¹.

Освободив территорию в 11 км по фронту и 6 км в глубину, так и не выполнив задачу, 20-я армия потеряла 57 524 человека, из них 13 929 убитыми и 1596 пропавшими без вести. 6-й танковый корпус потерял почти два штатных состава танков, 5-й танковый корпус лишился почти всей боевой техники всего за три дня боев. После войны на местах боев 20-й армии, почти в каждой деревеньке, на многочисленных полях и лесных опушках стояли сотни обелисков над братскими могилами советских солдат и офицеров. Но в 1954 г. в целях «укрупнения воинских захоронений» братские могилы фиктивно «укрупнили». Обелиски снесли за ненадобностью, запахали могильные холмы. На полях, пропитанных кровью наших соотечественников, усеянных их костями, пасут коров, сеют хлеб...

Всего одно официальное воинское кладбище осталось после тех боев — Братское кладбище № 4 в деревне Аристово Сычевского района Смоленской области. По документам военного комиссариата, на нем похоронены останки 4146 погибших воинов. А где же еще как минимум 10 000 человек? Они лежат в воронках, блиндажах и траншеях — на последнем своем рубеже, у безымянной высоты или деревеньки, которой уже нет на карте. Всеми забытые, непохороненные...

Принято считать, что активные наступательные действия советских войск на Ржевско-Вяземском плацдарме не позволили немецкому командованию перебросить войска из района выступа под Сталинград. Фактически это утверждение до настоящего времени представляет собой официальную версию. Все это верно лишь отчас-

¹ Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова... — С. 332—333.

ти и является слишком слабым утешением для оправдания потерь подобного масштаба. Общие людские потери Калининского и Западного фронтов составили более 215 тыс. человек, из них 70 400 убитыми. В ходе операции «Марс» было также потеряно 1363 танка. И неудивительно, что советские военачальники не любили вспоминать об этой операции: после победного, в общем, окончания войны не хотелось говорить о каких-то, по их мнению, «частных неудачах». Так, командующий войсками Западного фронта, впоследствии Маршал Советского Союза, И.С. Конев, на судьбе которого «Марс» практически никак не отразился, начал свои мемуары с удобного для него момента — января 1943 г., оставив, таким образом, трагедию руководимого им фронта за рамками повествования. Представитель Ставки, руководивший действиями Калининского и Западного фронтов в операции, маршал Г.К. Жуков, снискавший лавры непобедимого полководца, посвятил ей в своей книге лишь несколько абзацев, мотивируя провал наступления неубедительными и не соответствующими действительности причинами — плохое знание местности, недостаток сил и средств и тому подобное. Случайно или нет, но ни один из командующих армиями, принимавшими участие в операции «Марс», не оставил о ней воспоминаний. В единственной в своем роде истории 31-й армии, задействованной в операции, этот период пропущен полностью. А все дело в том, что сначала у «великого вождя» и Верховного Главнокомандующего товарища Сталина не могло быть плохих полководцев, затем их не могло быть у «страны победившего социализма». А потому авторитет и репутация советских маршалов оставались незыблемыми, а «Марс» никак не вписывался в «передовое советское военное искусство». И всем было невдомек, что военное искусство не может иметь национальной или го-

сударственной принадлежности, а поражение остается поражением, под какими формулировками его ни маскируй — будь то «отвлекающий удар» или «сковывание противника». Жуков был не тем человеком, который довольствовался бы второстепенными ролями. И в операции «Марс» он преследовал для себя только ближайшую цель — уничтожить 9-ю немецкую армию. Но «Марс» открывал дорогу «Юпитеру» — операции, в которой намечалось разгромить уже всю группу армий «Центр» противника, выйти на рубежи западнее Смоленска и добиться результата даже не равного, а более весомого, чем под Сталинградом. Поэтому успех в «Марсе» нужен был Жукову как воздух, без него не могло быть и речи о дальнейшем широкомасштабном наступлении. Но непомерные амбиции и честолюбие затмили трезвый расчет и скрупулезность в оценке обстановки. Ошибки, допущенные при планировании операции, он пытался исправить в ее ходе за счет безжалостного, а порой безрассудного приношения в жертву своих войск не столько Марсу, сколько сверкающему вдалеке славой Юпитеру.

Казалось бы, столь страшные итоги операции должны были привлечь к ней пристальное внимание исследователей и руководства страны в целях увековечивания памяти тех, кто отдал жизнь в кровопролитных боях за Родину. Однако на протяжении послевоенных десятилетий лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто!» на павших и выживших в операции «Марс» словно не распространялся. В память об этих сражениях и страданиях не было воздвигнуто ниobelisks, ни монументов, история стерла память о великом, но тщетном подвиге. Словно не удовлетворившись множеством погибших и раненых, партийно-государственная система СССР совершила величайшую несправедливость по отношению к солдатам и офицерам Красной Армии, участвовавшим в опе-

рации «Марс»: наложив запрет на объективное освещение войны, умалчивая о поражениях, она пренебрегла принесенными в жертву десятками тысяч людей, которые пали на поле боя и были забыты теми, кто выжил. Сегодня «Марс» возвращается для того, чтобы занять достойное место в галактике советских военных операций. И пусть сказано о нем далеко еще не все, история воздает должное его героям, вспоминает все, что было предано забвению, и, наконец, слышит безмолвный призыв мертвых и мольбы живых восстановить справедливость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО	5
Глава 2. СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ	115
Глава 3. КАТАСТРОФЫ ПОД ВЯЗЬМОЙ И БРЯНСКОМ	194
Глава 4. ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ	270
Глава 5. СРАЖЕНИЯ ЗА РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКИЙ ПЛАЦДАРМ ..	360

Абатуров Валерий Викторович
1941
НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Плоткин*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Л. Фильцер*
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 03.10.2007.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4768.

Отпечатано по технологии СtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Западный фронт. 1941–1942 гг. Самое важное направление, самые страшные годы. Арена ожесточенных сражений и боев, когда не только Красная Армия, но и государство в целом не раз находились на грани катастрофы. Ужасные поражения первых месяцев войны ничему не научили высшее государственное и военное руководство страны. Стремление как можно быстрее изменить ситуацию, перенести боевые действия на территорию противника без учета объективных условий вместе с ошибками в оценке обстановки, выборе вида боевых действий и способов применения сил и средств лишь усложняли положение советских войск и привели к огромным потерям в людях и боевой технике.

Автор рассматривает войну не как простое движение стрел на картах стратегических и оперативных штабов, а как сложный, многосторонний процесс, которому присущи победы и поражения, достижения и ошибки, героизм и трусость, готовность к самопожертвованию и предательство. Центральное место в этом процессе занимает человек, советские солдаты и офицеры, которые в неимоверно трудных условиях честно выполняли воинский долг, расплачиваясь своей кровью и жизнями за промахи и упущения руководства страны и армии.

Насколько успешными были действия Красной Армии, какова цена побед и поражений, какие проблемы и критические моменты возникали в ходе сражений, какими методами осуществлялось руководство боевыми действиями, в каких условиях сражались войска – вот те вопросы, на которые отвечает автор в этой книге.

ISBN 978-5-699-24350-1

9 785699 243501 >

